

# DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском



Джон Коннолли  
Жнецы

## Annotation

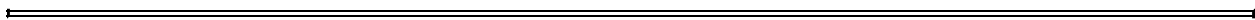
Они были Жнецами. Они существовали вне закона. Идеальные орудия убийства, сами не знающие, кому служат. Они не колеблясь спускали курок и умирали без сожалений. Но их больше нет. Смертоносный дуэт Луиса и Ангела – последний осколок канувшей в забвение организации. Теперь эти заплечных дел фрилансеры работают только на себя и своих друзей, таких, как нелюдимый детектив Чарли Паркер. Но прошлое, даже забытое и засекреченное, не оставляет их в покое. Давно похороненные недруги возвращаются, чтобы с процентами взыскать кровавые долги. И неразлучной парочке приходится просить мрачного сыщика об услуге...

---

- [Джон Коннолли](#)
  - 
  - [Пролог](#)
  - [Часть I](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [Часть II](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
  - [Часть III](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Часть IV](#)
    - [Глава 23](#)
    - [Глава 24](#)
    - [Глава 25](#)
    - [Глава 26](#)
    - [Глава 27](#)
    - [Глава 28](#)
    - [Глава 29](#)
    - [Глава 30](#)
    - [Эпилог](#)
    - [От автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)



# **Джон Коннолли**

## **Жнецы**

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

\* \* \*

## Пролог

*Все обменивается на огонь и огонь – на все,  
подобно тому как на золото – товары и на товары –  
золото.*

*Гераклит*

*(ок. 535–475 г. до н. э.)*

Иногда Луису снится Горящий Человек. Является он в самой глубине ночи, когда даже город словно впадает в дрему и звуки его угасают, снижаясь с симфонического крещендо до приглушенного ноктюрна. В такие моменты Луис даже не уверен, а спит ли он на самом деле, потому, как ему кажется, что он, наоборот, просыпается – под медленное, едва слышное дыхание друга, спящего рядом на кровати. И с появлением Горящего Человека Луису чуеться запах, знакомый и вместе с тем чуждый: смрад обугленного мяса, брошенного изгнивать; человеческого жира, жарко шипящего на открытом огне. Если это сон, то это сон пробуждения, что происходит с человеком на грани бытия и небытия, сознания и его отсутствия.

Когда-то у Горящего Человека было имя, но Луис более не может его произносить. Имени этого недостаточно, чтобы охватить Горящего Человека всего целиком: оно слишком тесное и утлое, чтобы во всей полноте передать то, кем он стал для Луиса. «Эррол», «мистер Рич» или даже «мистер Эррол», как Луис некогда обращался к нему, когда тот был жив, – все это уже не годится. Потому что теперь он уже не имя, а нечто гораздо, несоизмеримо большее.

И тем не менее когда-то он был мистером Эрролом – сплошь из дышащих силой мышц, с кожей цвета влажной, плодородной, свежавывороченной плугом земли. По большей части кроткий и терпеливый. Но что-то так и кипело под его внешне безмятежным обликом. Если глянуть на него исподволь, невзначай, то можно было углядеть это в его глазах прежде, чем оно ускользало, словно некий редкий зверь, усвоивший важность находиться вне досягаемости ружей охотников – белых людей в белых одеждах.

Ибо охотники всегда были белыми.

В Эрроле Риче неугасимо горел огонь: ярость на мир и на то, как он устроен. Этот свой пламень Эррол старался обуздать, поскольку понимал: если ничего не делать, то возникнет опасность, что огонь поглотит на своем пути все, включая самого Эррола. Может статься, подобный гнев в то время жил во многих из его братьев и сестер. Эррол был темнокожим, ввергнутым в ритмы и ритуалы мира белого человека в захолустном городишке, где Эрролу и его собратьям не разрешалось с наступлением сумерек гулять по улицам. Этот расклад менялся – где-то, но не в его стране и не в его городишке. Туда, где жил Рич, перемены проникали медленно. Может статься, они не проникли бы туда и вовсе или застряли бы на подходе, но это была забота уже других, а не Эррола Рича. К той поре, как некоторые стали поговаривать о своих правах открыто, без утайки и боязни расправы, Эррола Рича уже не существовало – в той форме, в какой его когда-то знали или бы опознали знакомые. Его жизнь развеялась в пепел годами раньше, и в миг своей смерти он преобразился. С этой земли Эррол Рич изошел, а на его месте возник Горящий Человек, как будто сам огонь изыскал наконец способ расцвести нестерпимо ярким оранжево-желтым бутоном и рвануться наружу, пожрав плоть Рича и поглотив его былую сущность. То, что было некогда его скрытой внутренней частью, стало теперь всем, чем Рич был. Кто-то подносил к нему факел, щедро поливал бензином, ослепившим его, уже свисающего с дерева, но Эррол Рич, в сущности, горел уже тогда, когда просил своих мучителей избавить его от последних, самых жутких мук. Он горел всегда и по крайней мере через это победил тех, кто отнял его жизнь.

И с момента своей смерти Горящий Человек стал наведываться в сны Луиса.

Луис помнит, как это произошло: спор с белыми. Вообще так оно часто и складывалось. Белые устанавливали правила, но правила имели свойство меняться. Порядки были нестойки, текучи и чаще диктовались обстоятельствами и необходимостью, чем словами на бумаге. Позднее Луис недоуменно размышлял... Вот ведь парадокс. Белые мужчины и женщины, заправляющие в городке, неизменно отрицали, что они расисты. «Мы не скажем чтобы ненавидим цветных, – говорили они. – Просто удобнее, если они держатся со своими». Или: «Мы ведь не возражаем, чтобы цветные находились в городе на протяжении дня, но считаем, что ночью им здесь не место. Это все для их же безопасности, точно так же, как для нашей». Странно. Во все времена не так-то просто найти того, кто бы признал себя расистом. Даже сами расисты в большинстве своем



как бы стеснялись своей нетерпимости.

Но были и такие, кто носил ее гордо и напоказ, словно флаг; такой контингент в городке тоже имелся. Говорят, заваруха началась с того, что кучка местных запустила в треснутое лобовое стекло грузовичка Эррола увесистый пивной кувшин с мочой, а Эррол этого терпеть не стал и ответил в таком же духе. Его норы – ярость, которую он удерживал внутри себя, – огнем полыхнула наружу, и Рич в отместку швырнул в окно бара Маленького Тома обломок деревянного бруса. Этого оказалось достаточно, чтобы сдрейфившие в тот момент типы ополчились – и на Эррола, и на страх, который он им внушал.

Несмотря на темный цвет кожи, речь у Эррола была поставлена лучше, чем у всей этой белой шатии-братии. У него имелся свой грузовик. Эррол умел чинить вещи, без которых никуда: радиоприемники, телевизоры, кондиционеры – все, через что идет ток, – и делал это качественнее и дешевле других. Даже те, кто не позволял, чтобы Эррол ходил по улицам ночами, с радостью пускали его к себе в дом днем, лишь бы он починил им бытовую технику, пускай потом некоторые из облагодетельствованных чувствовали некое подобие стыдливости – разумеется, не считая себя при этом расистами. Просто им не нравилось пускать на порог чужих, в особенности если те еще и цветные. Если Эрролу в этих домах предлагали для утоления жажды воду, то подавали ее непременно в какой-нибудь жестянке, которую держали на такой случай отдельно, где-нибудь рядом с бытовой химией (из-за чего вода всегда имела некий химический привкус), а сами из той жестянки, понятное дело, не пили. Поговаривали, что Рич скоро, глядишь, начнет нанимать себе таких же, как он, обучать и передавать им свой опыт. Надо сказать, что и как мужчина Рич был видный, симпатичный («Наш черномазенький бычок», – сказал про него однажды Маленький Том, при этом задумчиво баюкая приклад охотничьей винтовки, висевшей в ту пору над барной стойкой, и было понятно, что Маленький Том сотоварищи имеют под этим в виду).

В целом нападать на Эррола у них повода не возникало, но он сам его дал, так что не прошло и недели, как его подвесили к дереву, окатили бензином и поднесли к нему факел.

Вот так Эррол Рич и стал Горящим Человеком.

За полтора километра к северу, в городе, у Эррола были жена и ребенок. Раз в месяц Эррол ездил их проведать, а заодно убедиться, что они ни в чем не нуждаются. Жена Рича работала в большом отеле. Раньше он и сам числился там разнорабочим, но что-то произошло («Опять его чертов норы», – поговаривали шепотком), и Эрролу пришлось, оставив



жену и ребенка, искать себе работу в другом месте. По вечерам в выходные, когда Рич не ездил к семье, его можно было застать на болотах – в сараюхе с односкатной крышей, где он тихо посиживал за стаканчиком. Сараюха служила чем-то вроде бара и места общения для цветных, которую местная управа терпела на условии, что там не будет бузы и разврата (во всяком случае, чтобы ни то ни другое не бросалось в глаза). Туда со своими друзьями время от времени заходила мама Луиса, даром что бабушка Люси этого не одобряла.

В заведении играла музыка, и Эррол Рич с мамой Луиса частенько танцевали. В ритме их танцев всегда сквозила некая печаль и сожаление, как будто это единственное, что выпало на их долю – и сейчас, и на всю оставшуюся жизнь. В то время как другие пили дрянной виски («Гадючье хлёбово» – так его презрительно называла бабушка Люси), мама Луиса обычно ограничивалась содовой, а Эрролл придерживался пива. Один-два стаканчика, не больше. «Много я не пью, а мало тем более», – отшучивался он на приставания накатить вместе; дескать, не хочется наутро дышать перегаром на других, особенно на товарищей по работе. Хотя любителей пображничать Эррол в их удовольствиях не одергивал: «Что я им, шериф, что ли».

Теплыми летними вечерами, когда воздух плыл звоном кузнечиков и заунывным гудением москитов, слетающихся на пахучую смесь сахара и пота попить на телах людей, а от разгула музыки с потолка сыпалась пыль на толпу, как в ступор ушедшую в шум, запах и движение, Эррол Рич и мама Луиса совершали свой медленный танец, совершенно отмежеванный от неистовства окружающих ритмов, а живущий лишь биением их собственных сердец и слиянием тел, приблизившихся настолько, что временами казалось, будто их сердца пришли в унисон и они стали чем-то единым. Пальцы их сплетались, а ладони в полумраке вкрадчиво елозили по влажным от испарины спинам друг друга.

Иногда им этого бывало достаточно, а иногда и нет.

Когда бы ни сходились пути мистера Эррола и Луиса, мужчина всегда давал ему, тогда еще мальчишке, четвертак. Не забывал приветливо заметить, как Луис вырос, как хорошо выглядит, как им, должно быть, гордится мама.

А Луис неизвестно почему думал, что мистер Эррол им тоже, должно быть, гордится.

В ночь, когда Эррола Рича не стало, бабушка Люси, самая старшая и почитаемая женщина в доме, где рос Луис, заставила маму выпить бренди и вколола ей дозу морфина, чтобы та хоть как-то забылась. До этого

мама безутешно проплакала всю неделю, с того самого дня, как услышала о том, что произошло между Эрролом и Маленьким Томом. Позднее Луису рассказывали, что в тот день под вечер она отправилась к Эрролу домой, а с ней увязалась ее сестра. Мама умоляла, чтобы он уехал, но Эррол ответил, что никуда не поедет: хватит, набегался. Он сказал, что все уладится. Сказал, что ходил к Маленькому Тому и извинился за содеянное. В компенсацию нанесенного ущерба отдал ему все, что сумел наскрести, – сорок с чем-то долларов, которые Маленький Том брезгливо принял и вроде как простил Ричу некрасивую выходку. Выкладывать деньги, понятное дело, Эрролу было против души, но очень уж хотелось остаться там, где он исконно жил, и работать с людьми, которых знал и уважал. И любил. Такие слова Рич сказал матери Луиса, а Луис узнал их от своей тети, которая передала их ему лишь много лет спустя. По ее словам, при разговоре Эррол с мамой держались за руки, а тетя тогда вышла подышать воздухом, чтобы дать им побыть наедине.

Из лачужки Эррола мама вышла с посеревшим лицом, губы ее мелко дрожали. О том, что будет, она уже догадывалась; знал об этом и Эррол Рич, невзирая на то что Маленький Том на словах вроде как пошел на мировую. Мама прибрела домой и рыдала так, что в конце концов выплакала все силы и забылась за кухонным столом. Вот тогда бабушка Люси и решила предпринять кое-что, чтобы облегчить ее страдания, и в те минуты, когда ее возлюбленный горел огнем, мама пребывала в ровной, непроницаемой тьме беспамятства.

В тот вечер питейная сараюха была на замке, а все темнокожие, кто работал в городишке, побросали работу и разошлись еще задолго до наступления сумерек. Собрав в круг свои семьи, они безмолвно сидели по домишкам и лачугам. Женщины стерегли сон малолетних детей или, сцепив ладони с мужчинами, сидели за ненакрытыми столами, в молчании уставясь на пустые незажженные очаги и печи. То, что грядет, они ощущали как медленную глухую жару предгрозя, от которого пугливо бежали, стыдясь и сердясь на себя за бессилие вмешаться, что-то предпринять.

Сидели и молчаливо ждали вести о том, что Эррол Рич покинул этот мир.

В ночь, когда не стало Эррола, Луис, помнится, проснулся у себя в закутке от звука грузноватых женских шагов за стенкой. Он тогда вылез из койки и, чувствуя под ступнями тепло половиц, подкрался к открытой двери их хибары. И увидел на крыльце свою бабушку – стоит, пристально смотрит куда-то в темноту. Луис ее позвал, а она не откликается.

А в отдалении, тихонько, музыка – голос Бесси Смит. Бабушка ее обожала.

Бабушка Люси, с накинутым на плечи поверх ночнушки платком, сходит босыми ступнями во двор. Луис направляется следом. Темень вокруг уже не крошечная: там, в лесу, мутноватое свечение; что-то медленно горит. Силуэт человека, что мучительно корчится в снедающем его пламени. Он плавно движется сквозь лес, и листва за ним из живой становится черной, мертвой. Чувствуется вонь бензина и горелой плоти. Видно, как обугливается кожа, слышно жаркое, пузыристое шипение телесных жиров.

Не сводя глаз с Горящего Человека, бабушка простирает за спину руку, и Луис подает ей ладонь. Пальцы вплетаются в пальцы, и вместе с тем, как сжимается бабушкино пожатие, страх изникает, а остается лишь горе по страданию, которое сейчас испытывает тот человек. Гнева нет; он придет потом. Пока есть лишь ошеломительная печаль, что, ниспадая, обволакивает, словно темная плащаница. Бабушка шепчет какие-то слова и начинает плакать. Плачет с ней и Луис, и от этого плача пламя как будто затихает, сходит на нет. При этом Горящий Человек изрекает какие-то слова (для Луиса они неразборчивы), а затем его образ тускнеет. Остаются лишь запах и гаснущий отпечаток на сетчатке, как если б на свету резко закрыть глаза.

И вот, лежа без сна на кровати, вдали от мест, в которых вырос, слыша глубокое ровное дыхание спящего рядом друга и любимого, Луис чувствует знакомый запах – смесь бензина и паленого мяса – и снова видит, как шевелятся губы Горящего Человека. И часть слов, произнесенных им в ту далекую ночь, становится вроде как ясна.

*«Жаль. Скажи ей, что я сожалею».*

Остальное все так же невнятно: текуче, охвачено пламенем. Лишь еще два слова выделяются так, что их можно ухватить, хотя по-прежнему неясно, действительно ли верен смысл того, что доносится из безгубой дыры отверстого зева, или же это лишь то, во что он, Луис, хочет верить:

*«Сын».*

*«Мой сын».*

Внутри Эррола Рича бушевал огонь, и что-то от того огня в момент смерти Эррола передалось мальчику. Теперь оно горит в нем. Но хотя Эррол Рич находил возможность смириться, мучительно удерживать это горение в себе, оно в конечном итоге все равно – и, по всей видимости, неизбежно – выплеснулось наружу и сожгло его. Луис же, подхватив, научился обходиться с ним бережно: он подпитывает пламя, а оно в свою очередь подпитывает его – филигранный баланс. Равновесие необходимо

тонко соблюдать. Огонь надо поддерживать так, чтобы он не угасал, и те люди, которых Луис убивает, – это жертвы, что вынужденно приносятся для этой цели. Огонь Эррола Рича был багровым губительным пламенем. Пламень внутри Луиса белый и хладный.

Сын.

Мой сын.

По ночам Луис видит сны о Горящем Человеке.

А где-то там, в неведомой какой дали, Горящему Человеку снится он.

# Часть I

*Земля ухнет кровью этого мерзкого пожирателя  
мяса, когда он падет бездыханным, лишенным жизни  
моею стрелою.*

*Шримад Вальмики. «Рамаяна»*

*(ок. 500–100 г. до н. э.)*

## Глава 1

Сколько изуверств творится на свете. Столько убийств, столько жертв. Столько жизней пропадает и губится – изо дня в день, изо дня в день. Столько, что не счесть, а уж отследить из начала в конец и подавно. Одни из них очевидны: вот кто-то убивает свою подругу, а затем сводит счеты с жизнью – из раскаяния или же из-за своей неспособности лицезреть последствия содеянного. Есть такие, кто убивает из мести, – око за око, зуб за зуб: уличная шпана, гангстеры, наркодилеры. Каждое новое убийство неумолимо ведет к другому, еще более жестокому. Одна смерть влечет за собой следующую, простирая в приветствии бледнотную руку, склабясь при махе топора, вонзании лезвия. Существует цепь событий, которые в ходе следственных действий легко можно восстановить по хронологии.

Но есть и иные убийства, увязать которые меж собой непросто. Слишком замутнена связь – громадными расстояниями, прошествием лет, наслоениями этого ячеистого, подобного пчелиным сотам мира, где время тихо, неброско складывается само в себя.

Ячеистый мир не прячет секретов: он их скапливает. Это хранилище погребенных воспоминаний, полузабытых поступков.

В ячеистом мире все взаимосвязано.

«Св. Даниил» громоздился на Брайтуотер Корт, недалеко от пещероподобных ресторанов вдоль авеню Брайтон-Бич и Кони-Айленда, где пары всех возрастов имели обыкновение танцевать под песни на русском, испанском и английском, вкушать блюда русской кухни, пить кто водку, кто вино и смотреть варьете, которому вполне пристало бы выступать где-нибудь под Лас-Вегасом в отелях средней руки или на круизном теплоходе (а впрочем, «Св. Даниил» был одинаково далек и от тех и от других, в том числе и от этой мысли). Здание, где он размещался, выходило окнами на океан, а дощатый настил прибрежного променада, вдоль которого зазывно маячила тройка ресторанов – «Волна», «Татьяна» и «Зимний сад», – был как щитом защищен от прохладного дыхания бриза и колючих песков пляжной зоны. Рядом здесь находилась игровая площадка Брайтона, где днем за каменными столешницами за игрой в карты чинно восседали старики, а неподалеку резвилась детвора – и мелкая, и уже не очень, все в одном месте. С запада и востока взрастали новые кондоминиумы – часть общей перемены облика, которую Брайтон-Бич претерпел за последние годы.

Однако «Св. Даниил» существовал по другим, более старым канонам и являл собою во многом другой Брайтон-Бич – тот, в котором до сих пор обретаются конторы, наживающиеся на тех, кто на «ты» с нищетой. Здесь вам и услуги по обналичке чеков с маржой в четверть от общей суммы и дальнейшей ссудой под такой же бешеный процент за «шевеление»; и магазины уцененки, где на прилавках пылятся лишь фаянс с треснутой глазурью да позапрошлогодние елочные украшения; и бывшие семейные продмаги, так называемые «мамас энд папас», где теперь заправляют личности, одни лишь протокольные хари коих вызывают подозрение, а не замурованы ли тут в подвалах останки тех самых мам и пап; и прачечные, где в завсегдатаях типажи, что насквозь пропахли улицами, а по приходе обычно раздеваются до несвежих трусов и сидят почти голышом в ожидании, пока их верхняя одежда прополощется, после чего, крутнув ее для блезира в сушилке (каждая минута – лишний четвертак), напяливают еще волглое тряпье на себя и уходят восвояси в облачке пара; и ломбарды, что с неизменным успехом торгуют выкупленными и невыкупленными вещами, поскольку всегда находится кто-то, желающий поживиться на несчастье другого; и витрины магазинчиков вовсе без вывесок, а лишь с щербатым прилавком внутри, так что постороннему и невдомек, что за бизнес может тут происходить (ну да ничего, свои знают, а чужим оно и ни к чему). Заведения эти в основном сошли на нет, ужались в закоулки, спрятались в непрестижные районы, все дальше и дальше от проспектов и моря, хотя те, кому их услуги нужны, всегда знают, где их сыскать.

А вот «Св. Даниил» остался. Выстоял. И по-прежнему считался клубом, даром что был строго «для своих» и имел мало общего с более импозантными собратями на авеню. Со стальной решеткой на входе он занимал подвал старого особняка из бурого песчаника, окруженного ровесниками по застройке, такими же старыми и бурыми, – только в отличие от них не поддавался веяниям и не высветлил своей ауры. Когда-то клуб представлял собой главный вход в более крупный жилой комплекс, однако изменения во внутренней структуре отгородили «Св. Даниила» от обоих его соседей, двух гораздо более привлекательных многоквартирных домов. И вот теперь торчал между ними угрюмцем, как какой-нибудь бедный родственник, бесстыдно протолкнувшийся локтями на семейную фотографию – мол, да, я неказист, ну и что с того? Хочу и буду здесь стоять.

Непосредственно над «Св. Даниилом» располагался раешник из разнокалиберных квартир. В одних ютились целые семьи, в других же



места хватало только на одного жильца, и то такого, для которого приватность и незаметность значат больше, чем квадратура площади. Сейчас в этих квартирах никто не обитал, во всяком случае по своей воле. В некоторых из них складировалась всякая всячина – бухло, сигареты, бытовая электроника, контрафакт в ассортименте. Остальные служили местом перекантовки для юных (иной раз ну просто очень юных) проституток и в меру надобности их клиентов. Одна или две комнаты были обставлены чуть лучше, с претензией на дешевый шик. Там заодно хранились видеокамеры и кое-какое оборудование для съемки порнофильмов.

«Св. Даниил» считалось чем-то вроде имени, но официального названия у заведения не было. На табличке возле двери значилось «Приватный клуб общения», на английском и на кириллице. Хотя общением как таковым в этом помещении, похоже, особо не пахло. Здесь был бар, но, как правило, полупустой, а немногочисленные посетители ограничивались в основном кофе и коротали время в ожидании поступающих заданий – там-то сгрести навар, там-то кое-кого окучить с переломом костей. Экран телика над стойкой демонстрировал пиратские дивидишки, старые хоккейные матчи, иногда порнуху или, глубоко за полночь, когда дела уже сделаны, какой-нибудь фильм про героизм русских войск в Чечне, отражающих вылазки боевиков, реальных или мнимых. Вдоль стен тянулись полукруглые, обшитые пенопленом кабинки-стойла, посередине которых стояли пошарпанные столы: напоминание о временах, когда здесь действительно был клуб общения; место, где собравшиеся обсуждали дела на своей оставленной родине и передавали друг другу газеты, прибывшие по почте или в чемоданах приезжих – кто на время, а кто и на постоянку. Интерьер разнообразили в основном советские плакаты пятидесятых, которые за пять баксов продаются в «Эр-би-си видео» на Брайтон-Бич.

С некоторых пор клуб попал в поле зрения полиции, но для установки «жучков» никак не удавалось проникнуть внутрь, а прослушка телефонов ничего толком не давала. Похоже, все сколь-либо серьезные дела здесь решались по одноразовым мобильникам, которые к концу недели скрупулезно менялись. Дважды на клуб совершалась облава – через проход сверху, – но улов оба раза составила лишь стайка усталых шлюх со своими клиентами. Все как один с трудом изъяснялись на английском, а документов не было почти ни при ком. Сутенеров копам арестовать не удалось, а женщины, понятное дело, в борделях легко заменимы.

Дверь «Св. Даниила» была надежно заперта изнутри. Попад наконец

в помещение, копы застали там лишь скучливого бармена да парочку беззубых стариканов за игрой в покер на спички.

\* \* \*

Дело было вечером, в середине октября. Снаружи давно стемнело. В клубе пустовали все кабинки, кроме одной. Там сидел некий украинец, известный как Поп. В свое время он три года отучился в православной семинарии, но затем открыл свое истинное призвание, состоящее по большей части в оказании услуг, о которых обычно положено рассказывать на исповеди. Неформальное название клуба символично отражало кратковременное заигрывание Попа с религией. Вероятно, это был своего рода намек на Свято-Данилов монастырь, считающийся в Москве одним из самых древних: оплот православия даже в пик сталинских, а затем хрущевских гонений, когда многие из священников стали новомучениками, а мощи самого святого Даниила тайком переехали в Америку, чтобы избежать надругательства со стороны коммунистических иконоборцев.

В отличие от многих, кто на него работал, Поп говорил на английском почти без акцента. На берега Америки его выбросило с первым наплывом иммигрантов из Советского Союза, прилагавших немалые усилия для того, чтобы вжиться и постичь уклад этого нового для них мира. Попу еще помнились времена, когда Брайтон-Бич населяли по большей части старики в казенных многоэтажках с фиксированной квартплатой, а вокруг теснились обветшалые домишки для сдачи в аренду – дальний отзвук тех дней, когда в эти места одинаково влекло и иммигрантов, и нью-йоркцев – подальше от сутолоки Браунсвилля, восточного Нью-Йорка и манхэттенского Нижнего Истсайда, и поближе к морскому простору с его солоноватым, приятно оседающим в легких влажноватым воздухом.

Своей утонченностью Поп гордился. Он читал «Таймс», а «Вашингтон пост» нарочито игнорировал. Хаживал в театр. У себя в *обители* он не допускал ни порно по телику, ни пиратских ДВД. При нем телевизор был включен на «Би-би-си уорлд», иногда на Си-эн-эн. «Фокс ньюз» Поп недолюбливал за чрезмерную, как ему казалось, озабоченность внутренними делами, в то время как Поп любил воспринимать мир во всем его богатстве и многообразии. В дневное время он пил чай, а вечером только компот из чернослива. По натуре этот человек был амбициозен – принц, что жаждет стать королем. Он читл стариков – тех, кто сидел еще

при Сталине и чьи отцы создали преступный синдикат, который нынче достиг своего зенита в стране, отстоящей от их исторической родины на полсвета. Но, отвешивая поклоны, Поп заодно изыскивал способ найти на стариков управу, выбить почву из-под ног. Среди собственного поколения Поп прикидывал силу потенциальных конкурентов и готовил своих людей к предстоящему кровопролитию, которое неминуемо произойдет, по его указке или без. С некоторых пор в делах Попа стали происходить досадные осечки. Промахов можно было и избежать, да и вина в них не его. Точнее, не его одного. Но, к сожалению, находились такие, кто придерживался на этот счет иного мнения. Так что не исключено, что кровопролитие произойдет раньше ожидаемого.

Вот сегодня, например, день сложился неважнецки, а перед этим тоже была череда нескладух. Началось с того, что с утра произошла какая-то поломка в сортире – засор, что ли, – отчего в помещении до сих пор стоял тяжелый дух, хотя сама проблема вроде как рассосалась с приездом сантехников из доверенной конторы. В другой раз Поп, скорее всего, перебрался бы из клуба куда-нибудь еще, но сейчас было край как надо кое-что порешать, довести до ума, так что он был готов сидеть и среди этой вони, причем сидеть столько, сколько потребуется. Тем более что предстояла стрелка.

Сейчас Поп разложил перед собой на столешнице пасьянс из фотографий: полицейские «кроты», кое-кто из них говорит по-русски. Настроены решительно, и это как минимум. Надо бы их малость пошерудить, посмотреть, можно ли на них как-нибудь давануть, скажем, через семьи, родственников. А то круг полиции смыкается. Надо же. Годы, годы ходили вокруг, безуспешно принохивались, выискивали, как подступиться, и, похоже, дело у них все-таки сдвинулось. Предыдущей зимой у Попа в Мэне откинулись двое, не считая пары посредников. Их уход на тот свет аукнулся тем, что в бостонском пироге у Попа оттяпали небольшой, но лакомый кусочек на рынке порнографии и проституции несовершеннолетних. Поп был вынужден свернуть оба этих сервиса, что неизбежно сказалось на объемах нелегального ввоза в страну детей и женщин. А что может быть хуже? Его – да и не только его – расходный материал из шлюх истирался, приходил в негодность, а свежее пополнение заполучить становилось все трудней. А это отток денег – кому ж такое понравится? При этом страдали и другие, но вину – Поп об этом знал – вешали на него. Сегодня в его клубе – его *обитатели* – пахло нечистотами, а завтра, глядишь, на него самого выйдут и навесят тех четверых покойников.

Однако мир не без добрых вестей. Через своих Поп услышал, что из всех этих проблем можно вроде как устранить хотя бы одну. Вся каша, говорят, заварилась из-за какого-то там частного детектива в Мэне, которому, видите ли, все нейдет. Убрать его – не значит избавиться от полиции (наоборот, давление на какое-то время может даже усилиться), но это, по крайней мере, остережет преследователей и тех, кто готов соблазниться и не ровен час дать против него, Попа, показания. Да и вообще на душе станет хоть немного светлей: мелочь, а приятно.

– Шеф, тут к тебе двое! – отвлек от мыслей окрик со входа на родном русском языке.

\* \* \*

За неделю до этого в офис фирмы «Большой Эрл: услуги по очистке и дренажу» на Ностранд-Авеню прибыл некто. Отчего-то миновав устеленный ярким ковролином, благоухающий дезодорантом холл, на территорию предприятия он, обогнув здание, проник через хоздвор, где стояли мусорные баки, а запах был ну совсем не ароматный.

Здесь визитер вошел в гараж и по лестничке поднялся к остекленному, похожему на будку помещению. Внутри там находились офисный стол, разномастные картотечные шкафы и две пробковых доски с приколотыми квитанциями, бланками и мелкой всячиной на липучке. Довершали убранство два календаря – оба прошлогодние – с женщинами в разных стадиях раздетости. За столом сидел худой, с гнедым пробором, дылда в белой, но не совсем свежей рубашке и попугайском желто-зеленом галстуке. В руках у дылды дрыгалась ручка, с которой он возился так самозабвенно, как это может лишь курильщик, отчаянно (хотя скорее всего временно) борющийся со своим пристрастием к никотину.

Видя, что дверь открывается, хозяин будки поднял глаза и поглядел на гостя. Тот был ростом пониже среднего, в наглухо застегнутом бушлате, драных линялых джинсах и кроссовках, красных, как шапочка у одноименной героини из сказки. Запущенная щетина по длине уже начинала напоминать бородку, но видно было, что этот человек путем тщательного ухода намеренно делает так, чтобы она смотрелась именно как щетина, и именно запущенная. Как такого назвать? «Оборванец» – единственное слово, что приходило на ум.

– Завязать пробуете? – сочувственно спросил гость.

– В смысле?

– В смысле, боретесь с курением?

Дылда посмотрел на ручку в своей правой руке, да с таким удивлением, будто ожидал увидеть там сигарету.

– Да, точно. Жена уже который год пилит, житья не дает. Да и доктор тоже. Я и подумал: может, вправду попробовать.

– Тогда лучше никотиновый пластырь.

– Да вот никак не соберусь. Чем, так сказать, могу?

– Эрл на месте?

– Эрл умер.

– Да ну, – выразил лицом оторопелость визитер. – Когда это он успел?

– Пару месяцев назад. Рак легких. – Дылда смущенно кашлянул. – Я потому, собственно, и сам решил бросить. Меня звать Джерри Марли, я брат Эрла. Сюда пришел на подмогу, когда Эрл стал плох, да вот засиделся. Эрл ваш друг?

– Знакомый.

– Н-да. Сейчас он, наверное, в лучшем мире.

Гость оглядел комнатку. За стеклом двое работников в масках и комбинезонах прочищали трубы, какие-то агрегаты. Учув пованивание, визитер поморщил нос.

– Просто не верится, – сказал он.

– И тем не менее это так. Так чем могу?

– Вы сливные трубы прочищаете?

– Ну а как же.

– Ага. Ну а если прочищаете, то вы наверняка знаете, и как их забивать.

С минуту Джерри озадаченно моргал, а затем его растерянность сменилась гневом. Он порывисто встал из-за стола.

– А ну вон отсюда, пока я копов не позвал! Мне дело делать надо, черт возьми. А не якшаться с теми, у кого на уме всякие пакости.

– Гм. А вот ваш брат, насколько мне известно, был с людьми не настолько уж щепетилен.

– А ну не смей про моего брата! – поперхнулся от негодования Джерри.

– Да нет, я не то чтобы обидеть. Мне эта черта, наоборот, в нем нравилась. Она делала его полезным.

– Мне насрать, что ты говоришь! А ну топай отсюда, ты...

– Я, наверное, представлюсь, – учтиво сказал визитер. – Меня звать Ангел.

– Да мне нас... – Марли осекся, поняв, что интимность своих

переживаний в некотором смысле уже выразил.

А потому медленно сел на место.

– Мне кажется, Эрл мог при вас меня упоминать. Не припомните?

Марли кивнул. Сейчас лицо у него было чуть бледнее, чем за секунду до этого.

– Да-да, теперь вспомнил. Определенно вспомнил. Вас и, кажется, еще одного парня.

– Ах да, он тоже здесь. Только он... – Ангел помедлил, подыскивая нужное слово: – Он как бы *почище*, чем я. Не хочу никого обижать, но на нем одежда подороже, чем на мне. И чем на вас. А запах, знаете ли, имеет свойство впитываться в ткань.

– Конечно-конечно, – мелко закивал Марли. Он теперь частил и никак не мог остановиться: – Я уж теперь его, запах этот, толком и не замечаю. Жена, так она сразу, как только я домой прихожу, заставляет меня раздеваться прямо в гараже, и прямиком в душ. Но и тогда, она говорит, от меня все равно пахнет.

– Женщины, – сказал со знанием Ангел. – У них на это нюх.

Возникла минутная пауза – почти дружеская, только Джерри вдруг так зверски захотелось курить, что, пожалуй, его бы не остановил никто из смертных.

– Гм, – кашлянул Ангел. – Так вот я насчет сливов...

Марли остановил его поднятой рукой:

– Не возражаете, если я закурю?

– Мне казалось, вы собирались бросать, – заметил Ангел.

– Мне тоже.

– Работа у вас, видимо, нервная, – рассудил, пожимая плечами, Ангел.

– Бывает, бывает, – торопливо согласился Марли.

– Не хотел бы вносить для вас дополнительный стресс.

– Да боже упаси.

– Но мне, видите ли, нужна услуга. А я в долгу не останусь.

– Да? И в чем это выразится?

– В том, что если вы мне ее окажете, я к вам больше не приду.

Джерри раздумывал не дольше секунды.

– Считаю сделку справедливой.

Взор Ангела подернула печаль. Честно сказать, его уязвляло, что все вот так быстро, а главное, почти одинаково отзываются на это предложение.

Марли как будто угадал причины его задумчивости.

– Ничего личного, – примирительно, с ноткой извинения добавил он.

– Конечно нет, – вздохнул в ответ Ангел, а у Джерри возникло ощущение, что гость сейчас мыслями где-то далеко-далеко. – Иного и не бывает. Никогда.

\* \* \*

Разговор с теми двоими, что спустя неделю явились в берлогу Попа, вышел не вполне таким, как он ожидал. Но известно: человек предполагает, а бог располагает. Первым в клуб зашел негр в сером костюме – без единой морщинки, словно впервые надетом. Черные кожаные туфли – дорожные – поблескивали мягким глянцем, черный шелковый галстук под воротником снежно-белой сорочки завязан безупречным узлом. Негр был чисто выбрит и источал слабый аромат гвоздик и фимиама – особо приятный для обоняния в этом оскверненном нечистотами помещении.

Следом шел некто ниже ростом (латинос, что ли, бог его ведает...), с обаятельной улыбкой, слегка отвлекающей наблюдательный глаз от того, что одежда на этом субъекте знавала лучшие времена: безликая затертая джинса, разбитые кроссовки и стеганный бушлат – возможно, что и добротный, но куда более к лицу кому-нибудь лет на двадцать моложе и на пару размеров крупнее.

– Чистые, – буркнул Василий после того, как оба вошедших, на вид вроде незлобивые, были им чутко общупаны.

Василий, с его обманчиво нежными чертами и сложением, двигал руками с таким же шулерским изяществом и проворством, с каким играл в карты. У Попа он был одним из самых доверенных подручных. К тому же тоже с Украины. Имелись у него и сметливость, и амбиции, хотя не такие, чтобы Василий мог представлять угрозу своему благодетелю.

Поп кивком указал на пару стульев с той стороны стола. Те двое сели.

– Плеснуть чего-нибудь? – лаконично спросил Поп.

– Мне ничего, – ответил негр.

– А мне шипучку, – сказал второй. – Колу. Только чтобы стакан был чистый.

При этом он все так же улыбался. Развернувшись, он игриво подмигнул бармену, который в ответ лишь насупился.

– Ну так чем могу быть полезен? – перешел к делу Поп.

– Я бы поставил вопрос иначе, – сказал тот, улыбка. – Чем можем быть полезны мы?

– Вы – мне? – даже как-то растерялся Поп. – Ну... можете тут, если



хотите, прибратся. За пиццей сбегать. А?

Свита Попа отозвалась одобрительным гоготом: трое громил плюс бармен. Двое за стойкой, с неразлучными кофейными чашками; Василий позади и чуть справа от визитеров. Вид у него какой-то... тревожный, что ли. А впрочем, он всегда такой. Пессимист по натуре, а может, реалист – неизвестно, что из этого перевешивает. Хотя что тут гадать: поживем – увидим.

У малыша (назовем его так) улыбка малость поблекла.

– Мы здесь, собственно, насчет бумаги.

– Бумаги? Это какой еще – салфетки, что ли? С указанием маршрута?

Снова гогот, уже более откровенный.

– Бумаги насчет детектива по фамилии Паркер. Мы слышали, вы хотите его убраться. А мы бы предпочли, чтобы об этом речи больше не шло.

Гогот прекратился. Поп был в курсе, что эти двое собираются перетереть с ним этот вопрос, поэтому их начальный ход не сказать чтобы стал неожиданностью. Обычно обсуждение таких вещей Поп оставлял Василию, да вот только ситуация не вполне обычная, и этих двоих простыми людьми не назовешь. До Попа заблаговременно довели, что с ними обращаться нужно с известной долей уважения, но это его обитель. Он здесь хозяин, а потому имеет право их слегка подразнить. Уважать нужно тех, кто проявляет к тебе почтение, а эти двое что-то уж больно много себе позволяют. Тут и осерчать можно. И, заметьте, жизнь того детектива они не выпрашивают, а прямо-таки *втюхивают* Попу, как ему вершить свои дела.

Бармен поставил перед малышом колу. Тот, пригубив, недовольно поморщился:

– Теплая.

– Дай ему льда, – распорядился Поп.

Бармен кивнул. Один из громил возле барной стойки, перегнувшись, зачерпнул стаканом лед из ведерка и протянул бармену. Тот пальцами вынул из стакана два кубика и уронил их в колу. Брызги из стакана окропили малыша джинсы.

– Ай как некрасиво, – укорил тот. – И к тому же негигиенично, даже в таком, блин, дурно пахнущем гадюшнике.

– Мы знаем, кто вы, – повернул разговор Поп.

– Извините, не понял?

– Я сказал, мы знаем, кто вы.

– То есть?

– Ты Ангел, – указал на мелковатого растрепу Поп. – А ты, – его палец

двинулся чуть влево, – зовешься Луисом. Ваша репутация летит впереди вас, как, наверное, принято говорить в данных обстоятельствах.

– Нам воспринимать это как похвалу?

– Видимо, да.

Ангел опять заулыбался. И тут впервые заговорил Луис.

– Бумагу нужно спалить, – со спокойной властью сказал он.

– Это зачем? – спросил Поп.

– Тот детектив *недоступен*.

– Чьим, интересно, указанием?

– Моим. Нашим. И не только.

– Что значит «не только»?

– Если б я сказал, что не знаю, а тебе один хрен все едино, ты бы мне поверил?

– Всяко может быть, – уклонился от ответа Поп. – Но он понаделал мне тьму головняков. Так что маляву посылать придется.

– С ним были и мы. На нас ты тоже думаешь ее посылать?

Поп лукаво погрозил пальцем.

– Вы-то как раз ни при чем. Мы ж профессионалы. И знаем, как делаются дела.

– В самом деле? Я не думаю, что мы в одном бизнесе.

– Вы себе льстите.

– Тебе-то льстить себе нечем.

Поп если и был уязвлен, то не показал виду. Хотя готовность этих двоих дружно *нозить*, даром что они не вооружены, откровенно удивляла. Надо же: какая спесь, да и поступают не по понятиям.

– Обсуждать нам нечего. Малявы на детектива нет.

– Как это понимать?

– Свои туфли я драю сам. Сам же вершу и закон. Мне незачем кого-то нанимать для того, что я могу сделать собственными руками.

– Тогда между нами нелады.

– Только если вы сами на это пойдете. – Поп заговорщически подался вперед: – Хотя вам это надо?

– Мы просто хотим спокойной жизни.

Поп раскатисто рассмеялся.

– Мне кажется, это было бы скучно. Во всяком случае мне.

Его пальцы гуляли по фотографиям, разложенным на столе.

– Твои знакомцы? – поинтересовался Луис.

– Полицейские.

– Пустишься за тем детективом – наживешь на свою голову проблем

не только с нами, но и с ними. Они народ упорный. А уж как на шею сядут, так их оттуда уже не стряхнуть: удавят.

– Я чего-то не понимаю, – потерял наконец терпение Поп, – ты вообще за кого со мной перетираешь: за того своего детектива? Что-то, куда ни кинь, уж больно многое тебя заботит: и я, и дела мои, и полиция.

– Верно, – невозмутимо сказал Луис. – Мы граждане заботливые.

– Вот как? А какой мне за это интерес?

– Наш уход.

– И всё?

– И всё.

Поп картинно повел плечами:

– Что ж, ладно. Будь по-вашему. Ради вас я его отпускаю.

Луис не пошевелился. Рядом с ним напрягся Ангел.

– Прямо вот так ради нас? – с ноткой язвительности спросил Луис.

– Прямо вот так. Не хочу бед от людей вашего э-э... калибра. Может, разве где-нибудь по дороге вы в ответ окажете услугу и мне.

– Не думаю, но мысль сама по себе приятная.

– Ну что, выпивать не будете?

– Нет, – ответил за двоих Луис. – Выпивать не будем.

– Ну, раз такое дело, тогда разговор закончен. – Поп откинулся на стуле и сложил руки на своем выпяченном брюшке.

При этом он как бы невзначай оттопырил левый мизинец. Рука Василия, стоящего за Ангелом и Луисом, потянулась за спину – туда, где за ремень был заткнут ствол. Двое громил у стойки тоже поднялись, собираясь вынуть оружие.

– Я ж тебе говорил: он на это не пойдет, – попенял Ангел Луису. – Даже если согласится на словах.

Вместо ответа Луис кольнул его взглядом и, подхватив со стола стакан колы, поднес к губам, но пригублять медлил.

– Знаешь, ты кто? – строптиво произнес он. – Стратег, крепкий задним умом.

На излете фразы Луис пришел в движение, восхитительно изящное в своей слитности (Василий бы им, пожалуй, восхитился, если б дожил). В момент вставания рука Луиса скользнула под столешницу и обратно вынырнула уже с «глоком», припрятанным там несколько раньше сопроводителем бригады сантехников. Параллельно другая рука Луиса вмяла стакан в лицо Василия, который успел выхватить свой пистолет, но не успел его применить. От впившихся в грудь двух пуль Василий всем телом сломанно отогнулся назад, но Луис его подхватил и, используя труп

как прикрытие, выстрелил по двум громилам у стойки. Один успел пальнуть встречно, но пуля вонзилась поверх головы Луиса в деревянную опанелку. Через считанные секунды живых в клубе оставалось уже четверо: Поп, бармен и те двое, что готовы были их прикончить.

Поп не шевелился: на него был уставлен второй ствол, выхваченный из-под стола Ангелом. В секунды короткой расправы у себя за спиной этот растрепан сидел неподвижно. Своему партнеру он доверял так же, как его любил: безгранично.

– И все это из-за какого-то частного детектива? – укоризненно спросил Поп.

– Он наш друг, – ответил Ангел. – Но дело даже не в этом.

– Тогда в чем? – взвешенным голосом переспросил Поп. – В чем бы оно ни состояло, мы ведь можем обо всем договориться. Вы всё мне доказали, а я всё понял. Ваш друг в безопасности.

– Думаешь, мы тебе поверили? Если честно, мне кажется, ты не из тех, кто прощает.

– Если кажется, креститься нужно. Шутка. Я просто из тех, кто хочет жить.

– Вообще я люблю амбициозных, – признался, подумав, Ангел. – Только амбициозность у тебя какая-то... узконаправленная.

– Зато широкоохватная.

– Надо полагать.

– Что же касается здесь произошедшего, то вот что вам скажу: явите мне милость, и милостью вам воздастся.

– Вряд ли, – усомнился Ангел. – Я видел, что произошло с теми малолетками, которых ты отдал в аренду. Знаю, что с ними делали и что с ними случилось. А потому не думаю, что ты заслуживаешь милосердия.

– Так это ж бизнес, – пожал плечами Поп. – Ничего личного.

– Просто забавно, насколько часто мне доводится это слышать, – вздохнул Ангел.

Мушка его пистолета медленно тронулась вверх, через выпуклый живот Попа, минуя сердце, горло, и наконец остановилась у него на лице.

– А вот это не бизнес. Это личное.

Выстрелив Попу в голову, Ангел поднялся. Луис сейчас держал на прицеле бармена, что морской звездой распластался на полу.

– Вставай, – сказал Луис.

Начав было подниматься, бармен получил от Луиса пулю и под его бесстрастным взглядом упал на замызганный ковер, где застыл в позе эмбриона.

– Зачем? – медленным взглядом посмотрел на партнера Ангел.

– Так надо. Сегодня свидетелей не берем.

Луис быстро и бесшумно двинулся к выходу, Ангел за ним. Он первым открыл наружную дверь и, украдкой выглянув наружу, кивнул Луису. Вместе они побежали к припаркованному через улицу «Олдсмобилю».

– И что? – забравшись на пассажирское сиденье, обидчиво спросил Ангел Луиса, который сейчас вставлял ключ в зажигание.

– Да ничего. Думаешь, он там только колу подавал? Не знал, какими делишками ворочал его босс, как к нему притекало бабло?

– Наверное, знал.

– Ну так нечего было туда на работу устраиваться. Поискал бы где-нибудь в другом месте.

Машина отчалила от бордюра. В этот момент соседние с баром двери отворились, и оттуда появились двое со стволами. Мужчины, по всей видимости, собирались открыть огонь вдогонку, но «Олдсмобиль» резко свернул влево и скрылся за поворотом.

– Ты как думаешь, нам теперь быть настороже?

– Я вот как думаю: он взял на себя лишку. Притянул к себе внимание. Его дни и так были уже сочтены. А мы просто ускорили неизбежное.

– Ты уверен?

– Теперь-то уж чего гадать. Но кому-то там мы как пить дать оказали услугу, и не только Паркеру. Для них проблема решена, ручки чистые.

– И опять можно ввозить в страну детишек.

– Этой проблемой займемся погодя.

– Пообещай, что мы ей займемся, не отскочим в сторону.

– Обещаю, – рыкнул Луис. – Будем делать все, что получится.

«Мобиль» напарники бросили в четырех кварталах и пересели в свой родной «Лексус». В машине, кстати, был установлен «Сириус» – спутниковая радиосистема, по которой Ангел и Луис могли на свое усмотрение выбирать каналы. Договоренность была такая: в порядке очередности один рулит процессом, а другой не имеет права лажать или брюзжать. Сегодня очередь рулить была Ангела, и всю обратную дорогу на Манхэттен в машине играла «Первая волна».

Так что путь домой протекал, можно сказать, в непринужденной тишине (не считая грома динамиков).

А тем временем к югу отсюда постепенно выковывалось второе звено в цепи убийств.

На момент, когда вошел хищник, людей в баре было всего ничего. Свою добычу хищник наметил почти тотчас: унылого толстяка с сутулыми скругленными плечами, лысого и потного; в грязно-зеленых штанах, уже скоро месяц как не знающих утюга или прачечной, и в грубых бурых башмаках, за которые годы назад он, в его понимании, выложил уйму денег, а теперь вот не мог наскрести хотя бы на то, чтобы купить себе новые. Толстяк понуро сидел и нянчил в руке стакан с бурбоном (янтарной жидкости на доньшке меньше чем с ноготок, остальное подтаявший лед). Наконец он со вздохом эту смесь намахнул. Бармен из вежливости спросил, подлить ли еще. Толстяк полез за кошельком, долго в нем рылся, что-то прикидывал. Наконец кивнул. В стакан щедро плеснулось (на самом деле щедрость просчитанная: вискарь был из самой дешевой бутылки).

Хищник вобрал в себя все портретные детали толстяка. Пухлые короткие пальцы с ободком на том месте, где когда-то, по всей видимости, было обручальное кольцо. Двойные обручи сала на боках. Пузо, перевисающее через дешевый ремень из кожзама. Темные потеки на рубаше под мышками. Матовый блеск пота на щеках, лбу и лысой макушке.

Все потеешь и потеешь, да? Потеешь даже зимой от усилия таскать свою рыхлую студенистую тушу? Усилия, с которым неизвестно как справляется сердце. Летом употеваешь в майке и шортах, а когда выпадает снег, преешь под слоями одежды. Как, интересно, смотрелась твоя жена? Такой же жирной и противной, как ты, или она все-таки пыталась следить за фигурой, в надежде, что сможет привлечь кого-нибудь повидней, пока ты в отъезде, даже если этот «кто-то» просто попользует ее всего на одну ночь? (А уж она-то в эту ночь выжмет из него все, что можно.) Думаешь ли ты о таких вариантах, мотаясь из городишка в городишко, с трудом наскребая на жизнь? Всегда хохочешь никчемно громко, скрепя сердце платишь за выпивку, которой не позволяешь самому себе, но проставляешься кому-то в кабаках, лелея мысль, что на тебя клонут, тебя заприметят, приглубят, что-нибудь закажут, купят? Всю свою жизнь ты провел в бегах, убогий человечиска, извечно уповая на то, что настанет грандиозный прорыв, но он так и не настал. Что ж, хочу тебя обрадовать: твоим тяготам близится конец. Я – твое избавление.

Хищник заказал себе пива, но пригубил его буквально для вида. Ему не нравилось, как оно притупляет умственные способности: это мешало в работе, чем он не мог поступиться ни на йоту. Исподлобья

хищник крадучись оглядывал себя в зеркало напротив стены: высокий, волосы с проседью, поджарое тело скрыто под кожаной курткой и черными слаксами. Кожа желтовато-землистая. Ему нравилось следовать за солнцем, но выбранное поприще не всегда допускало такую роскошь.

Ведь нередко бывает так, что убивать приходится в местах, где солнечный свет отсутствует, а по счетам приходится платить.

Вместе с тем надо признать, что улов в последние несколько месяцев скуден. И это по-своему тревожит. Ведь все было совсем не так. Когда-то у хищника была внушительная репутация. Он был Жнецом, а это звание обладало определенным весом. Репутация все еще держалась, но в каком-то смысле срабатывала уже в минус. Жнец был известен как человек с определенными аппетитами, которые просто научился встраивать в работу. Но иногда они одерживали над ним верх. Хищник осознавал, что за истекший год не раз переходил грань. Убийство должно было совершаться просто и быстро, а не с затяжкой и болезненно. Это вызывало сумятицу и гневало тех, кто его нанимал. С той поры работа стала уже не такой изобильной, а без работы аппетиты Жнеца нуждались в другом выходе.

За добычей он обычно ходил два дня: практика, а заодно удовольствие. Про себя привычно именовал свою добычу убоиной. «Цель», «жертва» – таких слов для него не существовало, как и слова «потенциальный». Тоже мне термин. Для Жнеца, как только он фокусировался, убоина была уже мертва. В данном случае имело смысл присмотреть для себя кого-нибудь более достойного (если хотите – интересного), но именно этот толстяк показался хищнику особо отталкивающим: стойкая привонь печали и неудачливости, дающая понять, что мир без него не обеднеет. Своим видом и поведением толстяк влек хищника к себе примерно так, как самое медленное животное в стаде притягивает внимание гепарда.

Так они и пребывали, хищник и его добыча – в одном и том же месте, за слушанием одной и той же музыки, уже почти час, – пока толстяк не поднялся отлучиться в туалет. Настало время закончить танец, начавшийся сорок восемь часов назад. Танец, о своем участии в котором толстяк даже не догадывался. Хищник тронулся за ним следом, держась в десятке шагов за спиной. Он терпеливо дождался, пока дверь в мужской туалет не перестанет хлябать в своей притолоке, и лишь после этого вошел. Внутри находился один лишь толстяк – стоял у писсуара с лицом, искаженным усилием и болью. Должно быть, проблемы с мочевым пузырем. А может, камни в почках. Ничего, мы положим всему этому конец.



Приближаясь, хищник попутно подмечал: двери в обе кабинки открыты. Внутри никого. Нож был уже у него в руке. Хищник удовлетворенно слышал сухой щелчок: лезвие выкинулось в рабочее положение.

Спустя секунду звук повторился, и тут до хищника дошло, что первый щелчок исходил не от его, а от какого-то другого лезвия. Чьего? Скорость каждого движения возросла. С внезапно пересохшим горлом хищник почувствовал, как неистово бьется сердце. Но теперь двигался и толстяк. Правая рука слилась в розово-серебристую дугу, и вслед за колющим ударом в грудь хищник ощутил спазм боли, полыхнувший по всему телу, сковав его, словно льдом, отчего ноги при попытке двинуться не подчинились сигналам мозга. Вместо того чтобы отпрыгнуть, хищник нелепо опрокинулся на холодную влажную плитку пола, выронив из онемелых пальцев правой руки ставший вдруг невыносимо тяжелым нож, а левой стиснув рогатую рукоятку лезвия, которое сейчас впилось ему в сердце. Из раны струей хлестнула кровь и пошла растекаться по полу. Видно было, как от растущей лужи бережно отступили те бурые башмаки.

Из всех своих убывающих сил хищник поднял голову и вперился в лицо толстяка, который теперь таковым вовсе не являлся. Жир превратился в мышцы, покатые плечи распрямились. Потливость и та исчезла, испарившись в вечерней прохладе. Остались лишь смертоносность и цель, и обе на миг слились воедино.

Теперь на шее своего убийцы хищник различал зарубцевавшиеся следы ожогов. Как видно, этот человек когда-то жестоко горел. Чувствуя, что жизнь уходит, беспомощно изливается из тела, хищник тем не менее пытался привести в порядок мысли, заполнить провалы памяти.

– Эх Уильям, Уильям, – с мягким укором произнес толстяк. – Разве можно быть таким беспечным? Никогда нельзя путать бизнес и удовольствие.

Хищник издал горлом булькающий звук, губы шевельнулись. Толстяк, судя по всему, почувствовал, что он пытается сказать.

– Кто я такой? – уловил убийца ход мысли умирающего. – Значит, не помнишь. А ведь мы когда-то были знакомы. Годы изменили меня: возраст, чужие делишки, скальпель хирурга. Мое имя – Блисс.

Хищник, что-то вспомнив, страдальчески повел глазами. Скрюченные пальцы заскребли по полу в тщетной попытке дотянуться до ножа. Секунду-другую Блисс молча смотрел, а затем нагнулся и, провернув лезвие у хищника в сердце, вынул нож и отер лезвие о рубашку мертвеца. После этого из внутреннего кармана он извлек небольшую стеклянную

бутылочку и, подставив ее к отверстой ране, нажатием усилил кровоток. Когда бутылочка наполнилась, Блисс накрутил на нее крышечку и покинул туалет, на ходу снова придав своему телу вид апатичного, потного вместилища души. Души хронического, обреченного неудачника. Никто – даже бармен – не поглядел вслед, когда толстяк уходил, а к тому времени, как был найден труп хищника и вызвали полицию, Блисс был уже далеко. Невесть где.

\* \* \*

Последнее в череде убийств произошло на полоске голой земли в тридцати километрах южнее реки Святого Лаврентия, на севере Адирондакских гор<sup>[1]</sup>. Когда-то эту землю сформировали пожары и засухи, фермерство и железные дороги, подрывы породы и рытье шахт. Какое-то время добыча железной руды была делом более прибыльным, чем валка леса, и по лесным просекам здесь мчались паровозы – так, что только искры из труб, – отчего нередко случались пожары, порой такие, что для борьбы с ними задействовалось до пяти тысяч человек.

Одна из подобных дорог, сейчас давно уже брошенная, вилась через лес из болиголова, клена, березняка и молодого бука, а потом выныривала на поляну – остатки грандиозного лесного пожара 1950 года, после которого железнодорожная ветка уже не восстанавливалась. Среди бурелома невредимым торчал один болиголов. Под ним на влажной земле сейчас стоял коленопреклоненный человек. Рядом с ним находился могильный камень. Выбитое на камне имя коленопреклоненный прочел, когда его сюда притащили. Ему его высветили фонариком, а затем началось избиение. В отдалении виднелся дом, верхние окна светились. Человеку показалось, что там за стеклом кто-то сидит, наблюдая, как жертву методично, с расстановкой метелят кулаками.

Его взяли в хибаре возле Лейк-Плэсид. С ним была девушка. Плененный попросил ее не трогать. Девушку связали, сунули в рот кляп и оставили плакать в ванной. То, что ее не убили, – снисхождение слабое, но к плененному не проявляли и этого.

Видел он уже с трудом. Один глаз заплыл полностью, и на этом свете, пожалуй, уже не раскроется. Губы были расквашены, зубы выбиты. Сломаны ребра – сколько именно, не разобрать. Кара обстоятельная, но не садистская. Похитителям требовалась информация, и через какое-то время они ее получили. После этого избиение прекратилось. Человек стоял,

утопая коленями в земле и предвидя скорое расставание с жизнью.

Со стороны дома приближался мини-вэн. Подъехав по изрытой колеями грунтовке к могиле, он остановился. Задние дверцы открылись, и послышалось урчание мотора: оттуда на землю опустил пандус.

Коленопреклоненный повернул голову. По пандусу медленно съезжала инвалидная коляска с костлявым старческим силуэтом. Фигура была укутана одеялами, как какой-нибудь младенец-переросток, а голову от вечерней прохлады защищала красная шерстяная шапочка. Лицо почти полностью скрывала кислородная маска – во всяком случае нос и рот. Кислород подавался из приделанного к спинке коляски баллона. Различались лишь водянистые карие глаза. Коляску толкал мужчина на пятом десятке, остановившийся, когда она оказалась в полуметре от коленопреклоненного.

Старик крупно дрожащими пальцами снял маску.

– Ты знаешь, кто я?

В ответ последовал кивок, но старик продолжал говорить, как будто не получил ответа. Его палец указывал на надгробие.

– Мой первенец, – сказал он. – Мой сын. Ты убил его. За что?

– Какая тебе разница? – разбитыми губами произнес коленопреклоненный.

– Существенная.

– Пшел к черту, – устало ответил коленопреклоненный. Губы снова начали кровоточить. – Я сказал им все, что знаю.

Старик поднес к лицу маску и заговорил лишь после того, как сделал сиплый вдох.

– Я долго тебя искал, – сказал он. – Ты спрятался хорошо, вместе с остальными виновными. Трусы, все до единого. Ты думал, я полностью уйду в свое горе, но этого не произошло. Я ничего не забыл и искал, не переставая. Я дал обет, что его могила будет полита их кровью.

Коленопреклоненный отвел глаза и плюнул на землю возле надгробия.

– Кончай, – бросил он. – Мне до твоего горя дела нет.

Старик поднял немощную руку. На коленопреклоненного сзади пала тень, и в спину его впились две пули. Лицом вперед он рухнул на могилу, и его кровь начала впитываться в землю.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул сам себе старик. – Началось.

## Глава 2

Уилли Брю стоял в туалете «Нейта» и пялился на себя в слегка помутневшее зеркало над чуточку покорябанной раковиной. Нет, на шестьдесят он все-таки не выглядел. При правильном освещении можно хоть и с натугой, но дать пятьдесят пять. Ну ладно, пятьдесят шесть. Только где его взять, правильное освещение. Не в барном же сортире, где свет такой яркий, что даже отливаешь, будто под полицейским надзором.

Уилли был лыс. Волосы в массе своей повылезли у него к тридцати годам. После этого что он только не перепробовал, чтобы замаскировать свою лысину: и начесы, и головные уборы, и даже парик. Выбрал себе дорогой, из волокон а-ля натюрель. Да только вот с расцветкой, как видно, ошибся: даже ребятня тыкала в него пальцами и смеялась. А работнички из соседних мастерских, когда толком нечем было заняться (для этого они улавливали каждый момент), вменили себе за правило собираться и ехидно подмечать, какими оттенками рыжины отдает голова Уилли, когда он проходит через освещенные и затененные места гаража. Уилли и других забот хватало, помимо того, чтобы служить посмешищем для лодырей и придурков с Кони-Айленда («Идите полюбуйтесь на чудо света: мужчина в паричине. Все цвета радуги...»). В общем, через полгода он тот парик выкинул. И теперь скромно довольствовался хотя бы тем, что голова не слишком бликует на публике.

Уилли легонько потянул себя за брылья. Вокруг глаз и рта пролегали глубокие морщины, которые могли бы сойти за «морщинки-смешинки», если б Уилли по натуре был смехачом, а он им не был. Беглый подсчет морщин наталкивал на вывод: это с каким же юмором надо воспринимать мир, чтобы они образовывались в таком количестве. Так смеяться над действительностью, с причиной или без, мог разве что отъявленный идиот. А им Уилли тоже не был. На носу отчетливо виднелась красная сеточка сосудов (наследие бурного среднего возраста), а во рту «посмывало» изрядно зубов. Плюс к этому где-то на своем жизненном пути Брю нажил пару лишних подбородков.

Короче, куда ни кинь, а все же тебе шестьдесят, не меньше. Так что не лги самому себе хотя бы в свой день рождения.

Вместе с тем зрение у Уилли оставалось хорошим, что лишь давало ему более четкую картину собственного старения. Интересно, а как обстоит с теми, у кого зрение неважноецкое: видят ли они себя

в истинном свете? В каком-то смысле плохое зрение – эквивалент тех самых мягких фокусов, которые используют для съемки кинозвезд. Тогда можно иметь посередине лба хоть третий глаз, и при условии, что он видит не лучше двух остальных, тупо убеждать себя, что смотришься не хуже Кэри Гранта.

Уилли отступил на шаг и изучил в зеркале свой «бемоль», пробно обхватив его руками на манер будущей матери, горделиво озирающей зреющий плод, – образ, заставивший Уилли тут же убрать руки и даже отереть их о штаны, как будто его застали за чем-то непотребным. «Бемоль» у него, надо сказать, наличествовал всегда. Вот такой он человек (справедливости ради заметим, не он один). Уже при выходе из утробы вид у Уилли был такой, будто рацион его состоял исключительно из пиццы и пива, что неправда. Впрочем, для холостяка Уилли питался вполне справно. Суть дилеммы для него сформулировал Арно, напарник: «Классически неактивный образ жизни». Это определение Уилли истолковал для себя как неприличие бегать, изображая дебила в спандексе. На мгновение Брю представил себя в этом самом спандексе и решил: сегодня он определенно принял лишнего, если в свой собственный день рождения, одиноко стоя в барном туалете, представляет такие бредовые вещи.

По случаю торжества Брю вылез из своего неразлучного комбеза, что само по себе крайне дискомфортно. Уилли и комбез были, можно сказать, созданы друг для друга. Во-первых, комбез сидит не в обтяжку, что уже важно для человека возраста и комплекции Уилли. Во-вторых, на нем есть полезные карманы для всякой всячины и засовывания рук, чтобы в моменты их неиспользования не смотреться придурковато. И наоборот: без комбеза любая одежда казалось до ужаса неудобной и тесной, а для хранения всякой всячины в ней элементарно не доставало прорех и отверстий. Так что нынче Уилли вздувался в местах, которые на человеке вздуваться обычно не должны.

На нем были черные слаксы, не требующие глажки, белая рубашка, из-за возраста слегка пожелтевшая, и серый пиджак (в понимании Брю – классического покроя, а на самом деле просто старый). Свежим пятном смотрелся новый галстук, подаренный утром Арно со словами: «С днюхой, шеф. Может, уже на пенсию, а контору мне оставишь?» Галстук был добротный, дорогой: черного шелка с золотой вышивкой. Не барахло, которое где-нибудь в китайском квартале или в Маленькой Италии тебе норовит впарить крендель, торгующий на тротуаре аляповатыми банданами, а также липовыми часами от «Гуччи» и «Армани». Дешевка

для лохов, неспособных уловить разницу или полагающих, что этого не могут сделать другие. Нет, галстук был модный, со вкусом, если на него действительно расщедрился сам Арно. Наверное, в выборе ему кто-то все-таки помог. В начале года напарники вдвоем присутствовали на похоронах, и там на Арно красовался единственный галстук из его гардероба: малиновый полиэстер с пятнышком смазки.

Честно говоря, на шестьдесят Уилли себя не воспринимал. По жизни он прошел через многое – Вьетнам, болезненный развод, нелады с сердцем пару лет назад, – и внешне это его, безусловно, состарило (все эти морщины, жидкая оставшаяся седина – тому доказательство). Но в душе он себя чувствовал так же, как и всегда: от силы лет на тридцать. Тогда Брю ощущал себя на вершине жизни: продержался два года в морпехах и остался жив, возвратился домой к женщине, любившей его настолько, чтобы выйти за него замуж. Понятно, образцом верности до гроба ее не назовешь, но это случилось уже потом. А до тех пор они были вполне счастливы. У своего тестя Брю подзанил денег и снял в Куинсе возле Киссен-Парка помещение, где начал применять отшлифованные в армии навыки по ремонту и обслуживанию техники. Все шло даже лучше, чем Уилли предполагал: дела двигались без сбоев и простоев, а потому через несколько лет он уже нанял себе в помощники миниатюрного скандинава со стоячими волосами и повадками кобелька. Спустя тридцать лет Арно все так же состоял у Брю в напарниках, да и повадки у него, пожалуй, не изменились – разве что притупились зубы да поубавилось прыти в беготне за сучками.

Что до Вьетнама, то домой Уилли возвратился без единой царапины, физической или психологической (во всяком случае, в себе он их не чувствовал). Во Вьетнаме он высадился в марте 1965-го в составе Третьей дивизии морской пехоты, в задачи которой входило создание анклавов вокруг важнейших полевых аэродромов. Для Уилли война закончилась в ста километрах к северу от Дананга, в Чулае, где «морские пчелки» за двадцать три дня соорудили среди зыбучих песков и чахлой растительности полуторакилометровую алюминиевую взлетку. Для Уилли это было одно из самых грандиозных инженерных сооружений, построенных в потогонном режиме и стесненных обстоятельствах. Тем более что он лично все это наблюдал.

В армию Брю пошел, когда ему едва исполнилось девятнадцать. Не стал даже дожидаться повестки. В свое время его старик, приехавший в Штаты в двадцатых и нюхнувший пороху в годы Второй мировой, сказал сыну, что тот должен отдать долг своей стране. Уилли его мнение

оспаривать не стал. Когда он вернулся домой, друзья отца уже не знали, как найти управу на «волосатиков», и собирались с единомышленниками на Уолл-стрит и в парке Вашингтон-Сквер, пытаясь как-то вразумить молодежь, втемашить ей понятия патриотизма. Уилли тех молодых хиппанов не хвалил и не порицал. Он свое отслужил, но мог понять и то, почему нынешний молодняк не желает шагать дорогой отцов. В конце концов, это на их совести, а не на его.

В армии у Уилли были кореша, и все они возвратились домой более-менее в целости. Правда, один из них потерял руку при взрыве гранаты, спрятанной в буханке хлеба, и можно сказать, еще легко отделался. Еще один возвратился без стопы: попал в медвежий капкан, челюсти которого сомкнулись на лодыжке. Забавным (если, конечно, туда угодила не твоя нога, а чья-то еще) в медвежьих капканах было, что для их открывания требуется ключ, который, само собой, не входит в комплектровку ранца. Сам же капкан обычно прикован к бетонной глыбе, закопанной глубоко в землю. Единственный способ вызволить из ловушки раненого бойца – это выкорчевать всю эту приладу, нередко под обстрелом, и доставить ее вместе с ним в лагерь, где ждали наготове врач с парой подручных, оснащенных пилами и газовыми резаками.

Тех парней больше нет, ни того ни другого: оба умерли молодыми. Уилли присутствовал на их похоронах. Вот так: товарищей теперь нет, а он все еще здесь.

Шестьдесят лет – из них тридцать четыре в одном и том же бизнесе, и даже по большей части в одном помещении. Только раз стабильность послеармейского существования Уилли оказалось под угрозой: это когда жена при разводе затребовала половину его имущества и впереди замаячила перспектива вынужденной продажи его любимой автомастерской, чтобы удовлетворить ее аппетиты. Проблем со стабильным потоком заказов на ремонт не возникало, однако на банковском счету у Брю денег оставалось кот наплакал, а Куинс тогда был совсем не таким, как сейчас.

Тогда еще не было программ по облагораживанию городских кварталов со сносом ветхого жилья и переездом населения в более удобные квартиры. Не было холостякующих мужчин и незамужних женщин, рассекающих на дорогущих авто без понятия, как их обслуживать. В ту пору люди ездили на своих машинах до полного отвала колес, и к Уилли нередко обращались с просьбой продлить существование их четырехколесных коняг еще на три, шесть, девять месяцев, пока не наладятся дела и не появятся в достатке оборотные средства. На улицах



тогда регулярно стреляли копов, бились меж собой за влияние преступные кланы, кочевал туда-сюда черный нал, которым порой оплачивался якобы бесплатный ремонт, а иной раз доплата давалась за элементарное незадавание вопросов, откуда машина: надо было всего лишь сбрызнуть ее из пульверизатора краской, хотя мотор у нее при этом от жара аж трещал.

Районы Элмхерст и Джексон-Хайтс считались «маленькой Колумбией», а Куинс – главной гаванью для поступающего в США кокаина (отмыв денег шел через обналичку вчерную и деятельность липовых турфирм). Колумбийцы в округе гибли что ни день. Пару из них Уилли знал лично, в частности Педро Мендеса. Тот ратовал за объявившего войну наркотикам президента Сесара Трухильо и за свое радение схлопотал три пули – в спину, грудь и голову. Уилли взял в ремонт машину Педро буквально за неделю до его гибели. Да, в те дни это был совсем другой город, который трудно узнать в сегодняшнем.

А впрочем, Куинс всегда был другим. Не таким, как Бруклин, не таким, как Бронкс. Прежде всего, он несоизмерим с ними по своей необъятности. Беспорядочный, своенравный, Куинс безудержно расползлся во все стороны. О нем не писали возвышенно-эпических книг. У него нет своего Питера Хэммила<sup>[2]</sup>, который бы его мифологизировал. «Где-то в Куинсе...» Если бы Уилли перепадал бакс всякий раз, когда он слышал такую фразу, он давно бы стал богачом. Для тех, кто живет вне этого района, все, что находится в его пределах, это именно «где-то в Куинсе». Для них Куинс подобен океану: огромный, слабоизученный. Если что-нибудь в него бултыхнется, то теряется и остается там навсегда.

Но, несмотря на все это, Уилли нравился каждый из прожитых тут дней. А затем жена попыталась отнять у Уилли милый его сердцу Куинс. Чтобы от нее откупиться, не хватало даже предложенных Арно сбережений. К тому же помещение, как нарочно, выставил на продажу арендодатель. Даже если б Уилли сумел удовлетворить аппетиты ненасытной супруги, еще не факт, что с уходом помещения удалось бы сохранить свой бизнес. На принятие решения ему отводилось двое суток. Сорок восемь часов на то, чтобы отрешиться от без малого двадцати лет неустанных трудов и святой верности (имеется в виду гараж, а не брак), когда в дверях отгороженной каморки, где Уилли как мог вел бухгалтерию, появился высокий афроамериканец в дорогом костюме и длинном черном пальто. Этот человек и предложил выход из положения.

Незнакомец аккуратно постучал в окошко. Уилли поднял голову и спросил, чего гостю угодно. Незнакомец, войдя, так же аккуратно прикрыл за собой дверь, а Уилли отчего-то словно пронзила ледяная игла –

насквозь. В армии Брю был всего лишь механиком, но оружие в руках держать умел и не раз его применял, хотя цели кого-нибудь убить перед собой не ставил – а зачем? Его по большей части заботило, как бы собственная голова не слетела с плеч. Вещи Уилли привык чинить, а не ломать, будь то джипы, вертолеты или люди.

В свою очередь Брю был тоже окружен разными людьми. Одни из них по складу напоминали его самого, другие нет – в их числе и те, кто в случае чего мог лишиться себе подобного жизни: одни из безвыходности, другие по расчету. Встречались и откровенно двинутые, кому нравилось самим затевать свары с поножовщиной или стрельбой и тащиться от самого процесса. Но были и такие, которых можно сосчитать буквально по большим пальцам. *Урожденные*. Они убивают хладнокровно и без раскаяния, черпая удовлетворенность в применении навыка, с которым появились на свет. В них есть что-то тихое и внешне дремотное, словно омут; нечто, к чему нельзя притрагиваться. Но Уилли частенько подозревал, что это *нечто* в них – подобие бездонного колодца, вмещающего в себя беснующийся огненный вихрь, который они либо научились в себе смирять, либо отрицают у себя само его наличие (представьте себе циклопическую защитную оболочку, вмещающую ядерный реактор). От таких людей Уилли старался держаться подальше, но исподволь ощущал, что сейчас перед ним как раз один из них.

Снаружи было темно, только что уехал домой Арно. Он хотел остаться здесь, с Уилли, понимая, что если к утру все каким-нибудь волшебным образом не утрясется, то завтра они в мастерской будут находиться последний день. Так что верный Арно не хотел отлучаться отсюда ни на минуту, но Уилли его усла, потому что хотел побыть один. Он догадывался, что Арно тоже хочется побыть здесь, но ведь он, Уилли, как-никак еще хозяин этого места. Это его бизнес, был и пока есть. И сегодня он решил ночевать тут, среди вещей и запахов, роднее которых для него на свете нет. Сама жизнь без них не представлялась. Быть может, удастся подыскать работу в какой-нибудь кузовной мастерской, хотя сложно будет мантулить на кого-то после стольких лет труда на вольных хлебах, когда сам себе господин. Со временем, глядишь, получится обзавестись и новым помещением, если подкопится денег. Банк к бедственному положению Брю отнесся с сочувствием, но только и всего. Сейчас ему как клиенту предстоят сложные времена разорительного развода, с делом, не приносящим достаточно прибыли (полбизнеса – это, считай, что его нет вообще), а такой клиент недостоин даже внимания банка, не то что кредита.

Теперь одиночество Уилли отягощалось еще и присутствием незваного гостя, так что тяготы сдабривались изрядной порцией тревоги. Уилли готов был поклясться, что с уходом Арно запер дверь, но или он это проделал недостаточно тщательно, или же перед ним стоял тип, не церемонящийся такой мелочью, как наличие между ним и собеседником запертой двери, если у него к собеседнику есть тема для разговора.

– Извините, – сказал Уилли, – но мы закрыты.

– Я вижу, – кивнул незнакомец. – Меня звать Луис.

Он протянул руку. Как известно, не буди лихо, пока оно тихо, так что Уилли пожал протянутую пятерню.

– Послушайте, – обратился он к гостю, – я рад нашему знакомству, но это вряд ли что-то меняет. Дело в том, что мы закрыты совсем. Я мог бы предложить вам заглянуть ко мне на днях, но, к сожалению, сейчас я занят всеми этими бумажками – так сказать, финальный аккорд, – а завтра с восходом солнца нас отсюда, скорей, всего попросят.

– Я понимаю, – снова кивнул Луис. – Слышал, что вы в бедственном положении. Но я могу вам помочь из него выйти.

Уилли нахохлился. Ага, понятно, к чему все клонится. Он повидал на своем веку всевозможных акул от бизнеса, охочих до того, чтобы жертва по глупости сунула голову в их челюсти. Половину всего нажитого у него уже и так отнимает жена. А этот парень, по всей видимости, норовит захватить то, что еще осталось.

– Не знаю, что вы там слышали, – вздохнул Брю, – да и дела мне, признаться, до этого нет. О своих проблемах я позабочусь сам. А теперь, с вашего позволения, мне есть чем заняться. Помимо разговоров.

Между тем желанию демонстративно отвернуться от гостя – дескать, разговор окончен – препятствовало ощущение: единственное, что может быть хуже сидения к незнакомцу лицом, это сидеть к нему спиной. Этого делать нельзя, и не только из риска заполучить в спину нож. В этом незнакомце чувствовалось некое спокойное достоинство. Если он и акула, то во всяком случае нетипичная. И хотя Уилли порой не сходилась во мнении кое с кем из клиентов (да и с тем же Арно) в тех пределах, в каких в повседневных делах допустима резкость, этому человеку он дерзить не собирался, во всяком случае без нужды. Ведь отказ можно обставить и вежливо – ну и что, что на это уйдет несколько лишних минут. Как говорится, кто терпел долго, может потерпеть и еще немного. Тем более при нынешних-то делах.

– Своего места вы, скорее всего, лишитесь, – сказал Луис. – А мне бы этого не хотелось.

Уилли вздохнул еще протяжней. Беседа, как видно, еще только начиналась.

– Ну а вам-то что с того? – спросил он.

– Считайте меня добрым самаритянином. Который печется о благе своей округи.

– Тогда выдвигайтесь в мэры. Я за вас проголосую.

– Да нет, – с улыбкой посмотрел на него гость, – мои аппетиты поскромнее.

– Ох уж эти аппетиты, – выдерживая его взгляд, проницательно сказал Уилли.

– Словом, так. Я инвестирую в ваш бизнес. Даю ровно пятьдесят процентов от его стоимости. Вы за это платите мне процентовку: один доллар в год, пока не окупится займ.

У Брю непроизвольно отвисла челюсть. Этот парень или акула из акул, или где-то здесь есть зацепка, которая способна перебить хребет не хуже того медвежьего капкана.

– Доллар в год, – выговорил он бесцветным голосом, когда вернулся дар речи.

– Да, я понимаю: сделка непростая. Поступим так: я вас оставляю над этим подумать за ночь. Ваша жена, я слышал, отвела вам на решение сорок восемь часов, из которых половина уже истекла. Но, видимо, я не так разумен, как она.

– Моя старуха? – покосился Уилли. – Вы первый, кто о ней так отзывается.

– Очевидно, человек она неординарный, – с нарочито нейтральным видом рассудил Луис.

– Ну да, была когда-то, – пробурчал Уилли. – Теперь-то уж нет.

Луис вручил Уилли визитку: телефонный номер и изображение змеи, попираемой крылатым ангелом. Больше ничего.

– Что-то ни имени, ни названия, – недоуменно заметил Уилли.

– Да, действительно.

– Как же так? Визитная карточка, а фирма на ней не указана. Сложно, наверное, капитал-то наживать?

– А вот вы как думаете?

– Змей, что ли, убиваете?

Едва эти слова сорвались, как Уилли внутренне чертыхнулся: «Ну кто тебя, черт возьми, за язык тянет впереди мыслей».

– Типа того. В некотором смысле борьба с вредителями.

– А, ну да. Борьба с вредителями, – чисто на автопилоте повторил

Уилли и, как в тумане, пожал протянутую на прощание руку.

– Э-э... – частично опомнившись, подал он голос, – значит, Луис? Вот так, просто Луис?

– Просто Луис, – подтвердил гость. – И кстати: с сегодняшнего дня ваш новый арендодатель.

Вот так оно и началось.

Уилли плеснул себе в лицо воды. Снаружи доносились приглушенный дверью смех и голос – по всей видимости, Арно, с неприкрытой язвительностью проезжающий по куинсовский бейсбольной команде (одно только слово – «Метс», а в привязке к нему длинная череда изощренных эпитетов в подаче Арно, который обычно гордился своей утонченностью, но на четвертой двойной водке уже щедро смазывал речь отглагольными вариациями слова «сношаться»). Вот такой он забавный человек, этот Арно. По виду вроде стареющая такса, но словарный запас при этом едва ли не больше, чем у самого Уэбстера в его знаменитом словаре. В квартире у Арно Уилли был всего лишь раз, и при этом чуть не проломил себе голову, когда сверху на него посыпался град из томов в твердом переплете. Все мыслимое и немыслимое пространство в жилище напарника занимали залежи из периодики, книг и отдельных узлов и запчастей. В те редкие случаи, когда Арно запаздывал на работу, Уилли мучили картины того, как бедняга бездыханный лежит у себя под сходом лавины из энциклопедий или, скажем, коптится, как рыба, под слоями тлеющей прессы. Впрочем, «мучили» – сказано чересчур уж сильно. Точнее будет сказать «слегка беспокоили».

В нижнем правом углу зеркала губной помадой было выведено: «Джейк шлюха». Хотелось надеяться, что автор этого откровения – женщина, хотя гомосексуальность как таковая с некоторых пор Уилли особо не занимала. «Любишь – давай любить и другим» – таков был его девиз. Допустим, у того темнокожего джентльмена, что спас его бизнес (а если совсем честно, то и жизнь, потому как у всегдашнего любителя выпить Уилли к моменту, когда развод достиг своеобразной точки надира, уже выработалась привычка ежедневно вливать в себя по бутылке «Четырех роз», известных не только своим нежным ароматом), был партнер по имени Ангел. И хотя у них, чувствуется, свадебным перезвоном и объявлением в воскресном «Нью-Йорк таймс» не пахло, они были самой сплоченной парой из всех, до сих пор известных Уилли. «Парочка что надо: всех грохают, друг друга трахают», – обронил однажды Арно. Услышав эти слова, Уилли в тиши гаража невольно оглянулся через плечо, словно ожидая, что над ним сейчас с расстроеным видом нависнет черный

силуэт, а рядом с ним – фигура помельче, но тоже в печали. Эти двое его не то чтобы пугали (во всяком случае, ощущение боязни давно прошло, или Брю это сам себе внушил), просто очень уж не хотелось, чтобы их чувства были уязвлены. Об этом Уилли и сказал Арно, на что тот извинился и больше ни разу ничего подобного не произносил. Хотя у Уилли иногда возникала мысль: так ли уж Арно, при всем прочем, далек от истины?

Дверь в туалет приотворилась, и внутрь просунулась голова напарника.

– Ты тут чё? – спросил он.

– Да вот руки мою.

– Давай уже скорей. Там народ заждался, труба зовет. А то...

Арно осекся: он заметил ту надпись на зеркале.

– О. Что за Джейк? Это не ты написал?

Он унырнул как раз вовремя: в дверь прилетела скомканная бумажная салфетка. Затем Уилли Брю, шестидесятилетний компаньон самой смертоносной пары в городе, вышел к гостям украсить свой день рождения.

## Глава 3

Освещение внутри «Нейта» было традиционно приглашенное. Даже летом, когда снаружи все звенело от солнца, лучи света, ударяя в окна, словно плавись о стекло и внутрь цедились уже медленными текучими струйками, как мед сквозь решето. Их бодрая энергия при проникновении снаружи вовнутрь как-то рассасывалась, и они уподоблялись сидельцам бара, что уже успели принять на грудь и малость погрузнеть («А ну их всех: сегодня мы уже один черт к делу не годны»). За исключением квадрата метр на метр сразу за двойными дверями, ни один из уголков «Нейта» не видел естественного освещения вот уже больше полувека.

Вместе с тем унылым «Нейт» назвать нельзя. Барную стойку круглый год освещали белые фонарики, а на каждом столе горела свеча в матовом стеклянном шаре, вставленном в железную чашу. Чаши были прикручены к деревянным столешницам двухдюймовыми шурупами (Нейт явно не дурак), а за свечами велся бдительный догляд. Едва какая-то из них начинала помаргивать, как ее тут же заменяла официантка или, если вечер выдавался спокойным, сам Нейт – живчик лет под шестьдесят, уши топориком. Поговаривают, в бытность свою в морфлоте он как-то раз в пылу хмельной потасовки где-то в Нижней Калифорнии откусил обидчику нос.

Никто никогда не спрашивал, правда ли это. Нейт с удовольствием мог порассуждать, кто из бейсболистов ведет по очкам, поворчать насчет придурков, что правят Нью-Йорком, и идиотов, что рулят страной, поперебивать косточки друзьям и знакомым, но как только кому-то хватало нахальства замахнуться с ним на фамильярность, как Нейт тут же с нахмуренным видом отлучался начищать стаканы, инспектировать краны или проверять свечи, а выскочка, что по недомыслию его обидел, оставался, как оплеванный, ждать дальнейшего обслуживания (которое нарочито затягивалось) и сожалеть о своей дерзкой выходке. «Не такое «Нейт» место», – любил говаривать Нейт, хотя, какое же оно именно, спросить ни у кого не доставало духа. Нейту нравилось, чтобы обстояло именно так, а с ним и завсегдатаям бара.

Бар «Нейт» и Нейт-хозяин олицетворяли былые времена, когда эта часть Куинса была преимущественно ирландской, до того как сюда понаехали индийцы, афганцы, мексиканцы, колумбийцы и раздербанили его на свои мелкие анклав. Ирландцем Нейт не был, не был ирландским

и его бар. Даже в день Святого Патрика огоньки здесь не менялись с белых на зеленые, а к пиву сидельцам не подавались зубочистки с флажками в виде трилистников. Нет, здесь дело в определенном душевном складе, отношении.

Окруженный чуждыми, привнесенными извне запахами, веяниями и акцентами, в постоянно меняющейся городской среде «Нейт» символизировал незыблемость устоев. Это был бар из старого мира. Сюда приходили выпить и вволю поесть простой и вкусной пищи, без всяких там диетических изысков с болезненной оглядкой на уровень холестерина. Здесь надлежало держать себя в рамках: если мелькнет за разговором какое скабрзное словцо, то будь добр произноси его потише, особенно в присутствии дам. По счету плати в конце вечера, не суетись с расчетом после каждой выпитой. Чаевые давай по-людски, не скарсудничай. Стулья здесь удобные, туалеты чистые (отдельные граффити не в счет), а разливающая рука Нейта тверда и верна – не тяжелая и не легкая. Он смешивал хорошие коктейли, а вот шутеров<sup>[3]</sup> у него не водилось.

«Хотите шутерс – валите в «Хутерс»<sup>[4]</sup>, – как-то напутствовал хозяин бара ватагу первокурсников, запросивших у него по неведению поднос «Пикирующих бомбардировщиков». Потом, уже выпнув парней из своего заведения, Нейт сказал, что первой их ошибкой было вообще найти сюда дорогу. «Щеглов из колледжей» Нейт не привечал, хотя сам не сказать чтобы совсем уж без гордости относился к ребятам из местных, что решили продолжить образование. Это он как раз приветствовал. Нейт знал их родителей, помнил дедушек и бабушек. Так что для него эти ребята были не «щеглы из колледжей», а «своя ребятня», и в баре им всегда находились и место, и радушие, хотя шутеров им Нейт все равно не подавал, даже если б те излечивали от рака. Так уж у него заведено.

Отдельного кабинета в баре не имелось, зато четыре столика на задах были отгорожены от остального помещения деревянным простенком с тремя вставками из матового стекла. Здесь-то и протекало празднование шестидесятилетия Уилли Брю. На протяжении вечера мероприятие, надо сказать, становилось все разгульней. Сердцевину шума составляли Арно и еще шесть-семь персон вокруг, наперебой орущих тосты и остроты. За вторым столиком, где сидели еще четыре-пять человек, было потише: разгул сглаживался степенностью Джемисона и общей добротой натуры его соседей по столу. Третий оккупировала разносортница из жен и подруг, которую Уилли, честно признаться, поначалу не вполне одобрял. Он-то рассчитывал, что соберется мальчишник, а оно вон как обернулось. Хотя



не гнать же их. Ладно, пускай кучкуются, но только особняком и в рамках хоть каких-то приличий.

Впрочем, в глубине души приход женщин Уилли даже льстил. Внешне он неказист, в манерах грубоват. С уходом жены единственные дамы, с которыми Брю имел физический контакт, были с металлическими буферами и фарами вместо глаз. Он уж и позабыл, каково это – быть объатым разгоряченными феминами, задыхаться от их духов и радушных поцелуев. Уилли рдел от макушки до щиколоток, ощущая, как «женщины роскошного возраста», то по одной, а то и сразу по две, налегают и щедро елозят по нему своими телесами, воскрешая в памяти порочно-сладостные воспоминания. Одна из причин, по которой Брю скрылся в убежище мужского туалета, это как раз попытка стереть со щек и рта следы губной помады, чтобы не выглядеть подобно «раздобренному купидону, рекламирующему по бедности день Святого Валентина» (слова Арно).

Сейчас, стоя у двери туалета, Уилли озирает калейдоскоп лиц, словно бы видя их заново. Первое, что бросалось в глаза, это сколько же из них с плутовским прошлым. Вон Гручо, спец по запуску движков без ключа зажигания – из него бы вышел неплохой механик, кабы ему можно было доверять. Но он выжига: мухлюет при продаже машин, на которых должен работать, а маржу загребает себе. Рядом с ним радуется жизни Томми Кью, аферист, каких поискать, индивид совершенно без тормозов – видно, таким уж родился. Поставщик всего пиратского: фильмов, музыки, софта – ему бы впору повязку на глаз и попугая на плечо. Однажды Уилли в припадке безумия (не иначе) прикупил у Томми пиратскую копию одной киноновинки. Так там звук почти полностью заглушался мощным хрустом попкорна, а где-то рядом вовсю шалила парочка – если не шпарилась напрямую, то во всяком случае максимально приблизилась к этому в условиях полного кинозала. Вообще картина вполне типичная для нью-йоркской киношки накануне выходных, вот почему Уилли совсем перестал ходить в кинотеатры. Безыскусно обернутое подношение Томми – нечто, подозрительно похожее на подборку пиратских ДВД, – лежало в углу, поверх общей кучи подарков ко дню рождения.

Были и такие, которые теоретически могли бы находиться здесь, но по совершенно разным причинам отсутствовали. Гробовик Эд отбывал «от двух до пяти» в орегонском Снейк-Ривере за прелюбодеяние с трупом. Слово, скорее всего, не вполне верное. Точную формулировку обвинения Уилли не знал, да и, откровенно говоря, знать не желал. Он не из тех, кто обсуждает чужие сексуальные наклонности. Сам факт того, что один голый

человек был застигнут в интимной позе с другим голым человеком, ему абсолютно поровну. Но когда один из этих голых оказывается, гм, не на пике своего здоровья, то это уже проблематично. В Гробовике Эде, надо сказать, всегда просматривалось что-то ползучее. Не так чтобы комфортно находиться рядом с человеком, пытающимся зарабатывать на жизнь похищением трупов и удержанием их с целью выкупа. Оставалось успокаивать свою психику тем, что до поступления выкупа Гробовик Эд держал трупы хотя бы в морозильнике, а не у себя в кровати.

А вот Джей – совместитель, лучший из спецов по трансмиссиям, известных Уилли, – пять лет назад умер. Ночью во сне остановилось сердце (если вдуматься, финал не такой уж плохой). И все же Уилли по Джею скучал. Не человек был, а глыба: сама порядочность и здравый смысл – качества, увы, не свойственные кое-кому из тех, кто сегодня собрался здесь, в «Нейте». Добрый старик Джей. Так уж и старик? Уилли печально покачал головой. Забавно: Джей всегда казался ему старым, хотя теперь сам Уилли отстоял всего на пять лет от того возраста, в котором умер Джей.

Взгляд Брю заскользил дальше, ненадолго притормозив на женщинах (из них некоторые сейчас смотрелись очень даже ничего: как видно, сказывалось выпитое); прошелся по Нейту – тот у себя за стойкой флегматично мешал заказанный коктейль; затем по фигурам незнакомых мужчин и женщин в уютных коконах полумрака, с золотистым гримом свечных отсветов на лицах. Так Уилли стоял, полускрытый в затенении и сейчас словно отрезанный, отмежеванный от всего происходящего. Призрак на собственном празднике. Ощущение неожиданно приятное.

Сбоку к стене жался уже разоренный фуршетный стол, на котором из угощения оставались лишь разрозненные останки жареного цыпленка в соседстве с ломтиками мясной нарезки и блюдцем острого чили, а также недоеденным тортом. А в углу справа от стола, отдельно от остальных гуляющих, сидели трое. Один из них – Луис. Со дня их памятной первой встречи у афроамериканца прибавилось седины, а грозности, наоборот, поубавилось. Хотя это, скорее всего, оттого, что они с Брю уже много лет знакомы – в других обстоятельствах Луис мог смотреться очень даже устрашающе.

Справа от Луиса сидел Ангел, ниже его почти на голову. Гляди-ка, приоделся, то есть стал походить на растрепу чуть меньше обычного. Даже вон побрился – и сразу помолодел. О прошлом Ангела Уилли знал немного, больше догадывался. С виду вроде и не скажешь, но в людях Брю разбирался неплохо. Как-то раз он пересекся с человеком, который

в свое время знал папашу Ангела – по словам парня, «сучару из сучар, каких только носила земля». В разговоре прозвучал темный намек на изнасилования, сдачу мальчугана в пользование за деньги и выпивку, а то и просто потехи ради. Об услышанном Уилли, естественно, никому не сказал, но оно отчасти объясняло, откуда у Ангела с Луисом такая неразрывная связь. Даже ничего не зная о происхождении Луиса – где рос, как и кем воспитывался, – на одном чутье можно сделать вывод, что оба, и Ангел, и Луис, слишком много выстрадали в детстве и что каждый находил в своем партнере эхо себя самого.

Но настораживали Уилли не они, а тот, третий. Ангел с Луисом, негласные партнеры по бизнесу, были для него все же не столь загадочны, как их товарищ. В присутствии Ангела с Луисом Брю по крайней мере не чувствовал, что миру грозят выход из заведенного порядка и погружение в тревожный сумрак, что в жизни существует нечто неизведанное, если не сказать потустороннее. А вот этот, третий, вызывал у Уилли именно такое ощущение. В целом он этого человека уважал и даже испытывал к нему симпатию, но есть в нем что-то... Какое там слово использовал Арно – «надмирный»? Надо будет где-нибудь глянуть. Чувствуется, что слово не совсем верное, но... короче, не от мира сего. Можно и вовсе сказать – запредельный.

При всяком контакте с этим индивидом Уилли отчего-то грезилась церква с курящимся фимиамом, проповеди с предостережениями о геенне огненной и вечном проклятии. Вспоминалось собственное детство, когда он мальчиком прислуживал при алтаре. Казалось бы, вздор, но тем не менее это так. Тот человек нес с собой намек на ночную мглу. Каким-то образом он напоминал солдат, что встречались Уилли во Вьетнаме. Людей, прошедших через горнило увиденного и содеянного, коренным образом их изменившее. Преобразившего настолько, что даже в обычном разговоре чувствовалось: некая их часть при этом отстранена от происходящего и находится в каком-то совершенно ином месте, где неизбывный мрак и смутно различимые фигуры издают резкие клекочущие звуки в сгущениях теней.

К тому же этот тип опасен. Не менее смертоносен, чем те двое, что сейчас сидят рядом. Только их смертоносность составляет часть их натуры и они с ней вполне сжились, в то время как этот против своей, наоборот, борется. Когда-то он был копом, но в некий черный день оказались убиты его жена и дочурка, причем убиты с неслыханной жестокостью. Того, кто это сделал, бывший коп в конце концов нашел и не пощадил. Как узнал Уилли, с той поры этот человек спровадил на тот свет еще целую вереницу

редкостно гнусных, порочных мужчин и женщин, а Ангел с Луисом ему в этом помогали. При этом пострадали все трое.

Были боль, ранения, муки. Луис повредил себе левую руку: пуля раздробила кости. Ангел несколько месяцев провел в больнице, где перенес пересадку кожи на спине, – процедура, определенно вытянувшая из него часть жизни. Из-за этого он теперь наверняка умрет раньше положенного срока. Тот третий недавно лишился лицензии частного детектива и все никак не может наладить отношения со своей подругой (и неизвестно, наладит ли вообще). Из-за этого он видит свою нынешнюю малышку дочку не так часто, как, возможно, хотелось бы. Последнее, что знал Уилли про бывшего копа, – что он сейчас работает за стойкой бара в Портленде. Долго он там, скорее всего, не задержится: не тот типаж. Но что можно с уверенностью сказать – он как магнитом притягивает к себе беду. А те, кто приходит к нему за помощью, ведут за собой драконов.

При общении Уилли называл этого человека Чарли, а Арно – мистером Паркером. Говорят, раньше его многие звали Птахой, но это прозвище, как в свое время сообщил Уилли Ангел, «упорхнуло вместе с молодостью», так что Чарли теперь на него и не реагирует. Уилли же с Арно за глаза величали его Детективом. Это прозвание возникло как-то само собой, без всяких обсуждений и согласований – непреднамеренно и естественно. Уилли так о нем всегда и думал, как о Детективе с большой буквы. Вполне внятно, с призвуком должного уважения. Уважения и, пожалуй, небольшой толики страха.

На первый, поверхностный взгляд Детектив казался вполне себе безобидным. Этим он отличался от Луиса, который стороннему наблюдателю показался бы устрашающим даже в окружении танцующих фей и эльфов с крылышками. Ростом Детектив был выше среднего, под метр восемьдесят. Волосы темные, почти черные, тронутые проседью на висках. На подбородке и возле правого глаза рубчики шрамов. Сложения среднего, но видно, что мускулистого. Глаза синие с зеленинкой, в зависимости от освещения. Зрачки всегда маленькие и темные. Даже когда Детектив вроде бы расслаблен, как сейчас на вечеринке у Уилли, часть его все равно остается начеку, вне досягаемости, и напряжена настолько, что глаза даже не пропускают внутрь себя свет. Уилли тайком полагал, что от таких глаз люди отводят взоры. Есть такие типажы, которым смотришь в глаза, а самого невольно тянет улыбнуться. Потому как если действительно правда, что глаза – это зеркало души, то на сердце у таких людей и впрямь доброта, и это как-то передается тем, кто встречается с ними взглядом. Детектив же был совсем иным.

Не то чтобы недобрым, нет. Уилли наслышан о нем достаточно и знает, что этот человек не из тех, кто отвернется от чужой боли или будет натягивать на голову подушку, чтобы не слышать с улицы криков о помощи. Те шрамы на его лице являли собой печать храбрости, и можно с уверенностью сказать, что под одеждой их еще больше. И не только под ней, но и под кожей, и еще глубже, у самой души. Просто дело в том, что доброта и отзывчивость в Чарли сосуществовали с яростью, горем и чувством утраты. Детектив неустанно боролся, чтобы его душу не оскверняли те темные элементы, но ему это удавалось не всегда, и свидетельство борьбы проглядывало в его глазах.

– Эй, задумчивый! – окликнул сбоку Арно. – Что с тобой такое нынче? Тебе как будто только что из налоговой позвонили.

Уилли пожал плечами:

– Да вот, дожил до новой цифры с ноликом на конце. Станешь тут задумчивым.

– Типа будешь мне теперь по утрам подносить кофе и спрашивать, как ночью спалось?

Уилли укоризненно ткнул напарника локтем в бок.

– Окстись, дурила. Задумчивый – это значит начинаешь обо всем размышлять, вспоминать.

– Да перестань ты. Раньше толку тебе от этого не было никакого, а теперь нечего и начинать: старый уже.

– Пожалуй, ты прав.

В руку Уилли была втиснута очередная бутылочка пива – «Бруклинский лагерь», он на него с недавних пор подсел. Отрадно сознавать, что в Уильямсберге снова работает независимая пивоварня, которую сам бог велит поддерживать. Ну а поскольку вкус у пива действительно отменный, то и поддержка получается обоснованной, а не авансом в счет будущих заслуг.

Напоследок Брю еще раз поглядел на тех троих в углу. Ангел, перехватив его взгляд, приветственно поднял бокал. То же самое рядом сделал Луис, и Уилли в знак признательности отсалютовал бутылочкой. Теплая волна благодарности окатила его – такая ощутимая, что щеки зарделись, а на глаза навернулись слезы. Он знал, чем эти люди занимались в прошлом и на что, собственно, способны и сегодня. Но в их мире тоже кое-что сместилось. Может, это влияние их третьего товарища, но по-своему они хорошие парни. Уилли попытался вспомнить сказанное про них однажды кем-то, что-то насчет ангелов.

Ага, вспомнил: «Они на стороне ангелов, даже если ангелы толком

не уверены, хорошо ли это».

Вспомнилось и то, кто именно это сказал: как раз их третий товарищ, Паркер. Детектив. В эту секунду он обернулся, и Уилли почувствовал на себе его внимание. Детектив улыбнулся, и Уилли тоже ответил ему улыбкой. При этом он не мог отделаться от ощущения, что Детектив в точности прочел его мысли.

Уилли пробил озноб. Он лгал, говоря Арно, что в рассеянность его ввергает бахнувшая по голове шестерка с ноликом. Частично, может, и да, но основное он недоговаривал. Дело в том, что последние два дня над ним довлело предчувствие, что что-то не так. Хотя, что именно, сказать трудно. Позавчера через улицу Уилли заметил припаркованный у обочины синий «Шевроле Малибу», примерно напротив автомастерской.

Впереди сидели двое, и Уилли показалось, что они за ним тайком наблюдают, поскольку, когда он стал обращать на них внимание, они уехали. Позже Брю решил, что это навязчивая идея, но сегодня он опять видел тот автомобиль, и опять впереди сидели те двое – сомнения не было. Уилли хотел сообщить об этом Луису, но как-то не решился. Не время, да и не место. Тем более в такой день. Может, оттого и мандраж, что он сегодня почал седьмой десяток. И тем не менее никак не удавалось отделаться от ощущения: что-то слегка прогнулось, дало крен. Так, помнится, было и тогда, когда жена подала на развод и подвисла судьба мастерской: в существовании наметилась трещина, а мир, дорогой и привычный мир, показал свою зыбкость под неким воздействием снаружи – враждебным, опасным.

А что-либо этому противопоставить Уилли был не в силах.

## Глава 4

Шел второй час ночи. Гости в основном разбрелись, из основного состава оставались лишь Арно, сам Уилли, а также некто Счастливчик Сол. Еще ребенком этот парень повредил себе лицевой нерв, и с той поры его мимика застыла в перманентной кривоватой улыбке. На похоронах от Счастливчика Сола все отсаживались подальше: сами понимаете, стыдоба. Если кто не знает: люди с прозвищами Весельчак, Везунчик, Счастливчик, как правило, отличаются редкостной угрюмостью нрава. Нет такой колокольни или вышки, на которой они не представляли бы себя с «винторезом» – а еще лучше с пулеметом, – из которого поливают стоящих внизу долболобов. Как ни странно, Счастливчик Сол был вполне душевным и общительным парнем, балагуром. Сидеть с ним – одно удовольствие. В данный момент он рассказывал Уилли и Арно очередной анекдот, да такой скабрёзно-богохульный, что Уилли был уверен: уже за то, что он его слушает, черти в аду, потирая руки, готовят ему сковородку пожарче.

Ангел с Луисом в своем углу теперь остались одни. Детектив ушел. По жизни он почти не пил, к тому же завтра спозаранку ему предстояло возвращаться к себе в Мэн. Перед уходом Детектива Уилли распаковал его подарок: подписанную самим Генри Фордом квитанцию на доставку упаковочных ящиков, в рамке и с фотографией этого бога автомобилестроения наверху.

– Мне тут подумалось, ты бы мог повесить ее у себя в мастерской, – сказал Детектив, в то время как Уилли нежно-влюбленным взглядом глазел на фотоснимок, пальцами водя по подписи под стеклом.

Он был очень растроган и чувствовал себя слегка виноватым. Недавние мысли о Детективе сейчас казались несколько плебейскими. Даже если они и имели под собой почву, то все равно демоническая составляющая этого человека – лишь малая его часть.

– Спасибо, – поблагодарил Уилли, с чувством пожимая Детективу руку. – И за это, и вообще что пришли.

– Я таких мероприятий не пропускаю. Ну что, Уилли, до новых встреч?

– Обязательно.

Распрощавшись с Чарли, Уилли возвратился к Арно и Счастливчику Солу.

– Ух ты, – оценивающе протянул Арно, принимая рамку с артефактом и с прищуром оглядывая ее на вытянутых руках. – Вот это вещь.

– Да, – отозвался Брю, глядя, как Детектив, напоследок перекинувшись словом с Нейтом, отправляется наружу, в ночь.

Арно хоть и был под хмельком, но от него не укрылось нетипичное выражение лица босса, и это его несколько напрягало.

– Да, точно, – видя на себе вопрошающий взгляд напарника, сбивчиво сказал Уилли.

\* \* \*

Двое в углу сидели близко, но не вплотную. Кисть руки Луиса непринужденно свисала со спинки стула за спиной у Ангела. Нейт отношения этой пары воспринимал вполне благодушно. То же самое Арно и Уилли, и даже Счастливчик Сол (хотя по его лицу об этом судить сложно, при необходимости пришлось бы спрашивать – иначе ничего не узнаешь). Вероятно, не все в «Нейте» были настроены столь же либерально, глядя, как Луис с Ангелом то беззлобно цапаются, то втихаря дают друг дружке тычки. Но если у кого-то и возникал рискованный соблазн задать вопрос об их сексуальной ориентации или взаимной приязни, которая подчас становилась видна невооруженным глазом, то ему хватало ума подавить свое безрассудство и избежать подобной выходки – отчасти из опасения впасть в немилость к Нейту, а отчасти из-за того, что некоторые аспекты собственной жизни требовали от такого ревнителя нравственности держаться по возможности в тени. И он сидел и не высовывался. Не то что эти двое – безупречно, с иголки одетый темнокожий, от одного вида которого бросило бы в пот айсберг холодным днем, и мелковатый растрепанец: заметив такого на улице, невольно задашься мыслью, не ссадили ли его со своей машины мусорщики. Стороннее внимание было им, похоже, абсолютно безразлично.

Сейчас напарники перешли на бренди, для чего Нейт выставил свои лучшие коньячные бокалы с сужающимся горлышком – такие объемные, что в них запросто можно держать золотых рыбок. Негромко играла фоновая музыка: Синатра и Каунт Бейси 1962 года. Голос Фрэнка задушевно вещал о том, что любовь, оказывается, нежная ловушка. Нейт у себя за стойкой натирал фужеры, безмятежно подмурлыкивая песню. Обычно к этой поре он уже закруглялся, но сейчас не выказывал никакой торопливости. По всей видимости, это одна из тех ночей, когда часы



словно останавливаются, а те, кто находится в этом волшебном царстве, уютно изолируются от бед и забот внешнего мира. Уютно чувствовал себя и Нейт, давая всем на какое-то время здесь задержаться, – своего рода подарок гостям от хозяина заведения.

– Для Уилли вечеров, похоже, удался, – высказал предположение Луис.

Уилли сейчас сидел, легонько покачиваясь на стуле с остекленелым видом человека, только что огретого по макушке сковородой.

– Ну да, – согласился Ангел. – Кое-кто из женщин, похоже, одарил его собой не на шутку. Видишь, как притягивает стильность: он же нынче приоделся.

– Нам всем не мешает брать с него пример.

– Это точно. А еще мне кажется, Уилли сегодня немного не в себе. Ты не находишь?

– Ну так повод-то какой. Настраивает человека на философский лад. Заставляет размышлять о своей бренности.

– Мысль какая жизнерадостная. Наверное, не мешало бы открыть линию праздничных открыток: «Поздравляем с днем бренности». Или еще лучше – «будущей летальности».

– Ты тоже сегодня живизной не отличался.

– Ты же сам ворчишь, когда меня несет.

– Только когда ты лопочешь не в тему.

– Темы есть всегда.

– В этом суть твоей проблемы: в балансе. Может, Уилли на тебя как-то повлиял в сторону фильтрации базара. – Пальцы Луиса легонько щекотнули Ангелу шею. – Ты скажешь мне, что случилось?

Вблизи никого не было, но Ангел, прежде чем заговорить, все равно огляделся, как бы невзначай. Осмотрительность не мешает никому и никогда.

– Да вот слышал кое-что. Помнишь Уильяма Уилсона, больше известного как Детка Билли?

– Знаю про такого, – кивнул Луис.

– Можешь говорить в прошедшем времени.

– Что с ним стряслось? – спросил Луис после некоторой паузы.

– Почил в мужском туалете Свитуотера, штат Техас.

– От естественных причин?

– Ну да. Сердечная недостаточность. От удара ножом прямо в пламенный мотор.

– Хм. Как-то не вяжется. Он ведь был хорош. Зверина, двинутый, но в своем деле мастер. Такого на нож так просто не возьмешь:

не допустит.

– Я слышал, он начал переступать через черту, к простой работе добавлять художества.

– Я тоже о том наслышан. – У Детки Билли все извечно обстояло с каким-то подвохом. Луис разглядел это с самого начала, а потому, как только стала появляться возможность выбирать, решил обходиться без него. – У него всегда была склонность причинять боль.

– Кто-то, видимо, решил, что он чересчур увлекся.

– А может, вышло вот как: бар, пьянка, кто-то в запале хватается за нож, ему на помощь приходят дружки, – пошел раскручивать версию Луис, хотя сам себе не верил ни на миг.

Так, мысли вслух, за счет выхода в эфир отшелушивающие другие варианты, – эдакие канарейки в шахте Луисова ума.

– Может быть, только в баре на тот момент почти никого уже не было – это первое. А второе, что речь идет не о ком-то, а о Детке Билли. Кто бы его ни ткнул, он должен быть не просто хорошим, а просто-таки филигранным мастером.

– Билли-то уже старел.

– Между прочим, он был младше тебя.

– Ненамного. Для меня не секрет, что я тоже старею.

– Для меня тоже.

– Что ты стареешь?

– Нет, ты.

На секунду глаза Луиса мстительно сузились.

– Я тебе ни разу не говорил, насколько ты мне кажешься забавным? – спросил он.

– Сегодня еще нет.

– Верно. Потому что ты мне таким не кажешься. Во всяком случае, теперь ты знаешь, почему. Лезвие вошло спереди или сзади?

– Спереди.

– При нем нашли какие-нибудь метки, бумаги?

– Если б да, то кто-нибудь бы услышал.

– Может, и услышал. А ты откуда про все это узнал?

– Из Интернета. Потом еще сделал пару звонков.

Луис задумчиво поворачивал в руке бокал, вдыхая аромат согретого теплом ладони бренди. Его разбирала глухая досада. Как же так, почему никто не сообщил ему насчет Детки Билли раньше, хотя бы из вежливости? Видно, мир меняется. Возможно, это происшествие сочли просто недостойным его внимания – немудрено, при его прошлом послужном

списке.

– А ты всегда ведешь учет людей, с которыми я в свое время работал? – спросил Луис.

– Так, от случая к случаю. Да и осталось их не так-то много.

– Теперь, с уходом Детки Билли, точно немного.

– Да ну, неправда.

– Ну да, нет, – подумав, согласился Луис. – То есть да.

– Что позволяет мне продолжить, – сказал Ангел.

– Продолжай.

– Копы допросили всех, кто был в баре на момент обнаружения трупа.

Из сидельцев до срока ушел только один: толстячок в дешевом прикиде. Сидел у стойки и посасывал какую-то хрень из-под крантика. По виду из тех, кто штанов не меняет месяцами.

Луис, прихлебнув бренди, подержал его во рту и лишь затем жаркой струйкой пустил в пищевод.

– Еще что-нибудь?

– Бармен сказал, что вроде как заприметил у того типа над воротником рубцы будто бы от ожогов. И еще на правом запястье.

– Да мало ли народу обжигается, – отмахнулся Луис с равнодушием, но, что примечательно, явно деланым.

За успокоительно брошенными словами крылось чувство недюжинной глубины.

– Казалось бы, – сказал Ангел. – Только не каждому из них по плечу тяпнуть ножичком такого, как Детка Билли. Ты думаешь, это он?

– Лезвие, – медленно произнес Луис. – Его нашли в теле?

– Нет. Как видно, прихватил с собой.

– Не захотел оставлять хороший ножик. Он был стрелок, но всегда предпочитал кончать их вблизи.

– Если это он.

– Если это он, – эхом отозвался Луис.

– Если да, то давненько он не давал о себе знать.

Правая ступня Луиса выстукивала по полу медленный ровный ритм.

– Ему пришлось несладко. Понадобилось время, чтобы оправиться, выздороветь. Видимо, он снова сменил внешность, как и раньше. Для простой рутинной работы он бы из укывища не вылез. Должно быть, кто-то возымел на Детку Билли огромный зуб.

– То есть дело тут не только в деньгах?

– Если это он, то нет.

– Если он возвратился, то Детка Билли может быть только началом.

Ты, да и не только ты, хотел бы сжечь его заживо.

– Это так. Он по-прежнему будет терзать этот мир каждую минуту, и при этом не станет тем, кем был.

– Ему хватило сноровки управиться с Деткой Билли.

– Если это он, – как мантру произнес Луис. В сущности, это мантра и была. Так или иначе, следовало ожидать, что Блисс когда-нибудь да вернется. И если тот тип действительно он, в каком-то смысле это даже облегчение. Больше незачем изводить себя ожиданием. – А судя по почерку, так оно и есть. Даже если форма слегка утрачена, мало кто может с ним потягаться. Детка Билли точно не смог.

– Невелика потеря.

– Это так.

– Но оттого, что вернулся Блисс, миру тоже легче не станет.

– Никоим образом.

– Я-то грешным делом надеялся, что его нет в живых.

Многое из всей этой истории произошло еще до знакомства Ангела с Луисом. Правда, с Деткой Билли они однажды пересеклись, уже будучи вдвоем. Встреча произошла в Калифорнии – случайно, на станции техобслуживания, где Луис с Деткой Билли нарезали друг возле друга настороженные круги, словно волки, готовые к схватке. Ангел к той поре Детку Билли как человека уже не воспринимал, хотя, возможно, все это с подачи Луиса. О Блиссе он тоже знал лишь по рассказам о том, что тот сделал Луису и что получил от него в ответ. Луис поведал об этом потому, что понимал: дело еще не закончено.

– Он не умрет, если только кто-то не заставит его это сделать, – сказал тогда Луис. – И о деньгах здесь речь не идет. Ни о деньгах, ни о процентах.

– Если только не знать, что в списке у него твое имя.

– Я не думаю, что он шлет извещения.

– По всей видимости, нет.

Ангел залпом намахнул половину своего бренди и закашлялся.

– Глотками надо, – пожурил его Луис. – Это ж тебе не микстура.

– По мне, так лучше бы пивка.

– Не знаешь ты толка в светской жизни.

– Знаю. Но только в теории.

– Вот я и вижу, – досадливо покачал головой Луис.

Квартира, где жили Ангел с Луисом, вряд ли совпала бы с умозрительными представлениями тех, кто был знаком с ними поверхностно и видел лишь их полное несходство в одежде, манерах поведения и в отношении, казалось бы, к жизни в целом. Квартира занимала два верхних этажа в трехэтажке на дальних подступах к Верхнему Вестсайду, где зазор между богатством и бедностью значительно сужается.

Прежде всего при входе в квартиру в глаза бросалась безукоризненная чистота. Спальня у Ангела с Луисом была общая, но при этом у каждого имелось по комнате, где можно уединиться и посвятить себя личным, сугубо своим увлечениям и интересам. Комната Ангела, например, содержала все безошибочные признаки того, кто не на шутку увлечен вскрытием замков и отключением систем сигнализации. На это указывали всевозможные справочники, инструкции и подборки инструментов. Здесь же стоял верстак – точнее, вполне укомплектованное рабочее место, уставленное всякой электрической и механической всячиной и содержащееся в порядке, каким мог бы гордиться любой квалифицированный мастерской.

Комната Луиса отличалась строгостью и аскетизмом: рабочий стол с ноутбуком и кресло. Вдоль стен тянулись полки с музыкой и книгами. Музыка, на удивление, тяготела к кантри. Целая секция была отведена черным артистам. Из современных тут были представлены Дуайт Квик, Вики Ванн, Карл Рэй и «Ковбой Трой Колмен», из более ранних – Дефорд Бейли и Стони Эдвардс вкупе с неполным Чарли Прайдом, «Modern Sounds» Рэя Чарльза (это уже скорее кантри-вестерн), кое-что из Бобби Вумэка. А еще здесь присутствовал бокс-сет «From Where I Stand» с экспериментами черных музыкантов в области кантри.

Луис откровенно недоумевал, почему многие из его соплеменников так и не смогли настроиться в резонанс с этой музыкой, войти с ней в контакт. Ведь она как ничто другое повествует о сельской нищете, о любви и отчаянии, преданности и неверности – переживания, знакомые всем: и черным, и белым. У темнокожих бедняков куда больше сходства с белой беднотой, чем с богатыми черными, а потому эта музыка служит нагляднейшим и на редкость созвучным средством выражения для тех, кто обездолен, кто страдает и терпит печали и невзгоды. Обо всем этом музыка кантри рассказывает безотносительно цвета кожи. Тем не менее в подобных воззрениях Луис обреченно причислял себя к меньшинству. И хотя ему почти удалось убедить своего партнера в достоинствах некоторых вещей, за которые тот прежде над ним подсмеивался (сюда

входили регулярные стрижки в салонах, а также магазины нормальной, а не уцененной одежды), черная кантри-музыка, увы, оставалась у Ангела одним из многих упорно не выводящихся «белых пятен».

Что до самой квартиры, то она состояла из современной, редко когда используемой кухни, выходящей в гостиную, совмещенную со столовой. Все это на нижнем этаже, где располагалась и мастерская Ангела. На верхнем находились роскошная ванная, которую Луис держал исключительно для себя, своему партнеру оставив душевую по соседству; кабинет Луиса; скромных размеров гостевая комната со встроенной душевой (ни та, ни другая никогда не использовались), а также основная спальня со встроенными во всю стену шкафами (здесь по общему согласию и общими усилиями царил безукоризненный порядок, нарушаемый разве какой-нибудь случайной книжкой или журналом, а так – вид, как в каталоге дизайна интерьеров).

Да, и еще: за зеркалом в гостевой душевой скрывался оружейный сейф. Когда Ангел с Луисом проводили время в квартире, сейф был открыт. На ночь в спальне оба держали под рукой стволы. Когда квартира пустовала, оружейный сейф запирался, а зеркало скрупулезно возвращалось на первоначальное место с помощью запорного механизма, приводимого в действие маленьким, с мизинчик, перекидным выключателем за зеркалом. Уборку и текущее содержание квартиры Луис с Ангелом осуществляли сами – никаких людей с улицы, а также друзей и знакомых (да их, собственно, и было-то раз-два и обчелся).

Жили напарники, можно сказать, в условиях конспирации. Для связи использовали лимитные проплаченные мобильники, регулярно их меняя. Причем сами платежей не делали: одноразовые сотики в магазинах, разбросанных по четырем штатам, покупали бездомные, а затем трубки собирал и передавал посредник. Но и при этом сотовые использовались только в крайней необходимости. Звонки в основном делались из уличных таксофонов.

Интернета в квартире не было. Неподалеку, в съемном офисе одной из многочисленных подставных фирм Луиса, стоял стационарный компьютер, который напарники иной раз использовали для, так сказать, деликатных поисков. А зачастую для таких нужд годилось и случайное интернет-кафе. Общения по электронной почте Ангел с Луисом избегали, а когда требовалось, использовали Hushmail<sup>[5]</sup>, через который отсылали зашифрованные сообщения или же встраивали шифры во внешне вполне безобидные писульки.

Расплачивались по возможности налом. В бонусных программах

не участвовали. В метро пользовались проездными карточками. Их по истечении выбрасывали и брали новые, вместо того чтобы доносить на старые и таким образом экономить. Коммунальные счета оплачивали через юридическую контору. Освоили наиболее оптимальные пешие и автомобильные маршруты, где было минимум камер наблюдения, а для подсветки собственных машинных номеров использовали инфракрасные лампочки, ослепляющие видеокамеры, работающие примерно в таком же инфракрасном диапазоне.

Наряду с этим у них дома имелась и другая – более своеобразная, но не менее надежная – защита. Цокольный и первый этажи строения занимало съемное жилище одной пожилой дамы, миссис Эвелин Бондарчук. Миссис Бондарчук держала у себя пару звонкоголосых шпицев, а попутно приторговывала английским ситцем и костяным фарфором. Когда-то на свете обретался еще и мистер Бондарчук, но его много лет назад отнял у тогда еще юной супруги эпизод трагического непонимания, возникшего между господином Бондарчуком и проносящимся мимо поездом. Мистер Бондарчук был тогда пьян и спутал железнодорожные рейсы с общественной уборной, со всеми вытекающими последствиями.

С той поры миссис Бондарчук замуж так и не вышла. Отчасти потому, что никто не мог ей заменить горячо любимого, хотя и беспутного, супруга. А если и мог бы, то паче чаяния грозил оказаться таким же, а то и еще более непутевым, чем его предшественник. А зачем, согласитесь, такое отягчение в жизни. И вот с той давней поры уголок гостиной в гнездышке Эвелин превратился в ностальгический, хотя и слегка запыленный алтарь памяти почившего мужа, а нерастраченную любовь миссис Бондарчук теперь щедро изливала на поколения своих шпицев – животных, которых беспутными вряд ли назовешь.

Жилье миссис Бондарчук было с ограниченной квартплатой. Ежемесячно она перечисляла смехотворную сумму некоей «Лерой Франк пропертиз» – конторе с невнятным адресом где-то на Нижнем Манхэттене. Фирма «Лерой Франк» купила трехэтажку в начале восьмидесятых, и некоторое время миссис Бондарчук опасалась, как бы эта перепродажа не сказалась на плате за жилье. Но потом к ней пришло письмо с заверением, что все остается как есть, так что женщина могла теперь вздохнуть спокойно и жить-поживать в окружении шпицев в квартире, где обитала уже без малого тридцать лет. Более того, ей даже разрешили распространить свою сферу влияния на цокольный этаж, пустующий с той поры, как несколько лет назад ушел в мир иной его прежний владелец.

Миссис Бондарчук знала, что в городе такое было бы немыслимо,

и позаботилась о том, чтобы в отношении нее подобная немыслимость сохранялась. О свалившейся на нее удаче женщина помалкивала. Сказала только своей доброй подруге миссис Ноти, и то лишь после того, как та торжественно поклялась, что будет как могила. Женщиной миссис Бондарчук была умной. Она понимала, что с ее трехэтажкой происходит что-то необычное, но, поскольку это не мешало ей жить, а скорее наоборот, она вела себя благоразумно и позволяла всему идти своим чередом.

Единственное существенное изменение произошло, когда супружеская чета наверху – оба бухгалтеры – с выходом на пенсию переехала жить в Вермонт, а на их месте обосновались двое. Сдержанный, импозантно одетый темнокожий мужчина и личность более мелкого размера и, судя по растрепанности, масштаба, да еще такого вида, что, того и гляди, влезет к тебе в окошко за драгоценностями (как оно бы, собственно, и обернулось, не приведи Ангела судьба встретить здесь своего партнера). Но новые жильцы оказались очень даже приличные, вежливые. Хотя, похоже, с гомосексуальными наклонностями – мысль, от которой миссис Бондарчук некоторое время не могла прийти в себя (по меркам этого фривольного города она жила целомудренной затворницей).

При любых неполадках, если таковые возникали в квартире, миссис Бондарчук звонила восхитительно учтивой молодой женщине по имени Эми, бравшей трубку от имени «Лерой Франк пропертиз». Вообще-то Эми брала трубку от имени многих фирм, из которых ни одна не испытывала ни нужды, ни желания физически обретаться в городской черте. «Лерой Франк пропертиз» владела в Нью-Йорке целым рядом объектов недвижимости. Из них жилым было лишь одно помещение – та самая трехэтажка в Верхнем Вестсайте. Что касается Эми, то у нее имелось четкое указание на все просьбы и обращения миссис Бондарчук реагировать незамедлительно, решая проблемы максимум к вечеру того же дня. Для этого за хорошую плату на объект отбывал соответствующего уровня сантехник, электрик или плотник, в зависимости от того, в ком из них возникала надобность. В столе у Эми лежала папка со списком лиц, утвержденных на обслуживание нужд «Лерой Франк» применительно к данному строению.

Своих верхних соседей миссис Бондарчук знала по именам и называла их соответственно «мистер Луис» и «мистер Ангел», но, конечно же, никогда не увязывала темнокожего Луиса с «Лерой Франк пропертиз», даром что название «Лерой Франк» не так уж далеко отстоит от «Le Roi Français» – «французский король». Королей, как известно, правило множество, но самым ходовым именем среди них было, безусловно, Луи,



то есть Луис. Нет, таких аналогий миссис Бондарчук не проводила, потому как не считала нужным совать нос куда не просят. Денег ей вполне хватало на то, чтобы жить вполне себе комфортно. Соседи соблюдали тишину, и жизнь уютно протекала под твяканье ее счастливых шпичев и успокоительное звучание оркестра Мантовани, у которого, как выяснилось, под каждый перепад настроения имеется своя пластинка.

Ну а поскольку свое благополучие миссис Бондарчук ценила достаточно высоко, то бдительно оберегала каждую его грань. Поэтому когда по вызову являлся, скажем, электрик или сантехник, то свою работу они делали под недремлющим оком миссис Бондарчук и ее мелкотравчатой собачьей стражи. Почтальон дальше порога не пропускался. То же самое – залетные коммивояжеры, детишки на Хэллоуин, ребята постарше и все без исключения взрослые, кроме разве что ее старой подруги миссис Ноти – тоже вдовицы. Пожилые дамы с угрюмой деловитостью, под дешевенький херес, неизменно раскидывали по четвергам партию в триктрак.

На правах собственника объекта фирма «Лерой Франк пропертиз» установила в доме дорогостоящую и сложную систему сигнализации. Принцип ее работы миссис Бондарчук уяснила до тонкостей. Сама о том не догадываясь, в охране мира и безопасности своих верхних соседей она была элементом не менее существенным, чем те стволы, которые они таскали с собой по долгу службы. В каком-то смысле миссис Бондарчук была для них как Цербер у врат Аида.

Сейчас Эвелин, лежа в постели, слушала «Шведскую рапсодию» на маленьком CD-плеере, подаренном мистером Ангелом и мистером Луисом на минувшее Рождество (миссис Бондарчук предпочитала поздно укладываться и поздно вставать: жаворонком ее никак не назовешь). Слышно было, как по коридору вверх прошли ее соседи. Тихо запищала «сигналка», которую они погасили кодом. Затем еще один, последний «пик», и дверь сверху закрылась. Сейчас там переустановят систему.

– Спокойной ночи, миссис Бондарчук, – из коридора напоследок подал голос Ангел.

Вместо ответа Эвелин лишь улыбнулась, останавливая музыку, и погасила свет. Всё, соседи дома. От этого ей всегда спалось лучше. Неизвестно почему, но миссис Бондарчук чувствовала себя при них в полной безопасности.

Той ночью Луис лежал без сна, слыша рядом дыхание спящего Ангела. Он размышлял о своем прошлом, о скрытой природе мира. Думал о жизнях, отнятых и утраченных, о маме, о женщинах, что его растили. Думал о Блиссе. Шел за нитями в узор своей жизни, приостанавливаясь там, где они сплетались, соединялись одна с другой.

А затем закрыл глаза и стал дожидаться прихода Горящего Человека.

Тот городок был небольшой, *закатный* – термин, кое-что да значивший и для мальчика, и для таких, как он. Теперь того знака на въезде в город, скорее всего, нет – можно сказать, относительный прогресс, – но для многих он как будто все еще стоит на месте. Ведь почти все, кому на тот момент было от семи и выше, четко помнят, где находился знак: как раз перед воротами фермы Верджила Джеликотта. Старик Верджил должен был заботиться о том, чтобы знак не пятнала грязь – или, как однажды произошло во время смуты после убийства Эррола Рича, расчетливо нанесенная черная краска, в корне поменявшая смысл слов на знаке. Вместо надписи *«Негр, следы, чтобы к закату тебя в этом городе не было»* стало *«Белый! Чтобы к закату тебя в этом городе не было!»*. Старика Верджила этот акт вандализма очень встревожил. И не только его, но и других, не обязательно белых. С Эрролом Ричем, понятно, поступили неправильно, но лишний раз бесить копов и городской совет тем, чтобы похабить их любимый знак, – откровенная глупость. Тем не менее, когда с расспросами о том, кто мог это сделать, нагрянула полиция, ее встретило молчание. За глупость не сажают, во всяком случае пока, но у закона против цветных есть куча уловок и зацепок, чтобы расправиться и в обход него.

Оригинальным в плане расовой дискриминации городок назвать нельзя – так, один из тысяч во всех Соединенных Штатах. Что тут говорить, когда по решению административного центра закатными становились целые округа. В какой-то период закатными считалась половина всех населенных пунктов в Орегоне, Огайо, Индиане, предгорьях Камберлендов и Озарка. Спаси бог черного, оказавшегося с наступлением темноты, скажем, в иллинойском Джонсборо, или в соседней с ним Анне (название расшифровывалось как *«А Нигерам Нет Алиби»*, что было известно и черным, и белым; здесь на 127-м шоссе закатные знаки продержатся вплоть до середины семидесятых), или в Эпплтоне, штат Висконсин, равно как и в пригородах Левиттона на Лонг-Айленде, в мичиганской Ливонии или Кедровых Ключах Флориды. И кстати, то же самое относится к вам – жида, китаёзы, мексы и всякие там индей. Торопись, сынок, время дорого. Припозднишься, и бац...

Родной городок мальчика отличался особой симпатичностью. Опрятный, ухоженный, без чрезмерной ругани и перебранок, во всяком случае на людях. Главную улицу хоть на открытку помещай: везде цветы в горшках, и всегда по сезону. Хотя городишко был совсем маленький – такой, что и городом, по сути, назвать сложно, но в тех краях слово «деревня» было не в чести: зазорно. Место, в котором ты живешь, должно зваться или городом, или вообще никак. Город подразумевает что-то обстоятельное. Город означает соседей, законы, порядок на улицах. Город – это тротуары, парикмахерские, церковь по воскресеньям. Называть то или иное место городом значит признавать определенный уровень жизни и ее уклад. Разумеется, временами кое-кто здесь может сходить с рельсов, но при этом важно: все знают, где эти рельсы находятся. А всякий с них сход – вещь сугубо временная. Поезд продолжает движение, и все добрые граждане уверены, что они на борту на протяжении всего путешествия. Пусть даже в дороге случаются какие-то непредвиденные остановки – это допустимо.

Но на самом деле для мальчика он городом не был. Вот не был, и все. Да, действительно, здесь налицо выступали все признаки города, какое бы малое место он ни занимал. Здесь наличествовали магазины, киношка и пара церквей. Для католиков, кстати, ни одной: хотите молиться своей заблудшей версии бога – езжайте за восемь миль к востоку в Мейлерсвилль или за двенадцать к югу в Лудлоу. Были здесь и дома, все как один с ухоженными газончиками, белыми оградами из штaketника и спринклерами, беззлобно шипящими жаркими летними днями. В них жили адвокаты и доктора, флористы и предприниматели. Если глядеть под нужным углом, то здесь имелось все для обеспечения жизни тех, кто решил назвать это место своим домом.

Проблема в глазах мальчика состояла в том, что все эти люди были белые. Городок построили для белых людей, ими же он управлялся. Белые стояли за прилавками магазинов, по обе их стороны – за очень небольшим исключением. Белыми были адвокаты и белыми были флористы. Белыми были копы. Черные в городке тоже встречались, но они постоянно пребывали в движении: что-то несли, доставляли, развозили, поднимали, перетаскивали. Спокойно стоять позволялось лишь белым людям. Черные делали то, что должны, а затем в одночасье исчезали. С сумраком на улицах оставались лишь белые.

Что примечательно: не сказать, чтобы кто-то проявлял по отношению к цветным жестокость, или коварство, или хотя бы несдержанность в манерах. Просто у обеих сторон было понимание, что так заведено.

У черных были свои магазины, свои забегаловки, свои места отправления культа, свой, если на то пошло, жизненный уклад. В каком-то смысле у них существовал как бы свой отдельный город, только без забот проектировщиков и переписи населения. В общем и целом белые не обращали на них внимания: главное, чтобы никто ничего не выкинул. Черные жили в лесах и на болотах. Кое у кого из них, кстати, были вполне приличные дома. На это тоже смотрели как будто сквозь пальцы: мало ли кто чего себе понастроил. Черт возьми, не такой уж редкостью было, когда кто-нибудь из белых обращался к этим черным за какой-нибудь услугой. Особым спросом, надо сказать, пользовалась поставка экзотической плоти для изощренных белых джентльменов, чьи вкусы склонялись в этом направлении и жаждали «изюминки». Так что получается, не было такого, чтобы две расы совсем никогда не смешивались. Если уж на то пошло, смешение – это одно, а случка – совсем другое. Межрасовые парочки вступали меж собой в сношения гораздо чаще, чем многим хотелось бы думать, и за подобные встречи платились хорошие деньги.

Но никто с обеих сторон не забывал, что закон диктуют белые. Правосудие, может, и слепо, но закон – никогда. Справедливость бывает пристрастна, закон – бесстрастен. Он реален. У него есть униформа, есть ассортимент оружия. Он пахнет потом и табаком. Он разъезжает на большом автомобиле со звездой на двери. Правосудие было для белых. Закон – для черных.

Все это мальчик понимал инстинктивно. Никто не утруждался ему это объяснять. Мама, еще до своей смерти, не усадила его перед собой и не обсказала все тонкости и отличия закона от правосудия по отношению к сообществу черных. Да и сообщества черных как такового не существовало. А были просто черные. Блэки. Сообщество подразумевает организованность, и у многих организованность ассоциировалась с угрозой. Организованы профсоюзы. Организованы коммунисты. Черные нет, во всяком случае здесь. Где-то, может, и да. Кто-то поговаривал, что прилив набирает силу, однако не в этом городке. Здесь все обитало по старинке и чувствовало себя при этом вполне сносно.

Вот почему мальчик вызывал такую обеспокоенность у полицейского, наблюдавшего за ним через полупрозрачное зеркало на стене. Зеркало стало одной из немногочисленных уступок веяниям современности в небольшом полицейском участке городка. Воздух здесь не охлаждался, хотя кондиционер был установлен. Проблема в том, что при включении прибор разом вышибал в участке все пробки – ни к черту не годилась проводка (во всяком случае так объяснил местный электрик). Для того

чтобы кондиционер фурычил нормально, следовало освежевать, а затем заменить проводку во всем здании, а это для такой старой хибары штука затратная. Отцы города на подобные расходы шли неохотно, особенно с учетом того, что единственной целью этого начинания будет обеспечение прохлады для шерифа Вустера в жаркие летние месяцы. Сказать по правде, многие считали, что этому борову не мешает иной раз немного попотеть. Обойдется без кондиционера. Чем хуже, тем злее, а это в его работе полезно.

Комнатка, откуда шериф наблюдал за мальчиком, охлаждалась лишь настольным вентилятором, у которого в замкнутом пространстве силы – как у комариного писка. Мундир шерифа лепился к телу так, что через светло-коричневый хлопок отчетливо проглядывал пуп, а по толстому лицу ручейками стекал едкий пот, норовя залить глаза, если вовремя не промокнуть лоб носовым платком.

Тем не менее шериф сидел не шевелясь и с пытливым любопытством смотрел на парнишку, выжидая, когда тот сломается. Возможно, Вустер и был толстозадый увальнем, а его взгляды на коллег мужского и женского пола, безусловно, сдабривались цинизмом, граничащим с мизантропией, но дураком его не назвать. Паренек представлял для шерифа интерес. Он умудрился убить сожителя своей матери, некоего Дебера, не прикоснувшись к нему даже пальцем (в этом шериф уверен), а ведь Дебер был отнюдь не олух. Он сам в свое время отсидел за убийство, совершенное чуть ли не в тринадцать лет, а затем были еще и еще, хотя подловить Дебера никто не сумел. Одной из смертей, в которых подозревался Дебер, стало убийство хорошенькой темнокожей из города.

Сейчас сын той молоденькой красотки сидел по ту сторону зеркала, и его допрашивали двое детективов из полиции штата. Успехов детективы добились не больше, чем собственные люди шерифа, а они церемонились с парнишкой куда меньше, чем эти двое. Разноцветные синяки и опухший правый глаз паренька были тому наглядным свидетельством. Кларк, один из подручных, сообщил шерифу, что когда гаденыша сволокли в санузел отмыться, он помочился кровью. Тогда Вустер сказал, чтобы они с ним полегче. Шерифу требуется признание, а не труп.

Детективам из штата понадобился целый день, чтобы организовать себе вояж на север. За эти сутки люди шерифа уработали парнишку по полной. Начали с избиений, а затем продолжили угрозами насчет семьи, обеспечившей пареньку алиби. Копы заставили его выпить содовой с сильным слабительным, после чего привязали к стулу и ушли. Шериф наблюдал, как мальчуган корчится в отчаянном усилии не опростаться:

губы дрожали от напряжения, ноздри трепетали, руки сжались в кулаки. Когда стало понятно, что надолго его уже не хватит, шериф послал Кларка с предложением: сознавайся в убийстве Дебера, а мы тащим тебя напрямик в сортир. В противном случае пусть природа берет свое, а ты будешь сидеть в том, что из тебя вылетит. Паренек лишь молча мотнул головой.

Подобная стойкость вызывала восторг, не грози она обернуться неприятностью в первую очередь для самого шерифа. И он распорядился, чтобы Кларк сопровождал подозреваемого в сортир, покуда того не рвануло: оттирай потом единственную во всем участке допросную от его поноса. Кларк неохотно согласился. А после опорожнения отвел паренька во двор, уронил наземь и принялся окатывать водой из шланга, спустив ему до щиколоток штаны. Остальные копы скалились и ржали, глядя, как струя под напором больно стегает черного по гениталиям.

Не сработали и угрозы насчет семьи. Паренек происходил из дома, полного женщин. Вустер их знал: люди хорошие. Расистом Вустер не был. Есть хорошие черные и плохие черные, точно так же, как есть белые хорошие и плохие. Неправдой будет сказать, что шериф Вустер обращался со всеми одинаково. Если б он это делал или хотя бы имел такую склонность, он бы не продержался на своем месте и недели, не говоря уже о десяти годах. Шериф примерно на равных обходился с черными и бедными белыми. Богатые белые требовали к себе отношения более осмотрительного. О богатых черных Вустеру беспокоиться не приходилось: он таких просто не знал.

Шериф исповедовал превентивный контроль. У него люди оказывались в камере только тогда, когда совершали что-то действительно серьезное или если все попытки направить слушников на путь истинный терпели неудачу. Своих подопечных он знал. Не забывал и о том, чтобы они его тоже знали. Первые девять лет его шерифства семья паренька Вустеру не докучала, пока не появился Дебер и не втерся в это семейство, каким-то образом расположив к себе сердце матери мальчика – если, понятно, речь действительно могла идти о сердечности. В Дебере, откровенно говоря, не было ничего такого, что могло бы побудить кого-то вспылать к нему не то что страстью, а и вообще мало-мальской привязанностью. Шериф подозревал, что в вызревании той связи играли роль в основном угрозы и страх, а не истовость чувства с той или иной стороны.

А затем мать погибла насильственной смертью: ее тело со следами жестоких побоев нашли в проулке за винным магазином. Поступали сообщения, что где-то за час до обнаружения тела в магазине видели самого Дебера. Кто-то даже слышал перебранку мужчины и женщины

примерно в то же время. Однако Дебер оказался точь-в-точь как этот паренек, что сидел сейчас в допросной: как ни дави, ни в какую. В общем, он не сломался, а убийство матери мальчика так и осталось нераскрытым. И Дебер возвратился в дом, полный женщин, где, по слухам, охомутил теперь уже тетю мальчика. Женщины его боялись, и имели на то веские причины, однако и Деберу не мешало испытывать перед ними страх. Они были сильны и умны, так что вероятность того, что они долго будут терпеть в своем доме присутствие Дебера, стремилась к нулю.

И вот вскоре после того нового поворота событий кто-то выкрал металлический свисток, которым Дебер скликал свои бригады рабочих, разделил его надвое и заменил горошину комочком самодельной взрывчатки. Когда Дебер дунул в свисток, заряд почти напроць снес ему лицо. Пару дней он еще промучился в слепоте и тяжком страдании, несмотря на уколы обезболивающего, а затем изошел. Шериф Вустер был досконально уверен, что там, где теперь находится Дебер, его мучения продолжаются и будут длиться вечно. Утратой для мира Дебер определенно не являлся, но это не меняло факта, что совершено убийство, а человека, который за это в ответе, необходимо найти.

Нехорошо, когда вокруг разгуливает народец, запросто мастерящий из подручных средств мины-ловушки – неважно даже, на белых они ставятся или на черных. Стволы и перья – это одно: обычные (можно сказать, банальные) средства расправы, которые банальности и используют. Не вызывает никаких душевных шевелений, кроме разве что легкого поеживания от самого акта насилия. Конечно, бывает иногда, что кто-то кого-то да вспорет – то пути-дороги не сошлись, то день выдался дурной – или засандалит в голову пулю, не поделив со своим ближним женщину или полосу на магистрали. В качестве шерифа Вустер знал, как держать себя с таким контингентом мужчин и женщин. В них нет ничего ни странного, ни столь уж удивительного. И совсем иное дело, когда некто сподобливается убить человека его же собственным свистком, таким образом демонстрируя совершенно новый, иной способ мышления в плане лишения людей жизни. Способ такой, который шериф Вустер не спешил ни принимать, ни тем более приветствовать.

В день, когда издох Дебер, Вустер обзавелся ордером на арест паренька. Копы из полиции штата, услышав об этом, ржали в трубку. «У Дебера, – сказали они, – было столько врагов, что один только список подозреваемых будет толщиной с телефонную книгу». Злыдень погиб от миниатюрного взрывного устройства, хитроумно сконструированного так, что от него мог пострадать единственно тот, против кого оно создано.

И без шансов выжить. Такая изоэтрность как-то не вязалась с образом пятнадцатилетнего негрита из тех, что ютятся в хибарах у болота.

Вустер указал, что этот самый «негрита» – старшекласник школы, которая благодаря спонсорству одного южного траст-фонда располагает неплохой лабораторией, где убийца мог легко разжиться кристаллами йода и аммиачной селитры (изучение остатков свистка выявило именно эти элементы во взрывчатке, отправившей Дебера на тот свет). Вустер конкретизировал, что именно из данных ингредиентов сметливый парнишка – заметьте, *подросток*, а не матерый убийца со стажем – мог создать взрывчатку, хотя в рапорте значилось, что она лишь чудом не сработала задолго до того, как Дебер поднес свисток ко рту: трехйодистый азот – крайне неустойчивый компонент, сверхчувствительный к любому трению. Изучивший свисток криминалист выдвинул предположение, что адская смесь вместе со своей оболочкой, по всей видимости, максимально долго выдерживалась убийцей в воде и едва успела подсохнуть к тому роковому моменту, когда жертва поднесла свисток ко рту. Эта информация о природе использованной взрывчатки и отсутствие каких-либо других зацепок повлияли на то, чтобы полиция штата пусть и неохотно, но все же отрядила двоих детективов для допроса мальчика.

Сейчас один из тех детективов встал и вышел из допросной. Спустя секунду дверь в комнатку наблюдения открылась, и тот же детектив шагнул туда, держа в руке баночку с нагретой колдой.

- С этим парнем мы далеко не уедем, – сказал он.
- Надо стараться, только и всего, – пожал плечами Вустер.
- Я вижу, вы тут без нас уже постарались.
- Подследственный упал по дороге в туалет.
- Н-да? И сколько же раз?
- Я не считал: он несколько раз отрикошетил.
- Вы уверены, что ему предварительно зачитали его права?
- Может, кто-то и зачитал. Я нет.
- Он запрашивал себе адвоката?
- Если и да, то я не расслышал.

Детектив, закинув голову, сделал медленный глоток из баночки. В последний момент он поперхнулся, и по подбородку потекла неопрятная струйка.

– Он этого сделать не мог, – утираясь, подытожил полицейский. – Слишком уж все тонко.

Вустер промокнул лоб засаленным носовым платком.



– Тонко, говорите? – усмехнулся он. – Я знал Дебера. Знал, с кем он водился. Тот народ утонченным никак не назовешь. Если б кто-то из его круга или кто-нибудь, кому он переступил дорогу, захотел его спроводить со свету, он бы его застрелил или прирезал, предварительно, может статься, оттяпав для острастки яйца. Такие люди не стали бы тратить время на распилку, а затем запайку свистка, чтобы после сунуть в него ровно столько взрывчатки, чтобы гаду разворотило физиономию и превратило в кашу мозги. На это бы им элементарно не хватило ума. А тому вон пареньку, – Вустер встал и указал на стекло, – тому пареньку ума хватило. И на то, чтобы пролезть тайком в школу, и чтобы изготовить какое-то количество взрывчатки. К тому же у него имелся мотив: Дебер убил его мать и трахал его тетку. Образцом благородства назвать убитого было нельзя.

– Доказательной базы касательно того, что Дебер убил его мать, нет.

– Да при чем здесь это, – флегматично возразил Вустер. – Мне ее и не надо. Есть вещи, которые я просто знаю, и все.

– Да, но суды на подобное смотрят иначе. Я знаком с людьми, которые допрашивали Дебера. С ним что только ни делали, чтобы разговорить, разве что не жгли каленым железом. Так вот, он не раскололся. Ни улики, ни прямых свидетелей, ни признания. А стало быть, нет и самого дела.

Паренек в допросной слегка пошевелил головой, как будто голоса двух копов доносились до него даже сквозь толстые стены. Более того, Вустеру показалось, что на его лице мелькнула улыбка.

– Знаете, о чем еще я думаю? – спросил шериф, машинально понижая голос.

– Поделитесь, Шерлок. Я весь внимание.

«Ишь ты: Шерлок, – хмыкнул про себя шериф. – Высокомерный засранец. Я знал еще твоего папашу, который был немногим лучше тебя. Никтошка, неспособный утром найти собственных тапок, если ему их не поднести к носу. Так вот, из тебя сыщик еще хуже, чем из него».

– Мне думается, – сказал Вустер вслух, – что если б этот парнишка не прикончил Дебера, то Дебер прикончил бы его. Вряд ли у кого-то из них был выбор. Не сиди у нас в допросной мальчик, там бы сейчас сидел Дебер.

Детектив вытряхнул в себя остатки колы. Что-то в блеклости шерифова тона намекало: какие-то секунды назад пройдена некая красная черта. И детектив попытался если не исправиться, то хотя бы скорректировать ситуацию.

– Послушайте, шериф, может, вы и правы. Надо отдать вам должное:

в этом парне что-то есть. Но у нас остается совсем немного времени, чтобы определиться с решением – срать или слезать с горшка.

– Хотя бы еще пару часов. Вы с ним не беседовали насчет женщин – типа что можете взяться за них, если он не начнет говорить?

– Пока нет. А вы?

– Пытался. Это был единственный момент, когда он хоть что-то сказал.

– И что именно?

– Что я не из тех, кто мучает женщин.

– В самом деле?

– Ну, как бы так.

– И он прав?

Шериф со вздохом развел руками:

– Получается, да.

– Вот черт. Но ведь есть и другие способы. Неформального воздействия.

Мужчины молча переглянулись.

– Нет, – покачал головой шериф Вустер. – Вы, пожалуй, тоже не из таких.

– Видимо, да.

Детектив хрустнул пустой жестянкой, сжал ее и не вполне сноровисто запустил в мусорную корзину. Жестянка отскочила от края и приземлилась в углу.

– Надеюсь, стреляете вы все-таки лучше, – заметил Вустер.

– Вы что, хотите, чтобы я кого-нибудь застрелил?

– Если б все это было так легко.

Детектив похлопал Вустера по плечу, моментально об этом пожалев: рука пропиталась шерифским потом. Он тайком вытер ладонь о штанину.

– Можно попытаться еще раз, – сказал он.

– Попытайтесь, – кивнул Вустер. – Это он его убил. Больше некому.

Вслед выходящему детективу шериф не взглянул. Вместо этого он не спускал глаз с юного темнокожего в допросной, а тот в ответ открыто смотрел через зеркало на него.

Спустя два часа Вустер все так же сидел у себя за столом, хлебая из графина воду и отмахиваясь от мух. Затем двое детективов устроили себе передышку от допроса и невыносимой духоты тесного помещения. Они примостились снаружи участка и сейчас покуривали, а рядом на ступеньках лежали остатки их гамбургеров с жареной картошкой. Было понятно, что допрос дошел фактически до точки. Результат нулевой. За полных двое суток дознания парнишка произнес всего две фразы.

Из них вторая – это его мнение о Вустере, а первая – его имя:

– Меня зовут Луис.

Кстати, южнее в Луизиане, где у Вустера живет свояк, это слово произносят на французский манер: не Луис, а Луи.

Детективы о чем-то тихо меж собой переговаривались. Затем один из них возвратился в участок.

– Мы пойдем пропустим по пивку, – сказал он.

Шериф кивнул. Похоже, на этом все. Теперь они если и вернутся, то только затем, чтобы забрать машину (если упомянули место парковки).

Снаружи в вестибюле, где вход в служебное помещение отгораживался большим столом, в обнимку со своим ридикюлем сидела темнокожая женщина. Бабушка паренька. Хотя выглядела она настолько моложаво, что ее можно было принять за его мать. С самого ареста юноши на неудобном жестком стуле для посетителей молчаливо дежурила то одна, то другая из женщин того семейства. Всех их окружала аура некоего гордого достоинства. Ощущение такое, что, находясь здесь, они как будто делают участку одолжение. Эта женщина, самая старшая из всех, неизменно вызывала у Вустера настороженное замирание сердца. Про нее ходили разные слухи. Люди обращались к ней за предсказанием судьбы. Она указывала пол еще не рожденного ребенка, вселяла покой в сердца тех, у кого пропали родственники или умерли дети. Вустер всем этим рассказням не то чтобы верил, но все же держался с этой женщиной уважительно. Хотя она этого не требовала. В самом деле, зачем? Зная, кто она такая, должного почтения к ней не испытывает разве что глупец.

Видя, с какой спокойной уверенностью она дожидается скорого выхода юноши под ее опеку, Вустер заметил между бабушкой и внуком определенное сходство – не сказать чтобы даже физическое, хотя им обоим присуща неуловимо тонкая грациозность. Нет, дело не во внешнем сходстве, а скорее в том приводящем в замешательство спокойствии, которое от этой немолодой женщины передалось внуку. В мыслях при этом отчего-то возникал образ безмолвных темных вод, погружения в их пучину – все глубже, глубже... И там, в мутно светящейся зеленоватой неподвижности, вдруг словно из ниоткуда возникают разверстые розовые челюсти... И в своей фатальной законченности является наконец подлинная сущность натуры, скрытой в этих недосягаемых, непостижимых внутренних пространствах.

День определенно складывался хуже некуда, и к нулевой развязке катилось дело. Но для Вустера оно, уж увольте, отнюдь не завершено. Пускай этот выродок отправляется домой к своей бабке, к своим теткам

и кто там еще обитает в их ведьмачьем лесном логове, но он, Вустер, будет за ним смотреть. Куда бы этот тип ни направлялся, шериф всегда будет крадучись ступать в его тени. Этого хитреца он когда-нибудь расколет.

Ведь в рукаве есть еще и козырь насчет мужеложства. У Вустера насчет этого паренька имелись подозрения: погуливали слушки. Единственные женщины, с которыми общался юный Луис, – это те, с которыми он ютился в своей хибаре, а у себя в негритянской школе ему пару раз приходилось осаживать глумливых сверстников кулаками. Подростки, как известно, падки на чужую слабость. Любой признак излишней чувствительности, женоподобности со стороны такого же, как ты, мальчишки, и зловреды слетаются на беднягу, как мухи на порез. И хотя обидчикам доставалось от Луиса на орехи, это их подчас только раззадоривало. А между тем в штате существовал закон против содомии, и Вустеру как шерифу ничего не стоило его применить. Так что если парня удастся привлечь по этой статье (скажем, жалоба на домогательства содомитского толка), то это можно использовать как рычаг в деле об убийстве Дебера. Мориться в кутузке по обвинению в мужеложстве – верная гарантия унижительных мучений. Лучше уж пойти по делу об убийстве – это хотя бы дает некий респект, репутацию: лишить человека жизни может только сильный.

Вообще Вустеру даже неинтересно доводить парня до посадки. Для него достаточно доказать свою правоту неверам – этим зарвавшимся штафиркам из полиции штата; собственным подручным, за спиной подсмеивающимся над ним за его тупую, в их убогом понимании, уверенность, что какому-то юному негриту хватило ума совершить такое утонченное преступление. Шериф раздумывал, как бы верней ухватить этого парня за жабры. Вообще в городе есть один-два человека, которым не зазорно слегка ублажиться темнокожей плотью. Вустеру оставалось лишь согласовать время-место и как бы невзначай нагрянуть туда, где совершается содом. А там одного из участников разврата можно отпустить, а парнишечку, наоборот, задержать. Короче, возможность просматривалась.

Однако день Вустера вопреки собственным уверениям шерифа в обратном складывался на редкость скверно, а планам на провоцирование уголовно наказуемого деяния вскоре суждено было обратиться в прах.

– Шеф, а шеф.

Сет Кэвиган, самый младший из его подчиненных. Ирландский католик. Мик<sup>[6]</sup> до мозга костей. Когда Вустер только принял его на работу, в городе пришлось разруливать кое с кем из старожилов. Помнится, шерифу тогда нанес дружеский визит Маленький Том Радж с парой своих

дружков-расистов, любителей шлаться вечерами в капюшонах из наволочек. Том ненавязчиво предложил шерифу передумать брать в помощники мика Кэвигана: это ж как-никак баптистский город. Вустер тогда выслушал их бредни, а затем прогнал всю троицу взащей.

Маленький Том и ему подобные вызывали у Вустера что-то вроде кожного зуда. Более того, при всяком контакте с ними в нем шевелилось чувство потаенной вины. Вустер ведь был в курсе насчет их деяний. Знал о неграх, избитых за то, что якобы находились в черте города с наступлением сумерек, хотя эти городские черты причудливо менялись в зависимости от того, сколько белые обормоты из местных успели принять на грудь. Знал о необъяснимых пожарах (читай – поджогах) в негритянских лачугах; об изнасилованиях, запросто сходявших насильникам с рук («Да ну подумаешь, шеф, чуток потешились: с кем не бывает по пьяной лавочке»).

Знал он и об Эрроле Риче – о том, что с ним сделали перед сборищем тех самых людей, с которыми Вустер по воскресеньям бок о бок возносил хвалу Господу в церкви. О да, шериф все это знал. Знал он и себя достаточно, чтобы осознавать свое безмолвное соучастие в том акте, даже при условии, что он сам даже рядом не стоял с тем старым деревом, к которому подвесили горящего Эррола. Вустер тогда еще не был в городке полновластным авторитетом, а к той поре, как он услышал о происходящем, что-либо поделать было уже поздно. Да и толку-то. Во всяком случае так Вустер оправдывался перед самим собой.

Тем не менее по итогам происшествия он однозначно дал понять, что подобное деяние во вверенном ему городе не произойдет больше никогда, если его слово как шерифа имеет хоть какой-то вес. Ведь это убийство, откровенное убийство, и Вустер этому попустительствовать не собирался. Да еще и негры (вот уж не было печали) все как один обозлились – до той опасной черты, когда гнев в них грозит перерасти страх. Кроме того (вот о чем в первую голову не мешало бы задуматься говнюкам вроде Маленького Тома): теперь на их головы могут обрушиться фэбээровцы, а им там в центре не понять, какой уклад и какие нравы бытуют в мелких городишках вроде этого. Им оно невдомек, да и, признаться, по барабану. Фэбээровцы только и копают, чтобы найти новоявленных козлов отпущения – людей, которые недопонимают, что «времена, они меняются», или как там поется у этого лабуха Боба Дилана, настоящая фамилия которого Циммерман.

И это еще одна причина, по которой юнца Луиса необходимо наказать за содеянное с Дебером. Если на сей раз убийство сойдет ему с рук, то что

будет дальше? Может, ему втемяшится в голову заняться людьми, что убили Эррола Рича. Теми, кто вывел у него из-под ног пикап, отчего Рич беспомощно задрогался в мертвенно-недвижном летнем воздухе. Теми, кто окатил его бензином, поджег факел и поднес его к одежде жертвы, превратив ее в зазывный маяк в ночи. Потому что об Эрроле Риче и о матери юнца втихую ходили слушки, и можно с уверенностью сказать, что Луис их слышал. Ну а если так умирает отец, то сын вполне может взять на себя отмщение. Во всяком случае он, Вустер, на месте юнца так бы, черт возьми, и поступил.

А теперь еще этот Кэвиган (между прочим, один из социально-обновленческих экспериментов Вустера) приперся с какой-нибудь хренью, без которой, можно подумать, ну никак не обойтись. Чувствуя на губах остро-соленые капли пота, шериф в очередной раз отер лицо платком и отжал его над мусорной корзиной.

– Чего тебе? – не поднимая головы, спросил он, все так же высверливая глазами стену, как будто через нее и через тесное пространство допросной мог пробуравить юнца, который вот уже столько времени дерзко ему противостоял.

– Гости. Целая компания.

Вустер повернулся на стуле. Сзади в окно было видно, как из подъехавших машин вылезают люди. Первым стоял служебный «Форд». От него за километр веяло чиновным присутствием – подозрение, подтвердившееся, когда в опущенном окошке пассажирского сиденья показался Рэй Вэлланс и пульнул во двор шерифа окурок. Ишь ты. Вэлланс возглавлял периферийное отделение ФБР и для фэбээровца был парнем вполне терпимым. Не заставлял персонал на местах лезть из кожи, чтобы потрафить новомодному прогрессу в области гражданских прав, хотя и топтания на месте тоже не допускал. Все-таки надо ему высказать насчет того окурка. Надо же, какое неуважение.

Второе авто для казенного стойла выглядело очень уж роскошным – желтовато-коричневое, с кожаной обивкой в тон. Вынырнувший с переднего сиденья тип походил скорее на шофера, чем на агента (судя по наглым усам, преизрядный сукин сын), ну а вздутие под его левым предплечьем объяснялось явно не опухолью. Тип открыл заднюю пассажирскую дверцу, и из машины выбрался третий. Вид у него был пожилой, хотя Вустер быстро определил, что разница в возрасте у них не такая уж и большая. Этот пассажир чем-то напоминал одного старого английского киноактера (как там его, Уилфрид<sup>[7]</sup> такой-то сякой-то), персонажа из картины «Моя прекрасная леди», вышедшей на экраны

несколько лет назад. Вустер ходил на нее с женой – фильм, помнится, оказался лучше, чем он ожидал. А тот парень – Уилфрид как-там-его – он всегда выглядел старо, даже в дни своей молодости. И вот, гляди-ка, один из его близких родственников, вблизи и во плоти. Ну просто вылитый Уилфрид (вот черт, да как его там?).

Вэлланс на своем сиденье как будто вздохнул и, выйдя из машины, повел своих коллег к двери участка, на пути обогнув дежурного копа за столом.

– Шериф Вустер, – кивнул он с фальшиво-дружелюбной улыбкой.

– Спецагент Вэлланс, – в том же духе отозвался Вустер.

Вставать шериф не стал. Вэлланс всегда обращался к нему не иначе как в эдакой шутовской манере, по званию и фамилии, и Вустер отвечал фамильярностью на фамильярность, даже когда речь шла о деле. Сейчас Вэлланс вдобавок еще и кивнул, давая знать, что разговор пойдет серьезный и что за ними наблюдают. Тем не менее Вустер не собирался сдавать свою территорию без боя, да к тому же еще предстояло разобраться с тем окурком.

Вустер через плечо Вэлланса посмотрел туда, где стояли четверо остальных. Старикашка оказался посередке – ростом ниже всех, но со своей собственной спокойной солидностью.

– Чего это вы тут, целой свадьбой? – поинтересовался Вустер.

– Мы можем поговорить внутри?

– Да конечно, – хозяйски щедрым жестом махнул Вустер. – Милости всех прошу.

Зашли только Вэлланс и старикашка. Последний прикрыл за собой дверь. Вустер чувствовал на себе взгляды подчиненных и секретарши, направленные через стекло. Понимание, что за ним чутко наблюдают свои, побуждало шерифа к действиям. Стоя к окну спиной, он расправил плечи, стараясь казаться выше, и намеренно не стал трогать жалюзи, чтобы гостям в глаза било солнце.

– Так что у нас за разговор, агент Вэлланс?

– Разговор о мальчике, что сейчас парится у вас в допросной.

– Здесь все парятся.

– Но все же не так, как он.

– Мальчик проходит подозреваемым по делу об убийстве.

– Наслышан. Что у вас на него есть?

– Вероятный мотив. Человек, которого он лишил жизни, мог в свое время убить его мать.

– Что значит «мог»?

- «Мог» означает, что допросить его уже нельзя.
- Из того, что я слышал, его допрашивали, пока он еще был на этом свете. Но он ни в чем не сознался.
- И тем не менее это сделал он. Те же, кто верит в обратное, скорее всего, верит и в Санта-Клауса.
- Стало быть, вероятный мотив. Это все, что у вас есть?
- Пока.
- Ну а что тот юноша – гнется?
- Он, похоже, не из таких. Но в конце концов, думаю, никуда не денется.
- Как уверенно вы это говорите.
- Он ведь всего лишь мальчик, не мужчина. А у меня и не такие раскалывались. Матерые. Вы вообще откроете мне, в чем суть вопроса? – отставляя учтивость в сторону, спросил Вустер. – Я не думаю, что это дело в вашей компетенции, Рэй. Это ведь не федеральная бодяга.
- А вот мы думаем, что да.
- На каком основании?
- Убитый был распорядителем на строительстве новой дороги у болота Орисмачи. А это федеральная резервация.
- Будет таковой, – поправил шериф. – Пока же это всего лишь болото.
- Ошибаетесь. И болото, и строящаяся рядом дорога только что перешли под федеральную юрисдикцию. Постановление принято вчера. В ускоренном порядке. Вот, кстати, и бумаги.
- Вэлланс полез во внутренний карман пиджака и вынул стопку листов, которую протянул Вустеру. Шериф, нацепив очки, насупленно взгляделся в мелкий шрифт.
- Ну и? – спросил он, ознакомившись с документом. – Это ровным счетом ничего не меняет. Преступление было совершено до того, как оказалось принято это ваше постановление. Так что дело по-прежнему остается под моей юрисдикцией. То есть без разницы.
- Казалось бы, шериф, казалось бы. Но на деле разница есть, и разница существенная. Вы вчитайтесь внимательней. Постановление имеет обратную силу вплоть до первого числа текущего месяца. То есть период как раз до начала строительства дороги. Бюджетный нюанс – так мне пояснили. Вы же знаете, как оно принято у наших госчиновников.
- Вустер снова взгляделся в бумагу. И нашел указанные числа. Его брови хмуро сошлись в одну линию, от растущего гнева кровь прилила к щекам и лбу.
- Просто ахинея. Вам-то, спрашивается, какой резон сюда лезть? Один



цветной убивает другого – здесь о защите прав вообще речи не идет.

– Теперь, шериф, это уже дело федерального значения. Мы вас ни в чем не виним. Но мальчика придется отпустить.

Дело уплывало из рук, а вместе с ним и почва из-под ног; сам авторитет Вустера, его главенство над собственным персоналом. От этого ему уже не оправиться. Вэлланс выставил его придурком, и тот юнец сейчас укатит из своей камеры, как на лыжах, хохоча при этом над ним, городским шерифом.

А сзади стоял этот самый Уилфрид, со своими преждевременными сединами и в аккуратном, хотя и несколько поношенном костюме. Как пить дать во всей этой подставе не обошлось без него.

– Ну а вы здесь каким боком? – грозно спросил Вустер, всю силу своего растущего гнева обращая на второго визитера.

– Прошу извинить, – оживился тот и, сделав шаг, протянул ухоженную ладошку. – Мое имя – Гэбриел.

Вустер не пошевелился, и ладошка зависла в воздухе аккуратной лодочкой, пока Гэбриел ее не убрал. Язви тебя в душу, старый. И тебя, Вэлланс, и всю эту вашу манерность. Штырь вам всем в дышло.

– Так вы не ответили на мой вопрос, – кое-как совладав с собой, произнес Вустер.

– Я здесь в качестве гостя специального агента Вэлланса.

– Вы из госчиновников?

– Да, я оказываю услуги правительству.

С такими надо держать ухо востро, Вустер это знал. Ему хватало соображения понимать, что за этими словами кроется. До него вдруг разом дошло, что он словно стоит на минном поле, конфигурации которого совершенно не знает. Несмотря на злость, донимать Гэбриела вопросами глупо, да к тому же и небезопасно. Вустера связали, как борова, приготовленного для нанизывания на вертел. Кому-то остается только вставить ему в задницу острие и пронзить тушу до самого горла, а этого необходимо любой ценой избежать, пусть даже ценой отказа от мальчишки.

Шериф сел на свой крутящийся стул и раскрыл папку, непонятно даже какую и с какими записями.

– Забирайте, – буркнул он, не поднимая глаз. – Он ваш, со всеми потрохами.

– Благодарю вас, шериф, – сказал Гэбриел. – Еще раз извиняюсь за причиненные неудобства, если таковые были.

Вустер на него даже не взглянул. Он слышал, как гости выходят из кабинета, как за ними тихо закрывается дверь.

Шериф Вустер. Крупная рыба. Что ж, ему только что продемонстрировали его истинное положение. На самом деле был он мелкой рыбешкой в утлом пруду, которая неведомо как заплывла на глубину, а там перед ней вдруг возьми и обнажи свои зубы щука. Точнее, акула.

Шериф вперился в закрытую дверь, снова представляя за ней стену, а за ней комнату наблюдения и паренька в допросной. Только теперь на паренька смотрел не Вустер, а Гэбриел. Акулы. Глубины. Неведомые чудовища, змеисто сплетающие и расплетающие на дне свои щупальца. Смотрящий на мальчика Гэбриел и смотрящий на Гэбриела мальчик. И вот они оба сливаются воедино, становясь единым организмом, и тот плавно истаивает, теряется из виду где-то в неоглядной темно-кровавой пучине.

## Глава 5

Голова у Уилли Брю раскалывалась, суля день, полный мучений.

Проснулся он с жутким сушняком, смутно соображая, что, хотя и провалялся всю ночь как бревно (все тело затекло), выспаться не выспался. Может, боги все же улыбнутся благосклонно и хмарь за день понемногу сойдет. Но увы: к прибытию в автомастерскую голова уже начала тяжело пульсировать. К полудню Уилли весь покрылся липкой испариной, да к тому же стало подташнивать. Короче, токсикоз по полной программе. Скорее бы минул день, чтобы добраться до дома, хлопнуть чего-нибудь холодненького и рухнуть в постель, а наутро встать если и с тремором, то уже легким, с головой сравнительно ясной, ну и, понятно, с чувством глубокого всеобъемлющего раскаяния (оно всегда пробирало Уилли по факту протрезвления).

Такое с ним происходило с той самой поры, как он завязал с крепким алкоголем. В добрые старые лихие времена Брю, бывало, запросто мог приговорить бутылку самого забористого пойла, а наутро все равно был как огурчик. А вот теперь нечасто употреблял даже пиво, да и то в умеренных дозах, потому как от него поутру еще муторней, чем от вискаря. Ну да ладно, куда деваться: не каждый же день человеку исполняется шестьдесят. Да и друзья бы не поняли, если б Уилли не устроил по этому поводу гульбище, так что всё, если вдуматься, в порядке вещей. Просто теперь приходится расплачиваться за семь часов безудержного питания. О-хо-хо, грехи наши тяжкие.

Не помог даже ланч. Мастерская располагалась в проулке сразу за 75-й улицей между двумя авеню – 37-й и Рузвельта – недалеко от конторы юриста-индуса, специализирующегося по иммиграции и визам (место для офиса выбрано очень прозорливо, поскольку в этом районе индусов больше, чем в некоторых частях Индии). На 37-й авеню имелись итальянские, афганские и аргентинские рестораны, но от стыка с 74-й шли уже только индийские. Сама улица была даже переименована в Калпана Чавла-вэй – в память об индийском астронавте, погибшем в 2003 году при крушении шаттла «Колумбия», – а на всей ее протяженности проходим вручали ресторанные агитки степенные сикхи в тюрбанах.

Для Уилли это, можно сказать, родимый край. Здесь он вырос и здесь же, будем надеяться, помрет. Отсюда пацаном мотался на мопеде в «Ла Гуардию» и на стадион «Ши», по пути кидая камни в крыс. Тогда

здесь жили в основном ирландцы и евреи. 94-я улица в те дни не без смысла именовалась «линией Мэйсона-Диксона»<sup>[8]</sup>, так как сразу за ней селились сплошь темнокожие.

Сложно даже припомнить, чтобы до конца шестидесятых здесь ниже границы 94-й мелькнуло хотя бы одно черное лицо. Это уже потом, ближе к восьмидесятым, в преимущественно черную школу на 98-й стали ходить белые ученики. И ничего, очень даже неплохо ладили со своими темнокожими сверстниками: вместе росли, вместе играли в баскетбол, вместе же дрались с проникающими на их территорию чужаками. Тогда же, в восьмидесятые, все начало меняться. Ирландцы в основной своей массе перебрались в Рокэуэй. А здесь пустили корни банды и разрослись до самой Рузвельт-авеню. Уилли, однако, остался: ему удалось от них отделаться, хотя после этого он был вынужден поставить на окна своей квартирki решетки. Теперь он уже давно жил неподалеку от места, где находилась его нынешняя мастерская.

Что до Арно, тот по-прежнему обитал вверху на Форли-стрит, где сейчас находилась Маленькая Мексика, и все так же не знал ни единого слова по-испански. Ниже 83-й улицы мексиканцев своим числом и влиянием опережали колумбийцы, и ощущение там складывалось такое, будто находишься совсем в другом городе: на тротуарах бдят над своим товаром парни, перекликаясь и переругиваясь на своем испаноязычном диалекте; в магазинчиках продаются музыка и фильмы, которые ни за что не купит ни один белый. Киношка на Джексон, 123 – и та крутила фильмы исключительно с субтитрами на испанском. И вот на всем этом фоне Уилли сумел уцелеть. Не снялся он с якоря и в те нелегкие времена, когда Луис был вынужден продать то помещение у Киссены. Уилли воспользовался этим, чтобы перебраться поближе к дому, и теперь со своим бизнесом стал уже такой же исторической частью местного ландшафта, как и бар Нейта. Хотя от похмелья все это не спасало.

Едой напарники загрузились со стола самообслуживания, как всегда бдительно обойдя козлятину в соусе карри (похоже, фирменное блюдо здешней кухни).

– Ты вообще тут козу когда-нибудь видел? – поинтересовался однажды Арно.

Уилли сознался, что нет. Уж во всяком случае не в Куинсе. По его прикидкам, любая коза, отправься она прогуляться вдоль 74-й улицы, в любом случае долго б не протянула, учитывая уже то, насколько широко она представлена в здешних меню. Так что свой выбор они с Арно остановили на курятине, щедро догрузив порции рисом и индийскими

лепешками наан. К прелестям индийской кухни (за вычетом козлятины) Уилли приохотил Арно. Между прочим выяснилось, что если не припадать на горячее, а сконцентрироваться на рисе с лепешками, то от похмелья давешней ночи начинаешь даже понемногу отходить.

Теперь механики снова находились в мастерской, и Уилли мысленно отсчитывал минуты, когда можно будет поставить на работе крест и податься наконец домой. При этом он негромко, но смачно прошелся по той пивоварне в Бруклине и по всей ее продукции.

– Плохому монтеру всегда гирьки мешают, – перефразировал известную поговорку Арно.

– Да пошел ты, – вяло огрызнулся Уилли, у которого Арно нынче весь день был не в фаворе.

Надо же, чертов шведишка (или датчанишка), как изгаляется – по какому такому праву? Вчера вечерок они закончили вполне себе душевно, оба слегка покачиваясь на упертых в барную стойку локтях, за сбивчивыми воспоминаниями о былых временах и ушедших друзьях. Из тех друзей кое-кто был даже в человеческом облики, хотя большинство все-таки – о четырех колесах и с восьмицилиндровыми двигателями. Арно с крепким спиртным был вообще на «ты». Пил все, что горит, – главное, чтобы напиток отличался чистотой, а потому выбор останавливал всегда на джине или водке. Вчера о каждый свежий бутылек пива в руке у Уилли он чокался новой водкой – сначала двойной с тоником, а затем и без. А сегодня, гляди-ка, прямо-таки живчик, в то время как его бедный товарищ кое-как ворочается, вполголоса понося пивных богов. Похмелья у Арно не бывало отродясь. Видно, метаболизм такой: в тщедушном теле все сгорает.

Сегодня Арно был попросту несносен.

– Разве ж это пивоварня виновата, – продолжал глумиться он. – Тебе ж пивнице никто за шиворот не лил.

– Как это не лил, – возмущался Уилли, – когда ты мне его постоянно подсовывал. Можно сказать, впихивал. А я хотел одного: домой.

– Нет, это тебе просто казалось, что ты хочешь домой, – безжалостно вещал Арно. – А на самом деле ты жаждал продолжения банкета. Со мной на пару.

Его дурацкая улыбка сейчас решительно выводила из себя.

– Я вижу тебя каждый день, – плачущим голосом сказал Брю. – Даже по воскресеньям в церкви. Ты меня преследуешь. Ты как то чудовище из сказки, а я в ней красавица. Только она его в конце концов полюбила – и здесь мы с ней в корне расходимся.

Сравнение получилось как минимум странным, но что-либо с этим поделать Уилли не находил в себе сил.

- И с чего вдруг я захотел продолжать возливать с тобой на пару?
- Потому что я твой лучший друг.
- Не говори так. Иначе я впаду в отчаяние.
- Разве у тебя есть друг лучше, чем я?
- Нет. Не знаю. Послушай, да ты вообще должен ходить у меня в работниках, и то еще как сказать.
- Я знаю, что ты это говоришь не от души.
- Почему. От души.
- А я не слушаю.
- Черт возьми, а ты слушай.
- Ти-ра-ри-ра-ри-ра-ри-и!

Издевательски вибрируя голосом на манер поющего тирольца, Арно уплыл на небольшой склад слева от рабочего помещения, в оба уха вставив по пальцу.

Уилли хотел было запустить ему вслед гайкой от колеса, но раздумал. Это ж весь остаток сил уйдет, да еще и вопрос, попадет ли снаряд в цель. Или еще хуже – угодит не в Арно, а во что-нибудь ценное.

Брю сел на тарный ящик и, подперев ладонями щеки, прикрыл глаза. Скоро восемь, снаружи уже темно. По четвергам мастерская как раз до восьми, так что через несколько минут можно будет спокойно закрыться, и хватит на сегодня. Арно уберет с улицы рекламные щиты-раскладушки насчет починки тормозов за \$49.99 и замены масла за \$14.99. А там домой, немного попятится в телик и на боковую. Утро вечера мудренее.

Позже Уилли с недоумением прикидывал, не провалился ли он на несколько секунд в дремоту прямо там, на тарном ящике, поскольку когда механик открыл глаза, перед ним стояли двое. Брю сразу почуял в них заезжих гастролеров – можно сказать, по запаху коровьего навоза. Оба среднего роста. У того, что постарше, лет сорока с небольшим, над воротником неопрятно торчали темные волосы. Бакенбарды сужались книзу в козлиную бородку. Вид странноватый, словно волосы на голове и лице образовывали некий единый покров, который на ночь можно снимать, как головной убор, и вешать на манекенную болванку. Из-под коричневой вельветовой куртки виднелась безрукавка-«гольфистка» в бурую, желтую и зеленую полоску, заправленная в коричневые джинсы. Довершали гардероб дешевые замшевые ботинки бежевого цвета, явно контрафактные.

«Гольфистки» Уилли ненавидел почти так же, как самих гольфистов.

Всякий раз, когда в мастерской появлялся кто-нибудь, одетый для игры в гольф, или же в машине обнаруживались соответствующие клюшки, Уилли с ходу начинал что-то плести насчет чрезмерной занятости – короче, с обслуживанием не получится. Быть может, среди гольфистов говнюки и не все, но только Уилли они попадались в количестве недостаточном, чтобы он усомнился в общем существе их жалкой, никчемной породы. Опыт также подсказывал, что чем дороже тачка гольфиста, тем он говнистей. Общая неприязнь механика к гольфистам постепенно распространилась и на все связанные с гольфом причиндалы, а в первую очередь – на удлинённые, цвета соплей шорты и их носителей, имеющих наглость появляться в них на людях, а уж тем более в рабочем помещении Уилли Брю, да еще когда он страдает с похмела.

Второй тип выглядел пошире первого и, несмотря на основательную прохладу, одет был всего лишь в куцую куртейку, майку и потертые джинсы. Он нажевывал резинку, а гниленькая ухмылка давала понять, что вот он, во плоти, не просто козел, а козел, для которого день прожит считай что зря, если по его ходу не сделано хоть каких-то гадостей простому человеку.

И вот еще, кстати. На Уилли оба смотрели так, будто он уже покойник.

Уилли знал, кто они. Знал, что где-то неподалеку от входа в его драгоценную мастерскую припаркован синий «Шевроле Малибу», готовый унести этих людей туда, откуда они явились, как только дело будет сделано. Надо, надо было обо всем рассказать сразу, едва он приметил этот автомобиль. А теперь уже поздно.

Уилли неторопливо встал. В правой руке все еще лежала монтировка.

– У нас на сегодня всё, ребята, – сказал он.

Но эти двое здесь не из-за машин. Слова, которые сейчас произносил Уилли, лишь оттягивали неизбежное. Никчемное притворство, на которое визитерам не хватало терпения. Они здесь по делу, и Уилли тщетно прикидывал, кому он мог насолить так крепко, что тот наслал на него этих типов. А затем понял, что заказчика как такового назвать нельзя. Потому что к Уилли никто не испытывал настолько уж кипучей ненависти. Вопрос не в этом. Речь идет о послании, и отправить его надлежит через него, Уилли, переломав ему кости и отняв жизнь.

Жвачник вынул из-под куртейки пистолет. Ствол он даже не направлял на Уилли, а просто побалтывал им в опущенной руке, словно все это самая обыденная вещь на свете – вот так заходить к человеку на работу, готовясь его убить. Большой и указательный пальцы стрелка находились на месте, а остальные он поочередно оттопыривал: ни дать ни взять спортсмен

за разминкой перед основными упражнениями.

– Брось ключ, – скомандовал его кореш с козлячьей бородкой.

Уилли выронил монтировку, отчего железяка громко зазвенела о бетонный пол.

– Чё вид-то такой замученный? – спросил Козлетон.

Уилли попытался определить акцент, но не сумел. Вроде как слегка смахивает на канадский. А впрочем, какая теперь разница.

– Ночь выдалась тяжелая.

– Не хочу тебя расстраивать, но и вечерок тебе светит немногим лучше.

Козлетон ткнул Брю кулаком в лицо. Не успев изготавиться к удару, Уилли лишь почувствовал, как хрустнул сломанный нос, и упал на колени, поднимая руки к хлынувшей крови. Слышно было, как Жвачник хихикнул и двинулся в сторону склада. Дверь открылась, и Уилли сквозь поднесенные к лицу пальцы разглядел, как бандит с поднятым стволом заходит в закуток. Брю мысленно взмолился, чтобы Арно вел себя разумно.

Теперь Козлетон тоже держал в руке пистолет.

– Вот что я тебе скажу, – заговорил он. – Тебе следовало быть разборчивей насчет того, с кем ты впаиваешься в дело. Мне известны люди, которые водят дружбу с педиками. Я их не уважаю и вряд ли люблю то, что они делают вместе, но это их выбор. Видит бог, знаком я и с людьми, которые водятся с киллерами, – можно сказать, что я сам из таких, и мой товарищ тоже. Мы оба убиваем людей, и делаем это сообща. А вот ты пытаешься закрывать обе лунки сразу: якшаешься с киллерами-гомами. А это, на мой взгляд, неправильно. Так что не обессудь за то, что сейчас с тобой произойдет.

Козлетон навел ствол Уилли на голову, и тот закрыл глаза. Грянул выстрел, от которого механик зажмурился еще сильнее, но звук раздался не вблизи, а эхом со стороны склада. Это на секунду отвлекло Козлетона. Он повернул голову, и в этот миг Уилли на него набросился. В грузном прыжке механик ухватил с пола ключ и, замахнувшись, врезал киллеру по руке, в которой тот держал оружие. Под ударом хрупнула кость. Пистолет выпал на пол, а Уилли всем своим весом прижал Козлетона к красному «Олдсмобилю», который ремонтировал Арно.

Даже с поврежденной правой рукой киллер действовал быстро: он выкинул вперед левую, повторно ударив Уилли по сломанному носу, отчего у него вместе со свежей болью в глазах взметнулся еще и сноп слепящих искр. Уилли наугад лягнул и носком своего кованого рабочего башмака въехал обидчику в бедро, отчего тот охнул, запнулся и не смог дотянуться



до уроненного пистолета. Нога у Уилли омертвела. Сам же он потерял равновесие и упал, при этом исхитрившись отпнуть оружие куда-то в темный угол гаража. В это мгновение бахнул второй выстрел. Посыпалось битое стекло. Уилли съежился, глазами ища, куда бы спрятаться, и тут через выбитое заднее окошко «Олдсмобила» увидел, как Козлетон, припадая на ушибленную ногу, неловко улепetyивает. Грохнул еще один выстрел, третий, и правое плечо Козлетона дернулось вперед, а сам он, ускорив ход, через гаражную дверь унырнул в потемки прежде, чем в кирпичной кладке рядом с его головой сделала выщербину четвертая по счету пуля.

В складском дверном проеме, сжимая пистолет, показался Арно. Ствол подрагивал, а само оружие в руках у Арно смотрелось слегка не по росту. Оружие он не любил и, насколько Уилли известно, не стрелял из него ни разу в жизни. Удивительно, как напарник вообще умудрился попасть в цель. Между тем Арно подобрался к гаражной двери и осторожно выглянул наружу. Оттуда слышалось, как заводится, а затем отъезжает машина.

– А что с тем, вторым? – поднимаясь на ноги, спросил Уилли.

– Молотком его вырубил, – ответил Арно, бледный как смерть. – Он, когда падал, невзначай пальнул. Ты в порядке?

Уилли кивнул. Нос чертовски саднило, но зато сам он, черт возьми, остался жив. Руки тряслись, а содержимое желудка явно просилось наружу. Протянув руку, Уилли бережно вынул пистолет из руки Арно и поставил на предохранитель.

– Что вообще все это было? – спросил напарник.

– Позвонить надо, – сказал вместо ответа Уилли. – Найди пока кусок шнура, свяжи тому подонку руки.

Арно не двинулся с места.

– Это, скорее всего, уже без надобности, – заметил он.

– Вот черт. – Уилли озадаченно покачал головой. – Ты его что, сильно огрел?

– Так ведь молоток же. Ты сам как думаешь?

Уилли снова покачал головой – непонятно, от отчаяния или от восхищения.

– У меня, оказывается, в работниках гребаный Рэмбо, – хмыкнул Брю. – Не знаю даже, как ты сподобился попасть в того, второго.

– Вообще я ему по ногам целился, – развел руками Арно.

– Для чего, чтобы он станцевал? В ноги он ему целился. Бог ты мой. Запирай давай дверь.

Арно поспешил выполнять указание, а Уилли прошел к себе в каморку и снял телефонную трубку. Номер он знал наизусть.

На том конце включился автоответчик. Тогда Уилли попробовал набрать службу. Трубку взяла вездесущая Эми и сказала, что сообщение передаст куда следует. Наконец Уилли позвонил на сотовый, используя номер этой недели (звонить надлежало лишь в самых экстренных случаях), но голос ответил, что абонент отключил телефон.

У Луиса с Ангелом были сейчас свои неотложные заботы.

\* \* \*

Миссис Бондарчук находилась у себя в прихожей, когда зазвонил дверной звонок. В окошечко видеокамеры на ступенях перед наружной дверью она разглядела человека в синей униформе, со свертком в одной руке и с планшеткой в другой. На втором звонке миссис Бондарчук нажала кнопку связи домофона. За спиной уже звонко тявкали шпицы.

– Чем могу помочь? – спросила она тоном, дающим понять, что слова о помощи – большое преувеличение.

Миссис Бондарчук с подозрением относилась ко всем незнакомцам, особенно к мужчинам. За исключением тех двоих джентльменов наверху, доверия не заслуживал ни один.

– Посылка, – раздался в динамике строгий голос.

– Извините, для кого?

– Для миссис Эвелин Бондарчук, – сообщил голос после паузы.

– Оставьте внизу, – сказала Эвелин, нажатием кнопки открывая лишь подъездную дверь.

– Миссис Бондарчук – это вы? – спросил курьер на входе.

– Ну а кто ж еще?

– Тогда распишитесь в получении.

В квартирной двери для подобных случаев была предусмотрена щель шириной в дюйм.

– Подавайте сюда, через щелку, – потребовала миссис Бондарчук.

– Мэм, так не делается. Как я могу отдать вам свой планшет для документов? Он должен оставаться при мне.

– Я его что, съем? – рассердилась дама. – Или еще лучше, продам и улечу на Украину. Давайте папку сюда в щель.

Курьер уже приближался к квартирной двери и был отчетливо виден. Брюнет с дурной кожей.

– Мэм, будьте же благоразумны. Откройте и по-человечески подпишите.

Фраза о благоразумии задела миссис Бондарчук за живое.

– Не дождетесь. Хотите уходить – забирайте посылку с собой. Оставьте номер – я приду за ней сама.

– Миссис Бондарчук, это глупо. Если вы не возьмете, мне ее переть обратно аж в самый центр города. К тому же она и потеряться может, – заметил брюнет со значением. – Или вдруг там скоропорт? Что тогда?

– Тогда она начнет вонять, – ответила хозяйка шпицев, – и вам придется ее выбросить. Всё, вы мне надоели. Уезжайте.

Но курьер не уехал. Вместо этого он вынул из униформы пистолет и наставил на дверную панель из матового стекла. К стволу был привинчен цилиндр. Миссис Бондарчук видела достаточно коповских сериалов, чтобы узнать в нем глушитель.

– Ты старая тупая сука, – процедил тип.

И в этот момент палец миссис Бондарчук, обрывая диалог, с кнопки домофона сместился на бесшумную тревожную кнопку.

Человек оглянулся через плечо на пустую улицу и сделал два выстрела. Звук был как от пары лопнувших бумажных пакетов, а перед лицом миссис Бондарчук на дверной панели почти одновременно возникли две вмятинки. Однако стекло уцелело. Почти все предметы в этом доме, включая и саму миссис Бондарчук, на деле куда прочнее, чем могло показаться на первый взгляд.

До человека снаружи как будто бы дошло, что его усилия напрасны. Рукой в перчатке он еще раз саданул по стеклу, словно надеясь вышибить его из рамы, после чего снова открыл наружную дверь и выбежал на улицу. Какое-то время все было тихо. А затем со стороны подвала в задней части дома миссис Бондарчук слышала какие-то приглушенные шумы. Она посмотрела на часы. С момента нажатия тревожной кнопки прошло пять минут. Если никто не придет, то ровно через столько же по инструкции надо вызывать полицию. При установке новой системы сигнализации мистер Ангел с мистером Луисом очень подробно на этом остановились, а затем это же оказалось подчеркнуто и в официальном письме от самого мистера Лероя Франка, присланного лично на имя миссис Бондарчук. В нем сообщалось, что для частичной разгрузки прославленной городской полиции обязанности по обеспечению безопасности объектов мистера Франка возлагаются на одну крайне эксклюзивную и сугубо частную охранную фирму. И только по истечении десяти минут, если помощь не прибывает, следует звонить в полицию.

Звуки в тыльной части дома все не утихали. Усмирив своих шпицев, миссис Бондарчук тихо спустилась в цокольный этаж. Там за задней дверью находился небольшой закуток с плиточным полом, где стояли мусорные баки. Сама дверь была из арматурной стали, с глазком посередине. Поглядев в него, Эвелин увидела двух людей в курьерских униформах, приспособабливающих что-то снаружи к дверному полотну. Один из них – тот, что стрелял по квартирной двери, – поднял глаза и, должно быть, понял по перемене света, что за ними наблюдают. Он махнул комком какого-то беловатого материала вроде строительной шпатлевки. С одной стороны из комка торчало что-то наподобие огрызка карандаша с приделанным шнуром.

– От двери лучше отойти, – слышался приглушенный стальной дверью голос. – А еще лучше залечь рядом и посмотреть, что произойдет.

Пожилая дама отпрянула, непроизвольно прижав руки ко рту.

– Нет, – пролепетала она. – О нет.

Надо срочно вызвать полицию. Миссис Бондарчук отошла подальше. Следует возвратиться обратно в квартиру, позвать на помощь. Охрана мистера Лероя Франка не пришла. Подвела в самый необходимый момент. Эвелин побежала, ловя себя на том, что плачет. В ушах звенело тревожное тьяканье шпицев.

С улицы прогремели подряд два выстрела – гораздо громче тех, что были раньше, – а снаружи о дверной металл упало и проело что-то тяжелое. Эвелин застыла, после чего обернулась в направлении двери и поднесла к своим полным губам кончики дрожащих пальцев.

– Миссис Бондарчук? – окликнули из-за двери, и она узнала голос мистера Ангела. – С вами там все в порядке?

– Д-да, – неуверенно выговорила Эвелин. – А... кто были эти люди?

– Мы не знаем, миссис Бондарчук.

«Мы».

– Они ушли?

– Э-э, – откликнулся мистер Ангел после некоторой заминки, – в некотором смысле да.

Миссис Бондарчук оторопело возвратилась к себе, закрыла и заперла дверь и сидела там, прижимая к себе двоих шпицев, покуда спустя какое-то время к ней в квартиру не постучался мистер Ангел с приветливой улыбкой и шоколадным тортиком из «Забара». Вместе они съели по кусочку и выпили по стакану молока, а милый мистер Ангел, проявив чудеса обходительности, наконец успокоил миссис Бондарчук и придал ее мыслям нормальный ход.

## Глава 6

К удивлению Уилли и облегчению Арно, человек на полу склада оказался жив. Череп горе-налетчика был проломлен, из ушей сочилась кровь (что нельзя назвать хорошим знаком), но он определенно все еще дышал, и это пошатнуло решимость Уилли насчет дальнейших действий. Допустить, чтобы незнакомец окоцурился на цементном полу, он не мог и позвонил в 911. В ожидании «Скорой» и неизбежных копов они с Арно обговорили и согласовали детали своих предстоящих показаний. Налицо неудавшаяся попытка ограбления, топорная и простая. Грабители требовали денег и машину. Поскольку они были вооружены, Уилли с Арно из опасения за свою жизнь пришлось обороняться. В итоге один из грабителей сейчас ничком лежал на полу склада, а второй, несмотря на огнестрельное ранение, дал деру.

Уилли предпринял и еще одну меру предосторожности. С помощью Арно он нагрел и расплющил на радиаторе стеариновую свечу, к которой поочередно притиснул пальцы налетчика и таким образом снял отпечатки. Затем сунул свечу за кипу старых документов в конторский шкафчик и запер его на ключ. При налетчике не оказалось никаких удостоверений личности, что довольно-таки странно. Скорее всего, копы тоже снимут у него отпечатки пальцев, но, возможно, и Луис захочет кое-что разузнать по своим каналам. Чтобы ему в этом поспособствовать, Уилли велел Арно сделать на мобильник несколько фотоснимков налетчика. На мобильнике самого Уилли камера отсутствовала – аппарат был такой примитивный, что в сравнении с ним даже жестянка на ниточке казалась достойной альтернативой. Что Уилли по-своему даже нравилось.

По прибытии копов свои роли Уилли и Арно разыграли мастерски. Честные скромные трудяги, под угрозой увечья, а может, и смерти давшие жесткий отпор агрессору и теперь потрясенные, но зато оба живые, стояли посреди своего малого предприятия, которое мужественно отбили от посягательства негодяев. Что, собственно, не так уж далеко от истины. Копы выслушали сочувственно, а затем рекомендовали обоим механикам прийти с утра в участок для дачи более официальных показаний. Арно спросил, не понадобится ли им адвокат, на это старший патрульный ответил, что вряд ли. Между строк он намекнул, что обвинение против них вряд ли бы стали выдвигать, даже если б этот тип околел. В возбуждении заведомо проигрышного дела не заинтересована ни одна прокуратура,

а у Арно на руках железобетонное оправдание: вынужденная самооборона. Теперь еще предстоит установить личность грабителя, у которого в карманах нашлись лишь пакетик жвачки, ком из десяток, двадцаток и полусотен, а также запасная обойма к пистолету (Уилли и Арно на славу изобразили удивление от услышанного).

Брю полагал, что разбирательство уже, считай, завершено, когда в гараж прибыла еще одна пара – мужчина и женщина, оба в темных костюмах. Они на входе предъявили удостоверения патрульному. Тот оглянулся через плечо и одними губами оповестил сослуживцев: «Федералы», как будто те и без того не поняли, кем являются новоявленные визитеры.

Один из медиков заклеил Уилли лицо пластырем, предварительно вправив ему нос прямо в конторском закутке. Таким образом отпала необходимость ехать в больницу, зато нос сейчас принялся заново пульсировать свежей болью. Вкупе с тошнотой похмелья и общим оттоком адреналина после горячки драки Уилли не смог бы и припомнить, когда он себя чувствовал так скверно. Сидя на стульчике возле простреленного «Олдсмобиля» и следя взглядом за приближением двоих агентов, он глазами дал Арно понять, что худшее в этих разборках еще только близится. В нюансах правоприменения и красотах юрисдикции Уилли докой не был, но прожил в Куинсе достаточно, чтобы понимать: на каждое размахивание стволом в автомастерской фэбээровцы вот так запросто не являются, иначе бы у них просто не оставалось времени на всю остальную работу.

Мужчина был темнокожим и представился специальным агентом Уэсли Брюсом. Его напарница, специальный агент Сидра Льюис – крашеная блондинка с пронзительно-синими глазами, хмурый вид которой предполагал в ней уверенность, что все, кого бы она ни встречала по долгу службы, в чем-нибудь да виноваты, пусть хотя бы в тайной мысли, что они чем-то лучше нее. Арно с Уилли разделили: женщина увела Арно в конторский закуток, а Брюс тем временем, полусев на капот «Олдсмобиля», скрестил на груди руки и скривился в недоброй улыбке, напоминаящей того самого Жвачника до того момента, как Арно отшиб у него улыбку изделием из дерева и металла.

– Ну, как дела? – спросил Брюс.

– Да бывали и получше, – ответил Уилли, и это была едва ли не первая стопроцентно откровенная фраза, которую он произнес с самого прибытия копов.

Похоже, специальный агент Уэсли Брюс прекрасно осознавал сей

факт.

– Похоже, два этих субчика напали не на тех, с кем можно шутки шутить.

– Наверное.

– Так вы говорите, они искали машину?

– Ага. И еще деньги.

– Их у вас тут что, много?

– Да не так чтобы. Народ расплачивается в основном чеками или с карты. Хотя есть и такие, кто дает налом. Старые привычки здесь живучи.

– Еще бы, – произнес Брюс с таким видом, будто Уилли вел речь не о платежах наличностью, а о чем-то совсем ином.

Подразумеваемых здесь вариантов – и законных, и незаконных – была тьма тьмущая, лучше и не гадать. Наконец Уилли сделал умозаключение: все события нынешнего вечера так или иначе связаны с Луисом и Ангелом. На линию поведения Уилли это не повлияло, но заставило его проникнуться к спецагенту Брюсу еще большей неприязнью, чем та, которую он уже испытывал.

Тем временем Брюс ввинтился в Уилли черными круглыми глазами.

– Еще бы, – с нажимом повторил он.

Он чего-то ждал. Уилли прислушался: со стороны конторского закутка доносился голос Арно. Тот тархтел куда оживленнее, чем Уилли. Похоже, спецагенту Сидре Льюис не просто вставить в этот словесный поток хотя бы словечко.

Что ж, милости просим, привыкайте. Мы вас к себе не звали.

Наконец Брюс вроде как уяснил, что Уилли с лету не раскрутить на признание во всех нераскрытых преступлениях, перечисленных в уголовном кодексе, и возобновил свои расспросы.

– То есть, получается, при всех их стараниях солидный куш им все равно не светил? Даже если бы им удалось выгрести кассу и благополучно скрыться?

– Они взяли бы от силы пару сотен. Это с учетом мелочи.

– Н-да, хапнули они горя за пару сотен. Не могли попытать счастья в другом месте, где полегче.

– У нас нет камеры.

– В смысле?

– Видеокамеры слежения. Мы ими не пользуемся. Во многих местах они нынче установлены, а у нас вот нет. Может, налетчики потому и решили: коли так, то чем черт не шутит, почему бы не попробовать.

– Крутые времена, крутые меры.  
– Типа того.  
– Эти двое показались вам отчаянными?  
– Дружеского настроения я у них точно не заметил, – подумав, ответил Уилли. – А насчет отчаянности судить не берусь.

– Я имел в виду: они, по-вашему, действительно остро нуждались в деньгах?

– А кто в них не нуждается, – простецки пожал плечами Уилли.

– Верно. Только у нашего общего приятеля, которому проломили голову, уже было рассовано по карманам около пяти сотен, не говоря о довольно дорогой марке пистолета. Так что он не производит на меня впечатление бедолаги, рискнувшего от безденежья вот так взять и наброситься на автомастерскую, не рассчитывая при этом на серьезный навар.

– Про то, что на уме у преступника, не мне судить. Это ваша епархия.

– Не вам судить, говорите?

Фраза отчего-то показалась Брюсу смешной. Он даже рассмеялся деревянным неестественным смехом – как будто бы кто-то написал перед ним на бумажке: «Ха. Ха. Ха», а затем подставил к его голове револьвер и скомандовал зачесть это вслух.

– А что же насчет машины? – отсмеявшись, задал вопрос Брюс.

– Что именно?

– Из того, что вы рассказали полиции, сюда они приехали на автомобиле, на котором впоследствии скрылся тот второй сообщник. Зачем им понадобилась машина, если одна у них уже была?

– Кто их знает. Может, они планировали ограбление и хотели... запутать следы, что ли. Построить все так, чтобы нельзя было увязать с ними.

– То есть получается, они замыслили убить вас и вашего напарника, чтобы вы потом не могли опознать их или ту машину?

– Потому-то одному из них вместо шляпы на голову нахлобучили молоток. Послушайте, мистер Брюс...

– Я предпочитаю, чтобы меня называли «специальный агент Брюс».

Уилли флегматично поглядел на Брюса. Секунду-другую между ними стояла напряженная тишина, после чего Уилли с нарочито протяжным вздохом продолжил:

– Специальный агент Брюс, я не понимаю сути ваших расспросов. У нас не было шанса заварить этим молодцам кофе, чтобы они расселись поудобней и подробно изложили нам свои мотивы. Они ворвались,



хрястнули меня по носу, сказали, чего им нужно, а остальное вы знаете.

– Да, знаю. Вы герои. Там снаружи уже топчется корреспондент из газеты, думает отснять вас для прессы. Вы прославитесь. Хорошая реклама для бизнеса.

– Да уж, – неохотно произнес Уилли.

– Что-то не вижу радости, – заметил Брюс.

– Кому она нужна, такая радость?

– Вот именно, – ощерился улыбкой Брюс. – Это я и хочу уточнить. Кому она нужна? Если не вам, то тогда, может, вашему партнеру по этой операции?

– Я не понимаю, о чем вы.

– Неужели? Кто вас фактически выкупил, когда много лет назад вы находились в бедственном положении? Ваша бывшая жена, насколько помнится, хотела, чтобы вы продали свое дело и за счет этих средств рассчитались с ней при разводе. Не так ли? Удача вам тогда ни в коей мере не благоволила, и вдруг р-раз! У вас появились отступные, которые вы отдали ей без продажи вашей мастерской. Спрашивается: откуда взялись деньги?

Специальный агент Брюс, судя по всему, прекрасно осведомлен о бизнесе Уилли. Если на это шли деньги, которые Уилли добросовестно платил как налогоплательщик, то имело ли смысл их отдавать?

– Мир не без добрых людей, – сказал он вслух. – Нашелся и по мою душу добрый самаритянин.

– Как его звали?

– Он был от агентства. А имен я не помню.

– Тогда я подскажу. Инвестиционное бюро «Последняя надежда». Фирма-однодневка, просуществовавшая не дольше мотылька.

– Чтобы меня выручить, хватило и такого срока. Для меня это единственно важно.

– А свой долг вы вообще выплатили?

– Пробовал. Но вы же сами сказали: «Последней надежды» больше нет. Умерла.

– Неудивительно, при ее склонности ссужать направо-налево деньги, а затем не взыскивать с должников. Название тоже странноватое, вам не кажется?

– Мне до этого дела нет. Я свой долг задекларировал, так что ко мне никаких претензий.

– Интересно, а кто владелец этого помещения?

– Риелторская фирма.

- «Лерой Франк пропертиз», акционерное общество?
- Так точно.
- И за аренду вы платите Лерою Франку? Интересно, сколько?
- Полторы тысячи в месяц.
- Немного, за такой-то простор.
- Достаточно.
- А с Лероем Франком вы никогда не встречались?
- Вы думаете, если б я работал в одном из небоскребов Трампа, я бы виделся лично с Дональдом?
- Отчего бы нет, если б он был вашим другом.
- Не думаю, что Дональд Трамп водит дружбу со многими из своих съемщиков. Он же Дональд, а не...
- А не Лерой Франк, – проворно закончил фразу Брюс.

Уилли покачал головой – бесхитростный человек, оказавшийся лицом к лицу с выжигой-службистом, намеренно и ушло переиначивающим все его слова.

– Еще раз говорю: ни с каким Лероем Франком я не знаком. И вообще, что у нас за разговор? Аренду я плачу исправно, налоги тоже, занимаюсь своим делом и в жизни не привлекался даже за неправильную парковку. Так что перед законом я чист.

– Что ж, – ухмыльнулся Брюс, – в таком случае вы, должно быть, наичестнейший из людей, отсюда аж до самого Нью-Джерси.

– Пожалуй, берите дальше, – уточнил Уилли. – Из Джерси я народец встречал.

– Я сам оттуда, – мимолетно нахмурился Брюс.

– Ну тогда вы, видимо, исключение, – сказал Уилли.

В глазах Брюса мелькнула растерянность, но этот крен разговора он быстро выровнял, перескочив на смежную тему.

– Непростой он человек, этот Лерой Франк, – вздохнул спецгент. – Вокруг его компаний тянется бумажный шлейф. Нет-нет, поймите меня правильно: так-то он чист, и вопросов к нему, казалось бы, нет, но... он для нас загадка. А не так-то легко в наши дни оставаться таким таинственным.

Брю помалкивал.

– Вы же понимаете: всюду угроза терроризма и всякое такое. Приходится гораздо больше времени уделять финансам, которые не укладываются в предписанную канву. Сейчас это отслеживается проще: нам дали больше полномочий. Хотя, конечно, если вы невинны, то вам и бояться нечего...

– Во-во. Что-то подобное говаривал, кажется, Джо Маккарти<sup>[9]</sup>, – хмыкнул Уилли. – Врал, наверное.

Специальный агент, похоже, понял, что вывести кого-либо на чистую воду пока не удастся. Он отнял свой увесистый зад от капота «Олдсмобила», который словно застонал от облегчения. Улыбка исчезла, на лицо возвратилась хмурость. Судя по всему, солнышко здесь редко когда выходило из-за туч.

– Ну ладно, – подытожил Брюс. – Мне пора, но видимся мы не в последний раз. Случится повстречать загадочного Лероя Франка – передайте ему от меня привет. Жаль, очень жаль, что все это происходит на одном из его объектов собственности. Вот сраму-то будет, если в прессу просочится, что правоохранительные органы заинтересовались собственником этого места. Это поставит под угрозу его анонимность, принудит выйти из тени на свет.

– Мне-то что, – успокоил спецаргента Уилли. – Я всего лишь перечисляю деньги в банк. И единственный вопрос, который при этом задаю: «Можно сюда чек?»

Из конторского закутка появилась специальный аргент Сидра Льюис – губы сжаты в нитку, глаза буквально слезятся от досады. Уилли с трудом сдержал улыбку. Арно, он такой. Выжимать из него ответы, когда он сам не желает их давать, это все равно что пытаться распрямить змею. Брюс мгновенно уловил недовольство своей напарницы, но распространяться на эту тему не стал.

– В общем, мы еще вернемся, – сказал он напоследок Уилли.

– Мы здесь бессменно, – ответил тот.

Арно подскочил, едва лишь спецаргенты отбыли.

– О, какая фемина, – с чувством сказал он. – Такая настойчивая. А ты знаешь, мне она понравилась. Очень мило побеседовали.

– О чем?

– Об этике.

– Об *этике*?

– Ну да, о ней. О праведной и неправедной подоплеках вещей.

– Ой, – Уилли обреченно замахал руками, – иди лучше домой. У меня от тебя башка еще сильнее разламывается.

Он еще раз окликнул Арно, когда тот уже изготавился скрыться в ночи.

– Отслеживай свой треп по телефону, – наказал ему Уилли.

Арно озадачился.

– Вообще-то в трубку я всегда говорю одно: «Нет, пока не готово».

И еще, наверное: «Пожалуйста, но за дополнительную плату». Ты думаешь, ФБР это может показаться интересным?

Брю насупился. Куда ни плюнь, везде комики.

– Не знаю, что им там интересно, а базар свой фильтруй. И ни с кем из тех журналюг не разговаривай. Слушай, и проявляй хоть чуточку уважения: я тебе, между прочим, зарплату плачу.

– А, ну да, – прикрывая за собой дверь, фиглярски хмыкнул Арно. – На этой неделе покупаю себе яхту...

\* \* \*

Луис сделал звонок сразу после того, как получилось избавиться от трупов (чистоплотность превыше всего). Свое имя он оставил телефонистке, попутно отметив, что ее голос по тембру точь-в-точь похож на голос секретарши, отвечающей на звонки в фирме «Лерой Франк». Может, их где-то выводят, как цыплят в инкубаторе?

Ответ на звонок последовал через десять минут. «Мистер де Анджелис передает, что будет доступен завтра по двенадцать двадцать шесть, в районе семь плюс», – сообщил бесстрастный женский голос.

Луис поблагодарил и сказал, что все досконально понял. Стоило повесить трубку, как в памяти всколыхнулись воспоминания о прежних встречах, и губы Луиса тронула чуть заметная улыбка. Де Анджелис: «от ангелов». Так сказать, с легкой опечаткой – точнее, оговоркой.

Назавтра в восьмом часу вечера Луис стоял на углу Лексингтон-авеню и 84-й улицы. Уже стемнело. Тротуары на этом небольшом отрезке магистралей города были сравнительно тихи. Основная суматоха с закрытием большинства заведений (отдельные бары и рестораны не в счет) уже улеглась. На Манхэттен опускался влажный туман, предвещающий дождь и придавая городскому пейзажу дымчато-легкую, струистую иллюзорность миража. Слева по-прежнему светилась реликтовая вывеска аптеки «Ласкофф», и если прищуриться, то можно было представить себе этот отрезок Лексингтон-авеню в том виде, как он смотрелся больше полувека назад.

Лексингтонская кондитерская и буфетная служили живым напоминанием о той эпохе. А корни этих заведений уходили еще глубже, в 1925 год, когда старик Сотериос основал здесь шоколадную мануфактуру и поставил автомат с газировкой, а затем передал их во владение своему сыну Питеру Филису, от которого они в свою очередь перешли к его сыну,

наследнику и нынешнему владельцу Джону Филису. Джон и по сей день священнодействовал за кассовым аппаратом и приветствовал своих давних клиентов по именам. В окнах красовались бутылки «кока-колы» эксклюзивного выпуска, а с ними пластмассовая железная дорога, фотографии ряда знаменитостей и бейсбольная бита, подписанная легендарным форвардом «Метс» Расти Стобом.

Уже многим поколениям детей это место известно как «Газированный леденец», поскольку именно эта надпись красовалась над входом в заведение, а его фасад не менялся уже столько, что и самые старые старики не упомнят. Снаружи было видно, как внутри все еще суетятся двое работников в белых лапсердаках, хотя передняя дверь уже заперта. Часы работы Лексингтонской кондитерской – строго с семи утра до семи вечера, с понедельника по субботу. Тем не менее зеленый капроновый коврик при входе на ночь еще не убран. На нем значился номер строения, где располагался «Газированный леденец»: 1226.

Луис пересек улицу и постучал в оконное стекло. Один из прибирающих по-птичьи резко глянул влево, после чего вышел из-за прилавка и впустил Луиса, поздоровавшись с ним лишь кивком. Дверь он закрыл и запер на ключ у гостя за спиной, после чего вдвоем с напарником они закруглились с работой и скрылись за еще одной дверью с табличкой «Вход только для персонала».

Здесь все было таким же, как помнилось Луису, хотя он не зааживал сюда уже много лет. Все тот же зеленый прилавок с отметинами, оставленными за десятилетия горячими тарелками и кружками; зеленые вращающиеся стульчики с виниловой обивкой – источник бесконечных развлечений для ребятни. За прилавком две газовых кофеварки, зеленая солододробилка «Гамильтон-Бич» образца 1942 года, а с ней ее ровесники – дозатор «Борден» и автоматическая соковыжималка.

«Газированный леденец» славился своим лимонадом, который готовился по заказу. Лимоны выжимались на ваших глазах, затем их сок смешивался с сахарным сиропом и наливался в стакан с колотым льдом. Сейчас два стакана с этим самым лимонадом стояли перед человеком, согбенно сидящим в угловой отсечке. Перед уходом работники пригасили светильники, и сейчас ощущение у Луиса было такое, будто ждущий его старик каким-то образом впитывал в себя освещение, словно некая черная дыра в человеческом облиии; трещина во времени и пространстве, вбирающая в себя все вокруг – хорошее и плохое, свет и его противоположность, – подпитывая собственное существование за счет всего, что оказывалось в зоне досягаемости.

С человеком по имени Гэбриел Луис не пересекался вот уже несколько лет, и вместе с тем их жизни, некогда связанные столь тесно, были в каком-то смысле неразделимы. Фактически для жизни Луиса раскрыл именно Гэбриел. Это он заприметил паренька с неоспоримыми задатками, взял и выковал из него мужчину, которым можно было действовать как оружием. И заказы от людей, желавших воспользоваться услугами Луиса, приходили именно через Гэбриела. Он являлся фокусной точкой контакта, своеобразным фильтром. Конкретный статус этого человека был весьма расплывчат. Он выступал куратором, посредником. На его руках не было крови, во всяком случае, ее никто не видел. Луис ему доверял – отчасти, а по большей части нет. Слишком уж многое в Гэбриеле казалось неизвестным; более того, непостижимым. И вместе с тем Луис осознавал в себе нечто, напоминающее трогательную привязанность к своему старому покровителю.

В сравнении с прошлым разом Гэбриел как будто убавился в размерах (усох от возраста, что ли). Волосы и борода были теперь снежно-белыми, а тело словно утопало в складках просторного черного пальто. Правая рука при поднятии стакана слегка дрожала. Старик поднес напиток к губам и отпил, при этом несколько капель выплеснулись на столешницу.

– Для лимонада чуть холодновато, вам не кажется? – поинтересовался Луис.

– Холод меня не заботит, – ответил Гэбриел. – Тем более что нынче на каждом углу можно согреться кофе, который здесь, кстати, особенно хорош. Подозреваю, что это из-за кофеварок на газу. Но отменный лимонад в отличие от кофе нынче мало где встретишь, так что нужно хвататься за такую возможность, когда она предоставляется.

– Как скажете, – сдержанно сказал Луис, усаживаясь напротив.

При этом он старался удерживать в поле зрения и входную, и служебную двери. На середину стола Луис положил принесенную газету. К стакану не притронулся.

– А ты знаешь, что здесь снимались сцены «Трех дней Кондора»? [\[10\]](#) Кажется, Редфорд сидел как раз на том самом месте, где сейчас сидишь ты.

– Вы мне об этом рассказывали, – напомнил Луис. – Когда-то давно.

– Правда? – В голосе Гэбриела сквозило огорчение. – Значит, в тогдашних обстоятельствах я счел нужным про это упомянуть. – Он кашлянул. – Давно это было: лет десять тому назад, если не больше. Примерно с той поры, как ты стал обнаруживать в себе присутствие совести.

– Вообще-то она присутствовала всегда. Просто до этого я как-то

не уделял ей особого внимания.

– Я понял, что теряю тебя, еще задолго до того, как наши пути разошлись.

– Каким образом?

– Ты начал спрашивать: «Зачем?»

– Значит, это стало казаться уместным.

– Уместность – понятие относительное. В нашем деле есть такие, кто вопрос «зачем?» считает прелюдией к вопросу: «как глубоко ты бы хотел быть закопанным?» или: «тебе венок из роз или лилий?».

– Но ведь вы ж были не из их числа?

Гэбриел пожал плечами.

– Я бы так не сказал. Просто я не был готов скормить тебя собакам. И вообще старался смягчить твои тревоги, прежде чем позволил отправиться в свободное плавание.

– Позволили? Мне?

– Ты уж дай старику малость поблажить, польстить самому себе. К тому же ты знаешь: не все из нашего дела уходили своими ногами.

– На момент моего ухода там оставались немногие.

– А таких, как ты, не было и вовсе.

Луис комплимент не принял.

– Так что, как видишь, – сказал Гэбриел, – мой моральный компас оказался вернее, чем ты, видимо, полагал.

– Вы уж не обижайтесь, но что-то мне в это не особо верится.

– Никаких обид. Хочешь – верь, хочешь – нет, но тем не менее это так. Я всегда щепетильно относился к той работе, которую тебе поручал. Бывали случаи, когда я шагал по тонкой грани, но не считаю, что когда-либо переступал ее охотно, а уж тем более по своей воле. Во всяком случае когда речь заходила о тебе.

– Ценю. Просто думаю, та грань со временем становилась все тоньше.

– Может быть, – задумчиво согласился Гэбриел. – Может быть. Так что там произошло вчера ночью? Я так понимаю, ты принимал визитеров?

Осведомленность Гэбриела о давешнем происшествии Луиса не удивила. По поступлении звонка от своего бывшего подопечного он мог как минимум навести справки, хотя вполне возможно и то, что Гэбриел узнал о происшедшем еще до того, как сам звонок был сделан. Кто-то мог ему сообщить. Таков принцип работы старых систем, и это, кстати, одна из причин, отчего молчание насчет смерти Детки Билли так сильно Луиса настораживало.

– Так, вылазка практикантов, – попытался отшутиться Луис.

– Возможно. А вот с вылазкой в автомастерскую все достаточно странно. На вид примитивно и бессмысленно, если только кто-то не пытался этим дать знак. Иначе зачем было одновременно целиться и в твою резиденцию?

– А вот здесь я не знаю, – пожал плечами Луис. – Да и в газеты попало. Уилли такая публичность совсем ни к чему. Мне она тоже не нравится: привлекает внимание. Уже привлекла.

Гэбриел с успокоительной незначительностью махнул рукой:

– Газетам нет дела до того, кому принадлежат здания. Им интересно только, кто в них умирает и занимается сексом, причем необязательно в этом порядке.

– С репортерами я не разговаривал.

Гэбриел глянул в окно, словно ожидая, что из сумрака неожиданно материализуются детективы штата. Не заметив их там, он как будто даже разочаровался. Интересно, насколько Гэбриел отдалился от своей прошлой жизни. Своры наемных убийц (Жнецов, как он их называл) при нем больше нет, однако уйти втихую на покой он никак не мог. Гэбриел уже и без того слишком много знал, но при этом всегда стремился знать больше. Он, может, уже и не отряжал убийц делать грязную работу на заказ, но, безусловно, оставался частью того мира.

Луис аккуратно постучал по газете. Там внутри лежала расплюснутая свечка с отпечатками налетчика и копиями фотоснимков с мобильного Арно плюс отпечатки тех двоих лжекурьеров, которым хватило глупости сунуться в дом.

– Я тут кое-что принес, что попало мне на глаза. Хотел бы, чтобы вы взглянули.

– Так ведь и полиция наверняка тоже на все взглянет?

– Может, у вас получится быстрее. Скажем, услуга от ваших друзей.

– Они не из тех, кто оказывает услуги безвозмездно. С ними всегда баш на баш.

– Тогда с вас этих «башей» два, потому что я хочу попросить еще об одной.

– Озвучь.

– У Уилли на работе что-то вынюхивали два федеральных агента. Выспрашивали насчет «Лероя Франка».

– Насчет расследования я ничего не слышал. Может, нашли ниточку где-нибудь еще, а от нее что-то начало разматываться. Опять же, в последние годы эти черти стали такими усердными. Я бы сказал, упертыми. Было время, когда терроризм легко прятался под личиной



бизнеса. А нынче все очень усложнилось: малейший намек на подозрительный платеж, и пошли мурыжить и выпытывать, даже таких безобидных в этих делах, как Лерой Франк.

– Думаю, многим, когда их тянут за эти ниточки, становится щекотно. А щекотку мало кто любит.

– Уверен, что с этим можно что-то сделать, – сказал Гэбриел. – Ну а пока у нас есть более насущные вопросы: кто это сделал и как нам застраховаться от того, чтобы такое повторилось?

– «Нам»?

– Представь себе. Даже спустя все эти годы я чувствую за тебя определенную ответственность. К тому же в некотором смысле твои проблемы – это мои проблемы, особенно если они как-то соотносятся с тем, что имело место при моей опеке. Хотя все это могло быть связано и с какими-то твоими делами. Взять твоего друга Паркера: у него есть особенность обзаводиться интересными врагами.

– Уилли сказал, что агент Паркера ни разу не упомянул. С языка у него не сходил только я.

– Это хорошо.

– Что значит «хорошо»?

– Сужает поле. Я не слышал, чтобы кто-то назначил цену за твою голову, да и вылазка была, как ты сказал, практикантская. Любой, кто бы выставил насчет тебя метку, позаботился б нанять кого-нибудь профессиональнее. На твоём месте я бы даже обиделся, что кому-то взбрело в голову иметь с тобой дело в такой грубой, неотесанной манере.

– Да, я весь испереживался. Кстати, о птичках: надеюсь, вы выслали веночек для Детки Билли?

– Такой исход нельзя было исключать, – скорбно вздохнул Гэбриел. – Его болезнь все более прогрессировала. Требовалась радикальная хирургия. И кто-то, очевидно, взял операцию на себя.

– Уверен, он бы одобрил альтернативное мнение.

– Лечение было выбрано самое лучшее: быстро и весьма эффективно.

– Я бы сказал, *Блисс*-тяще.

Лицо Гэбриела болезненно покривилось.

– Можно было хотя бы поставить меня в известность, – укорил Луис.

– Что ты по этому поводу слышал?

– Так, слухи. Только и всего.

– С ним уже давно никто не сталкивался. Его списали со счета: полагали, что его нет в живых.

– Мечты-мечты.

– Он тебя пугает? – уже с прежним спокойствием и лукавинкой спросил Гэбриел.

– У меня есть причина пугаться?

– Не то чтобы я знал какую-либо конкретику. Хотя в отношении этого джентльмена можно лишь теряться в догадках. Он уже долгое время как исчез из поля зрения, но вам двоим и правда есть что вспомнить. И если он действительно возвратился, то может оказаться в настроении возобновить старые знакомства.

– Меня это как-то не очень утешает. Да и вас, наверное.

– Я старый больной человек.

– Ему доводилось убивать и больных, и старых.

– Я немного другой.

С этим можно было согласиться.

– С давешним вторжением вы с партнером сладили весьма успешно. Так что если он что-то и задумает, то совладать с тобой ему будет все так же непросто, как и в прежние годы. Как ты поступил с мусором?

– Как и положено, утилизировал. На свалку.

– А с пожилой леди?

– Купили ей шоколадный торт.

– Если б всех можно было так легко умаслить. Как там твои друзья из автомастерской?

– Порядком выбиты из колеи. Я им посоветовал на несколько дней закрыться. Сейчас они гостят в отеле.

Гэбриел допил лимонад и, поднявшись, подтянул к себе газету и сунул в карман пальто.

– Через денек-другой что-нибудь появится, – обозначил он срок.

– Буду признателен.

– Нехорошо, чтобы все это затягивалось. От этого страдают все.

– И потому нам нельзя с этим мириться.

– Определенно. Ну что, ступай с миром. И не забывай поглядывать по сторонам.

С этим напутствием Гэбриел удалился.

## Глава 7

Двумя днями позже, утром, Гэбриел присутствовал на еще одной назначенной им встрече, теперь уже в Центральном парке. После хмурой погоды предыдущих дней голое хрустально-синее небо было совершенно свободно от облаков, а воздух казался чистым до скрипа, как будто за ночь из него, пускай и ненадолго, каким-то волшебным образом выпарили миазмы и грязь большого города. Это было словно утро из детства. Хотя с возрастом Гэбриел уже не без труда припоминал, каким он был в те далекие годы. Фрагменты оставшейся памяти рисовали некоего другого человека, никак не связанного с теперешним, и вместе с тем смутно знакомого. Ощущение сродни просмотру старого фильма, когда припоминаешь: да, где-то ты видел картину и что-то такое при этом чувствовал, но когда это все было?

Гэбриел ненавидел стареть. Ненавидел *быть* старым. Вид Луиса напоминал ему обо всем, кем и чем он когда-то был сам; о силе и влиянии, которым некогда обладал. Из этого не все еще ушло, кое-что да осталось. Да, у Гэбриела больше нет в распоряжении Жнецов, готовых за мзду выполнять его или чужую волю, но ему все еще причитались отдельные благодеяния за оказанные некогда услуги, за поддержание конфиденциальности, за разрушенные проблемы и вовремя оборванные жизни. Свои секреты Гэбриел хранил надежно и бережно, ибо знал: от них напрямую зависит его существование. Они были его безопасностью, а если надо, то и оборотным капиталом.

В парке к нему как бы невзначай пристроился человек несколько моложе. Ростом выше Гэбриела на голову, зато Гэбриел превосходил его тремя десятилетиями опыта, отчасти горького. Этот человек носил кличку Меркурий, в честь бога-покровителя торговли и воровства, однако Гэбриелу он был известен как Милтон. Вполне вероятно, что это его настоящая фамилия. Несмотря на общую образованность, знания Милтона совершенно не простирались на литературу. Когда в начале их знакомства Гэбриел, помнится, как-то сослался на «Потерянный рай»<sup>[11]</sup>, его встретил абсолютно пустой, лишенный всякого смысла взгляд. Хотя опять же, кто их знает, всех этих агентов, тем более с таким послужным списком, как у Милтона. Ему, казалось, можно было поверять самые интимные детали своих сексуальных наклонностей и предпочтений – прямо вот так, с фотографиями и даже видеосъемками бывших партнеров, – а в ответ

видеть все тот же бессмысленный взгляд. Пустой – в данном случае как нельзя более подходящее слово.

Все в Милтоне предполагало человека, зачатого и созданного в какой-нибудь лаборатории для полной бесприметности: самый типичный рост, самая типичная внешность, типичные волосы, типичная одежда. В нем не было совершенно ничего заметного. Более того, при такой заурядности взгляд соскальзывал по нему, как вода по тефлону, и, не успев зафиксировать его присутствие, человек тут же о нем забывал. Пожалуй, для индивидуума в этом даже есть некая исключительность: проходить сквозь жизнь абсолютно незамеченным.

Милтон с Гэбриелом прогуливались возле озерца – достаточно медленно, чтобы их обгоняли бегуны трусцой, и в то же время подвижно настолько, что за их спиной никто не мог пристроиться незаметно для глаз. На Милтоне были серое шерстяное пальто с серыми брюками и серым же шарфом, а черные ботинки поблескивали под светом осеннего солнца. Рядом с ним Гэбриел с его белоснежными сединами, неопрятно торчащими из-под шерстяной шапочки, напоминал благодушного бродягу. После нескольких минут прогулки первым заговорил Милтон.

– Приятно снова тебя видеть, – сказал он голосом столь обыденным, что даже Гэбриел, знавший этого человека уже много лет, не мог толком разобрать, идут эти слова от сердца или нет.

Может, и в самом деле от сердца: таких фраз от Милтона на памяти было немного.

– И мне тебя, – соврал Гэбриел, на что Милтон улыбнулся: уязвленность чужой неискренностью компенсировалась у него радостью того, что он ее уловил. Видимо, Милтон из тех людей, что чувствуют себя без напряжения лишь тогда, когда мир их разочаровывает, а значит, вторит их ожиданиям. – Не ожидал, что ты явишься лично.

– Не так-то часто мы нынче встречаемся. Пути-дороги уже не столь близки, как когда-то.

– Я старый больной человек, – сказал Гэбриел, и это сразу напомнило ему о контексте, в котором он несколькими днями ранее произнес эти же самые слова.

Неизвестно, прав ли он был тогда и могут ли возраст и былой статус действительно, если что, уберечь его от лютости Бласса. Мысли закрадывались тревожные. Ответственность за содеянное с Блоссом отчасти лежала и на нем, Гэбриеле, что, в общем-то, не являлось для этого зверюги таким уж откровением: что посеешь, то и пожнешь. Хотя вражда между Блоссом и Луисом носила более глубокий, личностный характер.

Нет, все-таки если Блисс возвратился, то в перекрестье его прицела вряд ли старик Гэбриел.

– Не такой уж и старый, – отреагировал между тем Милтон: сейчас врать настал его черед.

– Стар достаточно, чтобы различать туннель в конце света, – вздохнул Гэбриел. – И вообще, это уже новый мир с новыми правилами. Мне все труднее находить себе в нем место.

– Правила-то все те же, – рассудил Милтон. – Просто их стало меньше.

– Я чувствую в тебе чуть ли не ностальгию.

– А что, может, и так. Я тоскую по делам с себе равными, такими, что мыслят, как я. Я больше не понимаю наших врагов. Их цели слишком размыты. Спроси – так они их и сами вряд ли обозначат. В них нет идейности. Только слепая вера.

– Людям нравится биться за свою религию, – заметил на это Гэбриел. – В ней достаточно постулатов, чтобы взывать к их душам, и вместе с тем обтекаемости.

Милтон в ответ ничего не сказал. Лично Гэбриел подозревал, что Милтон верующий; причем не просто верующий, а активный прихожанин. Не иудей, нет. Может быть, католик, хотя вряд ли: для хорошего католика у него маловато воображения. Скорее протестант неясной окраски. Член какой-нибудь особенно занудной конгрегации, где в фаворе жесткие скамьи и длинные проповеди. Образ Милтона в церкви спровоцировал Гэбриела на догадку, как могла бы выглядеть миссис Милтон, если такая существует на самом деле. Обручальное кольцо Милтон не носил, но это еще ни о чем не говорит. Краеугольное свойство этих людей – как можно меньше выказывать что-либо о себе наружу. Ведь из такой, казалось бы, мелочи, как колечко, можно нарисовать целую картину существования. Гэбриелу жена Милтона рисовалась эдакой мымрой, настолько черствой и косной в своей набожности, что даже слово «любовь» у нее не произносится, а буквально сплевывается.

– Ну так что, у тебя был контакт с нашей заблудшей овечкой? – сменил тему Милтон.

– Да. У него, похоже, все хорошо.

– За исключением того, что его кто-то пытается вроде как убить.

– Пожалуй что.

– По первому набору отпечатков у полиции ничего нет, – сообщил Милтон. – И у нас тоже. Расплющенная свечка: оригинально. По данным полиции, найденный в гараже пистолет тоже чист. Прежде не использовался.

– Удивительно.

– Почему?

– Они были любителями. А у непрофессионалов ошибки обычно маленькие, до крупных они дорастают потом.

– Но бывает и иначе. Может, эти джентльмены опрометчиво решили сразу взять быка за рога и с нуля перескочили сразу на минус единицу.

Гэбриел покачал головой. Не встраивается. Этот довод он задвинул подальше, оставив его томиться в глубине ума, словно горшок в духовке.

– А вот со вторыми отпечатками нам повезло больше, – обрадовал Милтон. – Странно, что их владельцы до сих пор не всплыли на поверхность.

– Так ведь они на свалке, – сказал Гэбриел. – Всплывешь тут, когда над тобой десяток метров грунта, мусорного.

– Да уж. Те отпечатки принадлежат некоему Марку Ван Дер Саару. Необычное имя. Голландец. В этой части света Ван Дер Сааров не так уж много. Так вот, этот конкретный Ван Дер Саар отбывал трехлетний срок в исправительном учреждении имени Гавернира за преступления, связанные с огнестрельным оружием.

– А сам он откуда?

– Из Массены. Там рядом.

– Под кем он ходил?

– Сейчас выясняем. А одним из его известных сообщников является – точнее, являлся, учитывая недавний переход мистера Ван Дер Саара в покойники, – некто Кайл Бентон. Личность тоже известная. Отсидел четыре года в тюрьме Огденсбурга, и тоже, случайно иль нарочно, за преступления с огнестрельным оружием. Огденсбург, если ты не знаешь, расположен в северной части штата.

– Спасибо за урок географии. Пожалуйста, продолжай.

– Бентон работает на Артура Лихагена.

Гэбриел на секунду сбился с шага, после чего снова размеренно зашагал.

– Имечко из прошлого, – буркнул он. – Это все, что у тебя есть?

– Пока. Я думал, ты будешь под впечатлением: до встречи со мной ты знал меньше.

Какое-то время они прогуливались в молчании: Гэбриел размышлял над услышанным, складывая и перекладывая в уме фрагменты мозаики. Луис. Артур Лихаген. Детка Билли. Все это было так давно... Постепенно мозаика складывалась, фрагменты подходили друг к другу. От наметившейся взаимосвязи Гэбриел ощутил прилив тихой отрады.

– Тебе не известны двое агентов ФБР – работают в паре, фамилии Брюс и Льюис? – удовлетворившись своими выводами, спросил он.

Милтон посмотрел на часы: явный признак того, что встреча близится к завершению.

– Мне это надо?

– Они живо интересовались делами нашего общего друга.

– Не уверен, что слово «друг» здесь очень уж подходит.

– Ему хватало дружелюбия все эти годы держать язык за зубами. Я склонен считать это поведение более дружеским, чем то, к которому привык ты.

Милтон возражать не стал, и Гэбриел понял, что набрал очко.

– Какого рода интерес они проявляют?

– Похоже, они не прочь порыться в его риелторских инвестициях.

Милтон вынул из кармана руку в перчатке и пренебрежительно ею махнул:

– Это все та херь, что началась с одиннадцатым сентября.

Гэбриел напрягся: бранными словами Милтон бросался лишь в минуты редкого душевного волнения.

– У них инструкция – распутывать бумажные следы, – продолжил собеседник. – Необычные бизнес-вложения, кажущиеся подозрительными финансовые сделки, нестыковки в делах с акциями и недвижимостью. Они мне вот уже где с этим своим ярмом.

– Но он не террорист.

– А ну и что. Террористов среди таких раз-два и обчелся, зато в процессе можно иной раз выудить интересную информацию, потянуть за ниточку, вынюхать след. Возможно, до этих самых агентов дошел какой-то звон, вот они и любопытничают.

– Они не просто любопытничают. Похоже, они кое-что знают о том, что за ним стоит.

– Это вряд ли можно назвать гостайной.

– Полностью да. А частично? – со значением посмотрел Гэбриел.

Оба остановились, щурясь на ярком свету. На сухом холодном воздухе парок от их дыхания сливался воедино.

– У него одиозная репутация, – сказал Милтон. – Он водится с дурной компанией – если такое человечески возможно, учитывая его собственную натуру.

– Ты, видимо, имеешь в виду того частного детектива?

– Да, Паркера. И детектив он, похоже, бывший. Лицензия у него отозвана.

– Возможно, он нашел себе какие-нибудь иные, более мирные способы времяпрепровождения?

– Сомневаюсь. Из того немногого, что мне известно о Паркере, он бедой просто живет и дышит.

– Не уверен, намного ли больше знаю о нем я, но похоже, что Луис ему чуть ли не симпатизирует.

– До такой степени, что готов ради него убивать. И кто знает, может, внимание он не привлек к себе, а перенаправил. Удивительно лишь то, что ФБР понадобилось столько времени, чтобы постучаться к нему в дверь.

– Все это замечательно, – сказал Гэбриел, – но неизвестного в нем никак не меньше, чем известного, и я уверен, что ты предпочел бы этот расклад не тревожить.

– Надеюсь, это не угроза?

Шаткой старческой дланью Гэбриел притронулся к руке своего более молодого спутника и легонько ее потрепал.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, – произнес он. – Я имею в виду одно: всякое расследование в конце концов упрется в стену. В стену из кирпичей, возведенную тобой и твоими коллегами. Но такие барьеры не сказать чтобы неодолимы, и нужные вопросы, заданные в нужных местах, способны выявить информацию, которая может оказаться неудобной для обеих сторон.

– Избавиться от него мы могли бы в любое время, – улыбнулся Милтон, что, однако, не умерило настороженности во взгляде Гэбриела.

– Если б вы думали это сделать, вы бы это давно уже осуществили, – заметил он. – А от меня вы бы тоже избавились?

Милтон снова тронулся с места, Гэбриелу пришлось несколько шагов его нагонять.

– С большим сожалением, – ответил Милтон.

– Меня это, можно сказать, утешает, – сказал Гэбриел.

– Что конкретно ты от меня хочешь? – задал вопрос Милтон.

– Отзови собак.

– Думаешь, это легко? ФБР ох как зубом цыкает, когда другие агентства лезут в его дела.

– Я думал, вы все на одной стороне.

– Мы да: каждый на своей собственной. Ну да ладно, кое с кем поговорю, посмотрю, что можно сделать.

– Моей благодарности не будет границ. Тебе ведь придется опекать ценного кадра.

– Когда-то ценного, – уточнил Милтон. – Хотя, конечно, если б его



можно было задействовать для какой-нибудь работы...

– К сожалению, он, похоже, выбрал себе другую стезю.

– Жаль, очень жаль. Он был хорош. Один из лучших.

– Кстати, ты мне напомнил. – Гэбриел словно бы невзначай набрел на мысль, которая на самом деле не давала ему покоя с того самого момента, как он прознал о смерти Детки Билли. – Ты что-нибудь знаешь о Блиссе?<sup>[12]</sup>

– В смысле о блаженстве? – как будто бы не понял Милтон. – Знаю, и даже очень. Для меня это прежде всего аромат элитного виски, хорошая сигара. Или ты о чем-то другом?

– В некотором роде.

– Мы потеряли с ним контакт много лет назад. Начать с того, что он у нас никогда не был в списке на рассылку рождественских открыток. У меня он не вызывал ничего, кроме гадливости. И я не лил слез, когда он впал у нас в немилость.

– Но ведь вы же его использовали.

– Раз или два, и то через тебя. При этом я задерживал дыхание, а потом мыл руки с мылом. Насколько я понимаю, вы с твоим так называемым другом замыслили положить его карьере конец?

– Успех был умеренный, – скромно заметил Гэбриел.

– То-то и оно, что умеренный. Надо было класть больше взрывчатки.

– Мы хотели, чтобы сгинул только он, а не половина народа, которая на тот момент могла стоять рядом.

– В определенных кругах такой гуманизм сочли бы за слабость.

– Оттого я и извел столько времени и сил, чтобы этих кругов поубавилось. Как и ты, наверное.

Милтон в знак согласия мимолетно усмехнулся.

– Вместе с тем есть основания полагать, что Блосс может снова всплыть в поле зрения. Не исключено.

– В самом деле? – Милтон впервые за все время посмотрел на Гэбриела открыто, в упор. – Надо же. К чему бы это?

За долгие годы Гэбриел научился считывать лица и интонации, соразмерять слова и сопровождающие их жесты, по тончайшей модуляции голоса безошибочно улавливая, правда произносится или ложь. Слушая сейчас Милтона, он с уверенностью определял: собеседник выдает о происходящем явно не все, что знает.

– Может, если ты что-нибудь на этот счет разузнаешь, то найдешь возможность мне перезвонить? – ненавязчиво предложил он.

– Может быть, – туманно улыбнулся Милтон.

Гэбриел протянул руку и в момент рукопожатия неуловимым движением сунул Милтону под рукав бумажку.

– Мелкая благодарность, – пояснил он. – Тележка. Не подмажешь – не поедешь.

Милтон поблагодарил кивком.

– Увидишь нашу заблудшую овечку – передавай от меня привет.

– Передам, отчего ж не передать. Я знаю, он очень тепло о тебе думает.

– Вот уж да, – скорчил гримасу Милтон. – Как бы не обжечься.

\* \* \*

В тот же вечер и так же через операторов Гэбриел связался с Луисом. В этот раз встреча была короткой – буквально несколько минут на заднем сиденье такси, которое отвозило Гэбриела на Бродвей. Шофер всю дорогу был погружен в нескончаемую и оживленную беседу по телефону, протекавшую почти исключительно на урду. В начале пути Гэбриел развлекался тем, что пытался уловить в разговоре хоть какие-нибудь знакомые слова.

– Мне был звонок, – сообщил Гэбриел. – От одного джентльмена, что работает у Николаса Хойла.

– Хойл? Который миллионер?

– Миллионер, отшельник – называй его как хочешь.

– И что он сказал?

– Мистер Хойл выразил желание с тобой встретиться. Он говорит, что располагает информацией, которая может оказаться тебе полезной и которая имеет отношение к событиям последних дней.

– Встреча на нейтральной территории?

Гэбриел ерзнул на сиденье.

– Нет. Хойл никогда не покидает своего пентхауса. Живет в нем безвылазно. По всем отзывам, человек с большими странностями. Тебе придется отправиться к нему.

– Так дела не делаются, – нахмурился Луис.

– К тебе он обратился через меня, а потому дела именно что делаются. И он должен осознавать все последствия, которые могут наступить в случае несоблюдения им всех необходимых церемоний.

– Кстати, он и мог послать тех двоих разобраться со мной.

– Если б он нацеливался на это, то попросту нанял бы подспорье понадежней и закончил все прямо на том месте. Однако у него нет резона

иметь на тебя зуб – во всяком случае, мне о том неизвестно, – если только ты не успел его разозлить в ходе каких-нибудь своих недавних дел. А?

Гэбриел вопросительно воздел бровь.

– Я за собой ничего такого не помню, – сказал Луис.

– Но даже если и так, – продолжил рассуждать Гэбриел, – то мне не кажется, что вы с этим твоим другом из Мэна оставляете за собой множество концов. Легче выжить на последней стадии рака, чем затевать с тобой вражду. А потому я думаю, что у Хойла на уме какое-то предложение, причем взаимовыгодное. Впрочем, выбирать тебе. Я лишь передаю его слова.

– А ты бы на моем месте как поступил?

– Я бы все-таки составил с ним разговор. Пока мы ни на шаг не приблизились к тому, кто именно был во всем этом задействован и кто за этими людьми стоял.

Гэбриел мельком взглянул на Луиса. Ложь прошла незамеченной. Это хорошо. У Луиса надо будет вызнать, что скажет Хойл. А тем временем можно начать расспрашивать насчет Артура Лихагена. Распространяться Луису о том, что сказал Милтон, Гэбриел пока не готов. Во всех своих делах он прежде всего прикрывает себя. И какая бы симпатия к Луису ни жила в сердце, он скорее скормит его живьем диким псам, чем подвергнет риску себя.

– Может, они были дилетантами, а их босс нет? Смысл опять же неясен, если только не вернуться к варианту, что кто-то хочет вытянуть меня на свет.

– Вряд ли тебя так уж сложно выявить, как тебе кажется. Недавние события – тому доказательство. Нам здесь чего-то недостает, и может статься, что как раз Хойл и сможет нас на этот счет просветить. Учти, он вот так запросто приглашений в свою берлогу не рассылает. При иных обстоятельствах это бы расценивалось как большая честь.

Луис отрешенно смотрел, как за окном мелькает город. Словно бы все – и такси, и люди, и огни – вдруг разом обрело дар неуправляемой скорости и пустило ее в ход. Обычно Луис контролировал все сам, но сейчас эти тончайшие нити как будто перешли в руки других: Гэбриела, его неизвестных контактеров, а теперь вот этого Николаса Хойла.

– Ладно, давайте расклад.

– Изволь. Туда ты идешь безоружным. Хойл запрещает наличие оружия у себя в пентхаусе.

– Час от часу не легче.

– Брось. Такой, как ты, наверняка справится с любым оборотом

обстоятельств. К тому же я, к твоему сведению, затеял возню федерального масштаба кое с какими потенциально заинтересованными сторонами. И полагаю, что все разрешится в твою пользу и к твоему удовлетворению.

– Что это, хотелось бы знать, за стороны, да еще заинтересованные?

– Тебе ли об этом спрашивать. А сейчас, с твоего позволения, я выйду. Так сказать, покидаю кров. И кстати, заплати за такси. Это самое скромное, чем ты можешь воздать за то, что я для тебя сделал.

\* \* \*

Блисс ехал на север – безымянная фигура на безвестном шоссе; не более чем две белесые шпажки фар, тающие в темноте. Скоро, уже скоро он оставит дорогу и найдет себе приют для ночного отдыха. Не сна, а именно отдыха, передышки. Нормального сна у Блисса не было уже много лет, и от этого он жил в постоянном мучении. Полного и мирного забвения он желал себе как мало чего на свете, но научился обходиться и несколькими часами чуткой прерывистой полудремы, в конце концов перебарывающей негасимые муки. Залечивание ран и усилие оставаться впереди своих преследователей истощало Блисса не только физически, но и финансово. Он был вынужден снова всплыть на поверхность, но своего плательщика на этот раз выбрал тщательно. В Лихагене Блисс нашел того, кто утолял одновременно и его финансовую, и его личную потребности.

Бутылочка с кровью Детки Билли лежала в коробке с мягким подбоем, на дне чемоданчика. Лихаген требовал, чтобы Билли был убит на его земле, но Блисс ему в этом отказал: слишком опасно. Однако, убирая нож и видя на лице умирающего Детки Билли признаки осознания, Блисс сделал вывод, что жизнь пусть и редко, но все-таки по-прежнему отпускает подарки. И это придавало уверенности в том, что должно произойти.

А потому той ночью, лежа на кровати скромного опрятного мотеля, Блисс тихо напевал, думая о Луисе с томным вождением влюбленного, после долгой разлуки держащего наконец путь к своей избраннице.

## Глава 8

Резиденция Хойла находилась в каком-нибудь полукилометре от квартала ООН, и ближайшие улицы здесь являли собой подлинное вавилонское столпотворение дипломатических номеров. В этой буче и без того напряженные отношения между странами-антагонистами усугублялись еще и вынужденным соседством по парковке, само собой, как и везде, далеко не резиновой. Высотка Хойла внимание к себе не привлекала. Будучи старее и мельче большинства из примыкающих к ней современных башен, она стояла на восточной оконечности зоны общего пользования, которая частично вдавалась в соседние кварталы и протягивалась на север, юг и запад, создавая таким образом подобие нейтральной полосы между обиталищем Хойла и величавыми громадами зданий, что высились вокруг.

Спустя сутки после встречи с Гэбриелом Луис с Ангелом набросали примерный план цитадели Хойла, и сейчас Ангел в компании скучливого Уилли Брю и чуть менее скучливого Арно осуществляли за ней слежение. Проще говоря, торчали день-деньской поблизости в машине. Это была некая мера предосторожности, попытка установить ритм жизни здания: кем и как сюда производится доставка того или другого, как проходят смены дежурства и отлучки на обед у охраны. Времени, безусловно, недостаточно, чтобы точно измерить степень риска при проходе в здание, но все же лучше, чем вообще ничего.

Для Уилли это было, пожалуй, хуже, чем ничего. Бездельничать он мог и в сравнительном уюте своей квартиры – все лучше, чем делать что-то нелюбимое вообще вне всякого комфорта. Арно на протяжении вахты почитывал книжку – то есть, получается, фактически помножал на ноль их главную цель: следить за зданием. Иными словами, сачковал. Но опять же: кто может заставить человека заниматься нелюбимым делом? Вот Арно сейчас и сидит, убивает время. Луис пока не хотел, чтобы они возвращались к себе в мастерскую, а значит, Уилли оставалось или запереться у себя в квартире и пялиться в ящик, что не вызывало у него никакого энтузиазма, или же торчать в машине и следить за зданием, что тоже абсолютно безынтересно. Достойным был разве что вывод: согласен Луис или нет, но они с Арно скоро снова выходят на работу. Пары дней вынужденного безделья для Уилли оказалось достаточно, чтобы ощутить, как внутри него что-то словно отмирает.

Пентхаус Хойла занимал в высотке три последних этажа. Остальное было отдано под его офисы. Бизнес-интересы Хойла простирались в различные сферы – горнодобывающую промышленность, недвижимость, страхование, исследования в области фармацевтики, – но, несмотря на всю эту разносторонность, средоточие, живое сердце его деловой активности крылось за неброским фасадом манхэттенской цитадели. Это была материнская компания, и именно в ней обретались вся власть Хойла и сила. На протяжении дня в вестибюль здания и обратно втекала и вытекала небольшая, но стабильная вереница людей. Между двенадцатью и двумя часами пополудни движение нарастало, а после пяти обретало характер фактически одностороннего движения. Ничего предосудительного за время дежурства ни Ангел, ни Уилли с Арно не заметили. Людей с гранатометами за столбами не наблюдалось, а меж растений в горшках не проглядывали стволы тяжелой артиллерии.

Опять же, как подчеркнул Гэбриел, Хойл вышел на Луиса через определенные каналы. Можно сказать, поистине старосветская куртуазность в наш современный век; такая, что своей неукоснительностью обязана репутации Гэбриела и услугам, что ему до сих пор причитаются. Любое нарушение Хойлом негласного протокола, скорее всего, чревато последствиями. Так что, исходя из понятий Гэбриела, волноваться сверх нормы у Луиса нет необходимости. Иными словами, входя в девятом часу вечера в здание, Луис с Ангелом были оба предельно насторожены.

За стойкой дежурил единственный охранник, который при их проходе едва заметно кивнул. Лифт в вестибюле был всего один, без кнопок изнутри и снаружи. В кабине везде зеркала. Никаких камер, во всяком случае на виду. Ангел прикинул: значит, их как минимум три – по одной за каждым стенным зеркалом плюс четвертый глазок где-нибудь за экранчиком, где появляются цифры с указанием этажей. Наверняка в лифте имелся еще и микрофон, так что Луис с Ангелом ехали молча, глядя на свои отражения в медно поблескивающих дверях: одно спокойно-отстраненное, другое несколько скептическое. Ангел зеркала недолюбливал. Луис как-то сказал, что они его тоже не любят: «У тебя даже отражение как будто меченое, оставляет за собой пятна».

Когда на дисплее показались литеры «ПХ», лифт мягко остановился. Бесшумно разъехались створки дверей, открыв взору пустое фойе все с теми же зеркалами на стенах и с вазой свежесрезанных цветов на небольшом мраморном постаменте. Помимо вазы там находились еще и двое охранников в траурно-черных костюмах и с галстуками в тон (тоже какими-то похоронными). Охранники держали наготове металлодетекторы.

Ими они прошлись по Ангелу с Луисом, приостанавливаясь на ременных пряжках, карманной мелочи и часах, после чего кивнули: «Проходите».

Дальше виднелась массивная, восточного вида двустворчатая дверь из дерева, с явно старинной резьбой. За ней обнаружился еще один человек, по счету третий. Этот был одет сравнительно непринужденно: черные брюки и черный шерстяной жакет поверх белой рубашки с открытым воротом. Волосы, не длинные и не слишком короткие, зачесаны за уши как бы наспех, на ходу: главное, не смотреться растрепой, а остальное и неважно. Глаза карие, а на лице Ангел различил тонкую смесь смешливости, скрытого отчаяния и профессиональной зависти. Телосложение пловца: широк в плечах и мускулист, а торс гибкий и поджарый. Расстегнутый жакет висит свободно и вполне может скрывать под собой ствол.

Чувствовалось, как Луис рядом слегка расслабился, но у него эта реакция была всегда противоположна ожидаемой. Когда он вроде бы расслабляется, это явный признак того, что рядом угроза и что он готовится действовать. Примерно так может вести себя лучник, делая выдох одновременно с теньканьем тетивы, когда все его внутреннее напряжение сосредоточено уже непосредственно на полете пущенной стрелы. Несколько секунд Луис и тот человек, оба словно натянутые пружины, с молчаливой цепкостью смотрели друг на друга, после чего человек сказал:

– Меня зовут Симеон. Я личный помощник мистера Хойла. Спасибо, что пришли. Мистер Хойл будет с минуты на минуту.

Было не вполне ясно, какие именно обязанности выполнял Симеон в качестве помощника, но явно не печатание и не прием звонков. Не был он и простым охранником, как те двое, что занимались досмотром. Таких, как Симеон, Ангел на своем пути уже встречал, равно как и Луис. Это, безусловно, специалист. Оставалось лишь гадать, для чего бизнесмену, пусть даже такому денежному и скрытному, как Николас Хойл, понадобился в услужение некто со способностями, которыми, несомненно, владел Симеон.

Взгляд помощника ненадолго охватил Ангела. Видимо, решив, что задерживаться особо не на чем, Симеон возвратился к Луису. Уходя спиной вперед в зал, из которого явился, правую руку Симеон вытянул в жесте гостеприимства – разом и респект, и проявление разумной осторожности.

Они вошли в неярко освещенное жилое помещение – обширное, распаханное глазу, со стеллажами от пола до потолка, где в разнообразных комбинациях располагались книги, скульптуры и старинное оружие –

клинки, топоры, кинжалы – все на прозрачных стеклянных подставках. Здесь стоял такой холод, что у Ангела на коже высыпали мурашки. Половицы были из красного дерева, а темные диваны, кушетки и кресла манили уютом, словно говоря при этом: вот оно, обиталище человека чести, безупречного вкуса и тонкого обращения, из безвозвратно ушедшей эпохи. Помещение и вправду взялось как будто из прошлого или даже позапрошлого века, если бы не стеклянная стена, выходящая на закрытый бассейн, легкая рябь воды в котором отбрасывала на стены интерьера зыбкие, переливчато-извилистые блики. Подобный контраст поначалу приводил в замешательство, но затем возникала мысль, что здесь это очень даже к месту и интерьер от этого только выигрывает. Если не стоять вблизи стеклянной стены, откуда видно голубую впадину бассейна, то взгляд различает лишь призрачную пятнистую игру теней на стенах. Ощущение такое, будто находишься в каюте какого-нибудь лайнера посреди океана.

– Ого, синь какая, – непроизвольно заметил Ангел, глядя на воду.

И в самом деле: в воду бассейна как будто добавили краситель, настолько бирюзовой она была. Ангел даром что любил поплавать, но в эту лужу окунаться бы не рискнул. Смахивает на емкость с химикатами.

– За бассейном раз в неделю осуществляется профессиональный уход, – пояснил Симеон. – Мистеру Хойлу импонирует чистота.

В его голосе чувствовался оттенок приглушенного сарказма. Луису доводилось встречать людей, которых с работодателями сближало нечто большее, чем просто охрана, но меньшее, чем дружба. Они напоминали эдаких сторожевых псов, проникшихся любовью к хозяевам за то, что те дают им кормиться объедками со своего стола. Такое же немое обожание, умильно-преданное виляние хвостом, а если хозяин, бывает, гневается, то это только их, собачья, вина: недоглядели, недоработали. Симеон, впрочем, таким не казался. Судя по всему, он соблюдал простую, сугубо финансовую договоренность, и до тех пор, пока Хойл продолжал начислять на его счет оплату, Симеон продолжал оберегать Хойлу жизнь. Обе стороны прекрасно отдавали себе в этом отчет и, похоже, были этим обоюдно довольны.

– А Симеон – это имя или фамилия? – любопытствовал Ангел.

– Вас это как-то волнует?

– Да нет. Я просто так, беседу поддержать.

– У вас это не очень получается, – усмехнулся Симеон.

– Мне часто доводится такое слышать, – вздохнул Ангел.

На одной из стеллажных полок Луис изучал наконечник древнего копья – не притрагиваясь, а лишь бережно повернув к себе стеклянную подставку, чтобы оглядеть оружие спереди, словно оно было направлено



ему в лицо.

– Это часть копья гиксоса, – подсказал Симеон. – Примерно в семнадцатом веке до нашей эры их племена вторглись в Египет и сформировали там Пятнадцатую династию.

– Вы об этом где-то прочли? – поинтересовался Луис.

– Не я. Мистер Хойл. Ну и по доброте поделился этим знанием со мной, а я вот с вами.

– Интересно. – Луис обернулся к Симеону. – Вам бы экскурсии водить. Вы давно на него работаете?

– Да уж не первый день.

– Это можно истолковать двояко.

– Видимо.

– А служили где? В каких войсках?

– Почему вы думаете, что я бывший военный?

– Глаз наметан.

Симеон, что-то взвесив, выдал ответ:

– Морпех.

– Позвольте угадать: из разведки.

– Не попали. Антитеррор, из Норфолка.

Значит, КБА: Команда безопасности антитеррора при морской пехоте. Подразделение, сформированное в конце восьмидесятых как добавочное звено кратковременной охраны, когда угроза превосходила возможности обычных сил безопасности. Значит, Симеон проходил подготовку по оценке угроз, разработке обеспечения безопасности, охране и защите ВИП-персон. Хочешь того или нет, а впечатляет.

– Для вас это, наверное, приятный контраст, – присоединился к их диалогу Ангел. – Теперь вам ничего тяжелее волшебной палочки и поднимать не надо, – простецки улыбнулся он. – Живете считай что у Христа за пазухой.

Луис переместился к какой-то странной комбинации кинжала и топора со зловещим треугольным лезвием.

– А это ко, что-то вроде алебарды времен династии Инь, – неожиданно произнес чей-то голос.

Из двери, что справа, появился еще один человек – в красной спортивной рубашке с длинным рукавом и бежевых слаксах. На ногах у него были коричневые домашние туфли – мягкие, разношенные и удобные. Ухоженные седины контрастировали с легким загаром. При улыбке хозяин помещения (это был, несомненно, он) обнажал не совсем ровные и не вполне белые зубы. Голубые глаза за стеклами очков

казались увеличенными в размерах. Внешне в этом человеке не наблюдалось ни рисовки, ни напыщенности – последняя ему, очевидно, уже прискучила по жизни. Единственная уступка, которую он ей, возможно, делал, – это белые перчатки на руках.

– Я Николас Хойл, – степенно склонил мужчина голову. – Милости прошу, джентльмены, милости прошу.

Хойл подступил к стоящему у полки Луису, явно наслаждаясь возможностью козырнуть перед гостем своей коллекцией.

– Это у нас десятый, если не одиннадцатый век до нашей эры, – сказал он, поднимая ко так, чтобы Луис мог как следует его рассмотреть. – В походе против Западного Чжоу такое оружие было грозной силой, но конкретно этот экземпляр происходит из Шаньси.

Хойл положил ко на место и тронулся дальше.

– Вот тоже интересный образец. – Он нежно поднял с подставки кривой кинжал. – Поздний Шан, где-то тринадцатый-двенадцатый век до нашей эры. Гляньте, на конце рукояти здесь гремучка. Слышите? – Николас осторожно потряс лезвием. – Я так понимаю, не для бесшумного убийства.

Наконец он продвинулся к грубого вида топору, стоящему в одиночестве на отдельной полке.

– Вот, едва ли не самое древнее оружие, что у меня имеется, – поделился Николас. – Хуншань, долина реки Ляо-хэ на северо-востоке Китая. Неолит. По меньшей мере три, а то и все четыре тысячи лет. Можете поддержать, если желаете.

Он протянул топор Луису. Было видно, как стоящий у Хойла за спиной Симеон несколько напрягся. Даже спустя тысячелетия эта вещь явно не утратила своей боевой силы. Вообще топор смотрелся гораздо моложе своего истинного возраста – свидетельство мастерства и опытности, вложенных в его изготовление. Оголовок был высечен так, чтобы напоминать по форме орла. Луис пальцем провел по кромке лезвия.

– Вообще эта вещь имеет и религиозную подоплеку, – сказал Хойл. – По древним поверьям, первыми посланцами Небесного Правителя были птицы. Орлы, в частности, передавали человеческие желания богам. В данном случае можно предположить, что сокровенным желанием была смерть врага.

– Внушительная у вас коллекция, – заметил Луис, возвращая топор.

– Сбирать ее начал еще с детства, – разоткровенничался Хойл. – Мальчишкой разыскивал пули Минье<sup>[13]</sup> на поле сражения у горы Кеннесо

[14]. Мой отец живо интересовался тематикой Гражданской войны и охотно брал нас с собой на места боев, когда был в отпуске. Хотя мать, помнится, энтузиазмом в этом плане не горела. Я даже создал свою «фирменную» смазку – смесь жира и пчелиного воска, как у солдат, что смазывали стволы своих винтовок, чтобы те не засорялись осадком дымного пороха. Иначе...

– ... пуля застревает в стволе, – закончил за него Луис. – Знаю. Сам их собирал.

– Вот как? – встрепнулся Хойл. – Интересно, где?

– Да так, – пожал плечами Луис. – Давно это было.

– Ну-ну.

В глазах у Хойла мелькнуло замешательство: он понял, что, задав вопрос Луису насчет его прошлого, тем самым переступил некую грань. Было видно, что к подобным ситуациям он не привык. Чтобы скрыть свой дискомфорт, Хойл нарочито гостеприимным жестом указал на пару кресел и две кушетки, расположенные вокруг низенького, красного дерева столика. Луис сел в одно из кресел, в другом разместился Хойл, а Ангел занял место на кушетке. На предложение выбрать что-нибудь из спиртного Ангел с Луисом ответили отказом. Тогда был подан зеленый чай с какими-то японскими постряпушками, что липли к зубам и наполняли рот вкусом хрена с лимоном – не то чтобы неприятно, а просто непривычно.

– Прошу меня простить, что не предлагаю вам обменяться рукопожатиями, – произнес Хойл учтиво, хитро выдавая свое единоличное решение за просьбу, которую надлежит благосклонно воспринять остальным. – Я, даже будучи в перчатках, отношусь к столь деликатным вопросам с известной долей осторожности. Человеческие руки, как известно, служат домом всевозможным бактериям, и своим, и чужим. Да что там домом – сущей выгребной ямой микробов! Особенно следует опасаться тех, что передаются через прикосновение и воздушно-капельным путем. Моя иммунная система уже не та, что была когда-то, – врожденная, понимаете ли, слабость, – так что с некоторых пор я больше не рискую покидать стены своей резиденции. И хотя на здоровье я отнюдь не жалею, но принимаю, как видите, определенные меры предосторожности, особенно в отношении посетителей. Надеюсь, вас это не обижает.

Ни Ангел, ни Луис обиженными не выглядели. У Луиса вид был все такой же непроницаемый, а у Ангела – слегка растерянный. Он осторожно посмотрел себе на руки: вроде бы чистые. Хотя представление о выгребных ямах Ангел имел. Он пригубил зеленый чай, на редкость безвкусный: хоть полощи в нем руки.

– Я слышал, вы испытываете некоторые трудности, – сказал Николас.

Свои реплики он адресовал исключительно Луису. Ангел к такому поведению привык. Оно его не задевало. Более того: если вдруг что-то пойдет не так, то у Ангела перед такими, как Симеон и его хозяин, есть преимущество, поскольку они его недооценивают.

– Я вижу, вы хорошо информированы, – заметил Луис вслух.

– На этом строится мой бизнес, – ответил Хойл. – Вышло так, что в данном конкретном случае наши с вами интересы совпали. Я знаю, кто наслал тех людей на ваш дом и на ту автомастерскую в Куинсе. Знаю, зачем они были посланы. Известно мне и то, что ситуация, скорее всего, ухудшится, если только вы не проявите должную оперативность.

Луис выжидательно молчал.

– В восемьдесят третьем году, – продолжал мысль Хойл, – вы ликвидировали некоего Лютера Бергера. Выходя с деловой встречи в Сан-Антонио, он был с близкого расстояния застрелен в затылок. За выстрел вам заплатили пятьдесят тысяч долларов – неплохая сумма по тем дням, даже при учете дележки с шофером, на машине которого вы скрылись с места происшествия. Согласно протоколу, о мотиве устранения Бергера вы не спрашивали.

К сожалению, на самом деле его имя было не Лютер Бергер. Его звали Джон Лихаген, или Джонни Ли, как он иногда именовался. А отцом ему приходился Артур Лихаген. Который смерть своего старшего сына принял очень близко к сердцу. И долгое, очень долгое время пытался вызнать, кто же стоял за тем убийством. За истекший год у него в этом поиске, надо сказать, наметился существенный прогресс. Неделю назад не стало человека – звали его Баллантайн, – который через Гэбриела нанял для ликвидации вас. Он был убит, а его останки скормлены свиньям. Лихагену, помимо прочего, удалось установить и вашу личность, а еще того шофера, что увез вас тогда с места происшествия. Вам он, скорей всего, известен как Детка Билли. Он, как и Баллантайн, оказался убит: по моим данным, зарезан в туалете, хотя об обстоятельствах его кончины вам, возможно, известно больше, чем мне.

Людей, что напали на ваш дом и на ту автомастерскую в Куинсе, подослал Лихаген. За ними наверняка будут и другие. Вам, несомненно, хватит сноровки сладить с большинством из них, но, как и всяким террористам, этим людям достаточно того, чтобы им повезло хотя бы единожды, в то время как вам обоим везение, а с ним и сноровка, будут требоваться постоянно, из раза в раз. Логично также предположить, что вы бы предпочли остаться в стороне от чрезмерного внимания к вашим

бизнес-операциям – если оно и есть, то пусть будет по минимуму. А значит, вам надлежит действовать. Причем лучше раньше, чем позже.

– И откуда же вам все это известно?

– Известно потому, что я нахожусь с Артуром Лихагеном в состоянии войны, – ответил Хойл. – И о его намерениях и действиях я обычно стремлюсь знать как можно больше.

– Предположим, что кое-что из вами сказанного действительно правда. Но почему вы так охотно делитесь всем этим с нами? – задал вопрос Луис.

– Лихаген – мой заклятый враг. И вражда у нас идет издавна. Мы росли невдалеке друг от друга, но с какой-то поры наши пути кардинально разошлись. Несмотря на это, судьба в очередной раз свела нас вместе. Так вот, я бы хотел пережить своего врага, и желательно как можно скорее.

– Должно быть, вражда действительно сильная, – рассудил Луис.

Вместо ответа Хойл сделал кивок Симеону, и тот выставил на стол миниатюрный ДВД-плеер. С нажатием кнопки «play» после некоторой паузы появилось зернистое, некачественное изображение.

– Это пришло пару месяцев назад, – прокомментировал Николас.

На экран он не смотрел, созерцая лишь змеистые изменчивые блики на стене.

Объектом съемки выступала приятной наружности блондинка – молодая, лет тридцати или тридцати с небольшим. Похоже, она лежала бездыханная, а лицо и волосы перепачкались в грязи. Она была обнажена, но ее тело в основном загораживали массивные, с оплывшими брыльями головы хряков, хлопотливо кормящихся ее плотью.

Ангел отвернулся. Симеон нажал кнопку «пауза», застопорив изображение.

– Кто это? – задал вопрос Луис.

– Лоретта, моя дочь, – ответил Хойл. – Она встречалась с оставшимся в живых сыном Лихагена, Майклом. Делала это нарочно, мне назло. Она винила меня во всем, что складывалось в ее жизни не так. Спать с сыном человека, которого я ненавидел всеми фибрами, для нее, как видно, было чем-то вроде мести мне, родному отцу. Но она недооценивала способность семейки Лихагенов на изуверское насилие и жестокость.

– Зачем они так поступили? – тихо спросил Луис.

Не в силах сносить на себе взгляд Луиса, Хойл отвел глаза.

– Да какая теперь разница, – вяло отмахнулся он, из чего следовало сделать недвусмысленный вывод: то, что спровоцировало такой ответный

ход, было не менее гнусным.

– Почему вы не обратились в полицию?

– У них нет доказательств, что это дело рук именно Лихагена. Я знаю, что эта запись пришла именно от него – нутром это чувствую, – но даже если б мне удалось убедить полицию, что за все в ответе Лихаген, я уверен: у него они бы не нашли ни следа пребывания моей дочери, даже при условии, что отыскиали бы ту свиноферму. А тут еще вопросы нашей обоюдной непримиримости. Мы с Лихагеном оба не агнцы, но теперь этого уже не остановить: слишком далеко зашло.

Николас сделал знак Симеону, и тот, убрав DVD-плеер со стола в неприметную темную нишу, скрылся в одной из задних комнат.

– Добавлю, что вы для меня в этом вопросе не первый, так сказать, порт захода, – поведал Хойл. – До вас я нанимал другого человека. Звали его Кандич – серб, которому я поручил убить того самого отпрыска, Майкла, а если получится, то и Артура Лихагена. По моим сведениям, Кандич в своем ремесле был самым умелым.

– И что из этого получилось? – поинтересовался Луис.

Возвратился Симеон. С собой он нес стеклянную колбу, а в колбе лежала человеческая голова – роговица глаз обесцвечена бальзамирующим составом, кожа выбелена до цвета кости. Неопрятными ряжками свисала внизу у шеи плоть.

– Получилось не очень, – сухо ответил Хойл. – Вот это мы получили с неделю назад. Я или чересчур доверился мнению о безупречности Кандича, или же это символическое предупреждение каждому, кто дерзнет пойти его путем.

– И теперь вы хотите, чтобы Лихаген поплатился за то, что произошло с вашей дочерью?

– Я просто хочу, чтобы все это закончилось. А закончиться оно сможет только со смертью одного из нас. Разумеется, как я уже сказал, для меня предпочтительней, чтобы Лихаген отправился на тот свет первым.

Луис поднялся с кресла – движение, заставившее двоих охранников у двери потянуться за оружием. Симеон взмахом велел им остановиться.

– Что ж, – обратился Луис к Хойлу, – все это очень интересно. Не знаю, откуда вы черпаете сведения, но вам не мешает серьезно поговорить со своим источником. У меня впечатление, что он снабжает вас некачественной информацией. Никакого Лютера Бергера я знать не знаю, а оружия никогда в руках не держал. Я бизнесмен, только и всего. И еще я б на вашем месте поостерегся говорить все эти вещи вслух. Так недолго и на проблемы с законом нарваться.

Луис направился к двери, Ангел следом. Остановить их не пытались. Никто не произнес ни слова, пока гости проходили по фойе и стояли в ожидании лифта.

– Спасибо, что нашли для меня время, джентльмены, – напутствовал их Хойл. – Уверен, что скоро вы дадите о себе знать.

Створки лифта раздвинулись, и Луис с Ангелом, ступив внутрь, в молчании поехали вниз, где скрылись в хитросплетении улиц.

С самого отъезда от здания Хойла Луис не проронил ни звука. Город вокруг двигался согласно своему собственному внутреннему биению; ритму, что, варьируясь из часа в час, увязывал движения населяющих его обитателей таких образом, что иногда сложно было сказать, то ли это город диктует стиль и график их жизни, или же это, наоборот, они влияют на жизнь города.

– Мне кажется, перчатки смотрелись особенно экстравагантно, – нарушил молчание Ангел. – Эдаким финальным штрихом. Будь у него загар чуточку потемней, то Эл Джолсон<sup>[15]</sup> в сравнении с ним выглядел бы бледно.

Ответа не последовало. Впереди сменился зеленый свет светофора, но Луис, утопив педаль газа, проскочил на красный. Обычно нарываться на внимание копов он не стремился, но сейчас отчего-то рискнул. Заметно было и то, что при езде Луис зорко поглядывает в зеркала, следя за машинами, едущими сзади и по бокам.

Ангел из своего окна смотрел, как мимо проносятся витрины магазинов.

– Так что теперь будем делать? – поинтересовался он.

Тон, даром что непринужденно-нейтральный, тем не менее показывал, что какой ни на есть ответ сейчас не возбранялся.

– Кое-кого пообзваниваю. Выясню, многое ли из сказанного Хойлом соответствует действительности.

– Ты ему не доверяешь?

– Я не доверяю никому с таким количеством денег.

– Та голова в колбе смотрелась очень убедительно. Ты в самом деле ничего не слышал о парне, которого он нанял?

– Нет, ничего.

– Значит, не так уж он хорошо и работал, раз ты ничего о нем не слышал.

– В поддержку этого говорит уже сам факт, что его голова в банке.

– Ну и... что?

– Если в словах Хойла есть хоть доля правды, то нам придется

выдвинуться против этого Лихагена, – сказал Луис. – И делать это следует быстро. Иначе он узнает, что мы высматриваем того, кто пытается нас спалить. А ему необходимо добраться до нас раньше, чем мы его вычислим. Так что, как я сейчас тебе сказал, надо сделать кое-какие звонки – от них и будем плясать.

– Опять плясать, – вздохнул Ангел. – А я уже начинал наслаждаться безмятежностью тихой жизни.

– Ну да. Только для наслаждения тишиной необходимо наличие шума.

Ангел посмотрел на своего партнера:

– Ты у нас часом не Будда?

– Да нет. Просто где-то вычитал, наверное.

– Ага, в печенье с предсказанием.

– Ты знаешь, у тебя душа – как фунт изюма.

– Рули давай. Моей изюмной душе нужны мир и покой.

Ангел возобновил наблюдение из окна, но глаза не вбирали в себя ничего из того, что видели.



## Глава 9

Ангел в одиночестве сидел у себя перед верстаком. Перед ним были раскиданы компоненты различных бесключевых систем входа: кнопочные устройства, проводные клавиатуры; засовы, приводимые в действие с пультов, даже бесконтактный кард-ридер и считыватель отпечатков пальцев (в одном лишь последнем электроники, теперь уже разобранной, напихано на пару тысяч долларов). Ангелу нравилось идти в ногу с достижениями в этой области технической мысли. Оборудование, которое он изучал, можно использовать и в коммерции, и в быту, хотя домовладельцам и подрядчикам, судя по всему, еще лишь предстояло охватить весь спектр новых технологий. То же самое и в отношении специалистов по замкам: они пока только приноравливались иметь дело с замками без ключей. Многие к новым системам относились с подозрительностью, считая их легко подверженными порче и поломкам. В действительности же электронные системы, имея в себе меньше подвижных частей, гораздо менее уязвимы в плане взлома, чем традиционные механизмы. Так, с пятиштырьковым сейфовым замком Ангел мог сладить с помощью отвертки и булавки. Биометрический же считыватель – совсем иной разговор.

Обычно вид разобранного оборудования зачаровывал Ангела примерно так же, как энтузиаста-анатома бережит возможность поизучать внутренние органы какого-нибудь особо ценного экземпляра человеческой природы, однако сейчас мысли Ангела блуждали где-то далеко. Нападение на их жилище тревожило, а вчерашняя аудиенция в апартаментах Хойла не приносила никакого успокоения. По следам нападения они с Луисом обсудили вариант временно залечь на дно, но быстро от него отказались. Начать с того, что наотрез отказалась куда-либо переезжать миссис Бондарчук, заявив, что это чревато для здоровья ее шпицев. Она также сказала, что ее дед в свое время отказался бежать из большевистской России, хотя сам воевал на стороне белых, а отец сражался под Сталинградом с фашистами. Они не бежали, так что не побежит и Эвелин. Ну а тот факт, что и отец ее, и дед в ходе противостояния врагу погибли, на ее решение никак не повлиял.

В свою очередь Луис не считал, что враги попытаются снова взять штурмом их квартиру. В том происшествии, а также во время стычки в автомастерской противники потеряли троих. Сейчас они по меньшей мере

будут зализывать раны. Так что отыграна небольшая фора, которую лучше всего использовать, находясь у себя дома, а не в какой-нибудь временке или в ненадежном отеле. Ангел молча согласился, но что-то в поведении Луиса его настораживало.

Он как будто сам хочет, чтобы враги пришли. Рассчитывает на это, желает продолжения. Ему это нравится.

Ангел ни одной живой душе не сознавался в том, что Луис его иногда пугает. Не говорил он об этом и Луису, хотя иной раз задумывался, не догадывается ли тот об этом сам. Дело не в опасении, что друг когда-нибудь может напустить на него. Такого страха Ангел не испытывал никогда. Разумеется, бывают случаи, когда Луиса иначе как «бритвоязыким» не назовешь (и это еще мягко сказано), но насилие, на которое он способен, никогда не обращалось на Ангела. На самом деле Ангела втайне тревожило то, что Луис к этому испытывает тягу – некий внутренний голод, насыщаемый исключительно насилием; неутоленность, источник которой Ангел досконально не понимал. Безусловно, о прошлом Луиса он знал очень многое. Но однако не все: определенные части того прошлого оставались сокрыты даже для него. Признаться, Ангел и сам не выдавал насчет себя Луису все начистоту. Если разобраться, то под бременем абсолютной честности не функционируют и не выживают любые, даже самые безоблачные, отношения.

Хотя деталей Луисова прошлого не хватало для объяснения сущности человека, каким он стал. Не хватало во всяком случае для Ангела.

Столкнувшись с угрозой своей безопасности и безопасности женщин, с которыми он обитал, юный Луис предпринял быстрые и действенные шаги по устранению этой угрозы. Он решительно и совершенно хладнокровно настроился разделаться с человеком по имени Дебер. Мальчик подозревал его в убийстве своей матери – убийстве, после которого тот как ни в чем не бывало возвратился в дом, где она жила вместе со своей матерью, сестрами и подростком-сыном. Вернулся и на место той, что погибла от его рук, наметил себе другую. Луис чуял на этом человеке материну кровь.

Дебер же, в свою очередь, звериным чутьем распознавая скрытно зреющую опасность, видел, как кипит в этом молчаливом, безмятежном на вид мальчике желание отомстить. Их укромный мир не мог вместить двоих, и в Дебере крепла уверенность, что, когда настанет черед действовать, этот парнишка поступит так, как свойственно любому юному сорвиголове. Выпад будет дерзким и прямым: перо, заточка или дешевый ствол, добытый единственно для этой цели. Все это Дебер явственно,

в деталях себе представлял. Осуществив содеянное, мальчишка непременно пожелает посмотреть умирающему в глаза, поскольку именно так выглядит месть в представлении ребенка. А иначе, на расстоянии, подлинного упоения расплатой нет – так считал Дебер.

Но паренек оказался не таков. С самых ранних лет в нем крылось нечто, к чему прикасаться было нельзя. Старая душа, обитающая в молодом теле. Дебер был хитер и жесток, но мальчик – умен и хладнокровен. Дебер умер не от пулевого ранения и не от ножа в груди или животе. Приближения своей кончины он не разглядел, поскольку она прибыла замаскированной – под видом дешевенького металлического свистка; изделия, к которому Дебер испытывал безотчетную привязанность. Он свистел в него, подзывая мальчика к столу, требуя внимания от своей женщины или же организуя оравы людей, за работой которых надзирал. В то роковое утро, поднося свисток к губам, Дебер, вероятно, все же обладал каким-то мизерным запасом времени, чтобы обратить внимание: свисток как будто забит, нет того привычно свербящего, пронзительного отзова на дуновение. Но эта секунда канула, и комочек самодельной взрывчатки рванул, снеся свистуну лицо и часть черепа.

Последнее воспоминание о Дебере, осевшее у паренька в памяти, – это образ невысокого франтика, усаживающегося в машину ехать на работу, а на шее неразлучный свисток на шнурке. И не было необходимости смотреть, как тот свисток поднимается, подносится к губам; лицезреть, как туго хлопает черно-рыжий всполох, а затем взирать сверху вниз на убогое покалеченное существо, издыхающее на нищенской подстилке. Удовольствие от созерцания этого было бы, скажем прямо, небольшое.

Убийство Дебера далось Луису легко и естественно, хотя нельзя сказать, что на путь, сделавший его тем, кем он в итоге стал, мальчика толкнул именно этот фатальный поступок. Способность на подобные деяния была ему присуща всегда, а катализатор, приведший его своей вспышкой в мир насилия, был не столь уж и принципиален. Но, грянув раз, все это вошло Луису в нутро, потекло по жилам естественно, как кровь.

Убивал и Ангел, хотя причины тех убийств были не так глубинны и сложны, как те, что двигали по жизни Луисом. Ангел убивал преимущественно из-за того, что был попросту вынужден этим заниматься, иначе погиб бы сам; а еще потому, что на тот момент убийство казалось единственно оптимальным выходом или решением. При этом те, кого Ангел таким образом устранял из жизни, его потом не преследовали и не истязали. Иногда он недоуменно прикидывал, значит ли это, что с ним

что-то обстоит не так. Кто его знает – может, и вправду.

Дело в том, что Ангел не ощущал в себе *позыва* убивать; не выискивал лихих людей для того, чтобы противостоять им или проверять себя на стойкость духа. Скажи ему кто-нибудь: «С этого дня, Ангел, не брать тебе в руки ствола: будешь отныне тешиться одним лишь взломом замков да жрачкой из фастфуда», и он бы остался этим доволен, лишь бы Луис оставался рядом. Но беда в том, что такая жизнь для Луиса неприемлема, а завязать с ней значило поступиться своим партнером. Насилие для Ангела являлось делом обстоятельств, у Луиса же оно было чем-то непреложным, идущим изнутри.

Вероятно, этим частично и объяснялось то, отчего напарники все эти годы оставались близки с Чарли Паркером. Ангел чувствовал себя в долгу перед этим частным детективом, который еще в бытность свою в полиции делал все возможное, чтобы защитить Ангела во время отсидки от тех, кто мог ему чем-то навредить. До сих пор так и не ясно, почему Паркер решил поступить именно так. Ангел время от времени пособлял ему с информацией, если только при этом не требовалось называть чересчур много имен. Кроме того, он уверен (хотя и не заговаривал об этом вслух), что Паркер в курсе насчет его, Ангела, прошлого; что ему ведомо о том насилии, которое мальчику пришлось перенести в детстве.

Хотя, если вдуматься, тяжелое детство выпало на долю многих и многих преступников – кое-кому досталось еще хуже, чем Ангелу, – а потому одной лишь жалостью и состраданием не объяснить, отчего Паркер решил помогать именно ему, а в итоге с ним еще и сдружился. Чарли как будто заранее знал о том, что им всем предначертано. Так что дело здесь в чем-то ином. В Паркере крылось что-то неординарное, подчас на грани сверхъестественного, хотя ясновидцем он себя не считал. Скорее речь можно вести о чем-то достаточно простом, таком как встреча с еще одним человеком и понимание, внезапное и глубокое, что ему-то и есть место в твоей жизни, по причинам или уже очевидным, лежащим на поверхности, или таким, которым лишь предстоит проявиться.

Луис понял, а тем более принял это с трудом, во всяком случае на первых порах. Он не хотел в своей жизни присутствия копов, неважно, нынешних или бывших. Вместе с тем он знал, что Паркер сделал для Ангела. Знал, что Ангела не было бы в живых, если б не этот странный, беспокойный частный детектив, который, казалось бы, вот-вот сломается под бременем своего горя и утраты, но каким-то чудом продолжает держаться. Со временем Луис узрел в этом человеке частицу себя самого. Взаимность их уважения друг к другу постепенно переросла в подобие

дружбы, и дружбы крепкой, хотя за эти годы она не единожды подвергалась испытанию на прочность.

Но более всего, по мнению Ангела, Луиса и Паркера роднило не это, а некая темнота натуры. В Паркере горело подобие сумрачного Луисова огня. Чуждый и вместе с тем несколько более тонкий голод, чем тот, что снедал Луиса, бытовал и в Чарли. Оба они в каком-то смысле использовали друг друга, но обязательно со взаимного ведома и согласия.

Хотя в последние месяцы все стало меняться. Паркер уже не был лицензированным частным детективом. Он чувствовал, что за ним пристально следят те, кто отобрал у него лицензию, и что любой неверный шаг может обернуться для него тюрьмой или привлечь внимание к его друзьям: Луису и Ангелу. Ангел не мог взять в толк, как им до сих пор удавалось избегать этого самого внимания. Да, они были осмотрительны и действовали профессионально. Нельзя сбрасывать со счетов и удачу, которая им временами сопутствовала, но этих факторов самих по себе, понятное дело, недостаточно. Оставалось лишь гадать.

И вот вышло так, что с лишением Паркера лицензии у Луиса оказался перекрыт один из каналов выхода его внутренних позывов. И он опять начал поговаривать о приемке заказов. Тот выпад против русской мафии произошел не столько из-за экстренной необходимости отреагировать на угрозу Паркеру, сколько из-за желания Луиса размять мышцы. Теперь же ощущение складывалось такое, будто напарники претерпевают атаку сил, которые сами толком не могут выявить. И Ангела более всего настораживало подозрение, что Луиса такое развитие ситуации втайне радует.

Затем был еще и Гэбриел. На нем тоже лежала определенная ответственность за происходящее, поскольку, если Хойл сказал правду, это именно он в свое время отрядил Луиса убить сына Лихагена, с чего все и началось. Старика Лихагена Ангел не встречал ни разу, но знал о нем предостаточно. Отношения, что связывали Гэбриела с Луисом, были донельзя запутанны. Луис, судя по всему, полагал, что чем-то Гэбриелу обязан, хотя тот, похоже, в свое время вертел Луисом как хотел и, не исключено, совращал его в угоду каким-то своим умыслам. И вот теперь этот человек, пускай и поверхностно, но вновь возвращался в жизнь Луиса, как какой-нибудь старый паук, выдернутый из спячки теплом солнышка и вибрациями насекомых вблизи его пыльных тенет. У Ангела складывалось впечатление, что какие-то эпизоды прошлого Луиса, аспекты прежней жизни, начинали просачиваться в настоящее, при этом отравляя его своим воздействием.

Если Луис Ангела иногда страшил, то сам Ангел для своего партнера, как это ни досадно, оставался иной раз вне понимания. Несмотря на все то, чего ему по жизни пришлось хлебнуть, в своем сердце он сохранил нежность, которую в определенных обстоятельствах можно было истолковать чуть ли не как слабость. Ангел *чувствовал*; вживую ощущал сострадание, сопереживание, сердечную печаль. Все эти чувства он испытывал по большей части к тем, кто был подобен ему, а в особенности к брошенным детям.

Луис знал: каждый ребенок, над которым надругались в детстве, навсегда сохраняет в своем сердце душу того поруганного ребенка и никогда, ни за что от нее не отрешается. Впрочем, от этого его эмоции не теряли своей восхитительности, и Луис отчетливо осознавал, что годы, проведенные бок о бок с этим чудаковатым растрепой, изменили его самого и некоторым образом, как бы это сказать, расцветили. Ангел сделал его более человечным. Однако то, что в Ангеле было благом и добродетелью, для Луиса становилось трещиной в доспехах. Вдобавок к этому, с того момента как он проникся к Ангелу чувством, Луис пожертвовал существенной составляющей своей защиты.

Силы Луиса в каком-то смысле разделились. Раньше ему приходилось беспокоиться лишь за себя самого, что в основном обусловлено сутью его профессии, а теперь он вынужден противостоять еще и страхам за своего близкого человека. И когда Ангела у него однажды чуть не отняли (некая семейка изуверов умыкнула его, покалечила, да еще и назначила за освобождение выкуп, хотя на самом деле даже не собиралась отпускать живым), Луис впервые со всей определенностью понял, кем он может стать без своего партнера: одержимой мщением фурией, творением из чистой, бело-огненной ярости, заживо поглощаемой собственным горением.

Впрочем, Ангелу Луис потом не сознался, что некая его часть истово желала такого поглощения.

Изменил его, признаться, и Паркер: в этом детективе проглядывало сочетание черт Луиса и Ангела. От Ангела в нем было сострадание, желание не допустить того, чтобы слабые были окончательно задавлены сильными и жестокими; но в нем же проглядывало и что-то от желания (даже, можно сказать, нужды) Луиса наносить удары, судить и карать. Не секрет, что между Паркером и Луисом соблюдался деликатный паритет: Паркер сдерживал в Луисе наихудшие проявления, а вот Луис как раз допускал выплески наихудшего в Паркере. Ну а что же Ангел? А Ангел был центральной поворотной точкой, вокруг которой происходило вращение этих двоих. Он был наперсником обоих, содержа в себе своего рода эхо

и Луиса, и Паркера. А впрочем, разве не то же самое можно сказать и в отношении всей их троицы? Именно это спаивало их воедино; это, а также все крепнущее ощущение, что Паркер неудержимо движется в сторону конфронтации, частью которой суждено сделаться и им.

Луис просто не представлял, что когда-нибудь окажется привязан к такому человеку, как Ангел. Казалось бы, удивительно, но долгие годы он предпочитал не сознаваться в своей интимной ориентации даже себе самому. Когда Луис был молод, это казалось чем-то постыдным, и такого рода позывы он подавлял в себе так тщательно, что любое изъятие собственной чувственности наружу для него с годами становилось все трудней.

А затем в его жизни взялся этот странноватый персонаж. Знакомство началось с того, что Ангел оказался пойман при попытке обчистить Луисову квартиру. Да уж хоть бы делал это как надо, а то смех один. Кончилось тем, что Луис глумливо его окликнул и навел ствол, остановив тем самым неуклюжую попытку воришки умыкнуть через окно телевизор. Ну сами вдумайтесь: какой болван проникает в квартиру, где все явно ухожено и обставлено с изысканным вкусом, где всюду стоят небольшие (и между прочим, легко транспортабельные) предметы искусства, а он, дуралей, кладет глаз на габаритный, да еще и тяжеленный телик? Неудивительно, что Ангел кончил тюрягой. Вор из него в силу общей эксцентрики был так себе, но зато взломщик... вот здесь-то в его натуре и крылась гениальность. Здесь Ангел одарен донельзя. Видимо, так уж подсмеялся над ним Всевышний: снабдил навыками, дающими возможность проникать в любое запертое помещение, но одновременно лишил коварства, необходимого для применения такого дара на практике. Если только кардинально не сменить поприще и не стать, скажем, специалистом по замкам с честным заработком по итогам честного рабочего дня. Концепция, которую Ангел с негодованием отметал.

Почти с таким же негодованием Луис отрицал специфическое чувство вкуса своего партнера. Особенно это касалось манеры Ангела одеваться. Поначалу Луис полагал, что виной тому все та же жеманная эксцентричность или же элементарная дешевизна. Ангел с азартом недокормленной ищейки вынюхивал полки с уцененным товаром где-нибудь в «Филе», «Ти Джей Макс» или «Маршаллз» – везде, где все оттенки цвета были меж собой перемешаны в самых неудобоваримых комбинациях. Большие шопинг-моллы его не интересовали – во всяком случае, если там в магазинах тоже не встречались полки или рейки, на которых шмотки висели с такой уценкой, что, казалось, магазин сам

доплачивает покупателям, лишь бы они поскорей все это добро разобрали. Впрочем, нет, в шопинг-моллах добыча все-таки давалась излишне легко. Ангел же обожал именно охотиться, преследовать свою цель и упиваться моментом, внезапно ухватив в бутике какую-нибудь попугайски-зеленую сорочку «Армани» с десятикратной уценкой, а в пару к ней какие-нибудь невероятные штаны «в тон» (то есть «чтобы аж глаза слезились»). Именно в такие моменты Ангел непередаваемо, от всей души гордился и покупкой, и своим охотничьим чутьем.

Луису же потребовались годы, чтобы осмыслить, отчего всякий раз, когда он отпускает насчет прикида своего партнера колкость, Ангел как будто съеживается – ни дать ни взять ребенок, который хотел порадовать родителей своей стряпней, да все попутал и вместо похвалы за свои старания схлопотал нагоняй. Дело не в том, что в отношении одежды Ангел вел себя как форменный дальтоник – к тому же одежда была вполне приличная, для повседневной носки, с вполне достойным лейблом, да еще и доставалась считай что за гроши. Но, очевидно, ребенком Ангел мечтал, что когда-нибудь будет носить красивую одежду, иметь какие-нибудь дорогие вещи, а став наконец взрослым, никак не мог приравнять к себе дороговизну этих самых вещей. Своей добротностью и статусностью они как будто предназначались для других, а не для него. Он не считал себя достойным их. Но можно было смухлевать: купить их по дешевке. И тогда не надо перед собой оправдываться. Напяливай и носи.

Луис однажды купил Ангелу в подарок красивый пиджак от «Бриони», который потом несколько лет чах ненадеванный в шкафу. Когда Луис наконец не выдержал и спросил, в чем дело, Ангел объяснил, что та вещь для носки слишком дорогая, а он не из тех, кто носит на себе предметы роскоши. Тогда Луис этого ответа не понял (нет уверенности, что он досконально понимал его и сейчас), но с той поры научился прикусывать себе язык, когда Ангел демонстрировал ему свои новые покупки, если только налицо не было чего-нибудь совсем уж не от мира сего, чего не вынести никому из смертных. Ангел со своей стороны тоже сделал вывод, что удачная покупка – это все-таки не та, на которую невозможно смотреть, не приняв предварительно средство от тошноты и головокружения. Таким образом было достигнуто что-то вроде паритета.

Как раз когда Ангел сидел у себя в мастерской, отстраненно глядя куда-то поверх разложенных на столе электронных деталей, в десяти кварталах отсюда, в укромном офисе, сидел Луис и в призрачно-белесом свете компьютерного экрана размышлял, не лучше ли будет заняться Лихагеном самому, без привлечения Ангела. Впрочем, эта мысль длилась



не дольше, чем жизнь жучка в печи. Ангел дома не останется: не такой он по натуре. Хотя инициатива в этом деле принадлежала не ему, а именно Луису: пробираться охотничьей тропой, резким ударом вышибать дух из существующей проблемы. Все это доставляло ему несказанное удовольствие.

С самого возникновения угрозы со стороны Лихагена Луис ощущал себя живее, чем за весь последний год. Затекшие мышцы возвращались к жизни; просыпались, привычно наостряя уши, бывшие инстинкты. Ему самому, его укладу и близким людям угрожала опасность, но Луис чувствовал в себе силы встать наперекор угрозе и совладать с ней. Ангел, безусловно, будет стоять с ним плечом к плечу, хотя и не разделяя удовольствия от этого процесса. Он же, Луис, будет как можно тщательней скрывать от друга свое собственное блаженство. В самом убийстве удовольствия нет. Оно в отраде, которую мастер получает от применения навыков своего ремесла. Без возможности их реализации он так, просто человек, а вот быть «просто кем-то» Луиса по жизни никак не устраивало.

Он пододвинул кресло поближе к компьютеру и занялся пробивкой Артура Лихагена.

\* \* \*

Гэбриел сидел в наблюдательной комнате у Вустера. Паренек был рослый; слегка худоват, но это изменится. Он уже входит в возраст. Весьма симпатичный, а со временем станет еще красивее. В нем читалось безмолвное спокойствие, и это предвещало хорошую будущность. Несмотря на то что допрос длился уже несколько часов, парень не сникал и голову держал прямо. Глаза яркие, взгляд пристальный. И не моргает почему зря.

Через пару минут поза паренька претерпела небольшое, но все же изменение. Он напрягся, голова чуть накренилась, как у животного, смутно учуявшего приближение кого-то чужого, но еще не решившего, представляет он угрозу или нет. Паренек знал, что на него смотрят и что сейчас за ним наблюдает не один только Вустер.

Гэбриел на своем стуле подался вперед и поводил пальцами по контурам головы юноши – лбу, скулам, подбородку, – словно коннозаводчик, проверяющий качество породистого жеребчика. «Да, – подумал он, – в тебе заложен потенциал того, что мне надо. В тебе есть Жнец».

Гэбриел знал: из людей подавляющее большинство не предрасположено убивать. Многие, понятно, считают, что при необходимости способны на убийство. Можно создать и условия, при которых человек становится убийцей, однако немногие появляются на свет с уже врожденной способностью отнимать жизнь у других. Сама история свидетельствует, что в ходе военных действий многие из сражающихся демонстрируют явное нежелание убивать, даже если речь идет о сбережении собственной жизни или жизни товарищей. По оценкам, в годы Второй мировой войны только пятнадцать процентов от общей численности личного состава американской армии вызывалось стрелять во врага. Большинство если и спускали курок, то целились куда-нибудь вверх или вбок. Остальные предпочитали вспомогательные задания: связь, снабжение боеприпасами или даже доставка из-под огня раненых, иной раз куда с большим риском для своей жизни, чем стрельба по врагу из окопа. Иными словами, дело здесь не в трусости, а во врожденном неприятии умерщвления себе подобных.

Разумеется, все это подвержено изменению за счет бездушной неукоснительной муштры, когда солдат готовят к убийству. Однако муштра муштрой, а попробуйте-ка найти человека, для которого муштра при этом совсем необязательна, и речь пойдет уже о чем-то совсем ином. В минуты страха или гнева человек перестает мыслить своим передним мозгом, являющимся, по сути, первым интеллектуальным фильтром на пути убийства, и начинает соображать уже своим средним, животным мозгом, действующим как второй фильтр. Тем, кто считает, что на этой стадии включается рефлекторный механизм «дерись или удирай», можно возразить: диапазон задействованных рефлексов здесь все еще слишком сложен. А потому драться или удирать – это уже совсем последний выбор, когда взаимосвязь «команда – подчинение» отпадает за ненужностью.

Одной из исконных целей муштры всегда было преодоление того второго фильтра, но при этом среди испытуемых подчас находились такие, в ком фильтр среднего мозга как таковой отсутствовал. Это психопаты. Ну а цель муштры – выдрессировать своего рода псевдопсихопата, такого, чтобы дрался и убивал, но при этом был подконтролен и подчинялся приказам. Психопаты, как известно, приказам не подчиняются, а следовательно, контролю не подлежат. Должным же образом вымуштрованный солдат сам представлял собой орудие.

Разумеется, в ходе такой подготовки терялось что-то доброе, человеческое, может, даже лучшее, что содержится в человеке: понимание того, что мы существуем не просто как отдельные обособленные сущности,

но являем собою часть некоего коллективного целого, которое с каждой смертью уменьшается, убывает, а значит, по логике, убываем и мы сами. По законам военной муштры такое понимание извечно подлежало вытравливанию, а сознание купировалось и прижигалось. Проблема состояла в том, что, как при самых первых хирургических операциях древних, процесс купирования основывался на искаженном представлении о внутреннем устройстве человека.

Страх смерти или увечья в бою – не главные причины умственных сломов; они-то, как выяснилось, как раз второстепенны. То же касается и изнеможения – оно хотя и вносит определенную лепту, но не это главное. А главное – это бремя умерщвления, убийства вблизи, а также знание, что это именно твоя пуля или твой штык оборвали ту или иную жизнь. Возьмем военных моряков: у них уровень психических сломов во время боя гораздо меньше. То же самое у экипажей бомбардировщиков: они сбрасывают свой смертоносный груз с огромной высоты над городами, которые с их точки обзора кажутся подчас даже никем и не населенными. Разницу составляет близость; интимность, если угодно. Смерть, которую видишь, слышишь, ощущаешь на вкус и запах. Нахождение лицом к лицу с чужой агрессией и враждебностью, направленной непосредственно на тебя, и вынуждает реагировать, встречно возбуждать в себе такую же агрессию и ненависть. Уяснение и приятие того, что ты потенциально и палач, и жертва. Отрицание человеческой сущности в себе и в других.

Мальчик по имени Луис был необычен. Вот вам конкретный индивидуум, отзывающийся на враждебный раздражитель передним мозгом, воспринимающим угрозу как проблему, которую надлежит устранить. И дело не в том, что при этом подавляется второй, средний мозг. Впечатление такое, будто импульс до этого уровня просто не доходит. Налицо исключительно хладнокровное, досконально продуманное убийство. Что указывает на значительный потенциал. Сложность, по мнению Гэбриела, крылась в физическом дистанцировании паренька от объекта его смертельной охоты. Гэбриел, безусловно, понимал взаимосвязь между физической близостью и травмой от убийства. Сложнее прикончить человека вблизи посредством ножа, чем застрелить издали из снайперской винтовки. Аналогично эйфория, нередко возникающая в момент убийства, как правило, тем короче, чем ближе киллер находится от жертвы, потому как в этой ситуации вина находится столь же близко, что и тело. Гэбриелу известны случаи, когда солдаты в ближнем бою утешали поверженного и умирающего от их рук врага, шепотом винясь за содеянное.

В действительности та легкость, с которой паренек совершил убийство, могла означать возможное отождествление, нежелание или неспособность осознать последствия своих действий. Это или же рассудочное понимание, что он кого-то убил, но вкупе с эмоциональным отрицанием содеянного, а значит, и отрицанием своей ответственности. Надо будет заняться дальнейшей проверкой, чтобы проступила его истинная сущность. Не выказывал паренек и какого-либо чрезмерного стресса, спокойно держась даже на фоне достаточно жесткого допроса. Молодец, не сломался. И не ищет возможности исповедаться, покаяться в своем прегрешении. Стресс, само собой, может проявиться позже, но пока вид у него сравнительно невозмутимый. Парень явно не обеспокоен содеянным.

Вообще существует лишь небольшой процент людей, какие-то несчастные пара процентов, которые при определенных обстоятельствах готовы без жалости и покаяния совершить убийство. Причем эти обстоятельства не обязательно сопряжены с персональным риском и даже риском для жизни других. На каком-то уровне это опять-таки вопрос муштры и контекст самой ситуации. В определенный момент мальчика надо будет поместить в нужное окружение, чтобы увидеть, как и чем он на него отзовется. Если реакция не будет правильной, на замыслах можно поставить крест. А также, по всей видимости, и на жизни этого убийцы-недороска.

Еще вопрос, как он будет реагировать на указания сверху. Одно дело – убивать по своим собственным соображениям и совсем иное – по чьей-то указке. Солдаты по большей части ведут огонь, когда рядом дежурит начальство, и действуют более эффективно в связке со своим командиром, к которому испытывают уважение. У Гэбриела положение во многом другое: его «бульдоги» должны поступать так, как им сказано, даже если он сам, давая команду «фас», находится при этом где-то далеко. Гэбриэл походил на генерала, но без подчиненных на поле боя, обеспечивающих безукоризненное выполнение его приказаний. Те же полевые командиры имели некую легитимность, дарованную им их статусом в иерархии подчинения; положение же Гэбриела куда более расплывчатое.

С учетом всех факторов те, кого Гэбриэл брал к себе, отбирались очень тщательно. Явные психопаты ему негодились, поскольку не признавали над собой авторитетов. Вообще, чем моложе «бульдоги», тем лучше: они более управляемы, открыты для манипулирования. И Гэбриэл выискивал слабости, через которые можно воздействовать; находил способы заполнять бреши, зиявшие в тех молодых пустоватых жизнях. Пареньку Луису

не хватало фигуры отца, но он был не настолько одержим ее поиском, чтобы признать над собой верховенство Дебера, и избавился от него, когда почувствовал, что тот видит в нем угрозу. Тут нужен тонкий, осмотрительный подход. Завоевать доверие Луиса будет непросто.

Постепенно Гэбриел выявил, что Луис к тому же природный одиночка. Сколь-либо близких друзей у него нет, а ребенком он рос единственным мужчиной в окружении женщин. По характеру он не из тех, кто тянется к коллективу, а значит, если направить его инстинкты в нужное русло, он не будет заниматься самокопанием и испрашивать оправдания своим поступкам у других. Оправдания, отпущение грехов – этого Гэбриел предложить не мог, а потому предпочитал держать в деле тех, кто не особо заморачивается чувством вины.

Не нужны ему и такие, кто имеет свойство ассоциировать себя с жертвой. Для выполнения его требований необходимо эмоциональное дистанцирование, и Гэбриел при случае охотно разнообразил свой подход в использовании социальных, моральных и культурных различий между Жнецами и их жертвами. Однако и сопереживание в своих питомцах окончательно не истреблял, потому как его полное отсутствие – признак все той же психопатии. Сопереживание – необходимый фактор сдерживания откровенно буйного и садистского поведения. Необходимо сохранять деликатный баланс. В этом разница между готовностью причинять кому-то боль по необходимости и изуверствовать по своей прихоти.

Незадолго до своего визита в тот захолустный полицейский участок Гэбриел вызнал и то, что характер у Луиса бойцовый – если надо, парнишка без колебаний пускает в ход кулаки. Это хорошо: указывает на крайне важную предрасположенность к агрессии; более того, на тягу при случае ее проявлять. Убийственный дебют с Дебером запустил в Луисе определенный процесс, хотя, образно выражаясь, оружие было заряжено еще задолго до этого. Ходили также слухи, что мальчонка гомосексуалист – если не практикующий (все-таки возраст еще не тот), то во всяком случае с наклонностями, позволяющими подобной молве гулять по округе.

Как и во многих других областях, Гэбриел был сведущ и в вопросах гомосексуальности. Ее, как правило, можно разделить на два аспекта – один девиантный, с отклонением в сторону насилия (скажем, тяга надругаться над малолетними), другой нет. Девиантное сексуальное поведение указывает на некоторую нестабильность, которая может проявляться и в иных сферах, так что люди с такими наклонностями для целей Гэбриела не годились.

Сам Гэбриел гомосексуалистом не был, но понимал природу полового влечения, а с ней природу агрессии и враждебности, поскольку обе соседствуют меж собой теснее, чем кому-то, возможно, хотелось бы. В человеке наряду с чертами поведения, которые можно изменять и контролировать, существуют и другие, неподвластные этому. К их числу принадлежит и сексуальная ориентация. Что до Гэбриела, то его сексуальность Луиса интересовала лишь в той части, в какой ее можно было использовать для его уязвимости и поддержания в нем духа противоречия, – слабости, которые можно эксплуатировать.

И вот Гэбриел наблюдал за Луисом через зеркальное стекло, а тот неотрывно смотрел на него с той стороны. Так прошло минут пять, после чего Гэбриел с явным удовлетворением кивнул сам себе и вышел из комнатки наблюдения для очной встречи с пятнадцатилетним убийцей.

Как и всякий умелый вожак, Гэбриел по-своему любил этих людей, хотя, разумеется, при необходимости всегда готов был ими пожертвовать. За годы, что последовали, Луис не просто оправдал, а превзошел ожидания Гэбриела, за исключением, пожалуй, одного: он упорно отказывался убивать женщин (видимо, издержки воспитания в их среде). И Гэбриел делал ему в этом плане послабление, ведь он действительно любил Луиса. Юноша стал для него как сын, а Гэбриел, в свою очередь, в чем-то заменил ему отца.

Сейчас он ступил в допросную и разместился от Луиса через стол. В комнате пахло потом и другими еще менее приятными вещами, но Гэбриел не подал виду. Лицо юноши матово блестело от испарины.

Первым делом Гэбриел выдернул из розетки штепсель магнитофона, после чего, сложив на столешнице руки, доверительно подался к Луису.

– Меня зовут Гэбриел, – сказал он приветливо. – А ты, наверное, Луис.

Паренек не ответил. Он все так же молча глядел на немолодого визитера, ожидая, что будет дальше.

– Ты, кстати, можешь идти, – сообщил Гэбриел. – Никто тебя ни в каком преступлении больше не обвиняет.

На этот раз паренек отреагировал: рот у него чуть приоткрылся, а брови приподнялись. Он поглядел на дверь.

– Да-да, – кивнул в подтверждение Гэбриел. – Уходи хоть сейчас, если пожелаешь. Задерживать тебя никто не посмеет. Там снаружи ждет твоя бабушка, забрать тебя обратно в вашу хибарку. Сможешь опять спать на своей кровати, среди всех знакомых тебе вещей. Все пойдет как прежде.

Он улыбнулся. Паренек не тронулся с места.

– Ты что, не веришь?

– Чего вы хотите? – избегая глядеть в глаза, спросил Луис.

– Чего хочу? Я хочу тебе помочь. Потому что считаю, что ты очень необычный молодой человек. Я бы даже сказал, одаренный, хотя дар твой в здешнем захолустье вряд ли оценится по достоинству.

Он плавно описал рукой полукруг, вбирающий в себя допросную, участок, стерегущего за стенкой Вустера, далекий отсюда закон...

– Я могу тебе помочь обрести место в этой жизни. А за это твои таланты смогут найти себе применение, которого им здесь точно нет. Понимаешь, в чем дело: если ты останешься в этом городишке, тебе кранты. Рано ли, поздно, ты обязательно перейдешь грань. Тебя здесь будут травить, угрожать. Кто угодно: полиция, какая-нибудь шпана – все равно. Ты на это поддашься, ответишь, а им только того и надо. Ты для них уже меченый, и второй раз тебе это с рук не сойдет: сживут со свету, так и знай. За такое вообще смерть полагается.

– Не пойму, о чем вы говорите.

– Ах ловкач, ну ловка-ач. – Гэбриел с шутливой одобрительной укоризной погрозил пальцем и хохотнул, и только после затяжной паузы продолжил: – Позволь тебе сказать, что будет дальше. У Дебера остались друзья – точнее будет сказать, дружки – такие же, как он, а иные и похлеще. Так вот они не могут допустить, чтобы его смерть прошла неотомщенной. Это подмочит их собственную репутацию. Те, у кого на них зуб, сочтут: слабаки, мол, ату их. Им уже всяко известно, что тебя здесь насчет Дебера пытали. А они не полиция, которой все поровну; у них на тебя душа горит. Так что, если ты вернешься домой, они тебя найдут и как пить дать ужокошат. А заодно, может статься, пройдутся и по женщинам, среди которых ты живешь. Даже если ты сделаешь ноги, они пустятся следом: ты ж все равно далеко не спрячешься.

– А вам-то какая забота?

– Мне? Абсолютно никакой. Могу уйти хоть сейчас и оставить тебя наедине с твоей участью, а заодно и твою родню. Так что заботы мне никакой и огорчений ни на понюх. Или же ты прислушаешься к моему предложению, и мы, может статься, придем к какому-нибудь взаимовыгодному результату. Проблема для тебя в том, что ты меня не знаешь, а потому не можешь мне довериться. Я полностью понимаю это твое затруднение. Понимаю, что тебе понадобится время пораздумать над тем, что я предлагаю...

– Я не знаю, что вы мне предлагаете, – сказал Луис. – Вы ж не говорите.

«Да он еще и паясничает, – мысленно отметил Гэбриел. – Зрел, зрел

не по годам».

– Я предлагаю дисциплину, выучку. Предлагаю тебе канал для выхода твоего гнева, в нужном направлении и с использованием твоих талантов.

– Крышу, что ли?

– Прежде всего над самим собой. С этим я берусь помочь.

– А моя семья?

– Они рискуют ровно настолько, насколько здесь задержишься ты, и только если будут знать, где ты находишься.

– То есть мне остается или идти с вами, или выйти отсюда?

– Верно.

Луис задумчиво поджал губы.

– Спасибо вам за потраченное время, сэр, – сказал он после некоторой паузы. – А сейчас я, наверное, пойду.

Гэбриел, кивнув, сунул руку во внутренний карман пиджака. Оттуда он вынул конверт и протянул юноше. Конверт был не запечатан. После секундной нерешительности Луис принял его и раскрыл. При виде того, что там внутри, он попытался сохранить невозмутимость, но не получилось: выдали ошарашенные глаза.

– Здесь тысяча долларов, – уточнил Гэбриел. – А еще визитка с телефонным номером. По этому телефону со мной можно связаться в любое время дня и ночи. Подумай хорошенько над моим предложением, но помни мои слова: возвращаться домой тебе нельзя. А надо, наоборот, отсюда убраться, и чем дальше, тем лучше. И тогда прикинуть, что ты будешь делать, когда за тобой явятся те люди. Потому что они это обязательно сделают.

Конверт Луис закрыл, спрятал и вышел из комнаты. Гэбриел за ним не пошел: не было смысла. Он знал, что паренек из городка уедет. Если нет, значит, он просчитался и Луис ему все равно без пользы. Деньги здесь ни при чем: Гэбриел полагался прежде всего на свои суждения. А деньги вернутся еще многократно.

Выйдя на вольный воздух, Луис вместе с бабушкой возвратился домой, к их лесной лачуге. Дорогой они не разговаривали, хотя шагать пришлось три с лишним километра. Дома Луис собрал в сумку одежду, кое-что из милых сердцу воспоминаний о матери – фотографии, парочка оставшихся от нее брошек. После этого взял конверт и рассовал наличность – не только по карманам, но и по укромным местам: под стельки туфель, во вшитый под брючный пояс гомонк. Остаток разделил на две неравные стопки: ту, что поменьше, сунул в передний карман джинсов, а остальное упрятал обратно в конверт. Затем Луис



по очереди обнял и расцеловал на прощание всех женщин, которые его растили, а бабушке помимо этого вручил конверт с пятьюстами долларами, после чего на грузовичке мистера Отиса отправился на автобусную станцию.

По дороге он попросил сделать всего одну остановку. Мистеру Отису этого не очень-то хотелось, но он видел, *что* усмотрел в этом мальчике шериф Вустер, а затем углядел приезжий Гэбриел, и потому понял, что ему лучше не перечить ни в этом, ни в чем-либо другом. Так что мистер Отис притормозил поблизости от бара Маленького Тома и, укрыв свой грузовичок в придорожном кустарнике, с опаской наблюдал, как Луис шагает через грунтовую площадку и скрывается из виду.

Плаваясь от пота и волнения, мистер Отис дожидался в кабине.

Маленький Том поднял глаза от расстеленной на стойке газеты. Посетителей в баре пока не было (час еще не настал), а потому нечем было особо и заняться. По радио шел футбол. Тому нравились эти спокойные моменты, он их смаковал. Потому как потом весь вечер порхать-жужжать ему пчелой – сновать меж столов с напитками, тут и там останавливаться перекинуться словом с сидельцами. Разговоры шли в основном о спорте, погоде, о перипетиях мужичья со своим бабьем (женщины бар Маленького Тома, слава богу, отягощали своим присутствием не чаще цветных, так что он был прибежищем сугубо для «своего» контингента). Линию бара Маленький Том соблюдал вполне исправно: не поднимать чересчур серьезных тем, не заводить чересчур глубоких разговоров. Никаких, боже упаси, разборок (Маленький Том этого не терпел) или откровенной пьяни (этого он тоже не одобрял). Выпил свою меру, и хватит: пожалте в путь-дорогу, да не вздумайте по пути лихачить или устраивать дома ссоры – насчет этого хозяин бара, прежде чем выпроводить клиента, давал ему наставление. Полиция в заведение Маленького Тома наведывалась редко: у отцов города он был на хорошем счету.

Ко всему этому можно с уверенностью добавить, что, как и многие приверженцы обывательской трактовки пресловутой «нормы жизни среднего американца», Маленький Том был по сути своей животным, обуреваемым неумными и разнузданными аппетитами, сексуальным недержанием, а также отвращением ко всему, что отличалось от него самого: к женщинам, в особенности тем, что брезговали к нему прикасаться, если только любовь была не за деньги; к евреям, которых он по жизни и не встречал; к церковникам любых нестандартных оттенков и воззрений; к полякам, ирландцам, немцам и многим прочим, кто разговаривал с нездешним акцентом и носил имена, которые Тому было

трудновато произносить; ну и, само собой, ко всем без исключения цветным.

И вот сейчас на пороге заведения стоял молодой темнокожий, молча взирая, как Маленький Том читает газету. Неизвестно, как долго этот цветной успел здесь простоять, но, сколько бы оно ни длилось, все равно непозволительно много.

– Топай отсюда, малый, – указал Маленький Том. – Здесь вашим не место.

Юнец не шевельнулся. Маленький Том сменил позу и тронулся в сторону откинутой крышки барной стойки. По пути он прихватил бейсбольную биту, лежавшую под стойкой на полочке. Там был еще и дробовик, но Маленький Том решил, что одного вида биты будет достаточно.

– Ты меня слышал? А ну брысь по своим делам.

– Я знаю, что ты сделал, – неожиданно промолвил юнец.

Маленький Том остановился. Хладнокровие парнишки вызывало некоторую оторопь. Тон голоса был ровный, а сам цветной с того самого момента, как Том его заметил, ни разу не моргнул. То есть вообще. Пристальный взгляд паренька словно проникал сквозь череп и, казалось, полз пауком прямо по извилинам: растеряешься тут.

– Ты что такое мелешь?

– Я знаю, что ты сделал с Эрролом Ричем.

Маленький Том ослабился – ухмылка разрасталась медленно, криво, растекалась, как мазут. Ах вон оно что: цветной молокосос, нигер, осмеливается дать волю своему пылкому нраву. Совсем, видать, нюх потерял. Ну да ладно: уж мы-то знаем, как сделать так, чтобы цветные прикусывали язык перед белым человеком.

– Он сам напросился, – сказал Маленький Том. – Считай, что и ты тоже.

Быстрым движением он махнул битой снизу, а не сверху, метясь наглецу в ребра, но тот с неуловимым проворством шатнулся вперед навстречу удару, а не от него, так что бита грянула по дверной притолоке одновременно с тем, как юнец с неожиданной цепкостью схватил Тома за горло и пригвоздил к стене. От удара по притолоке руку Тома простегнула тугая ознобистая боль. Пальцы ослабли, и в это мгновение наглец ударил по ним левой рукой, отчего бита со стуком выпала на пол.

От изумления Маленький Том потерял реакцию. Цветные к нему никогда прежде не прикасались – даже их женщины, поскольку Маленький Том не смешивался с другими расами, ни силком, ни даже по их согласию.

Сейчас он чувствовал у себя на шее прохладное дыхание этого нигера. Пальцы на горле неумолимо сжимались, было уже тяжело дышать, и тут в баре приоткрылась задняя дверь и послышался веселый мужской окрик. Хватка приослабла, а в следующее мгновение наглец с силой пихнул Маленького Тома вбок, прямо на табурет, через который он со всего маху бухнулся на пол.

– Эй! – уже не весело, а грозно окликнул голос, судя по сипу, Уилларда Хоуга. – Ты, мать твою, чё там вытворяешь, малый?

Паренек подхватил биту и рывком обернулся к новой угрозе. Безоружный Хоуг замер на месте. Нигер обернулся к Маленькому Тому.

– Ладно, в другой раз, – процедил он и спиной вытеснился из бара, прихватив биту с собой.

Через несколько секунд после его ухода бита снарядом влетела Маленькому Тому в окно. Дождем посыпались на пол стекла. Было слышно, как снаружи, взрывая движком, срывается с места небольшой грузовик. Увы, когда Маленький Том доковылял до дороги, машины уже и след простыл. Он так и не узнал, кто подвез того нигера к его заведению. Досадно. Это воспоминание еще долго угнетало Тома – даже после того, как он установил, кто был тот парень, и сумел довести это до тех, у кого были свои основания с Луисом разделаться. Ну а потом, с годами, память о том нападении как-то поиссаяла.

Вообще, память Маленького Тома к той поре во многом выцвела: началась деменция, хотя он и пытался ее скрывать от завсегдатаев своего убогого заведения, все больше хиреющего вместе с хозяином. Так что когда паренек в конце концов возвратился уже зрелым мужчиной и заставил Маленького Тома сполна рассчитаться за содеянное с Эрролом Ричем, тот уже не мог узнать в Луисе того единственного цветного, что когда-то поднял на него руку.

Причиной же, по которой Луису столько времени понадобилось на то, чтобы отомстить за смерть Эррола Рича, была элементарная удаленность. Как Луис любил повторять Ангелу: «Эта гнида стоила того, чтобы ее раздавить, но не стоила таких командировочных расходов». А потому Луис просто дожидался, когда в тех краях подвернется оказия, чтоб было проще и сподручней.

Впрочем, это было уже много-много позже. Сейчас же парень держал путь на запад и не останавливался, пока глаза не увидели, уши не услышали, а ноздри не учуяли могучее дыхание океана. Там Луис обрел себе место в жизни и избрал поприще. И там же ждал, когда за ним придут.

## Глава 10

На встречу с Гэбриелом, назначенную в «Нейте», Луис прибыл чуть раньше времени. Вообще появляться раньше срока на подобных встречах он не любил. Луис всегда предпочитал, чтобы дожидались именно его. Так или иначе, это дает пускай и незначительное, но все же преимущество, даже в несущественных на первый взгляд встречах. Элемент психологии. Казалось бы, какие условности, а уж тем более предосторожности могли существовать между ним и Гэбриелом – ведь столько лет пробыли бок о бок, – но оба четко понимали, насколько неоднозначны их отношения. Ровней они ни в коем случае не были. И хотя Гэбриел в каком-то смысле заменил Луису отца, долгое время держал его при себе ближе всех, еще мальчишкой взяв под крыло и обучив выживать в мире за счет своих отточенных, доведенных до совершенства задатков, оба понимали, зачем Гэбриел это сделал.

Если инстинкты Луиса рассматривать как своего рода развращенность, а его тягу к насилию вплоть до убийства расценивать не как силу характера, а как моральную слабость, то получается, что Гэбриел эту развращенность эксплуатировал, углубляя ее и совершенствуя с целью превратить Луиса в орудие, которое можно эффективно использовать против других. Луис был не настолько наивен, чтобы отрицать: не встретить он Гэбриела, он бы не уберегся от себя самого. И не войди Гэбриел в его жизнь, он бы уже давно был мертв, а за свое спасение он отдал назначенную покровителем цену. И когда Луис – последний из Жнецов – от Гэбриела ушел, то сделал это без сожалений, не оглядываясь назад. Но при этом он еще долгие годы осознавал, что есть такие, кто предпочел бы заглушить его навсегда, и среди этих людей мог находиться непосредственно сам Гэбриел.

Старик был частью жизни Луиса дольше, чем все, кого он когда-либо знал, за исключением разве что нескольких женщин, оставшихся из его родни (он и их, кстати, держал на расстоянии, успокаивая свою совесть тем, что они его стараниями не нуждаются больше в деньгах, и понимая заодно, что им его передачи, в общем-то, без особой надобности, а посылки он шлет скорее для собственного, чем для их успокоения). Гэбриел же был с ним с самых непростых лет его, Луиса, переходного возраста, а затем всю его взрослую жизнь, пока тот не отделился. И вот теперь они снова вместе – один уже в пике среднего возраста, а другой в пике

по направлению к старости. Оба росли и старели друг у друга на глазах, и Луису теперь даже странно осознать: на момент начала их знакомства Гэбриел был моложе, чем Луис сейчас.

Луис поглядел на часы. То, что он прибыл чересчур рано именно на эту встречу, претило особенно: Луис не испытывал желания ждать. Внутри постепенно росло, скапливалось напряжение, но рассеять его он не пытался, угадывая в этом состоянии предвкушение. Луис знал, что впереди конфликт и насилие, и ум с телом к нему готовились. Напряжение тут – неотъемлемая часть, и это хорошо. Месяцы обыденности, безделья, нормальной жизни подходили к концу. Даже когда они с Ангелом в начале года ездили в Мэн помочь Паркеру с тем мстителем, Мерриком, спецслужбы Луиса фактически не понадобились, а потому в Нью-Йорк он возвратился угрюмым и разочарованным. В Мэне напарники были почетным караулом, да и только.

Теперь же им с Ангелом светила угроза, и Луис готовился на нее ответить. Беспокоило, пожалуй, лишь то, что у него еще не было ясной картины, какую форму она готовилась принять. Потому он и сидел в ожидании здесь, в старом баре недалеко от мастерской Уилли Брю. Гэбриел обещал дать подтверждение и разъяснить представленную Хойлом информацию, а Гэбриел, при всех его огрехах, обещаниями не кидается и слово свое держит.

Дверь служебки в заднем конце бара, чуть скрипнув, отворилась, и появился Гэбриел. По просьбе Луиса дверь для него держали открытой, и Нейт деликатно оставил посетителей в пустующем баре. Он был в курсе, что их лучше не беспокоить. Бар стал еще одной из негласных инвестиций Луиса. Местом встреч, а также хранения кое-каких «предметов первой необходимости» (на черный, так сказать, день): наличности, небольшого количества алмазов и крюгеррандов<sup>[16]</sup>, а также пистолета с запасом патронов. Все это хранилось за полками в кабинете у Нейта в запертом мини-сейфе, шифр к которому знал только Луис. Такие гнездышки он держал в пяти местах по Нью-Йорку и Новой Англии. Из них про два, включая это, не знал даже Ангел.

Сев, Гэбриел взмахом руки затребовал у Нейта кофе. Оба сидели в молчании, пока не подоспел заказ и посетителей снова не оставили одних. Кофе Гэбриел прихлебнул, изящно оттопыривая от кружки мизинец. Старик всегда, насколько Луис его помнил, соблюдал куртуазный этикет, даже если при этом определялся с устранением кого-то с лица земли, будь то мужчина или женщина.

– Я жду ваших слов, – первым произнес Луис.

– Двенадцатого числа исчез Баллантайн, – неуверенно поерзав, сказал Гэбриел. – Он находился под следствием Комиссии по ценным бумагам. Все его фонды собирались заморозить. Кто-то, видимо, выдал администрации детали инсайдерской торговли компаний, которые возглавлял Баллантайн. Ему грозил целый ряд обвинений. Предположительно, он скрывается или бежал от правосудия.

– Есть какие-то факты, говорящие об обратном?

– У Баллантайна жена и трое детей. Их всех опросили. Они в самом деле были растеряны и не смогли внятно объяснить его отсутствие. Сам он на связь с ними не выходил, его паспорт нашелся дома в ящике стола. В одном из стеновых шкафов у Баллантайна был напольный сейф. Его жена шифром не располагала, во всяком случае она так сказала. Для вскрытия был получен судебный ордер. Внутри там оказалось почти сто тысяч долларов наличными, да еще векселей почти на вдвое большую сумму.

– Не такой уж пустячок, чтобы беглый бизнесмен мог его вот так запросто взять и забыть.

– В самом деле. Особенно такой совестливый, примерный семьянин, как мистер Баллантайн.

Горький сарказм брызгал из слов Гэбриела, как яд из гадюки.

– Слишком чистый, чтобы быть чистым?

– В Адирондакских горах у Баллантайна был дом, купленный через одну из его фирм. Предположительно местечко, где он ублажал своих клиентов. И себя, понятно, тоже не забывал.

– Ублажителя нашли?

– Проститутка, из топ-моделей. Ей, похоже, посоветовали держать язык за зубами, хотя она сама знала не так уж много. Пришли люди, забрали Баллантайна. Ее оставили.

– О том, что он исчез, вы знали уже до того, как я вас попросил во все это вникнуть?

Взгляд Луиса Гэбриел выдержал, хотя не без преднамеренного усилия.

– Я не отслеживаю деятельность всех и каждого, даже из моих бывших клиентов.

– Ой неправда.

– Не совсем, конечно, – вильнул Гэбриел, – но тем не менее. Кое-кто остается в моем поле зрения, и на это есть свои причины, но других я в самом деле отпускаю. Баллантайном я особо не озабочивался. Кто он такой? Посредник, только и всего. Он меня использовал. Я его при случае тоже, но ведь и многие другие. Уж ты-то должен знать, как такие дела делаются.

– Верно. Именно поэтому я и пытаюсь вычислить, сколько вы от меня скрываете.

Впервые с момента своего появления Гэбриел улыбнулся:

– Мы все нуждаемся в секретах. В том числе и ты.

– А Кандич – он был одним из ваших?

– Нет. С твоим уходом эта сфера перестала меня интересовать. Сейчас выросла уже абсолютно новая порода наймитов, кое-кто из этих типов – ветераны конфликтов в Чечне и Боснии. Военные преступники. Половина из них в бегах от ООН, другая бежит от собственного народа. Кандич бежал от обоих. Раньше он служил в «Скорпионах» – подразделении сербской полиции, причастной к зверствам на Балканах, – но, похоже, шлейф темных дел возник у него еще задолго до того, как он начал убивать стариков в Косово. А когда ветер сменился, сдал своих бывших товарищей мусульманам и перебрался сюда. Как он умудрился получить ангажемент у Хойла, я еще досконально не выяснил.

– Ну и как, был от него толк?

– Я уверен, что он притащил кучу рекомендаций.

– Хотелось бы взглянуть на источники. Хотя там, видимо, не указано, что у него мания совать под нож свою голову. Это все, что вы для меня принесли?

– В основном.

В целом Хойл на аудиенции подтвердил то, что до этого поведал Гэбриелу Милтон: нити ведут к Лихагену. Сейчас Гэбриел рассказывал, что именно ему известно о человеке по имени Кайл Бентон и что его связывает с Лихагеном и одним из людей, схвативших пулю возле дома Луиса. Но при этом старик не говорил, как давно он знал о Бентоне.

– Остальное в процессе поиска, – завершил Гэбриел свой рассказ. – На эти вещи требуется время.

– Сколько?

– Несколько дней, не более. Ты поверил всему, что сказал тебе Хойл?

– Я видел голову в банке, а еще девицу, которую жрут свиньи. И то и другое вполне реалистично. Вы знали, что Лютер Бергер был на самом деле Джоном Лихагеном?

– Да.

– А мне почему-то не сказали.

– Думаешь, это бы что-то изменило?

– В ту пору нет, – не стал цепляться Луис. – А вообще вы знали, кто его отец?

– В принципе да, был в курсе. Он весь состоял из противоречий:

бандюган из глубинки и одновременно ловкий бизнесмен. Неотесанный мужлан, но умен и пронырлив. Скотовод и сутенер, но при этом с акциями престижных компаний, да еще с шахтами в придачу. Насильник и торговец женщинами, но любящий отец своих сыновей. Сферам, где вращались мы с тобой, он угрозы не представлял. Сейчас у него рак легких, печени и селезенки. Не может даже самостоятельно дышать. Фактически прикован к дому, к кровати, но иногда устраивает себе экскурсии по своим владениям на инвалидной коляске, чтоб хотя бы ощутить свежий воздух на лице. И проблема, думается мне, вот в чем. Хойл в своем подозрении, похоже, прав: если Лихаген пошел на нас, то он не отстанет и от тебя, потому что ему нечего терять. Он захочет, чтобы ты умер раньше, чем он.

– А его вражда с Хойлом?

– Насколько знаю я, вражда действительно есть. Они с ним давние соперники по бизнесу, а когда-то были еще и соперниками в любви. Та женщина выбрала Лихагена и родила ему двоих сыновей. А умерла от рака, и кажется, примерно от той же его разновидности, что сейчас доканывает самого Лихагена. Их с Хойлом антагонизм хорошо известен, хотя истинные его корни, по всей видимости, теряются в прошлом.

– А его сын, по-вашему, заслуживал смерти?

– Знаешь, – с грустноватой лукавинкой поглядел Гэбриел, – в деле ты мне больше импонировал, когда не был таким чистоплюем.

– Это не ответ на вопрос.

Гэбриел поднял руки: дескать, твоя взяла.

– Что значит «заслуживал», «не заслуживал»? Сын не так чтобы отличался от отца. Грехов у него было меньше, но это лишь в силу возраста, а не норова Верующие говорят: для проклятия достаточно одного греха. Если так, то он был проклят уже сотню раз. С гаком.

На секунду черты Луиса, обычно такие бесстрастные, неуловимо изменились. В них проглянула усталость. Гэбриел это изменение заметил, но вслух ничего не сказал. Между тем в эту секунду его мнение о своем протеже изменилось. Втайне он, честно признаться, лелеял надежду, что из Луиса еще можно будет опять извлечь пользу. Рука у него мастерская, набитая на ремесле убийства, однако чтобы вся эта бритвенная отточенность сохранялась, необходима жертвенность. Иными словами, все то, что именуется совестью, состраданием, человечностью, требуется класть на алтарь ремесла в холодном и безжизненном виде. Но в душе Луиса от этих чувств что-то неизменно оставалось. Более того, за истекшее десятилетие это «что-то» (приличие, что ли) укоренилось и разрослось. Вместе с тем и Гэбриел, видимо, перестал заглушать свои естественные



чувства к бывшему воспитаннику покровом прагматизма. И нынче он определенно поспособствует ему в одном последнем деле, а затем их отношения подойдут к однозначному, безоговорочному концу. В Луисе теперь слишком много слабости, чтобы идти на риск и оставлять их линии связи открытыми.

Слабость подобна вирусу: она сама собой передается от носителя к носителю, от системы к системе. В различные периоды своей жизни и работы Гэбриел выжил благодаря комбинации удачи, безжалостности и способности улавливать в людях изъяны. И прожить он планировал еще много-много лет. Работа поддерживала внутри него молодость. Без этих своих «развлечений» он бы уже завял и умер, во всяком случае так ему иногда казалось. При этом Гэбриелу, несмотря на все его таланты и инстинкты выживания, не хватало знания самого себя, чтобы понять: внутри себя он завял уже давным-давно.

– А что там Блисс? – задал вопрос Луис.

– Пока ничего не слышно.

– В тот день, когда мы устранили сына Лихагена, за рулем сидел Детка Билли.

– Я в курсе.

– Теперь его нет. Исчез и Баллантайн – по словам Хойла, убит. Если все эти убийства связаны с Лихагеном, то остаемся только мы с вами.

– Что ж. Тогда чем скорее мы все это дело подчистим, тем у нас больше оснований быть довольными, – подытожил Гэбриел, вставая. – Когда будет что еще сказать, я выйду на связь. Тогда ты и сможешь окончательно определиться с решением.

Ушел он тем же путем, что и явился. Луис остался сидеть, размышляя над всем сказанным. Информации теперь больше, чем на момент их встречи, хотя в целом все еще недостаточно.

\* \* \*

Со своей приступки на гаражной крыше Ангел молча наблюдал за продвижением Гэбриела. Вот зловещий старикан добрел до конца проулка, вот остановился на развилке улицы и огляделся, словно в нерешительности, куда потянут ноги, направо или налево. Мимо неторопливо ехал старенький «Бронко» с номерами другого штата. Вот автомобиль притормозил, и в темноте салона дрогнули острые короткие вспышки. Старик согнулся, а из его спины вырвались какие-то клочья

на темных струях – куски плоти и одежды, вырванные пулями. Тело плавно, в согбенной позе опустилось на брусчатку, а вокруг начала расплываться вишнево-красная лужа. И вместе с тем, как она ширилась, из холодеющего тела с каждым неверным ударом сердца истекала жизнь...

Ангел потрясенно, хотя и без огорчения, смотрел.

\* \* \*

– Он будет жить. Еще какое-то время.

Луис с Ангелом находились у себя на квартире. Дело было под вечер. Звонок поступил Луису – Ангел не знал, от кого, а спрашивать не стал. Он лишь выслушал, что ему потом пересказал сам Луис.

– Живуч, старый ублюдок, – произнес Ангел. Тепла в его голосе не было, и от Луиса это не укрылось. – Если б ему было надо, он бы послал тебя на смерть, даже глазом не моргнув.

– Почему же, – возразил Луис. – Разок бы, наверное, все же моргнул.

Он стоял у окна, и его лицо отражалось в стекле. Ангел, сам по себе покалеченный жизнью, горестно размышлял, насколько увечней в ней, должно быть, оказывается его любимый человек, если он по-прежнему испытывает сердечную привязанность к такой твари, как Гэбриел. Может, оно и впрямь так: все сыновья любят своих отцов, неважно, какие ужасные вещи те с ними вытворяли в детстве. Во всех нас есть некая часть, которая извечно чувствует себя в долгу перед теми, чьими трудами мы появились на свет. Ангел, если на то пошло, и сам рыдал, когда до него дошла весть о смерти его отца. А папаша, между прочим, за бухло не чурался сдавать своего сынишку в аренду педофилам и всякой похотливой сволочи. И слезы Ангела, как видно, были тем горше от сожаления обо всем том, чем его отец не был, как о том, чем был.

– Если Хойл прав, – рассудил Луис, – то Лихаген выцепил-таки Баллантайна. Может, тот и сдал ему Гэбриела.

– А ведь он всегда был такой осторожный, – с сомнением покачал головой Ангел. – Со всех сторон себя защищал, обкладывал.

– Обкладывать-то обкладывал, да только они друг друга знали. Между Баллантайном и Гэбриелом существовал всего один слой, один буфер защиты. Похоже, Лихаген под него подкопался и оттуда смог нанести удар.

– Так что теперь? – коротко спросил Ангел.

– Возвращаемся к Хойлу, и затем я прикончу Лихагена. Иначе это все не остановится.

– Ты идешь на это ради себя или ради Гэбриела?

– Не вижу разницы, – отмахнулся Луис.

Находись сейчас здесь старик Гэбриел, он бы, наверное, углядел что-то от своего прежнего Луиса – излюбленного питомца, выпестованного и наставленного на путь, осененный темным сиянием.

\* \* \*

Бентон позвонил из будки на Рузвельт-авеню.

– Сделано, – доложил он.

Запястье и плечо немилосердно саднили (последнее как пить дать вновь начало кровоточить: чувствовались тепло и сырость). Если по уму, то, учитывая полученные в мастерской раны, не надо было брать на себя стрельбу по старику, но уж больно душа горела и хотелось поквитаться за тогдашнюю неудачу.

– Молодец, – сдержанно похвалил Майкл Лихаген. – Можешь теперь ехать домой.

Повесив трубку, он через зал прошел в спальню, где сейчас беззвучно спал отец. Постояв там минуту-другую, будить его сын не стал. Весть можно сообщить и тогда, когда отец проснется.

Майкл понятия не имел, что это на самом деле за старик. Баллантайн поведал о нем лишь в самых общих чертах. Достаточно того, что он вроде как имел отношение к убийству брата, а также знался с Луисом, который непосредственно лишил брата жизни. Это нападение – очередной стимул для Луиса зашевелиться, нанести удар, подставиться. Майкл наконец-то начинал понимать логику отца: кровь взывала о крови, и ее следует пролить там, где в тяжелом недреманном сне лежит в могиле не до конца отомщенный брат. Слушая отцовские разглагольствования, Майкл считал, что потенциальная угроза от Луиса и его партнера, если они все же зашевелятся, изрядно преувеличена, так что нет необходимости привлекать к делу еще и третью сторону – того охотника по имени Блосс, – но отца было не разубедить, и спор у них закончился, едва начавшись. Ладно, что толку упорствовать. К тому же деньги, да и в конечном итоге сама месть все равно отцовы. Майкл молчаливо смирился с навязчивыми желаниями своего старика, поскольку безмерно его любил. А когда тот умрет, все, что ему принадлежит, перейдет к сыну.

Так что Майкл Лихаген хотя и был пока лишь наследным принцем в ожидании престола, но своему старому деспоту хранил верность.

## Глава 11

Хойла о своем прибытии напарники заранее не известили. Просто появились под вечер в вестибюле и сказали одному из дежурных проинформировать Симеона, что к мистеру Хойлу пришли визитеры. Охранника эта просьба, судя по всему, удивила не особо. Ангел рассудил так: учитывая, что Хойл живет в своей высотке безвылазно и отношения с внешним миром строит по собственному распорядку, секьюрити привыкли к потоку посетителей во внеурочные часы.

– Как вас представить? – спросил охранник.

Луис не ответил, а лишь встал под объектив ближайшей камеры, чтобы его было четко видно.

– Он, наверное, сам узнает, кто это, – сказал Ангел.

Звонок был сделан. Прошло три минуты, по ходу которых через вестибюль продефилировала привлекательная женщина в тесной черной юбке и белой блузке. Подошла и оценивающе, близко оглядела Луиса. Под ее взглядом Луис чуть заметно сменил позу, однако от Ангела это, само собой, не укрылось.

– Я видел: ты прихорашивался, – с тихой сварливостью углом рта заметил он.

– Да ну, больно надо.

– Нет, ты это делал. Вон и встал прямее. Ведешь себя как жиголо. Ты что, уже и не гей?

Неподалеку открылись двери в приватный лифт, и охранник жестом пригласил войти. Ангел с Луисом направились к кабине.

– Мужчине нравится, когда его оценивают по достоинству, – пожал на ходу плечами Луис.

– Вот-вот, *мужчине*. Мне кажется, ты уже начал сомневаться в своей ориентации.

– У меня глаз на красоту, – держал оборону Луис. – У нее, видимо, тоже.

– Кто б сомневался. – Ангел хмыкнул. – Но она никогда не полюбит тебя так, как ты.

– Любовь – бремя, – буркнул Луис в момент закрывания дверей.

– Кто б говорил. И кому.

В фойе на входе в пентхаус напарников встречал один лишь Симеон, в черных брюках и черной рубашке с длинным рукавом. На сей раз

пистолет при нем был виден невооруженным взглядом: «Смит-Вессон-5906» в стильной кожаной кобуре.

– Ого, – выказал интерес Луис. – Заказной?

– Из Мэриленда, – ответил Симеон. – Рожки малость подпилены.

Гладким и быстрым движением он выхватил оружие и уставил его так, что стали видны места, где были зашлифованы острые грани: на переднем и заднем прицелах, кромках магазина, выступе спусковой скобы и ударнике. Демонстрация имела вид откровенного и, признаться, слегка неожиданного бахвальства, которое с таким человеком как-то не вязалось. Также это было своего рода предостережение: гости прибыли вне графика, да к тому же в поздний час. Симеон, понятное дело, относился к таким визитам настороженно.

Оружие он сунул обратно в кобуру, а затем жестом чуть ли не свойским предложил войти. Луис с Ангелом вновь очутились в комнате с видом на бассейн. На этот раз зыбкий узор бликов на стене был каким-то рваным и суматошным, а по доносящимся всплескам можно было сделать вывод, что там кто-то купается. Подойдя к стеклянной стене, Ангел увидел, как воду разрезает баттерфляем Хойл.

– Он, наверное, любитель поплавать? – спросил Ангел у Симеона.

– По утрам и вечерам, – ответил тот.

– А еще в бассейн он кого-нибудь пускает?

– Нет.

– Видно, не любитель делиться.

– Он делится информацией, – сказал Симеон. – В частности, с вами.

– А, ну да. Просто кладезь знания.

Ангел повернулся и присоединился к Луису у того же самого столика, за которым они с Хойлом на этой неделе уже сидели. Симеон встал неподалеку, чтобы напарники открыто видели его, а он открыто видел их.

– Как вы оказались в прислуге у этого парня? – спросил после затяжной паузы Луис. В этот момент плеск в бассейне стих. – Не может быть, чтобы вы здесь на полную реализовали свой талант: сидите сиднем с этим добровольным затворником.

– Он хорошо платит.

– И это все?

– Вы сами служите?

– Нет.

– Тогда вам не понять. Хорошая плата покрывает многие грехи.

– Ему что, приходится покрывать много грехов?

– Кто его знает. Может, и да. По большому счету все мы грешники.

– Пожалуй. И все-таки: вы же морпех, и вы тут заржавеете, с грехами или без.

– Я упражняюсь.

– Это не одно и то же.

Было видно, как Симеон чуток покривился.

– Вы намекаете, что мои навыки скоро могут мне понадобиться?

– Нет. Просто говорю: легко эти вещи воспринимать как должное. Но если не держать боевой формы, то когда вдругхватишься, их может там не оказаться.

– Этого знать не дано, пока не грянет срок.

– Что верно, то верно, – с ленцой произнес Луис.

Ангел смежил веки и вздохнул. Тестостерона в комнате витало столько, что даже на парике все волосья встанут дыбом. Еще один шаг, и начнется армрестлинг. В эту секунду вошел Хойл, в белом халате и шлепанцах. На ходу он сушил полотенцем волосы, не разлучаясь при этом со своими всенепременными белыми перчатками.

– Рад-рад, что вы вернулись, – нараспев приветствовал он. – Лучше бы, конечно, при более радужных обстоятельствах. Как там ваш... – Судя по всему, Николас подыскивал слово, которое бы точнее описало Гэбриела, но, не найдя, закончил: – Друг?

– Пристрелен, – односложно ответил Луис.

– Это я уже понял, – кивнул Хойл. – Тем не менее признателен за констатацию факта.

Он сел напротив гостей, а скомканное влажное полотенце сунул Симеону. Тот как мог себя сдержал: еще бы, так быть униженным, до уровня мальчика-подтиральщика, тем более перед Луисом.

– Я полагаю, причина вашего возврата – нападение на Гэбриела. Лихаген вас дразнит, а также пытается наказать еще одного из тех, кого считает повинным в смерти своего сына.

– Вы как-то очень уж уверены, что его увалил именно Лихаген, – заметил Луис.

– Ну а кому еще? Больше ни у кого не хватит ни дерзости, ни глупости напасть на человека уровня Гэбриела. В его связях я уверен досконально. Двинуться на него – верх безрассудства, если только тому пропадающему человеку нечего терять.

Луис был вынужден согласиться. В кругах, где вращался Гэбриел, бытовало негласное правило: поставщик рабсилы не в ответе за свершившееся, когда сила уже применена. Но помнилось и описание Гэбриелом Лихагена: уже не жилец, полутруп, одержимый жаждой

отомстить прежде, чем жизнь уйдет из него окончательно.

– Итак, – подвел черту Хойл. – Давайте начистоту. Вы, вероятно, опасаетесь, нет ли в этих апартаментах прослушки и не окажутся ли ваши слова частично или полностью переданы в соответствующие органы. Заявляю вам со всей ответственностью: «жучков» здесь нет, все чисто, а сам я нисколько не заинтересован привлекать ко всему этому делу закон. Я хочу, чтобы вы убили Артура Лихагена. Для того чтобы это произошло, я берусь предоставлять вам всю имеющуюся у меня информацию, а ваша работа будет достойно оплачена.

Хойл степенно кивнул Симеону. На свет появилась папка, которую Николас, взяв и побаюкав в руках, бережно опустил перед гостями на стол.

– Вот. Здесь все, что у меня есть на Лихагена, – сказал он. – Во всяком случае все то, что, по моему мнению, может оказаться для вас полезным.

Луис раскрыл папку. Листая ее содержимое, он убеждался, что часть материала фактически совпадает с его собственными сведениями, но многое здесь было и откровенно новым. Стопки убористо напечатанных страниц о семейной истории Лихагенов, их бизнес-интересах и предприятиях, из которых некоторые, судя по копиям полицейских протоколов и бумаг с грифом прокуратуры, явно криминального характера. Дальше шли фотографии внушительного особняка, спутниковые фотоснимки лесов и дорог, местные карты. А довершало все это фото тучного, стремительно лысеющего мужчины с рыхлым свиным подбородком и дряблыми брыльями, ниспадающими на пухлую грудь. Мужчина был в черном костюме с рубашкой без воротника. Остатки волос топорщились неопрятной паклей. Острыми буравчиками смотрелись на мясистом лице темные пороссячи глаза.

– Это сам Лихаген, – уточнил Хойл. – Фото пятилетней давности. Подозреваю, что рак с тех пор сильно изменил его внешность.

Николас потянулся к одному из спутниковых снимков и указал на белый кирпич по центру:

– Это их главный особняк. Здесь живет Лихаген со своим сыном. У него есть нянька, живет тут же в смежной пристройке, у нее квартирка. В полукилометре к западу, может чуть дальше, – Хойл ухватил еще один снимок и поместил рядом с первым, – у них загоны для скота. Лихаген одно время держал стадо эрширских коров.

– Но эта земля не годится под выпас, – заметил Луис.

– Лихагену это было неважно. Ему нравилась сама идея ощущать себя скотоводом. Заводчиком. Для этого он вырубил под пастбище ближний лесок, а также использовал земли, где деревья повалило бурей. Видимо, он

млел, мня себя эдаким сельским джентльменом. Благородным фермером.

– А где скот теперь? – поинтересовался Ангел.

– С месяц назад послан на бойню. Коровы-то его: не мог же он допустить, чтобы они пережили своего хозяина.

– А это что? – Луис указал на серию фотографий какого-то небольшого промышленного предприятия, с подобием городка неподалеку.

На ряде снимков снизу виднелась тонкая прямая линия: узкоколейка.

– Это Уинслоу, – пояснил Хойл, раскладывая перед Луисом и Ангелом две стандартных карты местности. – Приглядитесь внимательней. Видите между ними различие?

На одной из карт Уинслоу был четко обозначен, на другой этого городка не было вообще. Ангел поделился замеченным.

– Все верно, – подтвердил Хойл. – Первая карта еще из семидесятых. Второй всего один-два года. Уинслоу больше не существует. Там никто не живет. А раньше возле городка была шахта по добыче талька – ее и можно видеть на некоторых фотоснимках, справа. Шахта принадлежала семейству Лихагенов, но в восьмидесятых была закрыта из-за нерентабельности. Люди начали уезжать, и тогда Лихаген взялся скупать освободившиеся участки. Тех, кто не хотел съезжать, принуждали. Нет-нет, он им платил – пусть и сущие гроши, но внешне все выглядело пристойно. Ну а тем, кто упрямился, давал понять, что будет, если они сдуру останутся. Теперь там к северо-востоку от особняка Лихагена сплошь частные владения. Вам, кстати, что-нибудь известно о добывании талька?

– Нет, – качнул головой Луис.

– Скверное это дело. Рабочие здесь в шахтах не были защищены от пыли тремолитового асбеста. Для многих добывающих компаний не секрет, что тальк содержит в себе примеси асбеста. Знали это и Лихагены, но предпочли не информировать своих работников ни о наличии асбеста в своих шахтах, ни о связанных с ним болезнях. А их целый букет: рубцевание легких, силикоз, случаи мезотелиомы – разновидность рака, вызываемая как раз асбестом. Даже у тех здесь, кто не был связан с добычей напрямую, стали появляться проблемы с легкими. Лихагены отпирались тем, что отрицали наличие в промышленном тальке асбеста, который таит в себе угрозу рака. Иными словами, лгали. А ведь их продукция шла на изготовление в том числе детских карандашей и цветных мелков. А вы догадываетесь, что ребяшня делает со своими карандашами и мелками? Совершенно верно, сует их в рот.

– При всем уважении к вам, – вмешался Луис, – какое это имеет отношение к нашему вопросу?



– Это к вопросу о том, как Лихаген сподобился опустошить Уинслоу. Тамошним жителям, которые считай что поголовно были подвязаны к работе на шахтах, он предлагал решить проблему деньгами. Эти взаимозачеты надежно страховали Лихагена и его потомков от любых будущих разбирательств. Он фактически пригвождал людей к стенке. Получаемые ими суммы были смехотворны – в любом случае гораздо меньше тех, которые они могли бы вытребовать через суд. Впрочем, это происходило еще в восьмидесятых. Думаю, люди тогда даже и не знали, отчего их одолевают хвори, а многие из них умерли еще до того, как через десяток с лишним лет в суд стали поступать первые исковые заявления. Вот такой он делец, этот Лихаген. Если вдуматься, то есть некая ирония в том, что его нынешние метастазы, вероятно, берут начало в тех самых шахтах, которые его обогатили. Они же свели в могилу и его жену, – при слове «жена» Хойл чуть заметно поморщился, – а теперь вот добивают его.

Хойл отыскал еще одну карту, на этот раз с фарватером какой-то реки.

– Опустошив город, Лихаген по каким-то надуманным основаниям, якобы из соображений экологии, добился разрешения перенаправить русло местной речки Рубо. Этот маневр позволил ему фактически превратить ее в ров, отрезающий его владения. Через Рубо на его земли ведут лишь две дороги. За особняком Лихагена находится еще и озеро Павшего Лося, так что тыл у него тоже огражден водой. Дно озера он усеял валунами и проволокой, чтобы с того направления к его дому никто не мог подобраться, и теперь единственный доступ – это по двум мостам через речушку.

Николас указал мосты на карте, а траекторию расходящихся от них дорог обозначил пальцем. Получалась как бы опрокинутая воронка, рассеченная в четырех точках двумя внутренними дорогами, идущими через владения параллельно восточному берегу озера.

– За ними ведется наблюдение? – спросил Ангел.

– Не постоянно, но рядом там стоят дома. Некоторые из них Лихаген сдает семьям, что раньше присматривали за его скотом, или тем, кто работает на его землях. Еще пара принадлежит старожилам, с которыми он сторговался: они не лезут в его дела, а он не гонит их с насиженных мест – за бонус, само собой. Они в основном на северной дороге. Южная поспокойнее. На машине в принципе можно по любой из них подъехать довольно близко к его гнезду – по южной, опять-таки, надежней, – но если сработает сигнализация, то оба моста закрываются прежде, чем любой нарушитель сумеет ускользнуть.

– Сколько у Лихагена людей?  
– Вблизи него примерно с дюжину. На территории они поддерживают меж собой связь по рации. Частотный диапазон хороший, надежный. Кое-кто из них успел посидеть, а остальные так, просто местная братва.

– Вы так думаете? – спросил Ангел.  
– Лихаген – затворник, как и я. Таким его сделала болезнь. Из того немногого, что мне известно о его нынешнем положении, богатство обошлось ему большой ценой. – Хойл отыскал еще одно фото. – А вот это его сын и наследник Майкл.

Наследнику уже перевалило за сорок. В глазах определенно что-то от Лихагена-старшего, хотя весил он существенно меньше. На нем были джинсы и клетчатая рубашка, а в руках красовалась охотничья винтовка. В ногах у Майкла примостился здоровенный кобель; лежащая на бревне морда смотрела в камеру. Луису вспомнился убитый им в Сан-Антонио брат Майкла, Джонни Ли. У него сходства с отцом было заметно больше.

– Этот снимок совсем свежий, – прокомментировал Хойл. – Майкл присматривает за всеми бизнес-делами своего отца, законными и не очень. Он – связующее звено между семьей и внешним миром. По сравнению с отцом сын, можно сказать, бонвиван, хотя, по обычным меркам, тоже почти такой же затворник. Из семейных владений вылезает пару раз в год. Визитеры обычно приезжают к нему сами.

– Включая вашу дочь, – со значением заметил Луис.  
– Да. – По лицу Николаса пробежала тень. – Убить Майкла тоже бы неплохо. За него я заплачу дополнительно.

Луис распрямил спину. Рядом с ним притих Ангел.  
– Я никогда не создавал видимости, что все это будет легко, – посмотрел Хойл. – Если бы этот вопрос я мог решить, не выходя за пределы своего круга, я бы это сделал. Но мне показалось, что у нас теперь общий интерес поставить на Лихагене крест и что вы сумеете преуспеть там, где другие потерпели неудачу.

– Это все, что у вас для нас есть? – задал вопрос Луис.  
– Да, все, что могло бы оказаться полезным.  
– Вы нам так и не сказали, из-за чего у вас с Лихагеном началась вражда, – напомнил Ангел.

– Он похитил у меня жену, – ответил Хойл. – Точнее, женщину, которая могла бы ею стать. Он ее украл, и она из-за этого умерла. Она работала на шахте, помогала по бумажной части. Лихаген, видимо, считал, что ей не мешало бы отрабатывать свое содержание.

– То есть у вас все вышло из-за женщины? – переспросил Ангел.

– Мы с Лихагеном соперники во многом. Я неоднократно одерживал над ним верх. А между тем я все сильнее отдалялся от женщины, которую любил. И ее уход к Лихагену был способом отплатить мне за это. К тому же, надо сказать, внешне он не всегда был таким отталкивающим. Он много лет болел, еще до того, как у него нашли рак. Его вес – это все от лекарств.

– Так, значит, ваша женщина ушла к Лихагену и...

– И умерла, – докончил Хойл. – Тогда я в отместку предпринял усилия, чтобы его разорить: выложил о нем информацию его конкурентам, криминалитету. Он не остался в долгу. Я снова отомстил. Так мы постепенно и оказались там, где находимся, каждый запершись в своей крепости, питая друг к другу жгучую ненависть. Я хочу, чтобы это наконец закончилось. Дальше уже некуда: даже к больному и немощному, я испытываю к нему изнурительную зависть. Так что вот вам мое предложение. Убив его, вы получаете полмиллиона долларов и еще бонус в двести пятьдесят тысяч, если рядом с ним ляжет и сын. В виде жеста доброй воли я даю вам аванс – двести пятьдесят тысяч за отца и сто тысяч за сына. Остальное будет положено на депозит, с выплатой по завершении работы.

Фотоснимки и карты Хойл уложил обратно в папку, которую аккуратно пододвинул к Луису. После небольшого, секунду-другую, колебания Луис ее принял.

\* \* \*

Звонок вырвал Майкла Лихагена из омута сна. Путаясь в полах халата, он неверной поступью пробрел к телефону и, ословело помаргивая, взял трубку.

– Да? – сипло выдавил Майкл.

– Что ты наделал?

Этот голос Лихаген-младший узнал тотчас же. Остатки сна сдуло словно ледяным буранистым ветром.

– В смысле «наделал»?

– Тот старик. Как ты посмел? Кто дал тебе право поднимать на него руку?

От мертвенного спокойствия в голосе Блисса Майклу сводило живот.

– Право? Я сам себе дал право. Его имя нам назвал Баллантайн. Это он встречался с Луисом, согласовывал убийство моего брата. Дальше все

пойдет по цепи. И обязательно приведет его сюда.

– Да, – сказал Блисс. – Приведет. Но так дела не делаются.

Голос его был отрешенным, как будто вся эта затея не вызывала у него не только энтузиазма, но вообще каких-либо эмоций. Сложно даже сказать, что у него на уме.

– Ты должен был сначала обсудить это со мной, – проскрежетал Блисс.

– Можно подумать, тебя так просто разыскать.

– Ну тогда дождаться, пока я сам тебе позвоню!

Теперь гнев в голосе Блисса слышался явственно. Просто мурашки по коже.

– Извини, – сказал Майкл. – Я не знал, что это окажется так, гм... проблемно.

– Да. – Слышно было, как Блисс делает протяжный вздох, чтобы успокоиться. – Знать ты не мог. Ну так знай другое: если след того нападения выведет на тебя, то тебе, скорее всего, придется отвечать. А потому будь готов к ответным мерам. Кое-кому твои закидоны могут не понравиться.

Майкл совершенно не мог взять в толк, о чем говорит ему Блисс. Отец добивался, чтобы все, так или иначе причастные к убийству Джонни Ли, были стерты с лица земли. Как это будет осуществляться, наследника не заботило; дальнейшие последствия тоже. Он был заинтересован лишь в конечном результате. Ждал, чтобы Блисс продолжил начатое.

– Обзвони своих людей в городишке. Пусть стягиваются. – Голос Блисса звучал теперь устало. – Все до единого. Ты меня понял?

– Уже едут.

– Хорошо. Кто стрелял в старика?

– Не думаю, что...

– Я задал тебе вопрос.

– Бентон. Стрелял Бентон.

– Бентон, – с легкой задумчивостью повторил Блисс, видимо, закладывая имя в память.

Майклу подумалось, не обрекает ли он таким образом Бентона на какие-то неприятности.

– А ты когда здесь будешь?

– Скоро, – скрипнул голосом Блисс. – Скоро...

## Глава 12

Луис не сводил глаз с человека, лежащего внизу на больничной койке. Гэбриел выглядел еще мельче и старше, чем до этого, – таким дряхлым, что не сразу и узнаешь. Даже при свете дня он казался исхудалым до крайности, еще больше, чем накануне. Кожа была землисто-серой, с темно-желтыми пятнами в тех местах, где применялась мазь. Глаза ввалились в черно-лиловые впадины, напоминающие синяки боксера, которого, прижав к канатам ринга, долгое время полубесчувственного метелил противник. Дыхание слабое, едва уловимое. Прикрытые слоями примочек раны смотрелись как заклеенные бельма, под которыми кое-как теплилась рассосавшаяся по телу, уже убывающая жизненная сила. Будь Луис свидетелем той стрельбы, он бы, наверное, заметил, как она исходит, истекает из пулевых отверстий бледным облачком среди крови. Эта сила уже никогда не возвратится. Теперь она утрачена, а вместе с ней утрачена и некая сущностная часть Гэбриела. Если он и выживет, то прежним уже не будет. Гэбриел из тех людей, что беспрерывно сражались со смертью долгие годы, неизменно наращивая темп этой борьбы. И вот теперь смерть в ней одолевает, и ее больше не поворотить вспять.

Ожидаемого полицейского присутствия возле старика не оказалось. Это поначалу насторожило, но вскоре Луис разглядел, что Гэбриела, по всей видимости, оберегают другие люди. В правом верхнем углу палаты находилась миниатюрная камера слежения, встроенная в интерьер то ли на постоянной основе, то ли специально для этого пациента. Безусловно, надзор через нее осуществлялся и за Луисом. Он ожидал, что кто-нибудь появится, но никого не было. Вероятно, сам факт, что его подпустили так близко к Гэбриелу, означал, что наблюдатели в курсе, кто этот посетитель. И если что, его всегда можно найти, благо местонахождение известно.

Луис коснулся ветхой руки Гэбриела – черное на сероватом. В жесте были нежность, сожаление, а вместе с тем на лице Луиса проступило и кое-что еще: что-то сродни ненависти.

«Ты меня создал, – подумал Луис. – Без тебя кем бы я стал?»

Сзади отворилась дверь. Было видно, как приближается сиделка – ее силуэт отражался на полированной стене за койкой Гэбриела.

– Сэр, вам пора уходить, – сказала она.

Луис в ответ чуть склонил голову и, подавшись вперед, нежно прикоснулся губами к щеке своего наставника, все равно что Иуда,

обрекающий Спасителя на мученическую кончину. Луис был безотцовщиной, и вместе с тем отцов у него было множество. Гэбриел являлся одним из них, и Луису еще предстояло изыскать способ простить ему все им содеянное.

\* \* \*

Милтон стоял в небольшом кабинете в нескольких шагах от палаты Гэбриела. На двери была табличка с надписью «Персонал», а за ней находились письменный стол, два стула и набор оборудования, позволяющий делать аудио- и видеозапись наблюдения. У правоохранителей это место называлось «*Вспомогательная сестринская станция*», или «*Вспомсест*», – ресурс общего пользования, теоретически доступный всем агентствам по предварительной заявке. На самом же деле станция предоставлялась в пользование лишь по жесткой иерархии, а Милтон правил ею, как петух на птичьем дворе. Сейчас он стоял у экрана в сопровождении двух вооруженных агентов, бдительно следящих за тем, как Луис выходит из палаты, а дверь за ним бесшумно закрывает сиделка.

– Боевая тревога, сэр?

– Отставить, – вслед за нелегкой паузой ответил Милтон. – Пусть уходит.

\* \* \*

Напарники стояли в офисе Луиса, возле разбросанных по столу хойловских бумаг и карт. Личные замечания и наблюдения Луиса были приписаны красной ручкой. В таком виде вся информация представляла последний раз. По окончании обсуждения все это будет уничтожено: разорвано на мелкие клочки, а затем сожжено. Здесь же на стуле лежали свежие карты, а также копии фотографий и спутниковых снимков, предназначенные для показа остальным.

– Сколько? – осведомился Луис.

– Чтобы сделать работу или сделать ее как надо?

– Сделать как надо.

– Как минимум шестнадцать. По двое на каждый мост, может, и того больше. Четверо в городке для прикрытия. Две четверки для подхода к участку по местности. А еще, если б мы жили в идеальном мире,

жопастый вертолет, чтобы всех забрать под конец. Сотовой связи так глубоко в горах нет. Деревья и угол наклона подсказывают: рации там тоже без пользы.

– А спутниковые телефоны?

– Ага, а еще письмо с признанием копам в придачу.

Ангел пожал плечами: за спрос по сусалам не хлещут.

– Ну так сколько набирается?

– Десять, включая нас с тобой.

– Можно подключить Паркера. Стало бы одиннадцать.

Луис покачал головой:

– Мы эту кашу заварили, нам и расхлебывать. Давай-ка посчитаем, какой у нас расклад.

Он поднял со стола четыре снимка особняка Лихагена с разной степенью увеличения и разложил рядом, сличая углы, открытые точки доступа, сильные и слабые стороны.

Ангел отошел в сторонку, давая напарнику сосредоточиться.

Оба понимали: вообще-то так дела не делаются. Если подходить с умом, то необходимы дополнительные проверки, недели (если не месяц) подготовки, альтернативные тактики подхода и отхода, а у них ничего этого нет. С одной стороны, понятно: ситуация экстренная. Друзья, их собственный дом – все находится под прицелом. Seriously ранен Гэбриел. Даже без предоставленной Хойлом информации ясно: действующий против них человек настроен крайне решительно и на попятную ни в коей мере не пойдет. Он будет с тупой решимостью делать все новые и новые броски, пока не добьется своего, а в итоге рискуют все близкие к Ангелу с Луисом люди.

Как и в большинстве нюансов, что касались их обоих, именно Ангел отличался большей восприимчивостью и пониманием подспудных мотивов, способностью инстинктивно вживаться в чувства других. Несмотря на все, что оставалось сокрытым в партнере, Ангел на свой манер подстраивался под его ритмы, способ мыслить и рассуждать – что, по его тайному мнению, в их отношениях чуждо Луису.

Для человека, столь долго обитающего в сером, лишенном морали и совести мире, Луис был абсолютно в ладу с его черно-белым спектром. Он не подвержен болезненному самоанализу, а если и проводил его, то затем тут же, одним движением отбрасывал, словно выступал совершенно сторонним наблюдателем своих собственных просчетов и неудач. Иногда Ангел задумывался, не следствие ли это избранного Луисом образа жизни. По его подозрению, это, судя по всему, совокупный аспект сущности

Луиса – такая же неотъемлемая его часть, как цвет кожи и сексуальность. Нечто отравленное в его сознании еще до того, как он покинул материнскую утробу, и постепенно утвердившееся в нем по мере взросления. Гэбриел лишь выявил в подопечном эту предрасположенность и довел до нужной кондиции.

Но теперь своего требовали обстоятельства, и Луис в каком-то смысле снова служил Гэбриелу, только на этот раз как мститель. Проблема в том, что его жажда действовать, наносить удары, выпускать скопленную энергию не лучшим образом сказывалась на его осторожности. На Лихагена они выдвигались с излишней быстротой. В их информированности чересчур много зазоров; слишком много сторон выставлено без надлежащей защиты.

И тогда Ангел нарушил непреложное правило. Он поверил свои мысли кое-кому из посторонних. Разумеется, не все, но достаточно для того, чтобы если дело начнет сыпаться, то концы окажутся наружи и станет в принципе ясно, кого и где искать, а также с кого спрашивать.

Тем вечером напарники ужинали в «Ривере» на Амстердам-авеню. Ужин был тихий и скромный, даже по их меркам. После этого зашли принять по пивку в «Питс»: офисная публика уже успела рассосаться вместе с бесплатной закуской, а из оставшейся половина смотрела по экрану, как «Келтик» шумно, но тщетно пытается разделаться с «Никсом». Ангел забавы ради взялся вести подсчет людей, пользующихся дезинфицирующим средством, и бросил это занятие, когда число начало угрожающе переваливать за второй десяток.

Дезинфектант для рук: остается лишь диву даваться, к чему идет этот город. В целом логика ясна: не все, кто ездит на метро, безусловно чисты. Ангел и сам порой ездил на такси, после чего ему на завтра приходилось отдавать одежду в чистку для того лишь, чтобы избавиться от вони. Но в самом деле, нельзя же всерьез полагать, что решением проблемы может быть бутылек мягкого дезинфектанта для рук. Какая наивность! Да в этом городе плодится такое, что переживет и ядерный катаклизм. Если думаете, что речь идет только о тараканах, то ошибаетесь. Ангел где-то вычитал, что в канале Гоуанус недавно обнаружили вирус гонореи. Если вдуматься, то, в общем-то, мало удивительного. Единственное, что из Гоуануса нельзя выудить, так это рыбу – во всяком случае, такую, какую можно съесть и протянуть после этого на свете еще хотя бы день-два. Но как же грязен должен быть отрезок водоема, что в нем можно подхватить социальное (читай венерическое) заболевание!

Обычно Ангел делился такими своими мыслями с партнером, но Луис



сейчас витал явно не здесь – глаза вроде как на экране, а мысли одержимы совсем другой игрой. Ангел допил свое пиво. У Луиса стакан был все еще наполовину полон, но в Гоуанусе жизни было куда больше, чем в нем.

– Ну что, закончили? – подал голос Ангел.

– А, ну да, – кивнул Луис.

– Можно, если хочешь, досмотреть игру.

– Где ты здесь нашел игру? – лениво хмыкнул Луис, поведя глазами на экран.

– Ну, где-то ж она должна быть.

– Ну да, где-то же.

Напарники бок о бок двинулись по залитым ярким светом улицам – вместе, но при этом порознь. Возле бара на углу Семьдесят пятой ребята-морпехи зычно окликали фланирующих мимо молодых женщин: на губах улыбки, а глаза так и впиваются. У одного морячка в дверях бара во рту торчала незажженная сигарета. Он тщетно охлопывал себя по карманам, нащупывая там зажигалку или спички, и тут, подняв глаза, увидел приближающихся Ангела с Луисом.

– Мужики, огоньку не найдется? – спросил он.

Луис полез в карман и вынул медную «Зиппо». Мужчина, в его понимании, должен неразлучно иметь при себе две вещи: зажигалку и ствол. Со звонким щелчком Луис зажег «Зиппо», и морячок, машинально загородив огонек левой ладонью, прикурил.

– Благодарю, – сказал он.

– Да нет проблем, – ответил Луис.

– Откуда сам-то будешь? – поинтересовался Ангел.

– Из Айовы.

– Йяу. Чем вообще кто-то из Айовы может заниматься в морфлоте?

– Да вот, океан поглядеть как-то тянуло, – пожал плечами морпех.

– Это да, – кивнул Ангел. – С океаном в Айове небогато. Ну что, нагяделся уже?

Морпех отвел глаза.

– Нагяделся, блин, уже так, что скоро носом хлынет. На всю оставшуюся жизнь.

Он глубоко затынулся и притопнул носком начищенного сапога по тротуарной плитке.

– Во-во, суша, – подсказал Ангел. – Терра фирма.

– Аминь. Спасибо за прикурку.

– Не за что, – сказал Луис, и они с Ангелом двинулись дальше.

– И зачем, интересно, кого-то тянет в морскую пехоту? – вздохнул

Ангел.

– Да хрен бы их знал. Айова. Парень, видно, с детства море только на фотках и видел. И решил, что оно создано для него. Мечтатели. Грезят наяву и забывают, что иногда не мешает и просыпаться.

С этой секунды их молчание стало более приятным, чем ранее, а Ангел внутренне примирился с тем, что происходит, потому что тоже был мечтателем.

## Часть II

*Жатвы много, а делателей мало.*

*Евангелие от Матфея – 9. 37*

## Глава 13

Собрание проходило в одном из частных обеденных залов закрытого клуба между Парк- и Мэдисон-авеню, в претенциозной близости от самой свежей экспозиции музея Гуггенхайма. Никакой таблички или надписи на дверях с указанием сути мероприятия – по-видимому, просто из-за отсутствия необходимости. Те, кто нуждался в координатах места встречи, располагали ими уже заранее. При этом даже случайный наблюдатель сделал бы вывод, что место это с претензией на эксклюзивность: если вам требуется разъяснение, что именно здесь за собрание, значит, вам здесь и делать нечего, поскольку ответ, если и прозвучит, совершенно ничего вам не даст.

В точности специфику клуба истолковать было непросто. Возник он уже несколько позже существующих элитарных местечек в этой части города, хотя сказать, что у него совсем уж нет никакой истории, все-таки было бы несправедливо. Из-за своей относительной молодости это заведение никогда не отвергало перспективных кандидатов по признаку расы, пола или вероисповедания. Не было козырем (или, наоборот, преградой) и наличие большого богатства: среди членов клуба встречались и такие, кто не потянул бы раскошиться даже на поднос с напитками для собрания. Такое редко встречается в заведении более чопорном, а значит, не столь терпимом (если на то пошло, со всяким бывает) к проблемам с платежеспособностью у некоторых из своих членов.

Напротив, этот клуб руководствовался политикой, которую точнее всего можно было бы охарактеризовать как разумно благожелательный протекционизм, основанный на понимании, что клуб этот существует для тех, кто не любит клубы вообще, имеет слегка асоциальную жилку или же предпочитает, чтобы другие знали о натуре его бизнеса как можно меньше. Пользоваться телефонами в местах общего пользования здесь было запрещено. Разговоры допускались разве что на уровне шепота, да и то такого, какой на слух различают разве что летучие мыши и собаки. Формальный обеденный зал был одним из самых тихих мест для приема пищи во всем городе. Отчасти из-за фактического запрета на любую форму вербального общения, в основном же из-за того, что члены клуба в большинстве своем предпочитали обедать в частных кабинетах, где всякому бизнесу гарантировалась полная конфиденциальность, ибо клуб обоснованно гордился своими благоразумием и осмотрительностью, даже

в смерти.

Официанты своей глухотой, слепотой и немотой могли смело соперничать с баобабами. В помещении напрочь отсутствовали камеры наблюдения, и никто никого не называл по именам, если только визави сам не выказывал стремления к подобной фамильярности. В членских билетах фигурировали лишь цифры. На двух верхних этажах располагалась дюжина со вкусом, но без претенциозности обставленных спальных номеров для тех, кто решил провести ночь в городе, предпочитая не обременять себя бронированием отеля. Единственные вопросы, задававшиеся гостям, представляли собой вариации на заданные темы: скажем, желают ли они еще вина, и если да, то не потребуется ли им помощь при подъеме по лестнице в спальные апартаменты.

Этим конкретным вечером в клубе собралось восемь человек, включая Ангела и Луиса – они расположились в «Президентском номере». Так негласно именовался этот полулюкс; в его стенах как-то раз провел незабвенную ночь один из глав государства за утолением своих потребностей, из которых нужда в пище – лишь одна, и на тот момент не самая важная.

Ужин проходил за круглым столом. Блюда были мясные – оленина, говяжьи стейки, а к ним красное «Дарк хорс» из Южной Африки. С окончанием трапезы, когда подали кофе, арманьяк и бренди для желающих, Луис запер дверь изнутри и выложил перед собравшимися карты и распечатки. Он один раз, в непререкаемой тишине, прошелся по плану. Шестеро гостей вдумчиво слушали. Ангел чутко вглядывался в их лица – не мелькнет ли где сомнение, созвучное его собственному, не проявятся ли какие-то другие признаки неуверенности. Ничего замечено не было. Даже когда пошли вопросы, они были сугубо о деталях. Причины предстоящей операции собравшихся не занимали, как, собственно, и риски. Этим людям за их время и опытность хорошо платили, к тому же они доверяли Луису. К боевой обстановке эти люди привычны и понимали: щедрость оплаты обусловлена именно предстоящими опасностями.

По меньшей мере трое из них – англичанин Блейк, Марш из Алабамы и полукровка Лайнотт, в речи которого слышались акценты всего континента, – являлись ветеранами неимоверного числа международных конфликтов, а их преданность определялась настроением, деньгами и понятиями (обычно именно в этом порядке следования). Двое Харики – Хара и Харада – были, по их словам, японцами, хотя могли предъявить паспорта четырех или пяти азиатских стран. Харики смотрелись типичными туристами с какого-нибудь Гранд-Каньона. Такие с веселой

дурашливостью позируют для камеры и шлют домой фотки с бойкими распальцовками. Оба были миниатюрные и смуглые. Харада носил темные очки. Прежде чем заговорить, он неизменно приподнимал их на переносице средним пальцем – движение, по машинальности сравнимое с нервным тиком. Ангел втайне подумывал: уж не показывает ли азиат собеседнику непристойный жест, прежде чем открыть рот?

Оба Харика смотрелись так безобидно, что вызывали у Ангела глубокую настороженность. О некоторых их проделках он был наслышан, но не знал, верить тому или нет, пока парочка не подкинула ему фильм, от которого, по их словам, они хохотали как помешанные. Из глаз Харики уже загодя струились слезы смеха, стоило им обменяться парой фраз на родном языке – вероятно, по сюжету фильма. Ради собственного психического здоровья название фильма Ангел запоминать не стал, а вот акупунктурные иглы, воткнутые кому-то между веком и глазным яблоком, по которым аккуратненько тенькает чей-то ноготь, остались в памяти надолго. Особенно впечатляло, что это кино шалунишки Харики подкинули Ангелу на Рождество. Ангел был не из тех, кто почем зря клеймит кого-либо в психической извращенности, но этих весельчаков следовало, по его мнению, удавить еще при рождении. Они были, можно сказать, приколом своих мамаш за счет окружающего мира.

Шестым членом команды стал Вайс, высокий швейцарец, успевший в свое время послужить гвардейцем у папы римского. У них с Лайноттом наблюдалось что-то вроде междоусобицы – во всяком случае, судя по тому, как они меж собой переглянулись, когда поняли, что им выпало вместе не только отужинать, но и участвовать в общем деле. Для Ангела это была еще одна причина напрячься. Такого рода трения, особенно в маленькой группе, имеют свойство легко распространяться и сказываться на всех. Тем не менее все эти люди знали друг друга хотя бы по репутации, и вот Вайс с Блейком уже увлеченно перебирали общих знакомых, живых и мертвых, а Лайнотт, похоже, нашел какой-то общий интерес с обоими Хариками, что вызвало у Ангела подозрения насчет всех троих.

К концу вечера команды были распределены: на Вайсе с Блейком – северный мост, на Лайнотте с Маршем – южный. В задачу обоих Харики входило опекать дорогу меж двумя мостами, перемещаясь туда-обратно с регулярными интервалами. При необходимости они должны были поддерживать одну из групп «мостовиков» или же держать мост лично, если одной из команд потребуется перейти через реку для поддержки отхода Ангела с Луисом.

Выдвигаться решили на следующий день, группа за группой,

останавливаясь в согласованных мотелях ближе к месту назначения. Незадолго до рассвета, когда каждая команда займет места, Ангел с Луисом переходят через Рубо и ликвидируют Артура Лихагена, его сына Майкла и любого другого, кто окажется на пути к данной цели.

После отъезда гостей и проверочного сеанса связи Ангел с Луисом расстались. Ангел возвратился на квартиру, а Луис отправился в сторону центра к лофту, расположенному в районе Трайбека<sup>[17]</sup>. Здесь он поднял еще один, заключительный бокал вина с супружеской парой Эндаллов, Абигейл и Филипом – типичной зажиточной четой лет под сорок. Впрочем, слово «типичный», учитывая избранное ими поприще, здесь можно употребить сугубо условно. Сидя за столом, Луис еще раз прошелся по первоначальному плану, но уже с учетом вариаций. Эндаллы в колоде Луиса были джокерами. Убирать Лихагена на пару с одним лишь Ангелом он не собирался. И до прибытия остальных команд Эндаллы должны будут уже дожидаться на землях Лихагена.

\* \* \*

Той ночью Ангел в темноте лежал без сна. Луис это почувствовал.

– Чего? – тихо спросил он.

– Ты не сказал им о пятой команде.

– Им это необязательно. Кроме нас, никто не знает всех деталей.

Ангел не откликнулся. Луис зашевелился, и на прикроватном столике зажегся ночник.

– Да что с тобой такое? – с сердитым недоумением спросил Луис. – Ходишь эти два дня как потерявшийся пес.

– Это неправильно, – поворачиваясь к партнеру лицом, сказал Ангел. – Я, само собой, пойду, но это неправильно.

– Что неправильно – устранять Лихагена?

– Нет. Неправильно то, как ты это обставляешь. Фрагменты не стыкуются должным образом.

– Ты о Вайсе с Лайноттом? С ними все будет в порядке. Им все равно караулить на разных концах.

– Дело не только в них. А в том, что команда у нас маленькая, да и в истории Хойла есть дыры.

– Какие именно?

– Пальцем ткнуть не могу, но общая картина кажется не до конца проверенной.

- Все сказанное Хойлом подтвердил Гэбриел.
- Что у них с Лихагеном вражда? Ах, какое откровение! Думаешь, это достаточное основание для того, чтобы убить чью-то дочь и скормить ее свиньям? Чтобы выложить предоплату в полмиллиона за головы двоих человек? Не нравится мне все это. Впечатление такое, будто и Гэбриел что-то недоговаривал. Ты сам это сказал после разговора с ним. А тут еще Блисс...
- Информации, что он где-то там, у нас нет.
- Я это нюхом чую. Детку Билли он уже чикнул.
- Ты превращаешься в старую каргу. Скоро уже начнешь говорить, что не мешало бы завести кошку и сидеть со спицами, укрывшись пледом.
- Помяни мое слово: что-то идет не так.
- Если тревожишься – оставайся дома.
- На это я пойти не могу, ты знаешь.
- Ну тогда засыпай, сделай милость. Не хочу, чтобы ты завтра был еще сварливей, чем сейчас.

Луис погасил свет, оставив Ангела впотьмах. Ангел все никак не мог заснуть, а у Луиса это получилось в два счета. Можно сказать, дар: ничто не вставало на пути между ним и отдыхом. Эту ночь Луис спал без сновидений, во всяком случае ничего из них не помнил, а когда перед самым рассветом проснулся, рядом наконец-то спал Ангел, а у Луиса ноздри были заполнены запахом гари.

\* \* \*

Их звали Ольдермен Ректор и Атлас Григгс. Ольдермен был из Онейды, штат Теннесси. В этом городишке он еще ребенком видел, как полиция и штатские охотились однажды за негрityнским бродягой, случайно сошедшим с товарняка не на той станции. За улепетывавшим бедолагой гонялись по лесу, а после часовой погони его изрешеченное пулями тело проволокли по грязи и бросили возле станционного домика на всеобщее обозрение. Мать нарекла своего сына Ольдерменом<sup>[18]</sup> наперекор белым, все делавшим так, чтобы по жизни ему этого звания не носить никогда, и постоянно учила мальчика, как важно всегда быть опрятно одетым и никогда не давать людям, черным или белым, повода относиться к тебе с неуважением. Вот почему, когда Григгс застал его на петушиных боях, Ольдермен был разодет в канареечно-желтый костюм, кремовую рубашу и полыхающий огненным языком темно-оранжевый



галстук; на ногах красовались двухцветные, кремовые с коричневым, туфли, а на голове плотно, как шляпка на гвозде, сидело желтое канотье с красным пером за ободом ленты. Лишь вблизи можно было различить, что на пиджаке пятна, ворот рубахи основательно потерт, галстук в морщинах из-за того, что уже не держит эластик, а из швов туфель застывшими пузырьками проступает сапожный клей. Костюмов у Ольдермена было всего два, желтый и коричневый, и принадлежали они, в общем-то, покойникам (и тот и другой Ольдермен успел перекупить у вдов непосредственно перед тем, как на их прежних владельцев опускалась крышка гроба), но, как он нередко указывал Григгсу, эти два костюма – гораздо большее в сравнении с тем, чем владеет уйма других людей, вне зависимости от цвета кожи.

Ольдермен (по фамилии – Ректор – его никто не называл, как будто данное при крещении имя и впрямь стало титулом, который по жизни ему заказан) роста был выше среднего и так тощ, что вид имел прямо-таки как у мумии. Смугло-желтая кожа пергаментом обтягивала кости, и лишь тонкая подкладка плоти указывала на то, что Ольдермен все-таки чуть более, нежели живой труп. Ввалившиеся глаза утопали в глазницах, а скулы проступали так, что казалось, вот-вот прорвут кожу, когда он ест. Волосы вились мягкими темными кудряшками, теперь уже седыми, а большей части зубов с нижней левой стороны Ольдермен лишился в ходе мордобоя, устроенного какой-то кодлой белого жлобья в Арканзасе. Теперь челюсти смыкались несколько косо, придавая Ольдермену вид человека, только что озадаченного какой-нибудь неуютной новостью. Говорил он всегда тихо, вынуждая собеседников невольно приближаться к себе, чтобы расслышать, и это иной раз выходило им боком.

Ольдермен был, может, и не силен, но зато проворен, сметлив и безжалостен, когда желал причинить кому-то урон. Ногти он специально отращивал длинные и острые, чтобы по максимуму поражать глаза. Так в разное время он голыми руками сумел лишить зрения двоих. Под ремешком часов Ректор держал нож с выкидным лезвием: ремешок был достаточно туг, чтобы перо держалось на месте, и свободен настолько, чтобы в долю секунды нож оказывался в ладони. А еще он питал слабость к небольшим пистолетам, в основном двадцать второго калибра: их легче прятать, и они самые смертоносно эффективные вблизи. А Ольдермену нравилось убивать так, чтобы жертва, погибая, делала это вблизи его лица, дабы чувствовалось дыхание.

К женщинам Ольдермен относился уважительно. Когда-то он был женат, но та женщина умерла, и с той поры он жил бобылем.

Проститутками он не пользовался; не путался с женщинами легкого поведения и не одобрял этого в других. По этой причине Ректор едва терпел Дебера, который был сексуальным изувером и серийным эксплуататором женщин. Но надо признать: Дебер умел ввинчиваться в дела и ситуации, дающие возможность обогатиться, словно змея или крыса, что за добычей полакомей проникают сквозь любые щели и дыры. И деньги, перепадающие с этого Ольдермену, позволяли ему потакать своему единственно подлинному пороку: азартным играм. Здесь Ольдермен не знал удержу. Эта страсть поглощала его, и именно через нее этот весьма неглупый человек, иной раз проворачивавший вполне недурственные делишки, кончил тем, что в его владении остались лишь два костюма, принадлежавшие некогда другим людям.

Григгс, в противоположность Ректору, особым умом и утонченностью не отличался, но был предан, надежен и обладал недюжинной силой и храбростью. Ростом он был не намного выше Ольдермена, зато весил больше килограммов на тридцать. Круглую голову словно очертили циркулем, маленькие уши плотно прилегали к черепу, а черная кожа имела красноватый оттенок (если приглядеться на соответствующем свете). Дебер доводился Григгсу кузенom, и они с ним имели обыкновение арканить женщин по городам и поселкам, через которые проезжали. В Дебере присутствовало своеобразное обаяние, хотя упырь в нем залегал неглубоко, а Григгс брал внешностью симпатичного битюга, так что вместе они составляли неплохую пару. Восхищение кузенom заставляло Григгса смотреть сквозь пальцы на его менее приглядные стороны, в частности на жестокое отношение Дебера к женщинам: побои, порой до крови и отключки. Взять хотя бы ту ночь, когда он убил женщину, с которой жил. Ее изломанное тело, беспомощно лежащее в проулке за винным магазином, с задранной юбкой и виднеющимся голым низом живота, Дебер терзал даже тогда, когда она умирала.

В старое овощехранилище, где размещалась арена петушиных боев, Григгс прибыл как раз к последнему раунду. Стоял август, почти конец сезона, и птицы, что выжили, были испещрены отметинами предыдущих схваток. Белые лица здесь даже не проглядывали. Внутри сарая стояла такая духота, что большинство присутствующих успели раздеться до пояса и в попытке охладиться пробавлялись дешевым пивом из ведер, доверху наполненных льдом, успевшим превратиться в воду. Густо и жарко пахло потом, мочой и петушиной кровью, разбрызганной по сараю и впитавшейся в земляной пол бойцового круга. Из всех жаре был не подвержен, казалось, один лишь Ольдермен, сидящий на бочке

в созерцании арены. В левой руке он сжимал тоненький сверток купюр.

Двое владельцев закончили подтачивать своим птицам железные шпоры и ступили на круг. В ту же секунду тон и громкость людского гомона изменились. Зрители спешили поскорей определиться со ставками – иначе до кона не успеть; обменивались меж собой жестами и выкриками, проверяя, что их ставки зафиксированы. Олдермен во всем этом не участвовал. Свою ставку он уже сделал – какую именно, он не разглашал до самого последнего момента.

Владельцы присели каждый со своей стороны бойцового круга. Их петухи, чуя, что схватка неминуема, напряженно поклевывали воздух. Птиц, как водится, представили друг другу – при этом у обоих от инстинктивной ненависти взъерошились шейные перья – и выпустили на круг. В ходе поединка Григгс пробирался сквозь густо дышащую чащу тел, попутно замечая хлопанье крыльев, молниеносные удары шпор и то, как брызги петушиной крови, рассеиваясь, попадают на руки, грудь и лица зрителей. Вон кто-то, не отрывая глаз от схватки, машинально слизнул с губ теплую кровь.

Через какое-то время один из петухов – золотисто-рыжий задира – получил шпорой в шею и начал ослабевать. На минуту владелец его вынул, подул на голову, чтобы привести в чувство, сосал с клюва кровь и снова выпустил в схватку. Но было件нятно, что песенка этого бойца уже спета. Держался он вяло, на броски противника никак не реагировал. Последовал отсчет, после чего бой объявили законченным. Хозяин побежденного петуха взял квелого питомца на руки, печально на него поглядел и свернул ему шею.

Олдермен на своем бочонке не пошевелился, из чего можно было сделать вывод: вечер для него не удался.

– Вот же хрень, – прошелестел он горьким шепотом, словно читал заупокойную молитву. – Хрень сплошная.

Григгс прислонился к стенке и закурил, отчасти для того, чтобы отгородиться от запаха этого вертепа. Петушиными боями он не увлекался. Азартные игры не про него, да и вырос он в городе, так что это место для него малосимпатично.

– А у меня для тебя новость, – сообщил он. – Да такая, что, глядишь, тебя взбодрит.

– Хм, – спесиво, ноздрями выдохнул Олдермен.

На Григгса он не взглянул, а начал вместо этого пересчитывать свои деньги, словно в надежде, что перебирание купюр пальцами приумножит их число или неожиданно выявит между однерками и пятерками случайно

затесавшуюся двадцатку.

– Паренек, что кокнул Дебера. Похоже, я знаю, где он приткнулся.

Ольдермен закончил счет и сунул купюры в потрепанный кожаный бумажник, а бумажник поместил во внутренний карман пиджака, застегнув его на пуговку. Паренька они искали уже два с половиной месяца. Первым делом попробовали наехать на женщин в лачуге, прикатив туда на своем побитом, громоздком, как чемодан, старом «Форде». Там приятели, щерясь улыбками, повели разговор, состоящий в основном из многозначительных намеков на расправу. Но перед ними на крыльце каменно встала бабка парнишки, да еще вышли с лентой из-за деревьев трое мужчин из местных. Короче, пришлось уехать несолоно хлебавши.

К тому же это бабье, даже если б и знало, то ничего бы им не выдало даже с ножом у горла. Это Ольдермен, стоя перед открытой дверью, прочел в глазах той властной пожилой женщины, что встала, уперев руки в бедра, и вполголоса проклинала их за то, что у них на уме. Как и шериф Вустер, Ольдермен о свойствах этой женщины слышал немало: то была не простая божба, направленная против них. Вообще-то не верящему ни в бога, ни в черта Ольдермену все это было побоку, но он благоговел перед самими манерами этой женщины и испытывал к ней уважение даже тогда, когда высказывал ей их с Григгсом недобрые намерения, которые они без колебаний осуществили бы ради успешного поиска того парнишки.

– Ну так где же он? – спросил Ольдермен.

– В Сан-Диего.

– Мать честная, далеко-то как от родимых мест. И как ты разузнал?

– Из уст в уста. Повстречал кое-кого в баре, пошла беседа, всякое такое, ну ты сам знаешь. Тот парень слышал, что мы ищем юного нигера, и смекнул, не срубить ли на этом денег. Сказал, что примерно такой парнишка с пару месяцев назад всплывал в Сан-Диего, искал там работу. И нашел, на кухне при забегаловке.

– У того парня есть имя?

– Парень белый, по имени не назвался. О мальчишке прослышал от одного кабатчика, у него бар в том же самом захолустье, где жил мальчишка. Ну, я кое-кого пообзванивал, попросил сходить поглядеть, что там за поваренок работает. По приметам так вроде совпадает, более-менее.

– То-то и оно, что более-менее. Слишком долго добираться: а вдруг окажется, что не он?

– Там Дель Мар. И до Тихуаны недалеко. Да он это, он. Я нутром чую.

Ольдермен встал с бочонка и потянулся. А что, здесь их ничего особо не держит, а парнишке от них причитается. Дебер был уже близок

к сведению счетов, а его смерть все здорово перемешала. Без Дебера они с Атласом, можно сказать, прозябают. Им бы спаяться с кем-то новым, у кого нюх на навар, но тут, как назло, стали расползаться слухи о том, что тот малый учудил с Дебером, и Ректору с Атласом уже не оказывалось должного почтения. А потому надо сначала посчитаться с тем малым, и тогда, глядишь, можно будет снова начать делать деньги.

Той ночью напарники напали на мелкий семейный магазинчик и выгребли из кассы семьдесят пять долларов. Когда Григгс приставил к горлу женщины нож, ее муж достал из коробки в кладовой еще сто двадцать. Тех мужа с женой подельники оставили связанными в подсобке и ретировались, вырвав перед уходом из стенки телефонный провод. У Ольдермена поверх костюма было надето старое серое пальто, а на головах у обоих, чтобы скрыть лица, торчали колпаки из мешковины. Машину перед налетом припарковали в сторонке, так что здесь шито-крыто. И вообще все далось легко; с Дебером раньше, случалось, выходило куда заковыристей. Он бы, например, почти наверняка изнасиловал на глазах у мужа ту бабенку – знай, мол, наших.

Возле Абилина подельники притормозили и зашли в бар, принадлежавший одному старому знакомому Григгса. Здесь один тип, звали которого Пурбридж Дантикэт, отпустил как-то шуточку насчет «отвала башки» у Дебера, хотя знал, что Ольдермен и Григгс с ним друзья. Так вот в этот раз напарники подкараулили его на парковке, и Григгс так этого Пурбриджа отжучил, что у того челюсть вместе с одним ухом осталась висеть буквально на ниточке. Пусть другим неповадно будет. Не умеете уважать добром – постигайте через кулаки.

«А ведь все это из-за Дебера, – размышлял досадливо Ольдермен по мере их продвижения на запад. – Я к нему никогда и симпатии не питал, а теперь вот приходится ехать днями и ночами, чтобы прикончить мальчишку, а все из-за того лишь, что Дебер не мог себя сдержать со своей бабой, паршивец». Ну что ж, мальчишка поплатится, а для всех это будет примером, какие они с Атласом серьезные люди. С такими не пошutiшь. По-другому и нельзя. Бизнес, он на то и бизнес.

\* \* \*

Закусочная стояла на бульваре Националь, неподалеку от порнотеатра «Киска». Свою жизнь «Киска» отсчитывала с 1928 года, когда именовалась театром Буша; затем на разных этапах своей истории она попеременно

звалась то «Националем», то «Аболином», то даже «Парижем», пока наконец в шестидесятые не примкнула к эротическому мейнстриму. Всякий раз, когда Луис в шестом часу утра приходил на работу, «Киска» безмолвствовала и спала, как наблудившаяся за ночь старая шлюха, но ко времени, когда он уходил, – тоже в шестом часу, только уже вечера, – под гостеприимные своды «Киски» уже начинал стягиваться не скудеющий поток из мужчин, про которых хозяин закусочной, югослав мистер Васич, неоднократно замечал: «Ни один из них там не засиживается дольше, чем на мультик».

В обязанности Луиса по «Трапезной № 1 Васича» (именно так гласила изжелта-розовая неоновая вывеска над дверью) входило все, что обеспечивало ее функционирование, кроме разве что самой готовки и сбора денег с клиентов. Он мыл, драил, чистил, шелушил. Помогал вносить продукты и выносить мусор. Следил, чтобы в туалетах было чисто, а в кабинках имелась бумага. За это Луису выплачивались минимальные \$1,40 в час, из которых мистер Васич вычитал еще двадцать центов за жилье и кормежку. Работал Луис шестьдесят часов в неделю, кроме воскресений, хотя по желанию мог выходить еще и на пару часов в воскресенье утром – это уже «мимо бухгалтерии», – за что получал от мистера Васича ровно по пять долларов без разговоров. Луис выходил. Брал сверхурочные. Из заработанного он тратил немного (скажем, время от времени позволял себе выход в кино), потому как мистер Васич хорошо кормил его в закусочной и сдавал на втором этаже комнату с санузлом через коридор. Из комнаты, где Луис жил, прямого спуска в закусочную не было, а остальные комнаты использовались как кладовые и хранилища под разномастную и поломанную мебель, к самой закусочной имеющую лишь опосредованное отношение.

По прошествии двух недель Луис сел на автобус до Тихуаны и после двухчасовых шатаний по улицам набрел на небольшой магазинчик возле Санчеса Табоды, где в конечном итоге приобрел «Смит-Вессон эйрвейт» тридцать восьмого калибра и две коробки патронов. Улыбчивый продавец за прилавком посредством ломаного английского и нехитрой демонстрации показал, как опустошать барабан и оттягивать стержневой выбрасыватель для доступа к его центральной пластине. От револьвера приятно пахло новизной, а продавец в придачу дал Луису щеточку и баночку с оружейным маслом, чтобы содержать оружие в образцовом порядке. Сделав эту покупку, Луис стал искать место, где можно взять сэндвич, но все пекарни и хлебные магазины здесь были закрыты (наверное, из-за того, что на складе хлебозавода в Мехикали рядом с мукой держали пестициды, что

привело к гибели нескольких детей), и Луис перед возвращением в Соединенные Штаты удовольствовался половиной цыпленка на жухлом листе салата.

В одной из бесхозных комнат мистера Васича он нашел старый велосипед и оплатил замену шин и цепи. В следующее же воскресенье Луис уложил в сумку бутылку воды, сэндвич и пончик из закусочной, несколько пустых лимонадных бутылок, а также свой «Смит-Вессон» и покатыл на запад, оставляя город позади. За городской чертой велосипед Луис укрыл в кустарнике и пошагал в сторону от дороги, где через какое-то время набрел на укромный ложок, усеянный внизу камнем и щебнем. Здесь он с час провел за стрельбой по бутылкам, заменяя их на камни после того, как от них оставались одни осколки. Настоящее боевое оружие парнишка держал в руках, а уж тем более стрелял из него, впервые, однако быстро приноворился к его весу, издаваемому звуку и отдаче. По своим мишеням Луис палил в основном с дистанции не больше пяти-шести метров, считая, что когда дойдет до дела, большего расстояния для его пистолета и не понадобится. Наконец, оставшись довольным и собой, и своим знанием оружия, битое стекло парнишка закопал, тщательно собрал стреляные гильзы и тронулся обратно в город.

\* \* \*

Ожидание подошло к концу теплой, тихой августовской ночью. Проснулся Луис от поскрипывания половиц в коридоре. За окном по-прежнему стояла темнота, и было ощущение, что он проспал не так уж долго. Непонятно, как они сумели подобраться неслышанными столь близко. Снизу к комнатам второго этажа вела хилая деревянная лестнка с правой стороны здания, а главную дверь по требованию мистера Васича Луис постоянно держал закрытой. Тем не менее он не удивился, что его в конечном счете разыскали. Гэбриел сказал ему, что это так или иначе произойдет, и Луис знал, что его слова правда. Он в одних трусах выскользнул из-под простыни и до своего «Смит-Вессона» добрался как раз в тот момент, когда дверь в комнату распахнулась от пинка и в проеме появился круглоголовый толстяк, за спиной которого маячил кто-то еще, худее и мельче.

В руке толстяк держал какой-то длинноствольный пистолет, но на юношу он направлен не был, во всяком случае пока. Луис поднял оружие. Рука у него дрожала – не от страха, а от внезапного прилива

адреналина. Но человек у двери, похоже, истолковал это по-своему.

– Все верно, мальчик, – сказал Григгс. – Ствол у тебя есть, только вот убить человека в упор не так-то просто. На самом де...

«Смит-Вессон» Луиса грохнул, и из дыры в груди Григгса стрельнул фонтан темной крови. Делая шаг вперед, Луис снова спустил курок, и от второго попадания – на этот раз в шею – Григгс повалился назад, чуть не прихватив с собой и Ольдермена Ректора. Ольдермен стрельнул из своей миниатюрной «двух-двушечки», но вышло наобум, и пуля угодила в оконную раму справа от Луиса. Ствол в руке парня больше не трясся, и следующие три пули плотной подковкой, с зазором меньше сомкнутого кулака, впились Ольдермену в середину туловища.

Свой пистолетик Ольдермен выронил и нелепо повернулся, правой рукой зажимая раны и стараясь устоять у стенки. Он еще проделал пару шагов, но ноги подогнулись, и Ольдермен плашмя грянулся на живот – прямо на свои раны, – застонав от нестерпимой боли. Затем он пополз к двери, по-черепашьи загребая руками, а ногами отталкиваясь от трупа Григгса. Сзади слышались шаги. Последнюю пулю Луис всадил Ольдермену в спину, и шевеление прекратилось.

Луис неотрывно смотрел на «Смит-Вессон» в своей руке. Дыхание рвалось из груди; сердце стучало так, что гнулись прутья ребер. Парень вернулся в комнату, оделся, спешно собрал сумку. Времени ушло совсем немного: он ее толком никогда и не распаковывал, понимая, что придет срок, и надо будет снова выдвигаться, – при условии что удастся выжить. Пока вот удалось. Луис перезарядил револьвер (вдруг эти двое пришли не одни) и, переступив через неподвижные тела, направился к концу коридора. Здесь он остановился и прислушался, вслед за чем осторожно выглянул на двор. Движения внизу не наблюдалось. Там стоял выдавший виды «Форд» – обе передние дверцы открыты, внутри никого.

Луис сбежал по лестнице и повернул за угол. Здесь-то ему и прилетело кулаком в левый висок. Ослепленный болью парень свалился наземь, но и при этом рука силилась поднять ствол. Впрочем, под наступившим на запястье ботинком сделать это было затруднительно. Пальцы вскоре разжались, и «Смит-Вессон» выпал. Чьи-то сильные руки схватили Луиса за перед рубашки и взнуздали на ноги, а затем властно задвинули обратно за угол, к лестнице. Натолкнувшись икрами на нижнюю ступеньку, Луис вынужден был сесть. Из этого положения он впервые разглядел нападавшего: белый, под метр восемьдесят, короткая стрижка, как у солдата или у копа. Темный костюм с галстуком, светлая рубашка, правда, теперь с пятнышками Луисовой крови.



А за ним стоял Гэбриел.

Глаза у Луиса слезились, но он не хотел, чтобы эти двое видели его слезы.

– Они мертвы, – выдавил он.

– Конечно, – сказал Гэбриел. – А как же еще.

– Вы шли за ними следом.

– Я узнал, что они едут сюда.

– И вы их не остановили.

– Я верил в тебя. И оказался прав. Тебе никто не понадобился. Ты сам с ними сладил.

Где-то вдали прорезались полицейские сирены. Их завывание становилось все слышней.

– Как долго, ты думаешь, у тебя получится бегать от полиции? – требовательно спросил Гэбриел. – День, два?

Луис молчал.

– Мое предложение все еще в силе, – напомнил Гэбриел. – И даже чуточку сильнее после твоей сегодняшней демонстрации способностей. Ну так что: газовая камера в Сен-Квентине или я? Выбирай, только побыстрее. Время не ждет.

Луис не сводил глаз с Гэбриела, прикидывая, как он мог здесь очутиться в решающий момент. Понятно, что сегодняшняя ночь была испытанием, но неизвестно, сколько тут мог подстроить Гэбриел. Кто-то мог сказать тем людям, где Луис находится; выдать его им. Хотя опять-таки, могло быть и просто совпадение.

Тем не менее Гэбриел стоял здесь. Он знал, что эти люди рано или поздно придут, и хотел видеть, чем это обернется. Теперь он предлагал помощь, а Луис не знал, можно ли ему доверяться.

Между тем смотрел на него и Гэбриел – вглядывался цепко, словно читая его мысли.

Луис встал. Кивнул, подобрал сумку и последовал за Гэбриелом к автомобилю. Шофер подобрал «Смит-Вессон», и Луис его больше никогда не видел. К моменту прибытия полиции они уже двигались на север, а паренек, что работал в закусочной и оставил на полу у мистера Васича два трупа, перестал существовать, оставшись разве что в маленькой, потаенной части собственной души.

## Глава 14

Вскоре после завтрака выдвинулись на север. На хвосте никто не висел. По выезду из города Луис пустил в ход всю тактику уклонения, которой владел: внезапные остановки, двойные петли и лисьи следы, использование тупиков и извивов окольных дорог по пригородным зонам. Никакой систематики в едущих следом машинах замечено не было ни им, ни Ангелом. В конце концов напарники сошлись на том, что город они оставили, не обремененные излишним вниманием.

Ночной разговор ни одним из них не упоминался: что толку его сейчас эксгумировать. Все было как всегда во время долгой дороги: то молчание, то вдруг оживление за счет спонтанных замечаний. Темы самые разные – о музыке, бизнесе, об увиденном-услышанном.

– Филадельфия, – бубнил сейчас Ангел. – Город братской любви... Ага, куда там. Ты же помнишь Джека Уэйда?<sup>[19]</sup>

– Ну а как же. Кактусовый Джек?

– Да нет, ну нельзя так говорить. Просто у него кожа такая – его-то вины в этом нет. Так вот он однажды в Филли хотел помочь старушке перейти через улицу, так она ему за это коленкой в пах. Еще и кошелек, кажется, подрезала.

Луис укоризненно цыкнул.

– Вот тебе и все братство. Город, значит, такой. Недружелюбный.

Ангел смотрел, как мимо катится пейзаж.

– А вон там что? – спросил он.

– Где?

– Да на востоке. Массачусетс?

– Вермонт.

– Хорошо хоть не Нью-Гемпшир. А то там, не ровен час, шальную пулю можно схлопотать за просто так, прямо из кустов. Я когда по Нью-Гемпширу проезжаю, всегда волнуясь. Поглядываю.

– Да, там народишко крутой. И из какого места он только плодится.

– Крутой, а еще тупорогий. Они ж, ты слышал, отказались принимать закон о пристегнутых ремнях?

– Где-то читал.

– Реально. В Нью-Гемпшире если берешь напрокат машину, заводишь и забываешь пристегнуться, так там в динамике не пикает – «пик-пик», – а наоборот.

- Что значит «наоборот»?
- А то, что если попробуешь, наоборот, пристегнуть ремень, то динамик вещает: «Ну вот, теперь еще и член прищеми с яйцами».
- А что, свобода или смерть.
- Ну да. Хотя я думал, это лозунг борьбы с тиранией, а не про какого-нибудь там идиота, который по лоховитости въезжает в тебя на своем «Приусе»: «Ой, тормозной путь не рассчитал».
- Зато бензин у них дешевый.
- Бензин да, дешевый. И бухло. И ствол достать легче легкого.
- Н-да, – вздохнул Луис. – Ума не приложу: и кому бы это все мешало? Так нет же, и это у них наперекосяк.

Невдалеке от Шамплейна съехали с федеральной автострады. У Муэрса взяли вправо и поехали через Форкс, затем пересекли Грейт Чейзи, в этом месте больше похожую на ручей. Придорожные городки перетекали один в другой. Волонтерские пожарные депо, кладбища; старые брошенные заправки на пересечениях, с некоторых пор сменившиеся на въездах величественными сооружениями, озаренными огнями; музейного вида бензоколонки, стоящие древними солдатами на давно забытых постах.

Одни места смотрелись более, другие менее зажиточно, хотя, если вдуматься, все это относительно: то тут, то там виднелись объявления о продаже всего подряд – машин, домов, магазинов, офисов с заклеенными бумагой окнами и без намека на то, чем они занимались раньше. На слишком, слишком многих домах облупилась краска, слишком многие газоны и лужайки были замусорены внутренностями распотрошенных на запчасти машин и брошенными конечностями поломанной мебели. Встречались места, которых словно не было вовсе. Некоторые городки существовали, казалось, лишь по прихоти воображения своих планировщиков; шуткой на карте, шаржем на реальность, кульминацией так и не досказанного анекдота. На крылечках и во дворах светились хэллоуиновские тыквы, но не весело, а как-то сиротливо. Призраки плясали вокруг старого раскидистого вяза, и ветер трепал их силуэты в саванах.

Хлебнуть кофейку остановились в Чурубуско, у местечка под названием «*Сельмаг и музторг Дика*» – в основном из-за того, что приглянулась рекламная вывеска: «*500 гитар, 1000 стволов*». Ангел решил, что это кто-то прикалывается, но «Дик» оказался вполне себе настоящим: справа от двери находилась небольшая лавчонка с холодильником, забитым мормышем и прочей наживкой, а слева были два отдельных входа. Первый вел в гитарно-ударно-аппаратный отдел – здесь

среди инструментов, «примочек» и усилителей сидел на полу сумрачный патлатый юноша и в свете гаснущего солнца ковырял на неподключенном черном «Гибсоне».

Между тем второй ход вел в пару смежных комнат, где в широком ассортименте были представлены дробовики, пистолеты, ножи и боеприпасы, а за прилавком бдели двое серьезного вида мужчин – один постарше, другой помладше. На щите было вывешено предупреждение о том, что в штате Нью-Йорк разрешение на оружие требуется даже для того, чтобы его купить, а не то что им владеть. По соседству со щитом какая-то сдобная дама заполняла бланк на четырехсотдолларовый пистолет.

– Я не себе, – неведомо кому пояснила она. – Я в подарок.

– Это можно, – степенно кивнул продавец постарше, причем неясно, относилось это к законности покупки или к характеру подарка.

Ангел с Луисом задумчиво переглянулись и пить кофе возвратились в машину. После чего поехали дальше на север. На холмах к западу раскинулась ветровая электростанция – безлюдная, с безжизненными лопастями ветряков. Похоже на игрушки, брошенные потомками каких-нибудь великанов.

– Странная часть страны, – поделился наблюдением Ангел.

– И вправду.

– Из них наверняка тьма-тьмущая не голосовала за Хилари.

– Из нас тоже тьма-тьмущая за нее не голосовала.

– Ну да, пятьдесят процентов. А я ее все равно любил и буду любить.

На подъезде к Берку стали попадаться первые машины погранслужбы США, характерного коричневого цвета, и Луис на всякий случай стал подтормаживать, хотя ехали с превышением не больше десяти километров в час. В наступающих сумерках чуть не пропустили поворот направо на 122-ю автостраду, а затем лишь закрытая территория кемпинга, на границах которой громоздились перевернутые мусорные баки, предупредила о скором повороте на 37-е шоссе. Слева постепенно вырос перст трубы так и не достроенного когда-то дома, теперь медленно утопающего под зеленым натиском растительности, и вот примерно в тридцати километрах от Массены начали появляться мотели, а также казино и табачные лавки могавков. Указатель возвещал, что отсюда всего одна миля до канадской границы. Еще один знак – растянутый по стенке фактории транспарант – объявлял, что «Здесь земля Могавков, а не Нью-Йорков».

Значит, уже близко.

Остановку сделали в Массене, заехав в неприметный мотель и взяв

отдельные номера. Луис сразу же лег спать, а Ангел у себя еще какое-то время смотрел телевизор на минимально возможной громкости, чутко слыша шум въезжающих на стоянку машин, голоса, видя присутствие анонимных фигур в сгущающемся сумраке. По натуре Ангел был «совой», так что к ночи чувствовал себя вполне комфортно, а вот с утра тяжеловато. Наконец он заставил себя выключить телевизор и улечься в кровать. Какое-то время он проспал, а пробудился, когда часы на прикроватной тумбочке вот-вот готовы были грянуть побудку на рубеже 4:00 – он едва успел их вовремя пригасить.

Когда Ангел появился из мотеля, Луис уже ждал в машине. Меж собой они не обменялись ни словом, внимание при выезде из Массены сосредотачивая на дороге, темноте и на предстоящей работе.

## Глава 15

В каких-нибудь восьми километрах западнее Массены Луис повернул на юг. Еще через десяток километров напарники миновали ряд подковообразных водоемов со стоячей водой, а также ветшающие полуразрушенные промышленные сооружения – единственное, что осталось от тальковой шахты Лихагена. Дальше находились развалины Уинслоу, которые постепенно возвращала в свое лоно природа. В мутноватых предрассветных сумерках их видно не было, но Луис знал, что они там. Он видел их на фотоснимках Хойла и запомнил местонахождение досконально, как и положение двух необозначенных дорог, изгибающихся через речку Рубо на юго-запад во владения Лихагена.

К первому пересечению напарники подъехали вскоре после того, как дальномер показал отметку «двадцать пять километров». Здесь висела табличка «частные владения», а дорога вела к первому мосту через Рубо. Луис поехал медленней. Справа из древесной поросли один раз мигнул фонарик: обозначили свое присутствие Лайнотт с Маршем. Луис с Ангелом проехали по дороге еще километров пять и добрались до второго моста. Откуда-то из чащи им снова посигналили: Блейк и Вайс.

Тем временем Эндаллы вошли на территорию Лихагена под покровом темноты вскоре после полуночи и пешком пробрались к развалинам старых коровников, чтобы оттуда наблюдать за особняком Лихагена и дожидаться прибытия Ангела с Луисом. Как и с тремя первыми парами, от начала операции связи с ними не было. Да и ладно. Каждый и так знает, чем ему заниматься. Телефоны, безусловно, были бы в помощь, но здесь от них проку никакого.

Единственные, кто пока не прибыл на место, это Хара и Харада. Они все еще в Массене и выедут лишь в назначенное время, когда Ангел с Луисом уже проникнут на территорию Лихагена. Так надо, а иначе миниконвой из машин рискует привлечь к себе нежелательное внимание.

Убедившись, что «мостовики» на местах, Ангел с Луисом пересекли южный мост в земли Лихагена. На дороге не было ни огней, ни каких-либо других машин – вообще никаких признаков движения или жизни. Вокруг по большей части рос лесной массив, так что машину с обеих сторон скрывали деревья, хотя в двух местах попадалась широченная просека – по всей видимости, лихагенский выгон для скота. Километра через три снова потянулась грунтовка, а лес стал редеть. Впереди показался старый

амбар (он тоже был указан на одной из карт и стоял возле брошенной фермы). В нем Ангел с Луисом оставили машину. До гнезда Лихагенов отсюда оставалось не больше километра, и ехать дальше на машине значило нарушить покой его обитателей.

Из оружия Ангел с Луисом взяли по «глоку» и автомату «штейр» на ремне и с глушителем; остальной мобильный арсенал был оставлен в багажнике. «Штейр» прост и эффективен: несмотря на прицельную дальность до двадцати пяти метров, легок в обращении; незаряженный весит всего полтора кило; сила отдачи небольшая, а скорострельность девятьсот выстрелов в минуту. Дополнительно Луис с Ангелом прихватили по запасному рожку на тридцать патронов для «штейров» и по запасной обойме для «глоков».

Впереди находились коровники – два деревянных одноэтажных строения, выкрашенных белой краской. Невдалеке над ними вздымался синий зерновой элеватор уже современной постройки. В ноздри шибал запах навоза. Заглянув в ближний коровник, Ангел сделал вывод, что с увозом скота на убой уборка здесь не проводилась. Луис оглядел коровник, стоящий справа, и когда стало понятно, что оба строения пусты, напарники тронулись дальше, используя строения как прикрытие, пока не вышли к подножию пологого холмика, выходящего на особняк Лихагена меньше чем в полукilометре к западу.

Убирать Лихагена выстрелом с дальней дистанции Луис не стремился уже изначально, даже при всей малоподвижности старика. Это не было Луисовой «коронкой», особенно после повреждения левой руки несколько лет назад, когда они с Паркером действовали в Луизиане. Даже если б рука была на этом набита, нельзя предугадать, потянуло бы старика на свежий воздух конкретно этим утром или нет: ведь все зависит от погоды. Вряд ли старый больной человек позволит себя катать по территории в сырость и холод, тем более что на сегодня обещан проливной дождь.

К тому же помимо Лихагена-старшего предстояло разобраться и с Лихагеном-младшим. Его тоже надо уложить. Если убить отца, но оставить сына, вендетта продолжится. Так что если убирать, так обоих разом. А это значит, устранять их надо в доме – Луис с Ангелом проникают внутрь, а Эндаллы прикрывают. Процесс должен протекать как можно тише, с глушителями, чтобы звуки пальбы не привлекли к происходящему нежелательного внимания. Надежды, впрочем, довольно призрачные. Маловероятно, что и войти, и выйти удастся незамеченными. Скорее всего с территории Лихагена придется потом прорываться с боем. Что ж, во всяком случае действуют они не в одиночку, а с их десятью стволами

людям Лихагена не совладать: не тот расклад.

– Где они? – шепнул Ангел.

Луис пристально оглядел халупу. Здесь у них было обозначено место встречи, однако Эндаллы все еще не появлялись.

– Ч-черт, – тихонько прошипел Луис, прикидывая варианты. – Давай посмотрим на дом, нет ли там каких-то шевелений.

– Ты чего, – взъелся вполголоса Ангел. – Идти без них, что ли, собираешься?

– Да никуда я пока не собираюсь. Просто хочу глянуть на дом.

Теперь ругнулся уже Ангел, но все же двинулся за Луисом к макушке холма. Взгляду открылся дремлющий особняк в окружении белого штакетника. В одном из верхних окон тускло светила лампа, а так в целом сонное царство. За особняком в сторону незримых холмов уходило озеро, черное на темном. Луис, поднеся к глазам бинокль, рассматривал усадьбу. Ангел рядом делал то же самое, хотя его внимание было сосредоточено в основном не на доме, а на брошенных постройках позади, так что, даже глядя на север, он вместе с тем вслушивался, не приближается ли кто-нибудь с юга.

Дом напарники разглядывали уже минут пять, однако Эндаллы так и не показывались. Ангел немного нервничал.

– Нам надо... – начал он, но Луис перебил его поднятой рукой.

– Окно, где свет, – указал он.

Ангел снова поднес к глазам бинокль и едва успел заметить, что именно насторожило Луиса, прежде чем там задернулась белая штора: у окна стояла женщина, и ее сейчас утянул назад мужчина. Блондинка. И Ангел пусть всего на секунду, но успел охватить взглядом ее лицо.

Лоретта Хойл. Покойная дочь Николаса Хойла, сейчас, очевидно, воскресшая из мертвых.

– В прошлый раз, когда мы ее видели, ее вроде как пожирала свинья, – заметил Ангел. – Или нет?

– Именно что да.

– А она ничего себе. И живехонькая.

Между тем Луис был уже на ногах.

– Это подстава, – бросил он. – Уходим.

\* \* \*

Лайнотт с Маршем сидели в своем «Тахо». Выяснилось, что у них,



помимо прочего, есть частичные совпадения в музыкальных вкусах. Марш прихватил с собой айпод, в котором был выход под МРЗ, и теперь они слушали «Voices» Стэна Гетца – альбом, по мнению Лайнотта, для Гетца достаточно проходной, но, тем не менее, успокаивающий, как раз под настроение. Свой внедорожник напарники пристроили чуть в сторонке от просеки и отсюда могли наблюдать за любыми машинами, если б те проезжали мимо, а также за частью моста с другой стороны дороги, сами при этом оставаясь невидимыми из-за деревьев. Шанс их заметить мог быть только у кого-нибудь пешего, если б тот подошел с запада и ощутимо приблизился. Ну а если б он это сделал, ему бы об этом оставалось только пожалеть.

На заднем сиденье лежали одиннадцать пол-литровых бутылок воды, большой термос кофе, четыре магазинных сэндвича, а еще булки и сникерсы. Обо всем этом заранее позаботился, надо отдать ему должное, Марш. Сожалеть Лайнотту приходилось лишь о том, что он воспользовался щедростью товарища и употребил кофе да еще одну бутылку воды из той полиэтиленовой «вязанки».

– Отлить бы надо, – с некоторой неловкостью подал голос Лайнотт. – Ничего, если я в пустую бутылку?

– Ты меня спрашиваешь? Можно подумать, я от писающего в бутылочку мужика упаду в обморок. Да меня если даже дамы об этом просят, я и то не бываю против.

– Это я так, на всякий случай спросил, – сказал Лайнотт. – А то бывают некоторые, которым впадлу при этом сидеть в машине.

– Не, мне не впадлу, особенно когда речь идет о том, что ниже пояса. А хочешь, прогуляйся, поищи себе местечко поукромней.

Лайнотт так и поступил. Неплохо было размять ноги, да и воздух чертовски приятный – прохлада с запахом зеленой листвы и чистой воды. Лайнотт медленно выдвинулся в лес, перпендикулярно углу наклона, стараясь не поскользнуться на влажной земле и не наступить на какую-нибудь ветку. Облюбовав подходящее дерево, Лайнотт вначале обернулся – убедиться, что машина по-прежнему на виду, – и уже затем, сосредоточившись на удовлетворении потребности, расстегнул ширинку. Единственным звуком в безмолвном лесу было бодрое журчание жидкости по дереву и сопровождающий его томный выдох умиротворения.

Внезапно сюда добавился третий звук – бьющегося вдребезги стекла и чего-то среднего между вздохом и кашлем. Лайнотт уловил его мгновенно, и пистолет оказался в его правой руке уже в тот момент, когда левая упихивала в штаны член, успевший некстати пустить внутрь теплую

струйку. Лайнотт сделал два шага, а на третьем был огрет по затылку и умер, не успев даже этого осознать.

\* \* \*

Ангел сдержал себя, не став давить Луису на психику упреками: дескать, я же предупреждал.

Чуть пригнувшись, партнеры продвигались по разные стороны коровников, поводя стволами по пустым, словно выеденным проемам дверей и окон, в готовности отреагировать на малейшее движение выстрелом.

До амбара добрались без приключений. На вид все было без изменений, и закрытые двери скрывали за собой машину. Приостановившись, оба напряженно вслушались: внутри вроде бы тихо. Луис жестом указал Ангелу открыть дверь по счету «три». Чувствуя в желудке тупую боль, Ангел пересохшим языком слизнул с верхней губы испарину, следя, как Луис молча выбрасывает пальцы – «один... два... три!» – и рванул на себя дверь.

– Чисто, – сказал Луис, а затем добавил: – Но хреново.

Одним своим боком машина припала к земле, как кривоватая улыбка, – обе шины справа были пропороты. Окно со стороны водителя выбито, а капот поднят и затем небрежно брошен, оставшись незамкнутым. Луис задержался у двери, а Ангел прошелся по амбару. Признаков движения не угадывалось. От амбара к лесу стелилось голое поле, но, помимо очертаний деревьев, на расстоянии мало что было видно.

Ангел согнулся над капотом и осторожно, чуточку его приподнял. Из кармана он извлек крохотный фонарик, включил его и зажал между зубами, после чего поднял с пола случайную щепку и медленно провел ею по зазору между корпусом машины и капотом. Не обнаружив там никаких проводов, левой рукой приподнял крышку чуть выше, а правой вынул фонарик изо рта и какое-то время оглядывал с его помощью двигатель. Никаких пружин, демпферов или устройств, способных сработать с поднятием капота, тоже не обнаружилось. Тем не менее, перед тем как поднять крышку окончательно, Ангел глубоко перевел дух. Причину он сразу же установил на запах.

– Пожжена панель с предохранителями, – определил он. – Так что эта крошка никуда не поедет.

– Значит, пойдем пешком.

- Может, ребятня порезвилась?
- Ты видел кого-нибудь из местных шпанцов, когда мы сюда ехали?
- Ну так... это ж деревня, сам понимаешь. Может, они попрятались.
- Ну да, из страха перед большими мальчиками из города.

Луис у двери еще раз огляделся, после чего шагнул внутрь амбара, прямоком к багажнику. Прежде чем нажать на кнопку открывания, он, не снимая с нее пальца, поглядел на Ангела.

- Впереди ничего не было, – мотнул головой тот.
- Это обнадеживает. Может, все же на пару шагов отойдешь?
- Отойду, если ты тоже отойдешь.
- Может, я не хочу, чтобы ты тоже рванул со мной на тот свет.
- Хочешь, чтобы кто-то остался здесь по тебе скорбеть?
- Еще чего. Просто не хочу, чтоб ты ошивался там со мной еще и веки вечные. Да отойдешь ты наконец, хрен тебя дери?

Ангел отодвинулся, и Луис надавил на кнопку, при этом едва заметно сощурившись. Дверца багажника распахнулась, и Луис сдавленно выругался. Ангел подошел к нему.

Вместе они расширенными глазами уставились внутрь багажного отсека.

\* \* \*

У Вайса с Блейком музыки в машине не было, а запас общих знакомых давно уже иссяк. Впрочем, их это не заботило. Они были из тех, кто ценит тишину. И пускай ни один вслух в этом не признавался, но обоим друг в друге импонировала невозмутимая молчаливость. Именно неспособность надолго сохранять спокойствие и неподвижность была одной из причин, по которым Вайс не переваривал Лайнотта. В последний раз их пути сошлись в Чаде, где они номинально сражались на одной стороне, но при этом Вайс считал Лайнотта дилетантом, ворюгой и вообще человеком низменной морали. Хотя сам Вайс, признаться, очень уж легко проникался неприязнью – скажем, он уже сейчас начинал подмечать в дыхании Блейка что-то похожее на сопение, что при всей молчаливости напарника решительно выводило из себя. Бесило то, что с этим ничего нельзя поделать, кроме разве что удушить Блейка, а это вроде как перебор, даже для Вайса.

Случайно или нет, но Блейк ощущал к Вайсу примерно то же самое, только в отличие от него не вспыхивал так быстро. Напарник обернулся

к Вайсу.

– Алё, – произнес он, и тут стекло возле головы Вайса взорвалось дождем, буквально оглушив Блейка грохотом дробовика, а самой головы не стало.

Мотнувшееся безжизненное туловище обдало его жаркой красной влагой, но в эту секунду Блейк уже находился ниже уровня окна, крепко ухватившись за дверную ручку и скорчившись вниз, а ствол в его руке палил вслепую; глаза застила кровь Вайса. При этом Блейк знал, что шум и боязнь попасть под его шальные выстрелы помогут выкроить ему несколько критически важных секунд. Видимо, ему повезло: сморгнув чужую кровь, Блейк увидел, как снаружи упал в грязь какой-то тип в зелено-коричневом камуфляжном пончо. Но на созерцании происшедшего Блейк не остановился: сейчас самое главное – продолжать движение. Остановиться равносильно гибели. Голову и плечо пронизывала боль – значит, какая-то часть дробин в него все-таки попала. Но тело Вайса, а также унция везения, связанного с тем, что Блейк сидел чуть дальше своего покойного товарища, уберегла его, похоже, от наихудшего.

На бегу вслед Блейку цвиркали и жахали пули. Одна прошла так близко от левой щеки, что он ощутил ее жар и даже, кажется, увидел серый крутящийся сгусток, пропарывающий воздух. Затем деревья стали гуще, и еще один выстрел из дробовика срезал сук неподалеку от его головы, но Блейк продолжал нестись, лавируя на бегу то влево, то вправо, используя для прикрытия деревья, не давая в себя прицелиться. Слышны были звуки погони, но он не оглядывался. Для этого надо было приостановиться, а остановиться значило попасться преследователям в руки.

Блейк сделал глубокий, всей грудью, вдох, готовясь к рывку, который, возможно, выгородит ему еще сколько-то спасительного времени, но тут его лицо столкнулось с жестким предметом, сломавшим нос и раздробившим зубы. На секунду Блейк снова ослеп, только на этот раз не от крови, а от вспышки белого света. Он рухнул на спину, но и при этом его инстинкт выживания не утратил своей остроты, поскольку, падая, Блейк все равно не выронил пистолет и выстрелил в направлении, откуда пришел удар. Там кто-то надсадно крикнул, и сверху на Блейка, придавив к земле, повалилось тело. Белый свет постепенно угасал, а на его месте разрасталась свежая боль. Между тем тот человек исходил конвульсиями, а изо рта его толчками шла кровь.

Крутнувшись низом и используя совокупный вес себя и нападавшего, Блейк вывернулся из-под умирающего и сбросил с себя это бремя.

Он нетвердо поднялся на ноги (от полученного удара все еще шла кругом голова), но первый выстрел, угодив беглецу в верхнюю часть спины, развернул его и снова уронил наземь. Блейк попытался поднять ствол, но рука уже не держала его веса; получилось приподнять всего на несколько сантиметров. Но и при этом Блейк из последних возможностей сумел выстрелить, мучительно вскрикнув от неожиданной силы отдачи, от которой оружие невольно выпало из ладони. Он еще пробовал дотянуться и взять его левой рукой, но тут ударила еще одна пуля, пробив левое предплечье и попав в грудь. Тогда Блейк откинулся на лиственный покров, незряче уставясь на верхушки деревьев и темный небосвод.

Вот над ним появилась голова в черной балаклаве. Помаргивая, с любопытством смотрели из дырок синие глаза. А затем появился третий глаз, черный и хладный. Он не моргнул даже тогда, когда его зрачок обратился в пулю и положил мучениям Блейка конец.

\* \* \*

В багажный отсек Луисова «Лексуса» были упиханы два трупа, на которых уже успели обжиться последние мухи этого сезона. У Абигейл Эндалл в груди зияла рваная рана, изрешеченные края которой и разорванная ткань указывали на то, что выстрел сделали с короткой дистанции, так что дробь начала рассеиваться, но еще без гашения силы разрыва. Муж Абигейл Филип был убит вблизи всего одним пистолетным выстрелом в голову, причем пистолет находился так близко ко лбу, что вокруг раны пузырился ожог и виднелись крапинки-следы от пороха. Глаза Абигейл полузакрылись, как будто ее застigli в момент засыпания или, наоборот, пробуждения.

– Помоги мне их вытащить, – сказал Луис.

Он сунулся в багажный отсек, но Ангел остановил его прикосновением ладони.

– А ч-черт, – досадливо покривился Луис.

Ангел снова вынул фонарик и с помощью еще одной щепки как мог проверил под телами дно багажника. Убедившись, что трупы ничем не заминированы, напарники вынули сначала Абигейл, лежавшую поверх мужа, а затем Филипа. Убрав тела, они увидели, что обивка снята и откручены хитрые застёжки в нижней части багажника, дающие доступ к впадинам внизу и в боках. Все хранившееся там оружие исчезло, а с ним

и запас патронов. Запасное колесо и то было изрезано, видимо, из предосторожности.

– Что теперь? – в упор глядя на Луиса, спросил Ангел.

\* \* \*

Хара и Харада далеко от Массены даже не отъехали, что было для них разом и счастьем, и несчастьем. Несчастье в том, что они теперь не могли участвовать в Луисовой операции. Хуже того, рутинный досмотр их машины увенчался обнаружением целого мини-склада оружия. Тут уж оправданием за недостаточностью улик, извините, не пахло, и Хариков до выяснения упекли в камеру массенского отделения полиции на Мейн-стрит, где шериф погрузился в размышление, что же ему с ними делать, а их жизни таким образом оказались спасены.

\* \* \*

Ангел с Луисом медленно приблизились к амбарным дверям.

– Тридцать четыре и восемь, – сказал Луис.

– Чего?

– Расстояние в метрах. Отсюда до леса на востоке.

– Если они нас ждут, то попытаются взять сразу же, как только мы выйдем.

– Ты хочешь, чтобы они лучше взяли нас здесь?

Ангел обиженно помотал головой.

– Тогда делаем так, – рассудил Луис. – Ты уходишь налево, я направо. Бежать и не останавливаться, что бы ни случилось. Лады?

– Лады.

– Тогда до встречи на той стороне, – кивнул Луис.

И они побежали.

## Часть III

*Померкли свечи ночи.  
На цыпочки привстав, веселый день  
Выглядывает из-за гор туманных.  
Пора. Остаться – значит умереть.*

*Уильям Шекспир.*

*«Ромео и Джульетта» – III, V [\[20\]](#)*

## Глава 16

Гэбриел открыл глаза. Какое-то время он не мог уяснить, где находится. Вокруг незнакомые смутные звуки, а он окружен каким-то чрезмерным обилием белизны. Не дом, нет: дома все красное, лиловое или черное, как внутренность тела; кокон из крови, мышц и сухожилий. Теперь эта защита убрана, содрана, делая сознание уязвимым и изолируя его в этой странной стерильной среде.

Рефлексы работали так вяло, что Гэбриел не сразу осознал боль. Она была тупая и не имела четкого очага, но определенно наличествовала. Во рту все пересохло. Старик попробовал пошевелить языком, но тот пристал к нёбу. Для того чтобы его отлепить, он медленно собрал во рту какое-то количество слюны, после чего облизнул губы. Голова направо-налево не поворачивалась больше чем на дюйм, во всяком случае поначалу, к тому же делать это было больно. Тогда старик попробовал пошевелить руками, кистями, ступнями, пальцами. Делая это, Гэбриел пытался вспомнить, как он здесь оказался. Из того, что с ним было после расставания в баре с Луисом, он почти ничего не помнил.

Нет-нет, что-то ведь да было: спотыкание, стариковский страх упасть, затем нечто жгучее, словно в самую твою сердцевину запихивают раскаленные угли. И звуки – слабые, но явственные, похожие на лопающиеся в отдалении шары. Выстрелы.

Сзади левую руку что-то жгло, а еще жгло в сгибе правой руки. Справа Гэбриел увидел вставленную в мякоть капельницу, затем разглядел зеленый пластиковый соединитель наверху второй иглы, воткнутой в вену с тыльной стороны руки. Неброско ожила какая-то смутная, атавистическая память о том, что он прежде вроде как уже пробуждался, в глаза ему светил слепящий свет, а вокруг суетились, хлопотали врачи и сиделки. А в промежутках он спал, или же это все был сплошной сон.

Как и многие, Гэбриел слышал миф о том, что в последние мгновения перед смертью перед внутренним взором человека проносятся якобы вся его жизнь. Так вот на самом деле, когда та пресловутая коса вжикнула перед ним самим, обдавая лицо мертвенным холодом, столь контрастирующим со жжением ужаливших пуль, Гэбриел тех видений совершенно не получил. И теперь, мучительно собирая по фрагментам то, что произошло, он припоминал лишь чувство смутного удивления, как будто вдруг сталкиваешься на улице с каким-нибудь незнакомцем,



смотришь ему в глаза, думая извиниться, и вдруг узнаешь в нем старого знакомого, приход которого давно уже предвкушал.

Что же до событий жизни, то они стали являться лишь позже, когда старик лежал в наркотическом ступоре на больничной койке, а реальность и вымысел под воздействием морфина смешивались и переплетались, так что он видел свою ныне покойную жену в окружении детей, которых у них никогда не было, – иллюзорное существование, отсутствие коего не вызывало огорчений. Видел молодых мужчин и женщин, отряженных для того, чтобы обрывать жизни других. Но в его грезах возвращались только мертвецы и ни в чем его не винили, поскольку Гэбриел не чувствовал в содеянном своей вины. По большей части он их же спасал от жизней, которые иначе могли бы закончиться в тюрьмах или канавах возле убогих кабаков. У некоторых из подопечных смерть через посредство Гэбриела вышла лихой, но такой конец был им уготован еще задолго до того, как они с Гэбриелом встретились. Он лишь изменил место окончания их земного срока, а также течение и насыщенность жизни, которая этому предшествовала. Воспитанники были его Жнецами, оратаями в поле. Он же помогал им по максимуму реализовать свои способности в заданиях, что перед ними ставились.

Лишь один из них входил в грезы Гэбриела так, как делал это в жизни, и это был Луис. Гэбриел до конца так и не сознавал ту истинную глубину любви и привязанности, которые испытывал к этому беспокойному человеку. И теперь те полупризрачные видения дали ему некое подобие ответа.

Все это, думалось старику, оттого, что Луис когда-то был так похож на него самого.

Слышно было, как в углу комнаты сдвинулся стул. Гэбриел открыл глаза чуть шире. Он с осторожностью повернул голову в направлении звука, отрадно чувствуя, что движение далось чуть легче по сравнению с предыдущим, хотя дискомфорт был все еще велик. На фоне окна виднелся силуэт – нарушение симметрии горизонтальных полос полузакрытых жалюзи. Силуэт все рос: человек поднимался со стула, приближался к кровати, и Гэбриел на подходе его узнал.

– Непросто же тебя решить, – вымолвил Милтон.

Гэбриел попробовал что-то сказать, но рот и глотка были по-прежнему чересчур сухи. Он жестом указал туда, где на тумбочке стоял графин с водой, и поморщился от боли, которая возникла при этом движении: чертова игла, что сзади в руке. Старик ощущал ее в вене. За истекшие десять лет Гэбриела госпитализировали дважды – один раз для удаления

доброкачественной опухоли, второй из-за волосной трещины в правой бедренной кости. И оба раза его до странности злил воткнутый в руку коннектор. Действительно странно: повреждения, из-за которых Гэбриел оказался здесь, куда болезненней и серьезнее, чем эта тонюсенькая полоска металла, вживленная в кровеносный сосуд, и тем не менее он предпочитает сосредотачиваться именно на ней. Это потому, что она маленькая, пустяк в сравнении с самой травмой. Это можно понять. Первопричина известна. И сегодня, в этот самый момент, металлическая полоска представляет собой первый шаг в примирении с тем, что случилось.

Милтон налил в стакан воды и поднес его Гэбриелу ко рту, чтобы можно было прихлебнуть, свободной рукой при этом аккуратно придерживая старику голову. Смотрелось все это до странности нежно, даже интимно, хотя у Гэбриела вызывало тайное негодование. Прежде они были меж собой ровней, но теперь этому уже не бывать, во всяком случае после того, как Милтон видел его пожухшим до этого жалкого состояния, да еще так притрагивался к его голове. И хотя этот жест был проявлением заботы, Милтон не мог не чувствовать, как он ранил Гэбриела и его достоинство, его ощущение своего места в непростой вселенной, которую он населял. Мелкая струйка воды скатилась у Гэбриела по подбородку, и Милтон заботливо стер его бумажной салфеткой, чем лишь усилил гнев и смятение Гэбриела, который, впрочем, наружу их не изъявил, поскольку это бы его окончательно унизило и обезоружило. Вместо этого он прокряхтел «спасибо» и опустил голову обратно на подушку.

– Что там со мной произошло? – спросил Гэбриел голосом чуть громче шепота.

– В тебя стреляли. Три пули. Одна прошла в дюйме от сердца, другая задела правое легкое. Третья раздробила ключицу. Уместно будет сказать: тебе повезло, что ты вообще жив. И замечу, не в первый раз.

Милтон слегка склонил голову, словно бы пряча выражение своего лица, но Гэбриел этот жест пропустил: он сейчас ненадолго смежил веки.

– И давно?

– Два дня назад, может, даже чуть больше. Здесь поговаривают, что ты в своем роде медицинский феномен. Чудо. Или, возможно, господь тебя так опекает.

Губы Гэбриела тронула мертвенная улыбка.

– Хотя господь не верит в таких, как мы, – произнес он и остался доволен, заметив, как на лице у Милтона мелькнула тень. – И кстати, – при вдохе Гэбриел чуть не поперхнулся, – зачем ты здесь?

– А что, один старый друг не может навестить другого?

– Мы не друзья.

– Мы уже так успели сблизиться, что иначе нас и не назовешь, – сказал Милтон, на что Гэбриел чуть заметно кивнул в неохотном согласии. – Я за тобой смотрел. – Милтон указал на камеру в углу.

– Поздновато как-то.

– Мы беспокоились, как бы кто не попытался завершить начатое.

– Я тебе не верю.

– А меня это и не волнует.

– Так ты что, мой единственный посетитель?

– Нет. Был еще один.

– Кто?

– Твой любимец.

Гэбриел снова улыбнулся, уже теплее.

– Он полагает, что это как-то связано с прежними нападениями, – сказал Милтон. – И хочет взяться за Лихагена.

Улыбка сошла с лица Гэбриела. Он, не спуская глаз, мутновато смотрел на Милтона.

– С каких пор у тебя появился интерес к Лихагену?

– Лично у меня его нет и не было, – сказал Милтон, выжидая дальнейших расспросов.

Ему показалось, что в чертах Гэбриела что-то такое мелькнуло, какое-то потаенное знание. Милтон подался ближе:

– А вот для тебя у меня кое-что появилось. Ты просил по возможности выяснить что-нибудь насчет Лихагена и Хойла. Большинство из этого, я так понимаю, ты уже знаешь. Так вот, имела место, как бы это лучше выразиться, некая аномалия.

Гэбриел ждал.

– Тот, кто звался Кандичем, нанимался не для убийства Лихагена.

Гэбриел взвесил сказанное. Мысли были все еще затянуты наркотическим дурманом, ум туманился. Он отчаянно пытался встряхнуться, но хмарь была сильна, а сил мало. При иных обстоятельствах необходимую дедукцию старик бы проводил наедине с собой, но сейчас ему в качестве поводыря необходим Милтон. И Гэбриел, напряженно переглотнув, задал вопрос:

– Кого он посылался убить?

– Мой источник говорит, Николаса Хойла.

– Посылался кем, Лихагеном?

Милтон покачал головой.

– Искать надо дальше. Хойл был задействован в какой-то сделке

с нефтью на Каспии. И, похоже, есть некто, кто предпочел бы, чтобы он в ней больше не участвовал. Мой источник также говорит: что бы там ни происходило между Хойлом и Лихагеном в прошлом – если только та вражда и в самом деле существовала в той форме, в какой подается, – то оно теперь забыто. Ощущение такое, что молву о своем антагонизме они использовали для обоюдной выгоды друг друга. «Враг моего врага – мой друг». Иногда соперники Хойла обращались к Лихагену, а недруги Лихагена к Хойлу. И каждый из них использовал свои подходы, чтобы визнавать что-то к выгоде другого. Это старая игра, и они играли в нее мастерски. Кроме того, оба разделяют интерес к молодым женщинам – очень молодым, – во всяком случае разделяли, пока не начала брать свое болезнь Лихагена. Старый греховодник по-прежнему поставляет сладенькое Хойлу. С обязательным условием: девочки должны быть нетронутыми. Девственницы. У Хойла ведь фобия к болезням.

– Но его дочь, – припомнил Гэбриел. – Она ведь была убита.

– Если и да, то не по наущению Лихагена. Это не имело отношения ни к нему, ни к какой-то междоусобице с Хойлом, настоящей или мнимой.

– Настоящей или мнимой, – тихо повторил Гэбриел.

Его пробрало что-то похожее на тошноту, боли как будто усилились. Это была ловушка. Губительный подвох. Он закрыл глаза. «Настоящей или мнимой». О чем это все говорит? Нет дурака глупей, чем дурак старый.

– Помоги им, – просипел Гэбриел.

Его бескровная, полупрозрачная от хилости ладонь сжимала Милтону рукав пиджака, невзирая на жало иглы в вене.

– Кому? Кому помочь?

– Луису. И тому, который с ним. Ангелу.

С нежной решительностью высвободив рукав из пальцев Гэбриела, Милтон сел обратно на стул. Это был жест отобращения. Дистанцирования.

– На это я пойти не могу, – сказал он. – Не могу вмешиваться, даже после того, что случилось с тобой. Уж извини.

Напряжение в теле Гэбриела не могло удерживаться долго. Он слабел – снова просел на своих подушках, дыхание вырывалось короткими всхлипами, как у бегуна в конце долгого забега. Старик знал, что конец близок.

Милтон поднялся.

– Извини, – повторил он.

– Скажи Уилли, – подал голос Гэбриел сквозь сгущающуюся темноту. – Уилли Брю. Просто передай. Это все, о чем прошу.

И, уже теряя сознание, он успел увидеть: Милтон вроде как кивнул.

Тот дом в три этажа стоял на акре земли, занимая площадь примерно в тысячу триста квадратных метров. Находился он под надежной защитой высоких стен, оснащенный режимом автоматического светового включения во дворе и сигнализацией, выведенной на частную охранную фирму, персонал которой был известен отсутствием комплексов касательно применения оружия.

Тот дом занимали некий Эммануэль Ловеин, его жена Фелиция и их двое детей, Дэвид и Джули, соответственно одиннадцати и двенадцати лет. Также с ними вот уже пару дней находились двое малоразговорчивых, а еще менее спящих мужчин. Ловеинов с их чадами они бдительно отгоняли от окон, следя за тем, чтобы портьеры были задернуты, а за подступами к дому следили через систему камер наблюдения.

На тот период в «надежном доме» Луис находился впервые, а Блисса знал только по репутации. Ловеин располагал информацией о ряде южноамериканских политиков, которую ужас как хотели заполучить друзья Гэбриела. Ловеин, в свою очередь, хотел безопасности для своей семьи и новой жизни подальше от джунглей и всяческих хунт. Гэбриел тогда действовал как посредник, и Луиса с Блиссом на время ведения переговоров отрядили в качестве дополнительной охраны. Ловеин представлял собой живую мишень, и были такие, кто стремился его заткнуть прежде, чем у него будет шанс поделиться накопленными сведениями. Гэбриел традиционно придерживался мнения, что в случае, когда за лицом или лицами идет охота, мало что может быть эффективнее, чем приставить к ним в качестве охраны людей примерно такого же склада, что и сами охотники.

Блисс был старше Луиса на добрый десяток лет. В отличие от Луиса, на его счету были уже заметные – можно сказать, престижные – убийства, но ходили слухи, что он сейчас на время хочет уйти в тень. Люди его поприща по прошествии времени обычно скапливали определенный перечень врагов, не желающих делать различий между исполнителем и заказчиками. Для профессионалов – Жнецов – разницы обычно нет: с таким же успехом можно обвинять в убийстве саму винтовку, пулю или бомбу. Подобно им, Жнецы были всего лишь орудиями, применяемыми для осуществления определенной цели. Ничего личного. Однако такая логика не всегда понималась и принималась теми, кто понес утрату, будь она по своей сути личной, профессиональной, политической

или финансовой.

Но отпускать от себя Блисса Гэбриел не хотел и перестал доверять ему в должной мере, поняв, что тот собирается вроде как покончить с их отношениями и в скором времени отказаться от выполнения заказов. Тогда-то Блисса вместе с Луисом и приставили к семейству Ловейнов в качестве временного караула. А с убийствами Блисс завязывал – если не навсегда, то, во всяком случае, на время.

Работа была не бей лежачего, и напарники коротали время как могли. Ночами, когда Ловейны спали, Блисс в общих нейтральных чертах рассказывал о своем житье как Жнеца, заодно давая Луису кое-какие советы. Рассуждал о меткости стрельбы (одной из «коронки» Блисса было использование снайперской винтовки). Помнится, он открыл Луису, откуда взялось слово «снайпер»: из охоты на дичь в Индии в девятнадцатом веке. Рассказывал о генерале Гражданской войны Хираме Бердане, считавшемся непревзойденным знатоком этого искусства, который помог усовершенствовать приемы и навыки стрельбы настолько, что они используются снайперами и сегодня; об англичанине майоре Хескете-Причарде, основавшем в годы Первой мировой армейскую Школу снайперской стрельбы и разведки в противовес атакам германских снайперов на британских солдат; о русских командах времен Второй мировой, а также о менее эффективном использовании снайперов американцами, которым тогда еще лишь предстояло понять, что вооружить полевого стрелка винтовкой с прицелом, пусть даже оптическим, еще не значит сделать из него снайпера.

Луис слушал. По рассказам получалось, что качества, наиболее ценные для снайпера, в целом годны и для его собственной диспозиции: ум, надежность, инициативность, преданность, стабильность и дисциплина. Имеет смысл тренироваться регулярно, оттачивать навыки; поддерживать себя в хорошей физической форме, поскольку с ней приходят уверенность, стойкость и самообладание; не курить, потому как неконтролируемый кашель может выдать твоё местонахождение, а желание подыметь чреватو нервозностью, раздражительностью и, как следствие, снижением эффективности; быть эмоционально сбалансированным, не позволяя себе волноваться или в чем-то каяться, когда настает момент убивать.

И наконец, Блисс посвятил Луиса в важность ухода. Снайперы, как и Жнецы, во многом орудия возможности. Крайне важно уметь *вызреть*, чтобы, когда возможность представится, оказаться готовым. Хорошая подготовка сама по себе создает возможности, но иногда возможность не открывается, и тогда нужно проявить мудрость

и сдержанность: не форсировать ситуацию. Настанет черед, и придет еще один случай, надо лишь проявлять терпение и готовность.

Но бывает и такое, когда все идет не так, когда инстинкты твердят тебе: «Остановись, бросай все и уходи». Однажды Блисс был на задании в Чили. Он уже держал цель в круге прицела и до выстрела оставались считанные мгновения, как вдруг один из телохранителей глянул на окно, где затаился Блисс. Снайпер знал, что для охранника невидим: уже почти стемнело, а сам он был закутан в черный, не отражающий света материал, возле затемненного окна в какой-то невзрачной многоэтажке. Дуло винтовки, и то было зачернено. Так что взгляд телохранителя остановиться на нем просто-таки не мог. И тем не менее охранник туда посмотрел.

Делать выстрел или нет, Блисс даже не раздумывал, хотя палец на спусковом крючке уже начинал напрягаться. Вместо нажатия Блисс взял и ушел. Оказалось, это была подстава. Кто-то выдал, проинформировал. А снайпер, оставив винтовку, скрылся из здания буквально за секунды до того, как по его душу нагрянули. Гэбриел тогда все понял, принял меры, и утечка была найдена и заткнута.

– Помни, – завершил Блисс тот свой рассказ, – жизнь у тебя всего одна. И твоя задача – продлить ее как можно дольше. Весь фокус в знании, когда стоять, а когда уйти.

Шел третий час ночи. Ловейны спали наверху: взрослые в одной комнате второго этажа, дети в соседней, смежной с ними. Третий этаж был нежилым. Дважды в течение каждого часа Луис и Блисс поочередно наведывались на второй этаж с проверкой. Внизу по радио пела Конни Фрэнсис – что-то там из старых записей. Репертуар выбирал Блисс, а не Луис: он на это шел из почтения перед своим старшим во всех смыслах товарищем.

Сейчас Луис остался в кресле, а Блисс отправился наверх проверять Ловейнов. Когда минуло пять минут, а Блисс все не возвратился, Луис встал из кресла и вышел в лестничный проход.

– Блисс, – позвал он вполголоса, – ты в порядке?

Ответа не последовало. Луис повторил вопрос по рации, но в ответ донесся лишь шум статики.

Он вынул из кобуры пистолет и стал подниматься по лестнице. Дверь в детскую спальню была открыта; дети лежали, свернувшись калачиком, на своих кроватках. Ночник у стены был выключен. Во время прошлого обхода Луиса он светился. Луис, подобравшись, нажал на выключатель.

Простыни пропитались кровью, одна из подушек валялась на полу с двумя дырами от пуль, откуда высыпались перья. Луис подошел

к ближней кровати и приподнял простыню над Дэвидом Ловейном. Мальчик был мертв, подушка под его головой набрякла кровью. Луис проверил соседнюю кровать. Его сестренку убили одним выстрелом в спину, там, где сердце.

Луис хотел криком позвать на помощь, но молча замер. В родительской спальне слышался шорох шагов. Луис погасил ночник и перебрался к смежной двери, тоже приоткрытой. Он медленно ее отворил, подождал.

Ничего. Никого.

Он ступил в комнату, где навстречу ему шатко, незряче двигалась бледная фигура – Фелиция Ловейн в кремовой комбинации, темной от крови из пробитой груди. Луис думал, что женщина пытается до него дотянуться (ее протянутая левая рука обагрена была кровью, своей и мужа, который мертвый лежал сзади на кровати), но затем понял, что она смотрит мимо, из последних сил пытаясь найти своих детей.

Луис выставил руку, чтобы остановить Фелицию, и она, упершись в нее, замерла, стоя на цыпочках. Женщина посмотрела на него, и рот ее безмолвно раскрылся. В глазах стояли невероятная, запредельная тоска и покинутость, которые через секунду угасли вместе с жизнью, и бездыханное тело мягко рухнуло на пол.

Шаги позади себя Луис расслышал слишком поздно. Он думал повернуться, но в затылок ему уперся ствол, и он застыл на месте.

– Тихо, – произнес голос Блисса.

– За что? – ошарашенно выдохнул Луис.

– За деньги, за что же еще?

– Они тебя найдут.

– Не найдут. На колени.

Луис знал, что жить ему осталось недолго, но умирать на коленях не собирался. Он бешено крутнулся – темной дугой мелькнуло в руке оружие, – но тут Блисс выстрелил, и все померкло.



## Глава 17

Уилли Брю и Арно после консультаций с Луисом решили, что снова открывают свою автомастерскую. Вообще-то Луис был против, опасаясь за их безопасность, зато Уилли с Арно были категорически за, опасаясь за свое психическое состояние, если только не возвратятся в собственный укромный раёк из автомобилей, запчастей и комбезов. У них, как они сами сказали, ждали ремонта машины и ждали своего выполнения обещания. Насчет последнего Арно вмешался с идиотски-страдальческой репликой, что он-де «готов лезть в петлю от тоски и угрызений совести». Уилли заподозрил, не слямзена ли эта строчка из какой-нибудь песни или стиха, и поглядел на Арно так, чтобы тот не усомнился: еще одна такая залепуха – и в горло ему залется машинное масло прямо из канистры.

Вынутый из мирка своей любимой автомастерской, отрезанный от заведенного порядка, который вот уже столько лет поддерживал его по жизни, Уилли ловил себя на том, что слишком много думает. С мыслями приходили сомнения, за ними огорчения, а с огорчениями приходил позыв накатить (он, собственно, никуда не девался, просто дремал), и накатить больше, чем того требовал благоразумный расчет поднять себе настроение. Звучит как парадокс, но Уилли по своей натуре был одиночкой. Счастливее всего он чувствовал себя в окружении людей и в роли, для которой годился больше всего: добрый доктор, одетый в синий комбез с нагрудником, со смазкой на руках, поглощенный процессом интимного общения с прихворнувшим четырехколесным другом. Какая-то внутренняя часть Брю при этом могла уютно отступать, растворяться в уютном понимании того, что необязательно полностью погружаться во всю эту рутину, и в этот момент на автомате врывалась другая его часть и позволяла активировать иную роль – чуточку своенравного и чудаковатого, но вполне радушного хозяина. Без этого второго персонажа, в котором он временно растворялся, Уилли грозила бы участь потерять нечто самое лучшее в себе, причем окончательно и бесповоротно.

В силу этих причин их с Арно даже по воскресеньям частенько можно было застать в мастерской, где они под приглушенную музыку по радио что-то там мастерили, с благодушно-увлеченным видом и в перемазанных маслом спецухах возясь каждый на своем месте. Благо работа имелась всегда. При своей заслуженной репутации нехватки в клиентуре, желающей прибегнуть именно к их услугам, Уилли с Арно не испытывали.

Сказать по правде, рабочее рвение у Уилли подстегивалось еще и желанием рассчитаться с займом, полученным бог весть когда от Луиса. Уилли хотя и испытывал к нему благодарность за ту судьбоносную помощь, но ощущать себя на финансовой привязи было ему поперек души. Деньги, как известно, отбрасывают тень на любые отношения, а отношения Уилли с Луисом явно не вписывались в разряд обычных.

Взять хотя бы то, что Уилли в курсе, чем занимается Луис, но при этом делает вид, будто этого не замечает; осознает, что руки его благодетеля в крови, но вынужден закрывать глаза и на это. А недавнее нападение на мастерскую и понимание, что они с напарником чуть не погибли, вносило в отношения с Луисом дополнительный осадок. Вместе с тем прерваться окончательно этой связи, похоже, не дано, поскольку связывали их не только деньги. А потому, даже отделившись финансово, Уилли должен заявить о своей независимости на каком-то другом, уже и не денежном уровне. И в тайной, им самим не до конца осознаваемой глубине, Уилли вкладывал в оплату своего долга некое другое, более символичное значение, словно бы она, эта оплата, представляла собой самое что ни на есть фактическое, окончательное разделение, к которому он втайне стремился.

Ну а пока в своем родном чумазом окружении, среди насквозь знакомых предметов и запахов, о таких материях можно и позабыть. Это его место. Здесь у Уилли имелась цель, осмысленность. Здесь он мог быть собой и даже чем-то немножко большим. И это ощущение после той атаки необходимо восстановить, утвердить по-новому. Вторжением тех двоих вооруженных людей оно было попорано, но, возвратившись сюда на законных правах и используя мастерскую по прямому, достойному назначению, Уилли с Арно как будто очищали ее от той запятнанности.

В конечном итоге партнеры вынудили Луиса пусть и нехотя, но согласиться, воспользовавшись тем, что на их сторону встал Ангел. На руку оказалось то, что в определенных вопросах он чувствовал себя просто обязанным занимать позицию, противоположную Луисовой, – хотя бы для того, чтобы тот не зарывался (и неважно, насколько его позиция была на тот момент разумна). В данном смысле Ангел с Луисом мало чем отличались от других пар по всему свету: «милые бранятся – только тешатся». Однако Ангел еще и понимал Уилли глубже, чем Луис. Он чувствовал, как много значит для него автомастерская и как то бандитское нападение его разгневало и потрясло.

Ангел понимал: для Уилли приемлемей погибнуть от пушки в своей родной мастерской, чем мирно скончаться дома в постели. Можно даже

заподозрить, что самым сокровенным желанием для Брю было бы кончить жизнь под каким-нибудь достойным по своей вальяжности творением американской технической мысли, над которым он сам в свое время имел честь потрудиться. Скажем, под реликтовым «Плимутом Фурией» 1962 года, а если совсем уж повезет, то под двухдверным «Доджем Роялом» 1957-го (невольно напрашивается аналогия с мифом о русской императрице Екатерине Великой, почившей под жеребцом, с которым собиралась совокупиться).

Те нежные чувства, что Уилли и Арно питали к технике и автомобилям, в особенности классическим, всегда казались Ангелу немного странными, а проявляемая к ним трогательная любовь даже как-то настораживала. Иногда, входя в гараж, Ангел прямо-таки ожидал застать одного из механиков (если не обоих) раскинувшимся на заднем сиденье какого-нибудь ископаемого авто, в блаженном изнеможении и за покуриванием посткоитальной сигаретки. Иной раз на ум напрашивалось и кое-что похлеще, но Ангел предпочитал не терзать себя образами Уилли и Арно, вовлеченных в сексуальные оргии машинно-моторного свойства.

Сейчас Уилли с Арно снова пребывали в своем излюбленном местечке, где радио традиционно вещало на волне «Ретро» (для тех, кто не знает, частота 101,1). Начиная с девяти вечера давали подборку из пятидесятих: Бобби Дарин, Теннесси Эрни Форд, даже «Элвин и бурундуки» – почему-то такую нудятину, что Уилли, обычно человек достаточно терпеливый, возымел соблазн подойти к динамикам с монтировкой. Особенно когда Арно, пародист каких поискать, взялся подвывать из-под капота «Доджа Дуранго» 98-го года с лопнувшим патрубком радиатора и двойной белой полосой вдоль корпуса, которую, по всей видимости, проводил кто-то страдающий косоглазием.

Было уже начало одиннадцатого, а партнеры все еще работали, невзирая на довольно поздний час. Родные запахи, родные звуки. Родная стихия. Она и была им домом. Напарники устраняли поломки, превращали мертвые вещи в живые. Делая это, они чувствовали себя в своей тарелке. Ну скажем, *сравнительно* в своей.

– Именем Иисуса и его Пресвятой Богородицы, – взмолился Уилли, – ты-то хоть перестань!

– Чего перестать?

– Петь.

– А я разве пел?

– Черт подери, а то нет! Если это, конечно, можно назвать пением.

Хочешь покривляться, так уж изображай «Элегантс» или «Чемпов». У тебя даже Китти Кален более-менее получается, но только Элвина и его хреновых бурундучат нам здесь не хватало!

– Между прочим, Дэвида Севилла, – показался из-под крышки капота Арно.

– Кого?

– Я про Элвина с его бурундуками. Он же Дэвид Севилл. Начинал в пятьдесят восьмом, а по-настоящему его звали не Дэвид Севилл, а Росс Багдасарян. Армянин из Фресно<sup>[21]</sup>.

– А что, в Армении Фресно тоже есть?

– Фресно? В Армении? – Арно озадаченно примолк. – Мне кажется, ты перетрудился. Нет там никакого Фресно. Во всяком случае я не в курсе. Просто у него происхождение армянское. И у предков его могилки во Фресно. Слушай, почему до тебя все доходит как до жирафа? Прямо, можно сказать, маразм крепчал.

– Гм. Может, потому, что ты не знаешь ничего полезного. Да, кстати: а почему ты правда ничего полезного не знаешь? У тебя не башка, а чемодан чепухи. Забита черт знает чем – всякая там поэзия, монстры, даже вон бурундуки помещаются, а в трансмиссии какого-то занюханного «Доджа» разобраться не можешь без карты и мешка с причиндалами.

– Если я так плох, чего ж ты меня до сих пор не прогнал?

– Да я уж, помнится, прогонял. Три раза.

– А обратно зачем звал?

– Так ты обходишься дешево. Работаешь зазря, так хоть живешь без переплаты.

– Давать людям на орехи... – подсказал Арно.

– ...значит плодить из них обезьян, – закончил Уилли, и оба расхохотались.

Отголоски смеха еще звенели по дальним углам мастерской, когда Уилли негромко, но отчетливо трижды постучал по своему верстаку – условный сигнал тревоги. Краем глаза было заметно, как Арно, не сходя с места, подтягивает к себе бейсбольную биту, которую с того самого дня держал под рукой. Уилли сунул ладонь в передний карман своего вместительного комбеза, где лежал компактный «браунинг», подаренный Луисом.

Затем Арно расслышал, как в дверь два раза стукнули. Автомастерская была уже закрыта. Тем не менее снаружи в темноте кто-то домогался, чтобы его впустили.

– Бл-лин, – процедил Арно.

Уилли встал. На подходе к двери «браунинг» он сжимал в опущенной руке. В зарешеченное плексигласовое окошечко глянул лишь мельком, чтобы не подставлять почем зря голову, вслед за чем зажег наружный свет.

Стоящий снаружи человек был один. Руки он держал глубоко в карманах пальто. Вооружен или нет, сказать сложно. Даже если и да, стволом не размахивает.

– Вы часом не Уилли Брю? – спросил незнакомец.

– Часом да, – ответил Уилли.

Он не являлся приверженцем ходульной игры в кошки-мышки типа «а кто спрашивает, а что такое?».

– У меня сообщение для Луиса.

– Никакого Луиса я не знаю.

Человек подошел к окошечку ближе, так, чтобы Уилли мог наверняка расслышать его слова, и продолжил как ни в чем не бывало, пропуская мимо ушей вранье Брю:

– Это от его ангела-хранителя. Скажите ему: пускай он и его друг бросают работу и возвращаются домой. Пускай уходят, оба. Спросит зачем – скажите: Хойл с Лихагеном меж собою снюхались. Все понятно?

Что-то подсказывало Уилли: этот человек, хоть и изъясняется загадками, пытается сделать доброе дело. А значит, отрицать свое знакомство с Луисом не только бессмысленно, но и вредно, поскольку может нанести урон тем двоим, которые после Арно для Уилли самые близкие люди.

– Если это сообщение настолько важно, то почему б вам самому его не передать? – сказал Уилли.

– Он вне контакта, – прозвучало в ответ. – В тех местах, где он сейчас, сотовая связь не работает. Если Луис позвонит, передайте ему то, что слышали.

– Он сюда не звонит, – сказал Уилли. – Не имеет привычки. У него так заведено.

– Тогда он не вернется, – подвел итог человек.

И повернулся уходить. После секундного колебания Уилли открыл дверь и вышел следом в сумрак, сунув пистолет в карман комбеза. Ночной гость сейчас приближался к задней пассажирской дверце черного «Линкольна», неброско припаркованного у обочины. С появлением Уилли открылась водительская дверца, и наружу показался человек. На шофера он ни в коей мере не походил – моложавый, в строгом сером костюме, но при этом с такими мертвенно-холодными глазами, что место им на лице старика. Можно сказать, седые глаза. Правую его руку скрывала дверца,

но было совершенно ясно, что в ней ствол (слава богу, что, выходя из гаража, Уилли не засветил снаружи «браунинг»).

Уилли инстинктивно оттопырил руки подальше от туловища – мол, я чист, – словно норовил кого-то обнять.

– Эй, послушайте! – окликнул он своего гостя.

Тот остановился, ладонь держа на дверной ручке.

– Кто вы? – спросил Уилли.

– Мое имя Милтон. Луису оно известно.

– Дело не в этом. Он ушел. Они оба ушли, их нет. Вы можете что-нибудь сделать? Как-то им помочь?

– Нет.

– Я даже толком не знаю, где они, – развел руками Уилли, и в его голосе мелькнули жалобные, просительные нотки. Он их не стыдился.

Ангел о чем-то таком упомянул, но Уилли тогда не обратил внимания, пропустил мимо ушей. Удивительно, что Ангел вообще решил поделиться с ним какими-то подробностями, но Брю в тот момент больше заботило возвращение в свою любимую автомастерскую. Все, чем он располагал, это название какого-то городка на севере штата. Спрашивается, какой от Уилли толк, если друзья сейчас в беде? Он же не армия. Тоже выискался воин: с пузом и в комбезе с нагрудничком, да еще с пистолетом, пускать который в ход откровенно боязно.

Но Луис с Ангелом для него много значили. Какие б там у него ни были страхи и предубеждения, эти парни его однажды по-своему выручили. Да что там выручили – спасли. Иллюзий Уилли не питал: когда Луис впервые к нему обратился, это было, прямо скажем, не из чистого альтруизма. Ему оказалось выгодно, чтобы Уилли находился в приобретенном им помещении, по причинам, которые Уилли все еще, честно говоря, так и не ясны. И, тем не менее, какая бы там ни была корысть, Луис позволил, чтобы Уилли продолжал заниматься своим любимым делом. Все это случилось давно, с той поры многое поменялось. А друзья, между прочим, оплатили ту его гулянку у Нейта в день рождения. А когда гости разошлись, Луис с Ангелом под занавес втихую преподнесли Уилли подарок: отпадный «Ролекс Субмаринер». Это была одна из самых красивых вещей, что Уилли встречал и которая при этом не имела четырех колес. Он никогда и не представлял, что будет обладать чем-либо подобным (или, вернее, бесподобным) по красоте. Теперь Брю эти часы носил; они и сейчас были на его руке. Уилли тогда лишь на секунду подумал положить «Ролекс» в ящик комода и надевать лишь по особым случаям. Но особых случаев у него в жизни не особо. И если б Брю положил эту вещь в ящик,

она б там так и осталась до самой его смерти. А потому лучше ее носить и наслаждаться просто тем, что она красуется у него на запястье.

Уилли перед этими людьми в долгу. И сделает все, чтобы им помочь, даже если ради этого придется посреди улицы встать на колени перед незнакомцем и его вооруженным приспешником.

И визитер пусть немного, но смягчился.

– Они охотятся за человеком по имени Артур Лихаген. Живет он ближе к Канаде, на севере Адирондакских гор, недалеко от Массены. Ну вот, теперь ты знаешь, где они. Только что делать-то будешь?

Мужчина открыл дверцу и, сев в машину, закрыл за собой дверцу, не сказав больше ни слова. Все это время его спутник с мертвенными немигающими глазами нес свою вахту. Лишь когда задняя дверца захлопнулась, упрятав его патрона в кокон безопасности, он сел на переднее сиденье и повел машину.

## Глава 18

Автомастерская снова стояла на замке. Заглохло радио, а свет вокруг двух авто, над которыми Уилли с Арно сейчас трудились, был теперь погашен. В полумраке машины на гидравлических подъемниках смотрелись как пациенты, забытые на операционных столах, пока хирург отлучился за чем-то более важным.

Уилли с Арно находились в тесной камерке на задах мастерской, заваленной квитанциями, какими-то писульками и коробками в пятнах масла. Стул здесь был всего один, и его занимал Уилли. Арно примостился на полу – маленький и тощий, с крупноватой для своего тела головой, ни дать ни взять горгулья, свергнутая с постамента. Каждый в руке держал кружку, а на столе между ними стояла бутылка бурбона. Уилли рассудил, что надо бы хлопнуть чего-то покрепче: самое время и самый что ни на есть повод.

– Может, все не так уж плохо, как кажется, – успокаивал Арно. – Они и раньше попадали в разные переделки и всегда выходили сухими из воды.

Судя по всему, он не очень верил в то, что говорил, хотя был бы откровенно рад обмануться.

Уилли прихлебнул бурбон. «Мейкерс марк». Почему-то на вкус – сущая бурда, зачем вообще было держать его у себя в шкафчике? Подарок от одного благодарного клиента. Но, видать, не настолько благодарного, чтобы поднести бутылку чего-нибудь поблагородней. Уилли вот уже два года как хотел этот бурбон пустить в расход, да все придерживал, ждал подходящего случая. Вот тебе и случай.

– В любом случае копов мы сюда привлекать не можем, – высказал соображение Арно.

– Да. Не можем.

– И вправду, что б мы могли им сказать? – Арно насупил бровь, как будто уже готовился начать по своему обыкновению многословный, но напрочь лишенный смысла диалог-монолог с воображаемым представителем правоохранительных органов. – Опять же, и туда к ним на выручку мы тоже не можем поехать. Ты-то, скажем, стрелять умеешь, а вот я в своей жизни оружие в руках держал всего раз, на прошлой неделе. И то не отличился: чуть тебя из него не грохнул.

Уилли мрачно кивнул.



– Ты только пойми меня правильно, – продолжал Арно. – Я готов делать все от меня зависящее, чтобы им помочь, в известных пределах. Но я по жизни ремонтирую машины, а это сейчас совершенно бесполезно, и для нас, и для них.

Брю отставил кружку.

– Вот же пакость, – сказал он с усталой брезгливостью, и Арно даже не понял, о чем это он: о бухле или о чем-то еще.

Уилли облокотился на стол, посмотрел на свои сведенные ладони, как будто впервые их видел, и окунулся в них лицом, закрыв глаза, – так глубоко, что кончики пальцев почти сошлись на переносице.

Арно взирал на своего босса с тихой нежностью. Любил ли он Уилли Брю? Однозначно да. Любил безоговорочно и преданно, хотя никогда не решался сказать этого вслух: Уилли бы ему показал. Брю дал ему место, где можно работать, и оно было для Арно таким же святилищем, как и его тесная, с бумажными залежами квартирка. Брю уважал рабочие навыки напарника, хотя осмотрительно не выказывал этого уважения ни словом, ни делом. Уилли был ему одним из самых близких друзей. Когда у Арно умерла мать, он обратился к напарнику, и тот помог нести ее гроб – они с Уилли спереди, двое похоронщиков из бюро сзади. Уилли был одним из самых классных механиков, каких Арно когда-либо встречал, и вообще порядочным во всех отношениях человеком. Для Уилли Брю Арно сделал бы что угодно. Даже бы, пожалуй, и жизнь за него отдал.

А вот за Луиса и Ангела он бы жизнь отдавать не стал. Ангел ему в целом импонировал. По крайней мере, добродушный и, чувствуется, в душе человечный, на людей не бросается. А вот Луис не такой, его полюбить сложно. От Луиса волосы дыбом с головы до пят. Понятное дело, такого можно и нужно уважать за его силу, грозность. Но уж лучше уважать Уилли. Уважение Уилли заслужил своими делами, человеческим отношением. Луиса же уважаешь, как уважаешь пантеру (только идиот не отнесется с почтением к ее смертоносной мощи), но это не значит, что ты сам по доброй воле захочешь проводить в одной клетке со зверюгой больше времени, чем требуется позарез.

Помнился разговор, что состоялся у них с Уилли наутро после той первой встречи с Луисом. Брю тогда купил кофе и булок с корицей – густой сдобный запах, встретивший Арно сразу на входе в мастерскую. Сам Арно на тот момент уже полностью смирился с тем, что этот день у них в стенах автомастерской последний. И тут Уилли поведал ему о Луисе и о его предложении, а также о своем решении: делать нечего, надо соглашаться. Так он все подал: заем нужно делать, хотя особой охоты нет.

Как устроен мир, Уилли знал вполне и понимал, что такие подарки задаром не делаются – с ними выдвигаются условия, приемлемые и не очень. На тот момент Арно не испытывал ничего, кроме облегчения и благодарности за то, что их не трогают с места и можно будет продолжать работу. Его не заботило, что у того благодетеля, возможно, на ногах раздвоенные копыта, а из головы торчат рога. Это отношение изменилось, едва Арно встретил Луиса и увидел физическую форму, которая отныне будет отбрасывать тень на прежде размеренный, уютно рутинный бизнес. Эту тень слегка разбавлял Ангел, но все равно уже многие годы Арно со своим возлюбленным боссом обречены были трудиться под ее сенью, и Арно это по-человечески возмущало.

Сейчас Ангел с Луисом в беде. Понятно, что эти двое действовали в ответ на предшествовавшие события, что у них не было выбора и что их выживание – а может, и связанное с этим выживание Арно с Уилли – зависело от этих действий, но Арно не настолько наивен, чтобы считать, будто при нормальном ходе вещей люди со стволами нагрянули бы в эту мастерскую ни с того ни с сего, по внезапной прихоти. Это определенно была расплата за нечто, содеянное Луисом ранее. Арно не хотелось видеть Ангела и Луиса мертвыми, но в принципе можно понять причину, по которой этого мог хотеть, и даже добиваться, кто-то еще.

Между тем Уилли встал и начал рыться в бумагах на столе. Наконец после падения оттуда банки с гайками и пачки перехваченных резинкой квитанций он нашел то, что искал: свою потрепанную адресную книжку. Полистав ее, босс остановился на страницах «Н – П».

– Ты кому звонить собрался? – спросил Арно и с неловкой попыткой на юмор добавил: – Экзорцистам<sup>[22]</sup>, что ли?

– В каком-то смысле, – ответил Уилли со странноватой улыбкой, от которой Арно стало еще больше не по себе.

Он украдкой следил за тем, как босс выписывает номер: сначала единицу, затем «2-0-7»... и тут Арно стало ясно, к кому Уилли собирается обратиться за помощью. Он плеснул себе еще бурбона, долил чуток в кружку Уилли.

– За удачу, – сказал он.

Действительно, если за дело возьмется Детектив, то кто знает, может, что-то и получится. Хорошо бы, если б обошлось без них с Уилли.

Из опасений, как бы фэбээровцы не поставили на его линию прослушку, звонить Уилли отправился в соседний квартал из «Нейта». Одно время его волновало и то, как бы они не поставили «жучок» в его кабинет. Хотя, несмотря на грязь и общую нехватку пространства, у себя в конторке Уилли знал каждый дюйм до интимных подробностей, так что малейшее изменение в родном окружении было бы тотчас им ухвачено. Иное дело телефон. Из какой-то телепередачи Брю узнал, что для прослушивания телефона сейчас совсем нет необходимости вживлять в него всякие там бяки. Это уже не времена «холодной войны». Сейчас спецы если захотят, то могут легко сказать, даже что ты ел на обед, просто направив тебе на живот какую-то там штуковину. Особую настороженность у Уилли вызывали мобильники, с той поры как Луис проинформировал его о том, как легко их можно отслеживать, а сами разговоры перехватывать. Луис объяснил, что сотовый телефон, даже когда отключен, действует на манер небольшого электронного маячка и в любое время указывает точное местонахождение своего владельца. Сделать себя невидимым можно, разве что вынув батарейку.

Мысль о том, что каждый его шаг отслеживается незримыми наблюдателями из какого-нибудь бункера, тревожила Уилли более всего. Он не собирался подаваться куда-нибудь в Монтану, чтобы жить там, отгородившись от мира, с мрачными личностями, живущими исключительно по канонам «Триумфа воли»<sup>[23]</sup>, но в равной степени не собирался излишне расслаблять правительство: и так уже расслаблено сверх меры. Шпионом Уилли не был, просто ему не очень глянулась идея, что кто-то прослушивает то, что он может невзначай сболтнуть, пусть даже шутки ради, или отслеживать его передвижения. А связь с Луисом заставляла помнить о том, что Брю пускай и опосредованно, но может стать мишенью для любых следственных действий, направленных на его делового партнера, так что осторожность себя окупала.

Завидев Уилли у себя в баре, Нейт приветственно поднял руку, на что Уилли ответил лишь нетерпеливой гримасой.

– Чего напряженный такой? – поинтересовался Нейт. – Отдохнул бы с дороги.

– Нет. Телефон твой нужен, – сказал Уилли.

Общий таксофон висел в тыльной части бара, где сейчас не на шутку гуляла крикливая толпа молодых женщин. Между тем Нейта не провести: в голосе и мимике Уилли чувствовалось, что он хочет поговорить без посторонних ушей.

– Иди сюда, – указал Нейт, – и проходи в мой кабинет. Дверь изнутри

запри.

Уилли поблагодарил и нырнул под стойку. В хозяйском кабинете он сел за стол Нейта, не в пример чище и аккуратней, чем у него самого. Даже и не сравнить. Телефон у Нейта был старый, еще дисковый, приспособленный под нынешний век, но для набора номера требующий сноровистого применения указательного пальца. Что ж, поглядим, так ли надежен аппарат, сооруженный еще, возможно, самим Эдисоном.

Первым делом Уилли набрал номер абонентской службы и оставил информацию для Ангела с Луисом, дословно повторив сказанное Милтоном, в слабой надежде, что хотя бы один из них получит сообщение прежде, чем все там двинется дальше. Затем Уилли позвонил в Мэн. Детектива дома не оказалось, и Уилли решил попробовать позвонить в портлендский бар, где Чарли сейчас работал. Как назло, название бара выскользнуло из памяти. Как там его? Что-то про медведя. И про шатания. А, «*Бурый Шатун*». Узнав телефон в справочной, Уилли позвонил в бар. Трубку взяла женщина. На заднем фоне играла музыка, хотя не понять какая. Через пару минут к телефону подошел Детектив.

– Это Уилли Брю, – без вступительных слов сказал Уилли.

– Привет, Уилли. Как дела?

– Да по-разному, то вверх, то вниз. Ты в газеты нынче не заглядывал?

– Да нет, я тут какое-то время был в отъезде. А что?

Уилли изложил суть происшедшего. По ходу рассказа Детектив ни разу не перебил собеседника; просто слушал. Эта его черта Уилли нравилась. Быть может, по ряду причин – понятных и не вполне – этот человек его нервировал, но есть в нем некое спокойствие, и этим он отчасти напоминает Луиса.

– Тебе известно, куда они направились?

– На север штата. Парень, что нас предупредил, упомянул, что это где-то в окрестностях Массены, а человека, к которому они пошли, звать Артур Лихаген.

– У вас есть между собой связь на случай, если что-то происходит?

– Через абонентскую службу. Я оставляю сообщение, а они его затем могут забирать. По идее, должны проверять каждые двенадцать часов, когда в отъезде. Я это сделал и сейчас, но не знаю, когда они в последний раз прозванивались для проверки. Да и вообще это как-то не дело, сидеть сложа руки и ждать, что все само собой разрешится.

Насчет сотовой связи Детектив даже не стал спрашивать.

– Как еще раз то имя?

– Лихаген. Артур Лихаген.

– Понятно. Ты сейчас в мастерской?  
– Нет, звоню из «Нейта». Опасаюсь, что мой телефон на прослушке.  
– С какой стати кому-то за тобой шпионить?  
Уилли вкратце рассказал о визите фэбээровцев.  
– Вот черт. Кинь-ка мне номер, по которому ты находишься.  
Уилли продиктовал, после чего повесил трубку. В дверь негромко постучали.  
– Да?  
Появился Нейт. В руке у него был бокал с бренди на два пальца.  
– Думаю, тебе не помешает, – подмигнул он. – За счет заведения.  
Уилли поблагодарил, но отказался.  
– Не, мне не надо. Ночка впереди скорей всего будет длинная.  
– Кто-то умер? – спросил Нейт.  
– Нет пока, – ответил Уилли. – Во всяком случае будем надеяться.

\* \* \*

Возвратившись в мастерскую примерно через час, Арно он застал все так же сидящим в кабинете, только бутылка бурбона была убрана, а ей на смену прибыл кофе из кофеварки.

– Ты будешь? – спросил Арно.  
– Давай.

Уилли подошел к стеллажу. Достав атлас дорог, раскрыл на странице, посвященной Нью-Йорку, и пальцем стал проводить извилистый маршрут. Арно в это время налил кофе, добавил сухих сливок и поставил кружку боссу возле локтя.

– Ну и? – задал он вопрос.  
– Ехать. На машине.  
– Ты собираешься туда?  
– Угу.  
– Думаешь, это хорошая идея?  
– Не думаю, – чуть помедлив, ответил Уилли. – Скорей всего, нет.  
– Детектив тоже едет?  
– Ага.  
– Своим ходом на машине?  
– Ну да.  
– А что, самолетом он не может? Так ведь, наверное, быстрее?  
– С оружием-то? Да его на борт не пустят. Это ж не «Эйр Америка».

Уилли хотел было снять свой комбез с нагрудником, но передумал. В нем как-то уютнее, а со всем, что смягчает душевное беспокойство, так просто не расстаешься. Поэтому Брю лишь набросил поверх комбеза старенькую куртку.

– Ты оставайся здесь, – сказал он Арно. – На случай, если они позвонят.

– Я никуда и не собирался, – ответил тот. – Я ж тебе говорил, что я не из героев.

– Я-то думал, ты хотя бы предложишь. Как в вестернах.

– Шутишь? Ты хоть раз видел где-нибудь скандинавский вестерн?

Уилли попытался припомнить: а Чарльз Бронсон<sup>[24]</sup> – скандинав или нет? Или, кажется, литовец? В общем, «ав» или «овец», одно из двух.

– Да что-то не припомню, – сознался он наконец.

Арно следом за боссом прошел в задний конец автомастерской, где на дворе стоял старенький «Шелби» Уилли. Судя по виду, такой не осилит и пары миль, не начав при этом сеять свои части и ссать маслом, но Арно-то знал, что нет по эту сторону Нью-Джерси автомобиля более отлаженного, чем «Шелби».

– Ну что, бывай, – кивнул Уилли своему напарнику.

Тот кивнул в ответ. Внезапно Арно ощутил себя как женщина в паре с мужчиной-возлюбленным. Ему ужас как хотелось обнять Уилли или хотя бы поправить ему воротник. Но вместо этого Арно удовольствовался тем, что просто пожал боссу руку и пожелал ему благоразумия.

– Теперь ты здесь за старшего, – сказал Брю. – И вот еще что. Если все покатится к чертям собачьим, закрывай лавочку и уходи. Свяжись с моим юристом. Старик Фридман знает, что делать. В моем завещании ты значишься. Так что если умру, беспокоиться тебе не о чем.

– Да знай я это, – улыбнулся Арно, – я б тебя давно уже сам прибил.

– Вот потому-то я тебе про это и не говорил. Иначе ты б меня или порешил, или до самой смертушки пилил, что я мало тебе выделил.

– Босс, очень тебя прошу: осторожней на дорогах.

– Спасибо за совет. Пока я в отъезде, ни по каким счетам не плати.

Уилли забрался в машину и задним ходом выехал со двора. Там он поднял на прощание руку и уехал. Арно возвратился обратно и увидел, что Уилли к поданному кофе даже не притронулся. Это его опечалило.

Тот путь на север выдался долгим. Уилли и не помнил, когда он одолевал такие расстояния без надлежащих перерывов на отдых. Раз или два был соблазн остановиться на кофе или стакан колы – что-нибудь с кофеином и сахаром, чтобы подпитывался мозг и снижалась сонливость, – но мочевого пузыря Уилли был как будто старше и терпеливей своего хозяина. К тому же не хотелось понапрасну расходовать время на остановки у обочины. Опыт показывал: где облегчиться, там, значит, расслабиться; где расслабиться, там перекусить, а где перекусить, там передохнуть, и это всё лишние минуты, переходящие в часы. Брю слушал ретроволну, пока та не начала спекаться, и тогда, пошарив в бардачке, он вынул кассету Тони Беннетта и воткнул в деку.

В животе чувствовалось какое-то напряжение. Вначале подумалось – быть может, от страха, но затем Уилли понял, что это от ожидания. Долгие годы он плыл по течению. Неспешно жил ото дня ко дню, занимаясь любимым делом, но всегда избегая экстрима, никогда не испытывая себя на прочность. Брю думал, что эти времена для него безвозвратно миновали, что это все из событий туманной юности, а вот гляди-ка, ошибся. Уилли погладил лежащий в кармане «браунинг». Вещица вроде как слишком мелковатая и легковесная, чтобы помочь по-серьезному, – не «пушка», а, можно сказать, «пукалка», – но она словно сама собой источала жар: Уилли сквозь штанину чувствовал ногой ее тепло. Он попробовал вообразить, как пускает ее в ход, и не смог. Это оружие для убийства вблизи, а Уилли даже на войне, когда, случалось, стрелял, не мог представить лицо человека, которому предназначается выстрел. Что же до того, чтобы умереть самому, то это его не пугало: момент, может, и да, а сам факт нет. В конце концов Брю достиг возраста, когда смерть из отдаленного абстрактного понятия начинает становиться объективной реальностью.

Беспокоила его в основном мысль, как бы не подвести Ангела с Луисом или Детектива. Вот этого Уилли действительно не хотел. А хотел все сделать по-правильному. И молил о храбрости, если час все же пробьет.

От Куинса до оговоренного места встречи с Детективом было примерно шесть – шесть с половиной часов езды. Путь в основном пролегал, слава богу, по хайвэю, так что можно было стабильно держаться в пределах ста тридцати. Только когда Уилли свернул с 87-й автострады, рельеф местности и сама дорога ощутимо изменились, вынуждая сбавить скорость. Видеть окрестность было необязательно – оно и так чувствовалось, что при съезде с федеральной трассы на более укромные местные дороги атмосфера меняется. Для этого не надо быть экстрасенсом. Автотрасса словно отмежевывалась от природы барьером – своими шестью

полосами быстро идущего транспорта. Уилли сам, проносясь по ней, как-то вполглаза, поверхностно воспринимал сбитую на дороге живность. А вот когда магистраль сменялась дорогами поуже и поменьше, настроение и ракурс в одночасье менялись.

Природа здесь как будто придвигалась. Ближе становились деревья, а единственный путеводный свет исходил от твоих собственных фар и нечастых отражателей, словно случайно вделанных в дорожное покрытие. Прошел кратковременный дождь, капли которого, вспыхивая в сквозном луче, смотрелись колкими звездными вспышками. Вот на линии обзора что-то пролетело – такое большое и близкое, что на мгновение показалось: сейчас бабах – и вдребезги лобовое стекло. Мелькнула мысль, что это летучая мышь, хотя откуда им взяться таких размеров (второсортные ужастики не в счет). Потом стало ясно: это сова на охоте. Ух ты. Уилли запоздало охватил странный, чуть шалый восторг: надо же, а он ведь настоящих сов ни разу и не видел, разве что по телику да в зоопарке. Брю даже и не представлял, что она в полете может быть такой большой и тяжелой. Хорошо, что не столкнулись с ней на скорости: тут бы не только стеклу, а и башке кранты.

Уилли был дитем города, в частности Нью-Йорка. Это не значит, что зеленые поля его предместий он воспринимал лишь как еще не застроенные пригороды. Вовсе нет, в Уилли тоже билась сентиментальная жилка. Просто дело в том, что Нью-Йорк не походил на другие штаты: это место определяется своим крупнейшим городом так, как ни в каком другом городе по стране. При упоминании о Нью-Йорке большинство людей, и местных, и иностранцев, как-то не думает об Адирондаке или реке Святого Лаврентия, о лесах, деревьях и водопадах. Им сразу же видится шумный мегаполис с его небоскребами из стекла и бетона и желтыми такси. Это и есть Нью-Йорк Уилли, который никак не отождествляется с сельскими просторами.

По всей видимости, Ангел с Луисом ехали как раз этим путем. Этой вот самой дорогой. Сейчас Брю их мало-помалу настигает, едет по следу. От этой мысли возвратилось ощущение цели. Уилли посмотрел на счетчик пробега: где-то через час с небольшим будет место, назначенное для встречи с Детективом. Снова напрягся живот. В кармане увесисто ощущался пистолет.

Дальше, быстрее ехать дальше.



## Глава 19

Как и Ангел с Луисом до него, из мелких городков и перелесков Уилли выехал к скоплению мотелей и казино вблизи канадской границы.

Так далеко на севере штата он раньше оказывался лишь однажды, и то западнее, в районе Ниагары. Они с женой ездили туда на медовый месяц. В январе. Совсем, видно, был без ума, но опять же, без ума от любви, к тому же они оба относились к лету довольно прохладно. Уилли жары и пота вдоволь хлебнул во Вьетнаме, а жена просто хотела посмотреть водопады. Сказала, что зимой они, наверное, даже более живописны, в окружении льда и снега. Водопады и в самом деле выглядели впечатляюще, но только промозглость, пробиравшая тогда Уилли до костей, должна была послужить ему предостережением о том, что его ждет в дальнейшей супружеской жизни. И с учетом этого он, по идее, должен был прямо там, не мешкая, сунуть свою благоверную в какую-нибудь бочку и спихнуть в водопад.

На парковке возле «Берлоги» – закусочной неподалеку от большой остановки легкового и грузового транспорта километрах в пятнадцати от Массены – Уилли заметил «Мустанг» Детектива и испытал что-то похожее на гордость. Он в свое время лично подыскал эту машину Паркеру, при покупке сбив у продавца цену настолько, что тот еще немного – и разрыдался бы прямо на асфальт. После этого Уилли пригнал «Мустанг» к себе в мастерскую и разобрал, бдительно проверив всю ходовку и заменив те части, что уже износились или могли приказать долго жить через год-два. Видя сейчас это авто здесь, в такой дали на севере, Уилли ощущал себя как классный наставник при встрече с бывшим учеником, особо отличившимся по жизни. Он бы, пожалуй, даже не удивился, если б «Мустанг» по его приближении приветственно пибикнул или ржанул.

Припарковавшись, Уилли обошел «Мустанг» дважды, взыскательно оглядев его снаружи и внутри. В целом можно было вздохнуть спокойно. На краске появилась парочка царапин, слегка поизносились резина на правом переднем протекторе, а так машина хоть куда. Хотя надо будет при случае не торопясь, обстоятельно заглянуть ей под капот. В Мэне механики, может, на что-то и годятся, но любить своих железных лошадок так, как Брю, они все равно не могут. С приятельской нежностью похлопав «Мустанг» по капоту, Уилли направился в закусочную, миновав на входе два медвежьих чучела, у которых мех местами был вытерт долыса. Вид

чучел повергал в уныние, и Уилли ускорил шаг, чтобы они поскорей скрылись из виду.

Шел седьмой час утра, и небо едва начинало светлеть. Погода стояла непрочная: дождь вроде бы перестал, но, судя по толстому ватному небу, ненадолго. «Берлога» оказалась местом довольно вместительным и уже наполовину заполненным посетителями, завтракающими в загородках. Здесь не только ели, но и курили – вот вам еще одно свидетельство, что правила Нью-Йорка в этих краях не действуют. В городе, если ты попробуешь задымить, полицейский прижмет тебя коленом в спину прежде, чем ты долистаешь газету до кроссворда (это если тебя еще раньше не закидают вилками и ножиками из-за соседних столиков).

Детектив сидел в угловом закутке из красного винила. На подоконнике красовался кудрявый стожок из стружек, увенчанный миниатюрным чучелком и пластмассовыми тыковками. На Детективе были темно-синие джинсы, черная майка и черная утепленная куртка на манер военных. Несмотря на тепло в помещении, куртку он не снимал, и можно догадаться почему: где-то там припрятано огнестрельное оружие. По идее, все свои стволы Детектив должен был сдать вместе с отзывом лицензии, но это касалось, видимо, только тех из них, о которых знали копы. Как и Луис, Детектив не имел привычки расхаживать с вывернутыми карманами и всюду всем демонстрировать, что при нем ничего нет.

Перед Паркером стояли кружка кофе и тарелка с остатками бекона и яиц в мешочек. Уилли уселся напротив и спросил у появившейся официантки кофе с тостом. Есть он особо не хотел. Более того, вопреки собственным ожиданиям, он и усталым себя не чувствовал. Удивительно. Хотя засоней Уилли перестал быть уже давно – на сон ему вполне хватало четырех, от силы пяти часов за ночь.

– А ты, я видел, все же не удержался от соблазна дать вокруг «Мустанга» кружок, – сказал Детектив с улыбкой.

– Ну а как, – развел руками Уилли. – Когда посылаешь их в мир, единственное, на что надеешься, – что мир будет к ним благосклонен. Как к детям.

Улыбка Детектива чуть заметно дрогнула, и Уилли запоздало пожалел, что упомянул детей. Попробуй-ка лишись ребенка, особенно как этот человек: это же вечная, незаживающая рана.

– Ну так как твоя лошадка бежит, нормально? – спросил Уилли, перепрыгивая на более безопасную тему.

– Очень даже. Я бы сказал, скачет.

– Вот видишь. Оно на пользу, когда в нее никто не всаживает пули.

Уилли все еще не до конца простил Детективу то, что его предыдущий «Мустанг» (тоже, кстати, заарканенный Уилли) был раздолбан выстрелами в каком-то богом забытом городке Мэна. Та машина спасению уже не подлежала – вердикт Ангела, который оставалось лишь принять на веру. Уилли предлагал за свой счет транспортировать ее обратно в Куинс и посмотреть, что можно сделать, но Ангел утешительно положил Уилли на плечо ладонь и тихо заметил, что это, наверное, уже лишнее. Вероятно, он рассудил, что вид того, что осталось от машины, Уилли чересчур травмирует. Понятно: что-то вроде похорон в закрытом гробу, причем любимого родственника.

– Я и сам, когда могу, стараюсь под них не соваться, – сказал Детектив.

«И как это у тебя получается», – поддел Уилли чуть ли не вслух. Дело в том, что Детектив словно источал некую неодолимую притягательную силу для всего, что только способно вызывать телесные повреждения: пули, ножи, кулаки и тому подобное. Даже сидеть здесь с ним рядом было из-за этого слегка неуютно.

Прибыли кофе и тост, на время отстранив Уилли от мыслей о собственной безопасности. Кофе оказался недурен. Можно было чувствовать, как мозг благодарно откликается на приток сахара и кофеина.

– Здесь говорить ничего, можно? – поинтересовался Уилли.

– Лучше не надо. Поговорить можно будет в машине. Я так понимаю, они по-прежнему не отзвонились?

– Нет.

Внезапно на мобильник Уилли пришла СМС, заставив его все бросить и в порыве надежды полезть в комбез. Но это оказалось лишь приветствие насчет прибытия в Канаду.

– Мы же не в Канаде, нет? – оторопело спросил Уилли.

– Если только они нас втихую не аннексировали.

– Хреновы канадцы, – пробурчал Уилли. Разочарование перешло в гнев, который механик в свою очередь отправил на север: – Надо же такими быть.

Он вернулся к жеванию тоста. Вопросов у него была уйма, и в первую очередь одни ли они здесь одинешеньки или все-таки нет. В своем деле Детектив мастер – Ангел с Луисом повторяли это достаточно часто, и сомневаться в их словах нет причины. Но вопрос в том, способны ли двое сладить с тем, что может перед ними возникнуть. Вопрос большой и спорный. При всей своей любви к Ангелу с Луисом у Уилли нет всепоглощающего желания вот так, за здорово живешь, бросаться за них грудью на амбразуру. Внезапно вся мрачность ситуации опустилась на него

свинцовой тяжестью. Механик отложил кусок недоеденного тоста. Аппетит и так-то был неважнецкий, а тут и вовсе иссяк. Извинившись, Уилли подался в туалет, где обдал лицо и шею холодной водой, а затем вытерся комом бумажных полотенец.

Когда он оплатил свой счет и пошел наружу, Детектив ждал его на выходе. Если он и догадывался об ощущениях Уилли, то не подавал виду.

– Тебе нужно что-нибудь забрать из своей машины? – спросил Паркер.

– Нет, – резковатым голосом ответил Брю. – Все нужное у меня с собой.

Уилли еще раз машинально похлопал по «браунингу» и тут же почувствовал себя нелепо. Ну прямо-таки гангстер из сериала. Причем гангстер тупой и самонадеянный, каких шмаляют еще в середине серии.

– Уилли, с тобой все в порядке? – вопросительно посмотрел на него Детектив.

– Извини, – пожал плечами механик, – вышло как-то пошлово, я не хотел. Типа как я Грязный Гарри<sup>[25]</sup> или еще кто-нибудь в этом роде. Просто, знаешь, я к таким вещам не привык.

– Если тебе от этого легче, – сказал Детектив, – то я такими вещами занимаюсь куда больше, чем мне бы хотелось, но тоже к ним не привык.

Они оба сели в «Мустанг», и Паркер отчалил от бордюра. Через пару километров подвернулась пустая автостоянка, куда он заехал и, заглушив мотор, вынул подборку спутниковых снимков – четких, с компьютера. На одном была большая резиденция. На другом какой-то городок. А еще дороги, поля, речушки.

– Ты где такое достал? – изумился Уилли. – В ЦРУ, что ли?

– В Гугле, – пояснил Паркер. – Сейчас это просто: я бы мог из дома спланировать нападение на Китай. К югу отсюда у Артура Лихагена идет огороженная территория, а это вот главный дом у озера. Отсюда и сюда ведут, по всей видимости, две дороги, обе примерно на запад. Они проходят через речку. То есть земля Лихагена почти полностью окружена водой, исключение составляют только две узких грунтовки к северу и югу, где речка подходит близко к озеру, а затем от него ответвляется. Южная дорога отклоняется на северо-запад, северная – на юго-запад, так что обе они возле дома Лихагена почти сходятся. Их пересекают две другие дороги, уходящие к северу и к югу: первая возле ручья, вторая примерно в полутора километрах.

Свой рассказ Детектив сопровождал указыванием деталей на одном из снимков. Надо сказать, что компьютера у Уилли не было. Для себя он

решил, что этой дурью по жизни маяться как-то уже поздновато, у него и так свободного времени кот наплакал. Что такое «Гугл», представление Уилли имел весьма туманное, но доходчиво это растолковать не мог никому, в том числе себе. А эти вот штуки, что ему сейчас показывал Детектив, действительно впечатляли. Войны и те велись с гораздо меньшим количеством деталей на руках. Да он же, черт возьми, сам в одной из них воевал.

– Тебя твой пистолет устраивает? – осведомился Детектив.

– Луис дал.

– Значит, вещь надежная. Ты вообще в стрельбе давно практиковался?

– Во Вьетнаме.

– Н-да... Ну в общем, с той поры больших изменений в стволах не произошло. Покажи-ка мне свой.

Уилли подал Детективу «браунинг» – вороненый, вес с полным магазином меньше килограмма. Образца девяносто пятого года или раньше: магазин на тринадцать, а не на десять патронов. Судя по индикатору выбрасывателя, патронник пуст.

– Приятная штука, – одобрил Паркер. – Легкая. Не новый, но чистый. Запасная обойма есть?

Уилли покачал головой.

– Если повезет, использовать не придется. Ну а если расстреляем обоймы подчистую, то, значит, враг просто превосходил нас числом – не так обидно. И в принципе уже неважно.

Такая аргументация обнадеживала как-то не очень.

– Можно вопрос? – решил Уилли.

– Конечно.

– Мы это... просто вдвоем, ты и я? Не хочу никого обидеть, но мы, как бы это выразиться, не рота спецназа.

– Нет, мы не вдвоем. Есть и кое-кто еще.

– И где ж они?

– Ушли вперед. А мы... – Паркер поглядел на часы. – Мы должны вот-вот к ним примкнуть.

– У меня еще один вопрос был, – сознался Уилли в тот момент, когда Детектив поворачивал ключ зажигания. – Можно?

– Валяй.

– А... план у нас есть?

Паркер вдумчиво на него посмотрел.

– Есть. Не быть застреленными.

Уилли с чувством тряхнул головой:

– План что надо.

\* \* \*

Детектив ехал со включенными фарами (Уилли подметил, что уровень лучей малость высоковат, но говорить не стал; об этом можно будет побеспокоиться в другой раз). Его сейчас больше занимали мысли насчет «застрелят – не застрелят». В него самого стреляли в Наме, но пули тогда облетели стороной. Хорошо бы, если б и сейчас так. Хотя все равно, предупрежден – значит вооружен. Знаешь, чего ожидать. Брю видел людей, в которых попали пули, и диапазон их реакций на это попросту ошеломлял. Одни вопили и стонали, другие, наоборот, каменно молчали, держа боль внутри себя. А были и такие, кому как будто все нипочем, – ну подумаешь, засел в тебе кусочек горячего металла, который чуть не вышиб из тебя дух. Наконец Уилли решил, что не спросить попросту не вправе.

– Слушай, в тебя же попадали, пулями-то? – поинтересовался он.

– Было дело.

– И как оно?

– Не рекомендую.

– Я вот тоже это понял. Своим умом дошел.

– Мой случай, возможно, не вполне типичный. Я тогда находился в ледяной воде и, видимо, уже был в шоке, когда меня долбануло. Пуля была с сердечником, поэтому при попадании не засела и не наделала дел, а прошла сразу навылет. Вот сюда попало. – Паркер указал себе на левый бок. – Здесь в основном жировая ткань. Я даже поначалу не припомню, чтоб было больно. А вот когда затем выбрался из воды и пошел, вот тут-то меня согнуло в кральку. Скверно, в самом деле скверно. Та женщина... – Здесь Паркер приостановился. Уилли не понукал, просто ждал, когда он продолжит. – Женщина, которую я знал... У нее были кое-какие фельдшерские навыки, и она мне рану зашила. После того пару часов вообще не помню, что со мной делалось. Но как-то держался. У меня, похоже, все еще был шок. Вообще нам тогда пришлось ох как несладко: Луису, Ангелу и мне. Так иногда бывает. Люди, получившие ранение или травму, как-то находят способ держаться, может, потому, что иначе просто нельзя. Меня тогда гнал адреналин, к тому же пропала девочка. Дочь Уолтера Коула.

Уилли об этом знал: ту историю ему в общих чертах поведал Ангел.

– Через пару дней после того, как все кончилось, я свалился. Врачи

потом сказали, что это запоздалая реакция организма на все, что произошло. Вместе с этим я еще потерял пару-тройку зубов. А когда медики взялись устранять последствия, то саднило, пожалуй, не меньше, чем после самого выстрела. Это как бы предвосхитило дальнейшее – тело словно решило: все, хватит. И задало ограничения. Меня хотели положить в больницу, но я остался дома: там, как говорится, стены лечат. Болеть, само собой, перестало вовсе не сразу. До сих пор когда определенным образом поворачиваюсь, то как будто чувствую: все еще побаливает. Так что могу повторить: не рекомендую.

– Понял, – сказал Уилли. – Запомню.

Свернув с магистрали, они направились на юг. Затем Детектив сбавил ход, выискивая что-то взглядом справа от себя. Через некоторое время показалась дорога с табличкой «Частные владения». Паркер повернул на нее, и вскоре подъехали к мосту. Здесь Детектив остановил машину. Напарники сидели не шевелясь. В деревьях наблюдался просвет, из которого до слуха доносилось что-то вроде тихого размеренного пиканья. Поглядев налево, Уилли заметил, что Паркер держит в руке пистолет. Тогда он тоже вынул из комбеза «браунинг» и снял с предохранителя. Детектив посмотрел и кивнул.

Из машины они вылезли одновременно и направились в сторону просвета. На подходе Уилли различил там машину, внедорожник «Шевроле Тахо». Боковое окно было высажено, а на одном из сидений, завалившись вбок, полулежало тело мужчины с рваной раной в груди. Детектив, не опуская ствола, обогнул внедорожник и вскоре, чуть дальше в леске, набрел еще на одно тело. Брю подошел и сверху вниз посмотрел на останки. Человек лежал лицом вниз, с продырявленным затылком.

– Кто они? – спросил Уилли.

– Не знаю. – Паркер опустил на корточки и тыльную сторону ладони приложил к коже убитого. – Похоже, лежат уже какое-то время.

Он посмотрел на обувь – чистая, надраенная, можно сказать, по-военному. Грязи на подошвах по минимуму.

– Не местные, – определил Детектив.

– Да, – согласился Уилли, избегая глядеть ему в глаза. – Ты думаешь, эти парни приходили с Луисом и Ангелом?

Паркер подумал.

– Брать Лихагена вдвоем они вряд ли бы рискнули, при таком-то охвате территории. К тому же имело смысл удерживать мосты. Поэтому думаю, да, эти двое каким-то боком были причастны к тому, что планировал Луис. А люди Лихагена, получается, нашли их и обезвредили.

Напарники приблизились к мосту и посмотрели на темный притихший лес по ту сторону реки.

– Где же тогда остальная кавалерия? – задал вопрос Уилли.

Детектив, вздохнув, указал через мост:

– Видимо, где-то там.

– То есть не там, где они, по идее, должны быть?

Паркер покачал головой:

– Эти парни никогда не бывают там, где они должны быть по идее.



## Глава 20

Один из них был Уиллис, другой Хардинг. Имя у них по случайности совпадало: Леонард. Основание же одному из них зваться Леонардом номер один, а второму – Леонардом номер два сложилось в пацанских драках, среди которых протекали их совместные детство и юность в мелком городишке большого штата, где такой иерархии придавалось серьезное значение.

Как выяснилось позже, оба парня один другого вполне стоили, и со временем у них сложилась дружба. Связь окончательно укрепилась, когда они возле бара в Хомосасса Спрингс, штат Флорида, насмерть запинали некоего Джесси Бирчхалла, которому хватило безрассудства одернуть Уиллиса за то, что тот шлепнул по заднице невесту Джесси, направлявшуюся в женский туалет. Потом на полицейском дознании невеста заявила, что не помнит, как выглядели те двое молодых людей. Хотя один из них припечатал ей так, что сломал левую скулу: на правах невесты девушка пыталась вмешаться. Забывчивость же была обусловлена тем, что Уиллис с руками, еще теплыми от крови умирающего, что-то с полминуты нашептывал ей на ухо, пока Джесси Бирчхалл, хрипя, отходил в красной луже посреди замусоренной парковки. Время достаточное, чтобы дамочка точно усвоила, что с ней случится, если она сочтет уместным поделиться увиденным с кем-нибудь из правоохранителей. Определенно невеста Джесси Бирчхалла своего суженого любила все же не настолько, чтобы отойти от предложенного Уиллисом уговора. Ей ведь было всего восемнадцать, так что женихи еще найдутся. А на этом свет клином не сошелся.

В конечном итоге Уиллис и Хардинг оказались на балансе у Артура Лихагена. Его нелегальные методы ведения бизнеса легко и незаметно соседствовали с бизнесом более легальным – два извечных круга вопросов. Уиллис с Хардингом, как и ряд более специализированных работников Лихагена, занимались в основном кругом первым, хотя проявляли свою полезность и в тех случаях, если требовалось переключиться на второй. Когда же у Лихагена темно-красными цветами стали распускаться раковые опухоли, именно Уиллиса с Хардингом частенько отряжали для разговоров с наиболее упрямыми надоедами – теми, кто в голос обещал судиться или дать делу огласку в прессе. Иногда для улаживания вопроса хватало одного визита. Но порой двоим молодым мужчинам приходилось острастки

ради подежурить у школьных ворот, криво улыбаясь мамашам, забирающим из школы своих детишек; или посидеть высоко на стадионных трибунах во время репетиции девочек-чирлидерш, плотоядно поглядывая, как вскидываются юбочки, колышутся груди, напрягаются животики и попки. А если подкатывал тренер с сердитым вопросом, что это они тут себе позволяют, то у тренера ведь, собственно, тоже дети. Как любил повторять не слишком щепетильный Уиллис: «Всем задам, и девкам, и парням». А если звали копов, то открывалось, что Уиллис с Хардингом – люди мистера Лихагена, и это действовало почти как дипломатическая неприкосновенность.

Ну а если кто-нибудь оказывался слишком уж упрямым или глупым, чтобы игнорировать предупреждение, то...

Пожалуй, Леонардов можно было заподозрить в родственной связи, потому что между ними имелось определенное внешнее сходство. Оба рослые и поджарые, с рыжевато-соломенными волосами и бледной веснушчатой кожей (участки наиболее обильной россыпи напоминали тени от облачков). А впрочем, о том, связаны они родственными узами или нет, парней никто не расспрашивал. Ни об этом, ни о чем-либо другом. Леонардов потому и держали, что они олицетворяли собой типаж людей, подвергать которых расспросам кажется неразумным. Говорили они редко, а если это делали, то голосами тихими и ненавязчивыми, противоречившими самому характеру обсуждаемой темы. Но вместе с тем у собеседника не возникало ни тени сомнения в искренности этих парней. Ходил слухок, что они геи, но на самом деле Леонарды были фактически всеядны. Интимность Уиллиса и Хардинга никогда не носила физического характера, однако в остальном каждый из них не упускал возможности себя побаловать. Они делились и пользовались женщинами и мужчинами – иногда порознь, иногда совместно. При этом объекты их вожделения подчинялись когда добровольно, а когда и нет.

\* \* \*

Вокруг постепенно светлело, дождь ненадолго перестал. Уиллис с Хардингом – оба в одинаковых джинсах, черных рабочих ботинках и просторных синих рубашках – ехали в кабине грузовичка. Леонард номер один сидел за рулем, а Леонард номер два лениво покуривал сигаретку, поглядывая из окна. Их основной ролью в операции было следить за северным мостом и прилегающей к нему местностью, а также

патрулировать внешнюю кольцевую дорогу лихагенских владений на случай, если у тех двоих каким-то чудом получится прорваться через первоначальный кордон.

Рядом с парнями стояли пушки, из которых они грохнули Лайнотта с Маршем. Остальные ухайдакали вторую пару нарушителей. Хардинг ощущал мрачное удовлетворение от того, что Бентона, несмотря на его протесты, в дело не взяли. Бентона Хардинг не любил: местный жлоб, и никогда ему выше плинтуса не скакнуть. Вообще, если по-правильному, то в Нью-Йорк следовало послать их с Уиллисом, а не Бентона с его тормозами, но Бентон корешился с Майклом Лихагеном, а сын старика дал ему шанс исправиться и доказать себя. Что ж, кое-что Бентон и вправду доказал, причем однозначно: что он конченный козел, и ничего более.

Покончив с нарушителями у мостов, насчет дальнейших вторжений Уиллис с Хардингом могли больше не беспокоиться, но они взяли на себя патрулирование внешней дороги – так, на всякий случай. Между тем мыслями парни переключились на другие дела. Как и ряд других работников Лихагена, Леонарды не могли взять в толк, почему им не разрешают до конца разобраться с теми двумя посягателями. Зачем поручать это кому-то постороннему, да еще и платить за это немалые деньги. До них не доходило, что у человека, прибывающего сюда довершить убийство, могут иметься на это личные причины.

От размышлений Хардинга отвлекло единственное слово, брошенное Уиллисом:

– Глянь.

Он глянул. Справа от дороги был припаркован здоровенный, как танк, внедорожник, рылом в их сторону. С обеих сторон там тянулись сосны, а на бревнышке возле внедорожника сидел какой-то детина. Сидел вольготно, вытянув перед собой ноги, и нажевывал, кажется, шоколадный батончик. А рядом стоял пакет с молоком. Впечатление такое, что этому бугаю все на свете по фигу. Уиллис с Хардингом не сговариваясь решили, что такое отношение надлежит исправить.

– Он это чё вообще? – подивился Уиллис.

– Давай спросим.

Метрах в пяти от внедорожника Леонарды остановились и вылезли из кабины, дробовики непринужденно держа на ремнях. Детина дружелюбно им кивнул.

– Как дела, парняги? – спросил он. – Утро вроде ничего, на божьей-то земле.

– Земля эта не божья, – поправил Уиллис, – а мистера Лихагена.

Боженька и тот сюда не заглядывает без спросу.

– Да неужто? А чего-то следов не вижу.

– Не видишь? А ты приглядишься. Вон они, там. «Частные владения» – считай что на каждом столбе прописано. Ты, видно, с грамотой не в ладах?

Детина отхватил от батончика очередной кус.

– М-м, – промычал он сквозь шоколад с орехами. – Мовет, они там были, да я не ваметил. – И, прожевав, добавил уже разборчивей: – Слишком, наверное, увлекся: небо разглядывал. Такая, знаете, красота.

И вправду: в прогалинах туч розовым, прозрачным, теплым золотом играло утреннее солнце – зрелище, пробуждающее поэзию в сердцах даже самых косноязычных людей, за исключением разве что Уиллиса с Хардингом.

– Ты давай убирай свою байду, – провещал Хардинг своим тихим, вкрадчиво-зловещим голосом.

– Никак не могу, ребята, – сокрушенно развел руками бугаина.

Голова Хардинга повернулась чуть вбок, и он остро, по-птичьи посмотрел на незнакомца, как, должно быть, грач смотрит на червяка у себя под лапой.

– Ты меня, наверно, не расслышал? – спросил он.

– Да-да, наверное, не расслышал, – поспешно кивнул бугай. – Сказано как-то тихо. Надо бы громче, в полный голос. А то человеку бывает сложно мобилизовать внимание, когда другой что-то там шепчет себе под нос. – Он сделал глубокий вдох, а когда заговорил, голос из него рванулся зычно, громко: – Надо, чтобы в легких скопился воздух, и тогда слова полетят на силе ветра!

Батончик наглец дожеввал, свернул обертку и аккуратно сунул в карман куртки. Затем потянулся было к пакету с молоком, но подошедший Хардинг пакет отпнул.

– Ой, а я так хотел допить, – обиженным голосом сказал бугаина. – Специально берег.

– Я тебе еще раз говорю, – уже в полный голос сказал Хардинг. – Мотай отсюда вместе со своим грузовиком.

– Так я ж сказал, что не могу.

Уиллис с Хардингом угрожающе подступали. Детина не двигался. Уиллис взмахом приклада кокнул правый подфарник внедорожника.

– Эй-эй, осторожней! – встревожился детина.

Уиллис его проигнорировал, то же самое проделав и с левой фарой.

– Убирай на хрен бандуру, – рыкнул Хардинг.

– Да я бы хотел, правда хотел бы, но никак не могу на это пойти.

– Не можешь?

Хардинг вогнал в ствол патрон, приставил дробовик к плечу и пальнул. Лобовое стекло осыпалось хрустальным дождем. Пострадала и кожаная обивка сиденья.

Детина всплеснул руками. На его лице было горестное удивление, а вот боязни не наблюдалось.

– Эх, парни-парни, – с плаксивым укором сказал он. – Ну зачем было это делать, а? Ну совсем ведь незачем. Такая ласточка красивая. Свои-то небось машины бережете, красоту цените. Это же вопрос... – он отчаянно искал нужное слово, – эстетики!

– Ты нас, я вижу, все равно не слушаешь.

– Да почему не слушаю – слушаю. Это вы меня никак не слышите. Я ж вам сказал: я бы ее и хотел убрать, да не могу.

Хардинг направил дробовик на хама. Его голос снова стал тихим и змеистым:

– Говорю тебе в последний раз. Убирай. Свою. Байду.

– А я в последний раз говорю: не-мо-гу!

– Да почему?

– Да потому что это не моя байда, а их! – сказал в сердцах бугай, указывая куда-то за Хардинга.

Оба Леонарда – и первый, и второй – обернулись. В сущности, это оказалось одно из последних движений, которые они совершили по жизни.

В качестве последнего им оставалось лишь пасть замертво.

\* \* \*

Братья Фульчи – Тони и Поли – были ребятами неплохими. Начать с того, что у них очень четко обозначенные (хотя и незамысловатые) понятия о том, что правильно, а что нет. Однозначно неправильным, а значит, наказуемым, в их понимании считалось: трогать детей и женщин; трогать любого из немногочисленных друзей Фульчи; трогать любого, кто не сделал ничего, чтобы этого заслужить (это понятие трактовалось весьма вольно, во всяком случае применительно к тем, кому от Фульчи на данный момент причиталось, пусть даже в понимании наказуемых за сравнительно мелкие прегрешения); ну и наконец – а может, наоборот, прежде всего – обижать их горячо любимую маму Луизу Фульчи: это был откровенно смертный грех, подлежащий самой суровой и неотвратимой каре.

Правильным же считалось трогать любого, кто нарушил что-нибудь

из вышеперечисленного. Вот, собственно, и всё. У иных обитателей прудов и водоемов нравственные воззрения отличаются, пожалуй, разнообразием бóльшим, чем у наших братцев.

В штат Мэн братья Фульчи попали в подростковом возрасте, после того как их отец – человек горячий – оказался застрелен в ходе спора о маршрутах вывоза мусора в Ирвингтоне, штат Нью-Джерси. Луиза Фульчи желала своим сыновьям лучшей доли, чем быть неизбежно втянутыми в криминалитет, с которым был связан ее покойный муж. Уже в возрасте соответственно тринадцати и четырнадцати лет Тони и Поли смотрелись прямыми кандидатами на использование в качестве орудий тупой силы. Роста они тогда были еще среднего, но зато каждый весил вдвое больше своих сверстников – при уровне жира, заметьте, таком низком, что любая изнывающая на постоянной диете модель расплакалась бы от зависти.

Прискорбно, но есть личности, чья наружность обрекает их на определенный жизненный путь. Фульчи имели вид уголовников, и казалось неизбежным, что таковыми они и станут. Вероятность пережитить судьбу осложнялась еще и эмоционально-психологическим складом братьев, который наиболее нейтрально можно описать как взрывной. Запальный шнур у обоих был так короток, что его считай не было вовсе. С течением времени какие только специалисты от медицины (в том числе и несколько представителей тюремной службы пробации) не брались сбалансировать эмоциональный фон братцев путем фармацевтического вмешательства – увы, всё тщетно. То, что медицинские светила обнаруживали для себя в процессе, оказывалось столь чарующим, что на эту благодатную тему можно было писать и писать научные труды и диссертации, согласись только братья Фульчи стоять на месте, пока их исследуют, измеряют и описывают, – но у них на это просто не хватало терпеху.

При психических расстройствах девиантное поведение, как правило, усмирится и держится под контролем за счет осмотрительного применения коктейля из различных медикаментов. Надо лишь найти верное сочетание лекарств и вдохновить подопытного принимать их на регулярной и продолжительной основе. В случае же с Фульчи обнаружилось, что лекарства действуют на них эффективно лишь непродолжительное время – обычно с месяц, а то и меньше, – после загрузки в организм. Затем эффект идет на спад, а повышение дозы к соответствующему снижению девиантности не ведет. После этого профессионалы от медицины возвращались в свои кулуары, откуда

появлялись вновь с победным видом и с очередной подборкой из синих, красных и зеленых пилюль, с тем чтобы потом снова обнаружить: природные наклонности братьев опять возобладали. Все равно что операбельный больной, отвергающий донорскую почку, или лабораторные крысы, которые, столкнувшись с искусственным препятствием на пути к кормушке, постепенно находят способ его обходить.

Один из психиатров был даже в шаге от того, чтобы свой труд о братьях Фульчи запустить в свет. Уже заготовил и название: *«Вирусный психоз. Новый подход к психотическому поведению взрослых»*. Суть его теории состояла в том, что психоз у Фульчи имеет что-то общее с тем, как мутируют определенные вирусы в ответ на попытки медиков им противостоять. Фульчи психотичны образом, выходящим далеко за рамки обычного понимания данного термина. Впрочем, ту работу так и не опубликовали, поскольку психиатр одинаково опасался как насмешек коллег, так и возможной обиды и, следовательно, кары со стороны братьев Фульчи, если те прознают, что он называл их «психами», пусть даже под маской псевдонимов.

Тупыми братья Фульчи не были. Кто-то из высоких правоохранительных чинов однажды проронил, что Фульчи «не смогут даже написать слово «реабилитация»». Это неправда: написать бы они смогли. Просто братья не имели представления, каким образом все это может соотноситься с ними, потому как ни в каком таком «психозе» себя не подозревали. Они были вполне счастливы. Обожали свою мать. Ценили друзей. Все это выражалось очень прямо и конкретно. Что же до пресловутой «реабилитации», так она для преступников, а братья Фульчи преступниками не являлись. Они всего лишь выглядели как уголовники, а это совсем не одно и то же.

Правда, закон по некоторым своим статьям с воззрениями братьев Фульчи разнился, что за годы оборачивалось для них различными тюремными сроками. Так, однажды братьев посадили за кражу русской водки в порту Сиэтла (общая сумма похищенного – \$150 000), хотя их всего-навсего подрядили отвезти груз в фуре. Однако на момент задержания груз находился при Фульчи, а Фульчи при грузе, а потому вину им, исходя из понятия «правильности», пришлось взять на себя. Сиживали братья и в Мэне, Вермонте, Нью-Гэмпшире, и в приморской канадской провинции Нью-Брансуик – преимущественно за дела, связанные, по формулировке их доброго друга Джеки Гарнера, с «переуступкой права собственности», иногда с применением некоторого насилия, если кто-то случайно или нарочно нарушал одно из их понятий

о том, что правильно, а что нет. Ну а незнание закона, как известно, от ответственности не освобождает.

Впрочем, самым судьбоносным в жизни Фульчи явился арест в Коннектикуте по обвинению в убийстве. На тот свет тогда отправился некто Респиратор Бенни – букмекер, вносивший в свою профессию счетовода творческую жилку, на которую его начальство посматривало косо. А начальство, в свою очередь, было отдаленно связано с теми, кто когда-то участвовал в том самом споре о вывозе мусора, в запале которого сложил голову отец братьев Фульчи. Своего прозвища – Респиратор – Бенни удостоился из-за одышливого придыхания, с которым вел развратно-сладостные разговоры по телефону с различными женщинами, которым его липкое внимание совершенно не льстило. Поскольку те скабрезные звонки Бенни совершал из комфорта своей постели, полиция вычислила его достаточно быстро. Бенни тогда задержали и повели в участок. При этом на спуске с подъездной лестницы Респиратор так жестоко навернулся со ступенек (одна из женщин, к которой он лип, оказалась женой местного полицейского), что немного охромел и, как следствие, удостоился еще одной, параллельной клички: Поскакунчик. Обе клички Бенни недолюбливал, и когда его, случалось, ими называли, горласто протестовал. Все связанные с этим – и вообще с его ловкачеством – проблемы кончились тогда, когда в голову Бенни прозорливо всадили пулю.

К сожалению, у того преступления оказался свидетель – некий добропорядочный гражданин, который и дал описание предполагаемых преступников, на удивление совпадающее с внешностью братьев Фульчи. Их заарканили, установили в процедуре опознания и обвинили в убийстве. Нашли и косвенное доказательство, подтверждавшее их присутствие на месте преступления, – оно ошарашило братьев не меньше, чем опознание, учитывая, что они никого не убивали, и уж тем более Бенни, Респиратора и Поскакунчика.

Приняв во внимание бумаги из психиатрии, судья приговорил братьев к пожизненному сроку, отбывать который их отправили в разные места: Поли – в исправительное учреждение им. Корригана в Ункасвилле, четвертый уровень, а Тони – в Северный коррекционный центр Сомерсета, пятый уровень. Там его сразу определили старшим над особо неусидчивыми заключенными, представляющими угрозу для режима, персонала и самих сидельцев. Поначалу все шло нормально («не посылайте друг друга по матери, не вымогайте денег»), но затем потребовалось изолировать самого Тони, поскольку, пока шел суд, его ум уже начал стряхивать с себя кандалы лекарственных препаратов, а в тюрьме Фульчи



в ходе завязавшегося спора своротил одному из надзирателей скулу.

И сидеть бы братьям – растерянным, обиженным, невинным – весь их оставшийся век, если б те, кто заказал убийство Респиратора-Поскакунчика, в конце концов не устыдились посадки двоих американо-итальянцев, осужденных за убийство, которого не совершали, к тому же американо-итальянцев, чей отец погиб во славу родимого криминала, а мать-вдова единодушно почиталась как этническая икона материнства. Последовали кое-какие звонки, а одному особо боевитому адвокату сделали намек, что признание виновности в том процессе было недостаточно обоснованным. Дальше – больше. Дело Фульчи посыпалось еще сильнее, когда в Нью-Хейвене при попытке убийства владельца ночного клуба задержали двоих громил – примерно таких же габаритных, да еще именно с тем стволом, из которого был застрелен Бенни. Очевидно, один из убийц питал к этому пистолету сентиментальную привязанность и не захотел с ним своевременно расстаться.

В результате братья Фульчи были оправданы и вышли на свободу, отбыв за решеткой три года и один месяц, а заодно получив от штата Коннектикут весьма нехилую компенсацию. Все деньги братья отдали своей любимой маме, чтобы та до конца жизни ни в чем не нуждалась. Она же, в свою очередь, выдавала теперь сыновьям еженедельное довольствие, которое они могли тратить по своему усмотрению. Траты в основном шли на пиво и на телок, а также на содержание обожаемого монстра – полноприводного «Доджа», который братья под свои нужды переделали до неузнаваемости. После мамы и друг дружки «Додж» был для них главным смыслом, цветом и украшением жизни.

И вот именно эту их гордость, их любимую «ласточку», сейчас осквернили своими пушками Уиллис с Хардингом.

– Уау, – произнес Джеки Гарнер, а это именно он сидел у обочины, дожидаясь, когда Фульчи доделают свои дела в леске. – Ну вы, парни, попали.

Именно в этот момент взгляд Хардинга упал на двоих поистине необъятных и донельзя рассерженных мордоворотов, выкатывающих из подлеска. Один из них на ходу грозно застегивал ширинку. Другой страдальчески, с закушенной губой взирал на поруганный грузовик. Их лица, и в спокойном-то виде излишне румяные, сейчас имели цветовой оттенок слив-мутантов. Хардингу парни показались обряженными в полиэстер троллями; холодильниками-близнецами в штанах и куртках из магазина «Для больших». Они даже не шли обычной походкой, а переваливались, будто трансформеры.

Вид этих двоих ужасающего вида жлобяр, прущих в их направлении, настолько заворачивал, что Хардинг с Уиллисом даже не сразу сориентировались в ситуации. Хардинг все еще возился с дробовиком, когда кулак Тони Фульчи сомкнулся с его лицом. Хрупнули сломанные лицевые кости, а сам Хардинг полетел на Уиллиса, который в этот момент как раз дал выстрел. Заряд разорвал Хардингу грудь и мгновенно прикончил, почти одновременно с тем, как Джеки Гарнер сзади саданул стрелку по затылку рукояткой пистолета. Дело довершил Поли. С полминуты он гневно отыгрывался на Уиллисе, пока тот чуть было совсем не отдал концы, направившись вслед за товарищем в призовую точку невозврата. Но тут Поли свою разминку прекратил: подустала рука.

Между тем Тони сокрушенно напустился на Гарнера.

– Джеки, твою же мать! – указал он на «Додж». – Ты ж ведь должен был его стеречь!

– А я и стерег. Они велели мне его убрать, но ключ-то у вас. Я даже не знал, что они так быстро начнут по нему палить.

– Ты б им хоть что-нибудь сказал.

– Я пробовал.

– Пробовал? Значит, ты не нашел нужных, доходчивых слов. – Тони с неожиданной ловкостью выудил у Гарнера из кармана обертку от батончика. – Ага! «Сникерс»-то ты доел вовремя, а вот машину постеречь у тебя времени не нашлось. Не мог управиться разом и с тем и с другим? Джеки, нет, ну в самом деле, как так можно? Ну... ай-ай-ай!

– Прости, Тони, – примирительно сказал Джеки. – Я не думаю, что этих людей можно было назвать благоразумными. А с неблагоразумными, ты ведь сам знаешь, разговор не клеится.

– Тогда, значит, нечего было с ними разговаривать. Хлопнул бы их, да и дело с концом.

– Не могу же я убивать людей из-за какого-то «Доджа».

– Это «Додж» – не *какой-то*. Это *наш* «Додж».

В это время Поли, скорбно покачивая головой, нежно гладил капот автомобиля. Еще раз укоризненно глянув на Джеки Гарнера, Тони подошел к родственнику.

– Ну что тут у нас?

– Просто ужас, Тони, – горестно шепнул братик. – Обшивка сидений продрана. В покраске вмятины и дырки. Фары выбиты. Я просто не знаю, как быть.

Он был близок к слезам. Тони похлопал брата по плечу.

– Ничего-ничего, главное, не расстраивайся. Все починим. Будет

как новая.

– Правда? – с трогательной наивностью поднял глаза Поли.

– Даже лучше новой. Правда же, Джеки?

Гарнер, чувствуя, что гроза миновала, тоже выразил оптимизм:

– Ну а как же. Глаза боятся – руки делают.

Поли полез в кабину и первым делом тщательно вымел из нее стекла, после чего включил зажигание и с минуту чутко ждал, пока не убедился, что с мотором все в порядке. Тони стоял рядом с Джеки. Уиллис все еще дышал, но лишь чуть-чуть. Тони посмотрел на него сверху вниз, и у Джеки мелькнула мысль, не думает ли он довершить начатое.

– Ты как думаешь, – осторожно спросил Тони, – Паркер не станет на нас сердиться?

Паркера братья обожали и очень боялись его чем-нибудь расстроить.

– Думаю, что нет, – ответил Паркер. – Он, наверное, вряд ли даже удивится.

Тони прояснил взором. Тело Хардинга братцы шутя закинули в кузов пикапа, затем найденным в кабине обрезком шнура связали Уиллису руки и ноги и уложили, бесчувственного, рядом с неживым напарником. Затем Джеки загнал пикап в лес и оставил там, чтобы его не увидели с дороги.

– Интересно, эти парни меж собой были не родственники? – спросил Поли у брата, пока они дожидались возвращения Джеки. – Я так подумал, они типа братья.

– Может, – пожал плечищами Тони. – Братаны или побратимы.

– Жалко, что такие козлы, – вздохнул Поли.

– Это точно, – кивнул Тони. – Жалко.

На приборной доске пикапа лежала рация. Как раз когда Гарнер заканчивал прятать пикап в лесу, она ожила.

– Уиллис, – прорвался сквозь шипение статики жестяной голос. – Уиллис, как слышно? Прием.

Джеки вначале застыл, но потом решил: а отчего бы нет? В фильмах он не раз видел, как герои вызывают планы плохих парней, прикидываясь их сообщниками. Почему бы, пользуясь случаем, не попробовать то же самое.

– Уиллис слушает. Прием.

Снова голос в рации возник только после паузы.

– Уиллис?

– Да, это я. Прием.

– Кто это?

Вот черт. Тут тебе не кино – тут все позаковыристей. Хорошо бы вовремя успеть смотать удочки.

– Извините, – брякнул Гарнер. – Ошибся номером.

После этого сказать было уже нечего. Джеки отбросил рацию и заспешил обратно к братьям. А те в удивлении смотрели, как Гарнер бежит из леса бегом.

– Валим отсюда, – запыхавшись, бросил он. – К ним подмога катит.

## Глава 21

Они не погибли.

Это первое, что понял Ангел, едва добежав до деревьев: они все еще живы. Бег через пространство между амбаром и лесом был одним из жутчайших ощущений всей его жизни. Все это время Ангел напряженно ждал... Еще вот-вот, и последует жесткий толчок; миг, когда тело словно взбрыкивает под первым попаданием; все равно что жесткий удар закаленного бойца, вслед за которым вспышка опаляющей боли и... что? Что затем? Смерть, мгновенная или медленная. Может быть, еще одна рана, и вот Луис волочит тебя по сырой траве, а ты весь скользкий от крови, и вместе с остающимся темным следом из тебя вытекает жизнь. И никаких шансов больше нет, ты просто умрешь здесь, а может, и Луис поляжет рядом... Так, что ли?

И Ангел бежал, мчался во весь дух, перебарывая инстинкт сжаться, сделаться как можно меньше, понимая, что сделать это – значит замедлиться. Выбор невелик: быть меньше или быстрее. В итоге Ангел сделал ставку на скорость. Напрягался каждый мускул. В мучительном ожидании пуль, что неизбежно должны просвистеть, лицо исказилось. Ангел знал, что попадание произойдет быстрее, чем слышится звук выстрела, и тишина, прерываемая судорожным, навзрыд дыханием и шумом бегущих ног, утешения не приносила.

Оба они – и Ангел, и Луис – делали на бегу безумные зигзаги, внезапно меняли темп и направление, чтобы сбить с толку возможных стрелков. Вот отдаленная линия деревьев, покачиваясь, стала постепенно придвигаться ближе; так близко, что даже в сумраке можно разобрать детали коры и листвы. Дальше лес терял отчетливость, сливаясь в сплошной массив из теней и сумрака. Там, в его мшистой глубине, может дожидаться любое число стрелков, ведя мушки по траектории движения мишеней или же удерживая цель статично, в ожидании, когда мишень приблизится сама. Быть может, в секунду перед смертью в затенении удастся различить мгновенную вспышку дула – последний просверк, предвещающий окончательную тьму.

Десять метров... Пять... Три... и вот напарники уже под сенью деревьев. Упав в подлеске наземь и не успев толком отдышаться, они начали осторожно отползать от места своей высадки, стараясь производить как можно меньше шума и не допускать шелеста и предательского

шевеления кустов, способного выдать их местоположение. Ангел глянул на Луиса, ползущего метрах в трех-четыре-х справа. Вот он приподнял руку: дескать, стоп. Где-то в вышине над головой пролетело что-то неразличимое в сумраке, но партнеры даже не стали поднимать глаз. Вместо этого они выжидали, сосредоточив внимание на лежащем впереди лесном массиве. Глаза уже попривыкли к темноте.

– Они не стреляли, – выдохнул Ангел. – Как так вышло, что они не стреляли?

– Не знаю.

Луис цепко оглядел лес, высматривая признаки движения, – любые, выдающие слежку. Ничего не обнаружилось, но он-то знал, что где-то там, среди молчащей листвы, притаились люди. Просто они так забавляются – пока.

Луис указал, что нужно продвигаться. Под прикрытием деревьев напарники медленно, осторожно тронулись вперед – поочередно. Вначале два-три шага, а затем подстраховка товарища с доглядом не только за тем, что лежит впереди, но и за тем, что, возможно, происходит сзади. Но ничего не происходило, лес был как будто чист. Наивная иллюзия, которой ни один из партнеров, впрочем, не поддавался. Быть того не может, чтобы присутствие гостей не заметили. Тела в багажнике машины оставили специально для них, а саму машину вывели из строя. Послание донесено. Да, они живы, но только по чьей-то глумливой прихоти.

Луису снова подумалось о той женщине в окне. А совпадение ли это – ее появление в тот самый момент, когда они с Ангелом навели окуляры на дом? Может, им специально дали ее увидеть, а они отреагировали в точности как от них ожидалось: скомкали свой план и ретировались к машине, но только западня уже захлопнулась. И теперь напарникам ничего не оставалось, кроме как продолжать движение и следить за дальнейшим разворотом событий, не расслабляясь ни на минуту, с постоянной оглядкой, вслушиванием, вглядыванием. Покрыв не больше километра, партнеры уже изрядно вымотались, но вот деревья начали редеть, и в просветах стало видно открытое пространство – пологий склон, всходящий к внутренней кольцевой дороге. А за ней снова лес.

Напарники остановились, пока еще не были на виду. Впереди хребтом всходила дорога, тоже без признаков движения. Луис принялся в попытке уловить любой намек на сигаретный дымок или запах съестного, указывающий на близкое присутствие людей. Ничего.

Они с Ангелом стояли почти бок о бок.

– Я иду на «три», ты на «четыре», – прошептал Луис.

Если дорога под наблюдением, такая разбивка осложнит прицеливание, а второй отвлечет от первого, посеяв смятение, на которое и весь расчет. Луис поднял правую руку и расставил указательный и средний пальцы буквой V.

– Я ухожу влево, ты вправо. Останавливаемся, только когда добежим до деревьев.

Ангел кивнул. Вприсядку подобрались к краю леса, вслед за чем Луис губами сделал отсчет: один, два.

Три.

Луис бегом припустил к дороге. Секундой позже рванул Ангел, закладывая вираж вправо. Опять зигзаги, но на этот раз не такие суматошные. Главное сейчас – перемахнуть через дорогу. Они на ней как на ладони, так что надо как можно скорей.

Напарники не дотянули даже до склона. Первый выстрел взметнул фонтанчик земли буквально в паре дюймов от ноги Ангела. Второй и третий пришлось в саму дорогу, а затем обстрел из разрозненного сделался просто обложным, вынудив Ангела с Луисом вернуться в лес. Там они улеглись и стали в ответ постреливать из своих «штейров», целя во вспышки выстрелов. Очереди пускали короткие, экономя патроны. Вон, пригнувшись, побежала фигура в серо-зеленом камуфляже. Луис выстрелил, но безрезультатно: видимо, дистанция для «штейра» далековата.

– Хорош в молоко садить, – одернул он Ангела, когда они оба впустую выпустили по магазину.

Ангел перестал и насупленно присобачил новый рожок, не отрывая щеки от дернистой кочки.

Между тем с той стороны дороги стрельба не прекращалась, хотя на приближение не шла. Стрелков как будто вполне устраивало сшибать почем зря с деревьев кору безнадежно высоко поверх голов Ангела с Луисом, лишь бы только огонь пригвождал их к месту, или вздымать клубы пыли и щебневую крошку над насыпной дрогой. Ангел с Луисом медленно возвратились обратно под сень деревьев.

Лишь после этого обстрел прекратился, хотя в ушах по-прежнему звенело от выстрелов. Теперь стрелки были видны – трое в камуфляжах с капюшонами, едва различимые в лесу по ту сторону дороги. Один держал винтовку на груди, а двое других, слева и справа, прислонились к деревьям с винтовками у плеча, размеренно поводя стволами в поисках цели. Их как будто и не заботило, что они на виду. Вот их число стало прибавляться с севера и юга. Вдоль дороги подходило подкрепление,

неспешно рассредоточиваясь среди деревьев. Кое-кто из них, кажется, даже улыбался. Шла игра, и стрелки в ней одерживали верх. Ангел сменил свой «штейр» на «глок», но Луис жестом велел опустить ствол:

– Не надо.

По прикидкам Луиса, охотники, скорее всего, растянулись вдоль дороги. Взяли на заметку, в каком месте добыча вошла в лес, а затем примерно вычислили, откуда выйдет наружу. К западу или востоку дозорные, вероятно, реже, но все понимают, что можно быстро подкинуть подкрепление.

Откуда-то с той стороны дороги донеслось потрескивание рации и утонуло в шуме подъезжающей машины – грузовика с безбортовой платформой, который прибыл с южной стороны и остановился шагах в сорока от места, где присели Ангел с Луисом. В кабине машины смутно различались два силуэта. Мотор заглох. Из кабины никто не вылезал.

– Это еще что за хрень? – спросил Ангел недоуменно.

Луис не ответил. Он сейчас высчитывал временные промежутки, расстояния, применение оружия. Можно ли прикончить тех двоих в машине, если под прикрытием леса начать отход к югу? Шансы неплохие. А вот шанс оторваться от преследователей, которые неизбежно устремятся следом, фактически равен нулю.

Тем не менее это не может длиться вечно. Визитеров здесь удерживают с какой-то целью. Может, там уже кто-то подбирается с тыла, отрезает путь к отступлению. Они с Ангелом сейчас как лисы, которые убегают от охотников и вдруг видят, что вход в нору заделан, – остается лишь поворачивать вспять, навстречу собакам.

– Мы идем обратно, – сказал Луис вслух.

– Что?

– Сейчас дорога отрезана. Они также знают, где мы, и это не к добру. Надо, пока есть возможность, использовать лес. На северо-востоке, помнится, стоит дом, он значился на спутниковых снимках. Может, там удастся разжиться машиной – легковой, грузовой – или, по крайней мере, телефоном.

– Ну да, можно будет звякнуть копам, чтобы они нас забрали, – хмыкнул Ангел. – Сказать им, что мы пришли сюда кое-кого убить, да вот ошибочка вышла.

Начался дождь. Крупные капли увесисто шлепали по лиственному своду над головами. Уже готовилось взойти солнце, но на небе по-прежнему вздувались мглистые тучи. Дождь учащался, тяжелел, быстро промачивал насквозь, но наблюдатели на окраине леса не двигались.



На них были непромокаемые накидки и пончо. К дождю они подготовились. Да что там дождь – подготовились ко всему. Луис с Ангелом медленно отступили в деревья.

\* \* \*

Налицо было обильное внутреннее кровоизлияние. Мозг внутри черепа набух, отчего кровь текла еще сильнее. За раненого боролись, пытались предотвратить образование грыжи, потому что для него это был бы конец. Были извлечены костные фрагменты, кровавый сгусток и пуля. В конце концов на этом месте должен будет остаться лишь малозаметный шрам, скрытый под волосами.

А пока шла битва за его жизнь, Луис сидел возле озера в окружении деревьев. На той стороне виднелся дом, в котором он вырос. Теперь дом пребывал в запустении – уже не жилье, а развалины. Туда нельзя вернуться, а значит, в его стенах нет жизни. Жизни не было нигде. Молчал лес, в озере не водилась рыба. Луис сидел в мертвом месте, сидел и ждал.

Спустя время из темноты леса на востоке появился человек. Лица у него не было, а зубы щерились в безгубой улыбке. Из-за отсутствия глаз человек ничего не видел, но голова его была повернута к Луису. Раны на лице создавали впечатление, будто он все время скалится. Может, так оно и есть: Дебер всегда скалился, даже тогда, когда убивал мать Луиса.

На западе небо тронулось свечением, и место у воды занял Горящий Человек, ворожа устами слова, беззвучно ведая своему сыну о великом гневе отмщения.

Север – дом. Юг – Луис. Восток – Дебер. Запад – Горящий Человек. Компасные румбы.

Однако самой южной точкой Луис не оказался. За спиной он слышал шаги, и сзади его шеи мимолетно коснулась рука. Луис попробовал обернуться, но не смог.

А голос его бабушки прошептал: «Это не единственное, куда можно пойти».

Что стало началом конца. Зернышком света, которое увенчалось медленным прорастанием сознания.

Рана заживала долго. Пуля проникла в череп, но не вошла в мозг. Не зря мать с детства звала мальчика твердолобым. Даже когда его жизнь оказалась вне опасности, Луис не без труда образовывал некоторые слова, а зрение еще месяцами туманилось. Его доносили фантомные звуки и боли

в конечностях.

Поначалу возник соблазн отделаться от Луиса, но у Гэбриела этот парень был на особом счету. Из набора он самый младший, но при этом обладает потенциалом, превосходящим все ожидания Гэбриела. Луис быстро шел на поправку, отчасти из-за своей естественной врожденной силы, но еще (уж Гэбриел-то знал) из-за желания отомстить. Блосс исчез, но должен найтись. Содеянное не может сойти ему с рук безнаказанно.

На то, чтобы его отследить, ушло десять лет. И когда Блосса нашли, привести приговор в исполнение послали Луиса.

\* \* \*

Блосс жил в Амстердаме под фамилией ван Мьерло и имел гражданство Нидерландов. Налицо была пластическая операция – не то чтобы радикальная, но нос, глаза и подбородок изменены достаточно, чтобы старые знакомые, случись невзначай с ними встретиться, прошли бы дальше без остановки. Во всяком случае, узнали бы не сразу. Все это он проделал ради форы во времени – часов, минут, а то и секунд. Не приходилось сомневаться, что после того случая с Ловейнами Блосс все годы жил в ожидании дня, когда его найдут и разоблачат. И готовился бежать в любое время. Все свое окружение он знал досконально, и малейшее изменение будничной среды его бы насторожило. При себе всегда носил оружие. Невдалеке от места проживания в надежном частном гараже стоял автомобиль, которым Блосс пользовался редко. Он держал его на случай экстренной надобности, если аэропорт и поезда вдруг по какой-то причине окажутся вне доступа и не отыщется иного средства передвижения.

Блосс в основном брал такси, останавливая их на улице, а не вызывая загодя, и при этом никогда не усаживался в первое, а только во второе, третье или даже четвертое. Раз в месяц он наведывался в Роттердам к своему юристу, отправляясь туда на поезде с Центрального вокзала. Под жилье снимал четырехэтажный таунхаус на Ван Вустраат, но нижний этаж стоял в первозданном виде, а сам Блосс обитал на втором и третьем. Нетрудно догадаться, что первый и четвертый этажи были оборудованы ловушками или заминированы, а в жилых апартаментах имелась потайная дверь, дающая доступ в смежные строения.

Интересно, знал ли Блосс, что его бывший соратник по-прежнему жив? Возможно. В таком случае он мог ожидать, что в случае чего мстить

явится именно Луис собственной персоной. Блосс будет ждать ножа, приставленного к голове пистолета, примерно как того ждал Дебер много лет назад. Может, беглец даже опасается, как бы его не попытались переправить в Соединенные Штаты, под светлые очи Гэбриела, и тот обойдется с ним по своему усмотрению. Но Луис при этом будет присутствовать – в этом Блосс не сомневался, поскольку не знал Луиса так, как знал его Гэбриел и как в последние свои дни, исполненные муки, его узнал Дебер.

Луис уже покидал Нидерланды, а Блосс его присутствия так и не заметил. Но, еще находясь там, Луис неуклонно шел по Блоссову следу, используя помощь Гэбриела, а также собственную инициативу. Были выявлены банковские счета, прошел тайный обыск в офисе юриста. Выявились бизнес-интересы, объекты движимого и недвижимого имущества Блосса. Даже разыскали его автомобиль.

Случилось так, что в последние дни пребывания Луиса в Амстердаме ухудшились отношения между голландским правительством и профсоюзом транспортников. Ожидалась череда забастовок. И вот спустя неделю Блосс отправился в гараж, чтобы в Роттердам выехать на своей машине, а не зависеть от капризов поездного расписания. Съезжая по пандусу, он, не переставая рулить, включил кассетник. И вот что странно: вместо ожидаемых «роллингов» в динамиках послышалось женское пение – похоже, Конни Фрэнсис. Да, точно она, с песней «Кто сожалеет теперь?».

«Но ведь у меня нет Конни Фрэнсис», – удивленно подумал Блосс.

И тут все понял.

Он был уже одной ногой на полу, когда реагирующий на уровень наклона взрыватель сработал и машину вместе с Блоссом поглотил огонь.

\* \* \*

– Он выжил, – сказал Гэбриел Луису. – Тебе надо было изыскать другой способ.

– Мне этот показался уместным. Он точно остался жив?

– Останков в машине не обнаружено, но к гаражному полу пристали фрагменты кожи и одежды.

– Кожи много?

– Прилично. Боль, судя по всему, была преизрядной. Следы потом вывели нас на частную клинику в Рокене. Доктора в живых мы, само собой, не застали.

- Если Блисс жив, то он когда-нибудь к нам заявится.
- Возможно. Хотя опять же, может случиться, что от него осталась лишь обугленная оболочка с тем мучеником внутри, который нам известен.
- Я мог бы снова его найти.
- Думаю, нет смысла. У него есть деньги и связи. На этот раз он зароется глубоко. Скорее всего, дожидаться его визита придется долго, если он вообще когда-нибудь явится. Так что терпение, Луис, терпение...

## Глава 22

Блисс сидел в столовой дома Артура Лихагена. Позади стоял стол, в ногах – пустой кофр «Хардигг сторм». Сидел, не снимая плаща, в руках держа мягкую непромокаемую шляпу. Перед ним было окно, в которое только недавно начал просачиваться мутноватый свет, так что до этого в стекле Блисс созерцал единственно свое отражение. Усталости он не чувствовал. Хотя проделал такой путь, и момент, которого Блисс не чаял дожидаться, был практически в его руках.

Вспоминались те первые часы, когда он в убеждении, что вся кожа на теле сожжена, в адских мучениях ковылял сквозь ночь, а ум всецело затмевала боль. Стоило громадного, нечеловеческого усилия воли как-то ее отграничить, расчистить крохотный уголок сознания, где разум мог возобладать над инстинктом. Блисс сумел добраться до телефона, и этого оказалось достаточно. У него были деньги, а за деньги можно купить что угодно, если их только хватит: укрытие, бегство, лечение ран, новое лицо, новую идентичность.

Шанс на жизнь.

Но какая боль. До конца она не проходила никогда. Говорят, что со временем острота бывших страданий забывается, но у Блиссом все было не так. Память о перенесенной боли опаляла разом изнутри и снаружи, в душе и в теле. И хотя ее физическая реальность истаяла, память о ней оставалась обостренно ясной. Достаточно ее призрака, чтобы по-новому воссоздавать все, что когда-то произошло. Это свойство в себе Блисс использовал для воскрешения боли, что дало ему силы добраться сюда.

Сзади слышались шаги, а за ними голос Майкла Лихагена. Но Блисс не обернулся, не считая нужным одобрять его присутствие.

– Был контакт, – доложил Лихаген.

– Где?

– На внутреннем кольце, рядом с южным пересечением.

– Люди твоего отца сделали все, что им было велено?

Прежде чем Майкл ответил, возникла пауза. Блисс знал, что авторитет Лихагена-папаши догнивает вместе с ним, что вызывает лишь усмешку. Нелишне еще раз напомнить этому сосунку, что, заказав нападение на Гэбриела, он переступил порог своих полномочий. Блисс этого не забыл и спускаться не собирался. Как только работа будет сделана, последует расплата. Бентон – человек, спустивший курок, – ляжет жертвенным

агнцем на алтарь искупления за свою непозволительную дерзость. Это ему, Блиссу, и только Блиссу, было решать, жить Гэбриелу или умереть. В душе Блисс понимал: Гэбриел не мог допустить, чтобы та его измена прошла безнаказанно, и не держал на старика зла за последовавшую долгую охоту. Иное дело – Луис. Его Блисс хотел. Луис... Это он его сжег. Он сделал их противостояние личным.

– Они их оттеснили. А стреляли всего лишь для остротки, стараясь не убить.

Блисс мощно выдохнул через нос, как позабавленный бык.

– Даже если б и нет, попасть бы они никуда не попали. Разве что по ошибке.

– Это хорошие парни.

– Вздор. Все как один местная шваль. Деревенские жлобы и пожиратели беличьего помета.

Оспаривать точность этой формулировки Майкл не стал.

– Есть и еще кое-какие новости. Мы потеряли контакт с двумя нашими, Уиллисом и Хардингом. По радиии ответил чужой голос.

– Это ваша проблема, вам с ней и барахтаться.

– Мы ее сейчас улаживаем. Я просто подумал, что тебе тоже не мешает об этом знать.

Блисс встал, впервые обращившись лицом, но по-прежнему игнорируя человека, в услужливой позе стоящего у двери. На столе за ним, помещенная на двуногу марки «Харрис», почивала снайперская винтовка «Чендлер ХМ-3» с титановой направляющей «пикатинни» и гасителем отдачи, а также дневным оптическим прицелом «Найтфорс NXS». В кофре «Хардигг» лежал еще и универсальный прицел ночного видения, но Блисс его устанавливать не стал, в надежде, что для загона добычи окажется достаточно и дневного света. Он выглянул в окно на набирающий силу рассвет, слегка подмоченный начавшимся дождем. День вступал в свои права.

Рядом с «Чендлером» находилась еще одна винтовка, «Сарджен XL». Блисс разрывался между ними. Впрочем, «разрывался» – слишком сильно сказано, учитывая то сравнительное хладнокровие, с которым он сейчас делал выбор. Для человека его профессиональной стези такое может показаться нетипичным, но чрезмерной любви к стволам Блисс не испытывал. Безусловно, он знал и тех, кто к орудиям своего промысла питал чуть ли не половое влечение, но родства с такими персонажами не ощущал. Наоборот, их чувственность по отношению к своему оружию считал формой слабости, симптомом упрямого вглубь недомогания.

Такие люди наверняка дают забавно-умильные прозвища своим половым органам, а в убийстве ищут эмоциональный выхлоп, сродни выплеску чувств от полового соития. Словом, подобные проявления Блисс считал верхом глупости.

«XL» стреляла патронами «.338 лапуа магнум» и была снабжена прицелом «Шмидт-Бендер 5-25 х 56» со своим креплением и многопортовым дульным тормозом для смягчения отдачи. Ложа у нее была из фибростекла, а вся винтовка весила в пределах десяти килограммов. Сейчас Блисс поднял ее, продел руку в ремень и принял вес на левое плечо. Вообще он всегда предпочитал правое, но после незабвенного Амстердама приспособился под новые условия – и в этом, и далеко не только.

– Ты уже идешь?

– Да.

– Как же ты их отыщешь?

– Чутьем.

Сын Лихагена озадаченно прикинул, шутит ли этот странный, изборожденный шрамами человек, и решил, что все-таки нет. Больше он ничего не сказал, а лишь смотрел, как Блисс покидает дом и удаляется через лужайку в поисках своей добычи.

## Часть IV

*Для кого-то из них это место не гоже –  
Без крови оно.  
И охотятся здесь, как всегда.  
Но клыки их и когти теперь совершенны –  
Смертоносней, чем кажется им.*

*Джеймс Дикки (1923–1997).*

*«Небеса Животных»*



## Глава 23

Отход от дороги протекал тем же самым способом, что и приближение к ней: неуклонное продвижение с использованием деревьев как прикрытия – один идет, другой страхует, – с неустанным всматриванием, вслушиванием. Напарники ждали, что со стороны дороги к ним начнут подступаться фигуры в капюшонах, и вымеряли расстояние так, чтобы те находились в зоне попадания «штейров». Но капюшоны все не появлялись.

Дождь прекращаться как будто бы не собирался. Ангела пробивала дрожь. Ныла спина. Боль в старых ранах имела обыкновение то уходить, то являться нежданной гостьей, но если подвергать себя холоду, сырости или долгим периодам бега либо даже ходьбы, то всегда обострялась. Теперь спина в местах пересадки кожи была словно натянута на чересчур тугую болванку.

Что до Луиса, то он мысленно периодически возвращался к той блокировке у дороги. Совершенно ясно, что люди Лихагена намеревались их просто удерживать, а убивать только в крайнем случае. Вместе с тем никак, даже чисто теоретически, нельзя предположить, что хоть одного из них выпустят отсюда живыми. В такую даль на север их затянули с определенной целью, и цель эта – стереть обоих с лица земли. Убиты Эндаллы, и можно смело предположить, что и остальные группы также обезврежены. Все в бригаде Луиса свое дело делали исправно, но никто не предполагал, что каждый их ход будет заранее известен. Лихаген коварно предвосхищал каждое их движение. Он ждал прихода гостей, а присутствие в доме Лоретты Хойл наталкивало на мысль, что ее отец причастен к этому предательству.

Однако задача по устранению Ангела с Луисом предписывалась не людям на дороге и иже с ними. Она отводилась кому-то другому. Оставалось лишь подождать и выяснить, кому именно. Впрочем, у Луиса на этот счет уже имелись подозрения.

К юго-западу отсюда находились коровники, амбар с уже обездвиженным автомобилем и особняк Лихагена. Надо же, какая наивность – считать, что спящие обитатели дома о присутствии гостей не догадываются. Может, именно там им отведено умереть, вслед за получением внезапного упреждающего удара на въезде? Если так, то предполагаемый палач ждет их в доме, а если они все же не направятся

к нему, то он сам будет вынужден выйти по их души. Затею подобраться к Лихагену Луис на этот момент почти уже оставил. Старый злыдень наверняка под защитой, а элемент внезапности утрачен, тем более что его, похоже, не было изначально. Но двинуться на Лихагена будет по крайней мере неожиданностью.

До сих пор визитеров прижимали в основном на востоке, где главная дорога. Преследователи рассчитывали, что те будут прорываться именно к ней, чтобы дать деру за внешний периметр. Сложно сказать, насколько такие шансы были бы осуществимы. Прежде всего пришлось бы пехом преодолеть огромный участок, и даже если б напарникам при этом посчастливилось раздобыть машину, то при попытке прорыва их наверняка бы ждало хорошо вооруженное, мобильное преследование, да еще и мосты, перекрыть которые легче легкого. Ну а если о транспорте, то лучше всего было бы снять один из экипажей грузовиков с упованием на то, что коммуникации здесь не настолько плотны и их все-таки удастся прорвать, воспользовавшись каким-нибудь зазором, который некоторое время останется необнаруженным.

Если же податься на запад, к Лихагену, то напарники окажутся надежно заперты с обеих сторон – между людьми на востоке и теми, кто обеспечивает защиту хозяина особняка. А сзади там еще озеро, отрезающее любое дальнейшее отступление. Разве что попятить какую-нибудь лодку, в надежде, что удастся проскочить между хитро раскиданными по дну камнями, и все это под обстрелом лихагенских охранников (наивно полагать, что перед отплытием удастся их всех перещелкать).

Еще один вариант – сельский дом в лесу, который Луису помнился по спутниковым снимкам. Отсюда теоретически можно позвать на помощь, а самим забаррикадироваться и удерживать преследователей до прихода подмоги. А что, кое с кого причитается, так что «вертушка» может быть на месте в пределах одного часа. Посадочка, правда, будет еще та, но людям, что прибудут, такие вещи не внове.

Вскоре партнеры вышли к дому. Двухэтажное строение когда-то выкрасили красным, но со временем цвет поблек до серовато-коричневого, так что жилище, казалось, было сделано из тронутого ржавчиной железа – словно отсек корабля, отделенный от основной конструкции и брошенный ржаветь на обидно близком расстоянии от моря. К участку вела узкая грунтовка, которую из-за деревьев не было видно на спутниковых снимках, хотя Луис догадывался, что где-то там должна пролегать дорога. Трава во дворике не росла: его превратили в огород. Справа мирно поквохтывали в своем загончике куры, огражденные от посягательств хищников

проволочной загородкой. Слева стоял старый сарай, в открытой дверке которого виднелся сложенный на зиму запас дров. А за ним из кирпичной трубы густо валил беловатый дым: в доме топили печь.

Окна дома светились изнутри. У задней двери стоял старенький грузовик с деревянным коробом клетки над кузовом. От него потягивало навозом.

– Как ты думаешь это сделать? – спросил Ангел, но ответ сложился сам собой.

Задняя дверь отворилась, и из проема под навес крыльца вышла женщина. Не старая, по виду на пятом десятке, но ее старила одежда явно с чужого плеча, а также седина, чересчур обильная для этих лет. Лицо женщины говорило о нелегкой жизни, разочарованиях и обращенных в прах надеждах и чаяниях.

Оглядев незваных гостей, а также их оружие, она как будто даже не струхнула.

– Вам чего? – бросила строго хозяйка дома.

– Нам бы помощи, мэм, – ответил Луис. – Прибежища, а еще позвонить по телефону.

– Вы всегда так за помощью ходите, со стволами-то в руках?

– Нет, мэм.

– Мы, так сказать, жертвы обстоятельств, – виновато улыбнулся Ангел.

– Не могу никак. Ступайте себе подобра-поздорову.

Такая храбрость вызвала у Луиса уважение. Не так много женщин вот так запросто отсылают двоих вооруженных мужчин куда подальше.

– Прошу прощения, мэм, – сказал он. – Но мне кажется, вы не вполне понимаете, что здесь происходит.

– Понимаем прекрасно, – раздалось сзади.

Луис не пошевелился. Что будет дальше, он знал. Спустя пару секунд в спину ему уткнулась двустволка.

– Ты чувствуешь, что это, сынок?

– Да.

– Вот и хорошо. Тогда будь добр, брось ствол. И товарищ твой может сделать то же самое.

Луис повиновался, выпустив из рук «штейр», но одновременно как бы невзначай скользнув правой рукой к «глоку» у себя на поясе. Чьи-то пальчики шустро подхватили с земли «штейр» и забрали его вместе с оружием Ангела.

– Двинешь руками хоть на дюйм, сынок, и я тебя заверяю: умрешь – не успеешь даже почувствовать следующей дождинки у себя на лице.

Рука Луиса застыла. Его жестко обхлопали с боков, и «глок» оказался изъят. Тот же голос осведомился насчет пистолета у Ангела. Ответ прозвучал быстро и честно. Покосившись влево, Луис заметил, как Ангела обыскивает рослый молодой человек и снимает с его пояса оружие. Теперь они были абсолютно безоружны.

Стало слышно, как шаги сзади отступили. Луис медленно обернулся. Ангел уже смотрел на двоих мужчин, что появились из-за сарая. Один был примерно на седьмом десятке. От дождя его прикрывала широкополая шляпа. Второй, который их обыскивал, – моложе, лет под тридцать – был без головного убора. Дождевая вода, беспрепятственно проникая сквозь короткие редковатые волосы, будто слезами струилась по бескровному, синевато-бледному лицу. Левый глаз молодого человека, судя по всему, не имел сетчатки. Он был белесым, как его кожа, словно в него из нее перелилось что-то недужное, отравленное, выев из глаза весь цвет. Оба мужчины были вооружены: старший – дуствольным дробовиком, младший – берданкой. Между ними стояла девчушка лет всего-навсего семи или восьми, нелепо наряженная в плащик с Микки-Маусом и ярко-красные башмачки. У нее в ногах лежало оружие, отобранное сейчас у Ангела с Луисом. Вид стволов ей, похоже, совершенно нипочем, как и то, что стоящие рядом с ней взрослые – с ружьями, уставленными в еще двоих дядь.

– Надо было вам у себя в Нью-Йорке оставаться, – вздохнул старший.  
– Откуда вы знаете, что мы из Нью-Йорка? – удивился Ангел.  
– Молва. Тут вашего приезда ждали. Для них был только вопрос «когда?».

– Для кого это – «для них»?  
– Для мистера Лихагена и его парней.  
– Вы работаете на Лихагена?  
– Здесь кто только на него не работает. Он, так или иначе, всех под себя подмял. Если Лихаген не платит тебе напрямую, значит, ты живешь с того, что он платит другим. – Старший повернулся к девчушке: – Беги к бабуле, милая.

Обнырнув молодого человека сзади, малышка вприпляску побежала под защиту навеса, топая по лужам, успевшим образоваться на неровной земле. Взлетев по ступенькам, она раскрылила руки и припала к своей бабушке, покровительственно обнявшей девчушку за плечи. Но так малышка простояла недолго: озорно улыбнувшись бабушке снизу вверх, она от неумности восторженного чувства хлопнула ее по ногам. Интересно, кто отец этой непоседы? Наверное, все же не этот доходяга

с вымытым глазом. Девчушка для него слишком уж хорошенькая, бойкая. А он смотрится как труп, до которого никак не дойдет, что он уже помер.

– Томас, – с крыльца обратилась женщина к старшему.

В ее голосе мелькнула просительная, чуть ли не умоляющая нотка. При этом ее как будто и не трогала участь этих двоих случайных гостей. А просто не хотелось, чтобы ее муж попал в какую-нибудь неприятность, связанную с кровопролитием.

– Да ты просто заведи ее в дом, – указал Томас. – А мы тут сами с ними управимся.

Женщина схватила девчушку за руку и потянула в дом. Но та не хотела упускать интересное представление, так что потребовался еще один рывок, чтобы она просеменила по крыльцу, а дверь следом захлопнулась. Но и тут Ангел успел заметить, с каким жестоким разочарованием ребенок напоследок глянул на него: вот-вот разревется.

– Мы не хотим ничего дурного, – сказал Ангел.

– Правда? – спросил Томас. Голос звучал скептически и устало. – Только теперь уже чуток поздновато, тебе не кажется?

– Мы просто хотим уйти отсюда живыми, – посмотрел на него Ангел.

– Не сомневаюсь, сынок. Только сдается мне, что с этим у вас возможна проблемка.

– Ты мог бы нам помочь.

– Спору нет, мог бы. Мог бы, но не буду.

– И почему?

– Потому что тогда вместо тебя умру я. Это если вам удастся выбраться из всей хрени, в которую вы вляпались. Чего, я думаю, не произойдет. Мистер Лихаген высоко ценит преданность. В том числе и материально.

– Те люди собираются нас убить.

– Что посеешь, то и пожнешь. Кажется, это из Библии, только места точно не знаю. Женка моя могла б тебе сказать. Любит читнуть, когда в настроении. Правда, со мной она на эти темы не рассуждает.

Мужчина перехватил цевье дробовика, и Луис напрягся. Ангел чувствовал, что он готов к прыжку, но, похоже, уловил это и Томас. Сдвоенный ствол уставился ему в грудь. В эту секунду сменился ветер, и пахло смрадным духом животных, которых Томас на своем грузовике отвозил на убой. В смутном предчувствии смерти они в страхе опрастывались на дно кузова.

– А ну-ка, – с вызовом сказал Томас. – Только дернись: еще стемнеть не успеет, как я твой труп скормлю хрякам.

Хряки. Теперь было слышно, как они грузно возятся и похрюкивают где-то за домом.

– Ты помогал им снимать кино, – сказал Ангел.

Томас, чуть поежившись, хмыкнул:

– Знать не знаю, о чем ты.

– Как они это делали? С моделью? Клали в грязь, будто женщину там жрут, а потом все монтировали в аппаратной? Ну скажи, как они это делали?

– Не знаю, да и дела мне нет, – уклонился Томас. – Лично я против вас ничего не имею, и убивать вас тут у себя – дело неблагодарное. Мистер Лихаген этого не одобрит. У него на вас, я так понимаю, другие планы. Ну ладно, топайте. Уходите и обратно не возвращайтесь. А ваши пушки пускай остаются у меня. А то вам веры нет: кто знает, как вы себя потом поведете.

– Без оружия у нас нет шансов, – заговорил Луис.

– У вас их и так не было.

– Ты, похоже, многое об этом знаешь.

Томас улыбнулся – без зловредства, скорее с жалостью.

– Вы сюда явились, готовые натворить бед, и тут удача повернулась против вас. На что же вы рассчитывали? Что тут в своем домище сидит одинокий старик, которого вы прихлопнете, а никто и пальцем не шевельнет, чтобы вам помешать? Так вот слушайте меня: к этому сукину сыну у меня любви нет, и, наверное, мир был бы более приятным местом, кабы он вовсе в него не родился. Но вы сделали ошибку, что пришли сюда, и теперь она определяет, жить вам или умереть. Как я уже сказал: что вы посеяли, то и пожнете. – Стволом дробовика Томас указал на лес, из которого гости пришли. – Вон там лежит дорога и, может статься, ваш путь отсюда. Больше сюда не приходите. Если воротитесь, я вас убью. Лихаген там или не Лихаген – у меня семья, о которой надо заботиться.

– Я верю тебе, – сказал Луис.

– Вот и хорошо.

Оба, старший и младший, отшагнули, и под их бестрепетными стволами Ангел с Луисом двинулись прочь. Они уже почти скрылись в деревьях, когда Томас их окликнул:

– Эй!

Напарники остановились.

– Ты вот сказал, я многое об этом знаю? Вовсе нет. Просто я слышал, кто-то в баре дал волю своему языку позавчера вечером, и нас упредили держать ухо востро насчет незваных гостей. Я вот и смекнул, чего ожидать. Те ребята, они вас убивать не думают. Хотят вас оставить кому-то там еще.

– Кому? – встрепенулся Ангел.  
Томас пожал плечами.  
– Говорят, какая-то там то ли радость, то ли счастье. Черт его знает, я так расслышал.  
– Счастье?  
– Не, не счастье. – Томас сосредоточился. Брови сползли к переносице за припоминанием слова. – Благословение? Тоже нет... А, вспомнил! Блаженство! Точно. Их, сказали, ждет блаженство.

\* \* \*

Шли молча. Луис брел, глубоко погруженный в свои мысли. Его спесь, гнев и самонадеянность привели их сюда. Блосс. Значит, все-таки Блосс. Луис искоса поглядел на хмуро шагающего рядом Ангела, ушедшего в собственную боль. Вот он, видимо, уловив, что на него смотрят, чуть повернулся, и их взгляды встретились. В глазах Ангела не было ни укора, ни гнева. Все это требовалось Луису, и Ангел, не рассуждая, отправился с ним, несмотря на все свои нелегкие сомнения. Если это не любовь, то что?

– Ты козел, – сказал Ангел, разом остужая тепло в сердце друга. – Ты это хоть понял?

– Да, понял.

– Здорово. Я тут иду промокший, продрогший. Меня собирается шлепнуть убийца, коллекционирующий других киллеров, как скальпы, и все это благодаря тебе.

– А вот я только что думал: какой ты молодец, что меня в этом не винишь. Думал, как я тобой за это восторгаюсь.

– Ты вообще с головой дружишь? Конечно, я тебя виню. И свои восторги можешь оставить при себе. Это бы я написал на твоём надгробии, но теперь мне и это не светит ввиду моей безвременной кончи... Ап-чхи! – Ангел громко, с отдачей чихнул. – Супер. Ну просто супер.

Луис посмотрел на небо.

– Может, дождь наконец перестанет.

– Хотя что-нибудь да светит.

– Нам нужны стволы.

– Чтоб ими разжиться, придется кого-нибудь пристукнуть.

– Можно вернуться и забрать их у старика.

Оба остановились и секунду-другую прикидывали. Как все сложится,

несложно предугадать. Несмотря на всю браваду старикана и имеющиеся стволы, этой семейке с ними не потягаться. Но в доме ребенок, а что-то в глазах Томаса говорило: в случае возвращения гостей он будет биться. Нет, туда они возвращаться не станут.

– От нас ждут, что мы побежим и попытаемся пробиться через кордон, – рассудил Луис. – Они не ожидают, что мы будем делать то, за чем пришли.

– В смысле штурмовать дом Лихагена?

– Да.

– За неимением ничего более путного звучит как план, – выжимая из куртки воду, сказал Ангел. – Что мы с ним будем делать: топить в унитазе?

– За неимением ничего более умного...

Они пошагали дальше.

– Ты действительно меня во всем этом винишь? – спросил Луис после нескольких минут обоюдного молчания.

Ангел подумал.

– Я виню себя.

– Неужели правда? – опешил Луис.

– Конечно, нет. – Ангел снова чихнул. – Я правда виню тебя.



## Глава 24

Уилли Брю с Детективом пересекли мост и, проехав сотню метров, поравнялись с перекрестком. Вообще это слово здесь годилось сугубо условно, потому как, по мнению Уилли, это были просто две грунтовки, идущие исключительно в никуда: одна с запада на восток, другая дальше на юг. Из них приветливо не выглядела ни одна, да и вообще в мысленной энциклопедии Уилли в понятие «дорога» не входил ни один придорожный пятак, если на нем нет магазинчика, фастфуда, а к ним желательно еще и бара, а то и двух.

– А что у нас в целом за ребята? – спросил Уилли.

Этот вопрос начал тревожить его уже с того момента, как они приблизились к мосту. Здесь, в этой богом забытом дыре, Брю пробыл всего с час, но уже видел два трупа. По словам Паркера, мертвецы, возможно, есть и на другой стороне, что давало понять: расклад в пользу наших начинает сжиматься. А тут еще ко всему прочему куда-то запропастилась группа спасения – факт, вызвавший у Детектива не удивление, а скорее разочарование. Уилли это тоже вдохновляло все меньше. Он начал подумывать, так ли уж опрометчиво поступил Арно, оставшись там, где был, и стоило ли с ним разлучаться, пусть даже из благородных побуждений.

В эту секунду с западной стороны загудел мотор, и появился каких-то жлобских размеров грузовик – черный, как вороново крыло, с шинами таких размеров, что прыжок с их высоты на землю, пожалуй, чреват повреждением лодыжки. При приближении стало видно, что лобовое стекло у грузовика отсутствует, а обе фары вышиблены. Площади сидений в кабине вполне хватало на то, чтобы без тесноты разместить четверых, но сейчас там кое-как помещались трое, из которых двое по своим габаритам могли сойти за ограниченный к провозу груз вроде шкафов. Затиснутый же между ними третий (тоже далеко не гном) всем своим видом излучал счастливую безмятежность, как будто подобная ситуация для него не только не в диковинку, но и донельзя отрадная, несмотря на дождь.

– Мать твою, – непроизвольно вырвалось у Уилли.

«Браунинг» в руке внезапно показался чем-то игрушечным, смехотворным. Из такого сади в этих битюгов пульку за пулкой, а они даже не почешутся. Все равно что кидаться зефирками в трио атакующих

слонов.

– Расслабься, – сказал Детектив. – Они теперь с нами.

Хотя счастья в его голосе отчего-то не прибавилось – скорее озабоченности.

Грузовик остановился в каких-нибудь трех метрах от того места, где в машине сидели Уилли с Детективом. До этого момента монстр мчал на такой скорости, что не было уверенности, затормозит ли он вообще. Вблизи стало видно, что те двое «шкафов», помимо прочего, чрезвычайно рассержены, и несколько критических секунд казалось, что они попросту перемахнут через «Мустанг», сокрушив его своими колесами на пути к тому несчастному, что вызвал их гнев. Осторожно прикинув шансы на жизнь того безумца, можно расценить их как минимальные или нулевые.

Паркер вышел из «Мустанга», Уилли последовал его примеру. Те двое «шкафов» вылезли каждый со своей стороны, для соскока используя подножки позади колес. Точно сказать нельзя, но Уилли показалось, что земля при этом содрогнулась.

– Знакомься, – тихо сказал Детектив, – братья Фульчи, Тони и Поли. А тот, что посередке, это Джеки Гарнер. Из них он единственный в своем уме, да и то как сказать.

О Джеки Гарнере Уилли раньше не слышал, а вот о Фульчах наслышан был. Про них ему рассказывал Ангел – примерно так, как обычно рассказывают о природных катаклизмах вроде ураганов или землетрясений, оповещение о которых обычно означает призыв держаться от места как можно дальше. Уилли же, стоя от Фульчей в непосредственной близости, находился тем самым в зоне метео- и сейсмического бедствия.

– Что это у вас с машиной? – спросил Детектив.

– Да тут подвернулись одни, – нехотя пояснил Поли и, обличительно ткнув пальцем в сторону Гарнера, добавил: – А этот хоть бы вступился.

– Мы уже во всем разобрались, – поспешил с объяснением Джеки. – Вышло простое непонимание.

– Ага, простое, – пробурчал Поли.

Чувствовалось, что тот инцидент все еще его берedit.

– Ну а деятели, повредившие машину? – осведомился Паркер.

Бугаи потупились, как дети в песочнице.

– Один, гм, совсем плох, – произнес наконец Тони.

– Насколько?

– В отрубе. Даже не знаю, очнется или уже нет. Повалтузил его чуток.

– А остальные?

– Остальной, – поправил Джеки. – Там их было двое.

– С тем вообще плохо, – промямлил Тони, окончательно тушуясь. – Тот, наверное, уже и не поправится. Оно, гм... случайно все вышло.

Детектив, надо отдать ему должное, сохранял нейтральное выражение лица.

– Вы узнали от них что-нибудь полезное, пока они не начали чудить?

Тони, покачав головой, уставился себе под ноги.

– Зато мы теперь знаем, как они меж собой поддерживают связь, – встрял Гарнер. – Но при этом есть неважные новости.

– Да? – внезапно утомленным голосом спросил Паркер. – И какие же?

– Я откликнулся на один из их позывных.

– Ты шутишь?

– Нет. Я думал, что-нибудь выясню, разузнаю.

– Ну и как, выяснил?

– Выяснил, что пародист из меня хреновый.

– Смешно, Джеки.

– Прости. Не подумал.

– Так что они теперь в курсе, что мы здесь.

– Выходит, да.

Детектив отвернулся от безбашенной троицы. Уилли молчал. Ощущение такое, будто он снова оказался во Вьетнаме. Прямо на глазах происходил очередной прокол, и прокол крупный. Уилли охватила усталость, его словно выжали. А еще он понял, что дело идет на спад, а пойдет ли в гору, неизвестно.

Затем всем стал слышен отдаленный звук, прервавший неловкую тишину. Откуда-то приближался автомобиль. Паркер тотчас пришел в движение.

– Уилли, отгоняй «Мустанг», чтобы не было видно, – распорядился он. – Гони к мосту. Поли, давай за руль. Трогай на восток, но не торопясь: пускай они тебя разглядят. Джеки, Тони, вы со мной за деревья. Если окажется, что они в церковь на молебен, не стреляем.

Спорить или задавать вопросы никто не стал. Все было исполнено в точности. Уилли нырнул в «Мустанг», сделал крутой разворот и понесся туда, откуда они приехали, скорость сбавив лишь тогда, когда перекресток скрылся из виду. Здесь он заглушил мотор и позволил себе отдышаться. Дыхание вырывалось толчками, хотя физически механик особо не напрягался. Не сердечный ли это приступ? Уилли вытянул левую руку, убедиться, что она не онемела. Онемение, он был уверен, один из первых симптомов. Ничего, рука вроде действует. Брю подрегулировал зеркало заднего вида, не сводя глаз со стелющейся там дороги. «Браунинг» теперь

лежал на пассажирском сиденье. Одну руку Уилли держал на ключе зажигания, другую на рычаге передач. Пускай только кто-нибудь сунется – он вмиг рванет. Никого не пожалеет. Иного варианта нет.

А затем пошла стрельба.

\* \* \*

Детектив занял позицию с запада от дороги, Тони Фульчи и Джеки – с востока. В поле зрения показался «Бронко» с тремя вооруженными людьми. В засаде все прицелились. При виде незнакомого авто водитель «Бронко» увеличил скорость. У того, что сидел с ним рядом, в руках был дробовик. Третий ездок стоял в кузове с винтовкой. Сейчас он, упершись локтями в кабину, брал на прицел заднее окошко Поли.

Никто не сговаривался. Почти одновременно в лобовом стекле «Бронко» возникли две дырки, а водитель упал на руль, ударившись головой о стекло и измазав его брызнувшей кровью. Грузовик сразу же потащило вправо. Пассажир попытался перехватить руль и вильнуть, в то время как стрелок в кузове панически схватился за защитный брус. Снова выстрелы и оспины дырок в лобовом стекле. Грузовик снесло с дороги. Пьяным виражом он врезался в сосну – передняя решетка спасла его от масштабной поломки, но не помогла ездоку, который вылетел из кузова и, тяжело рухнув на траву, замер там бездыханный.

Детектив вышел из-под прикрытия деревьев первым. Тони и Джеки уже бежали через дорогу к нему навстречу. Ствол Паркер удерживал на тех двоих в кабине, но было ясно, что оба уже мертвы. Водителю попало в шею и грудь. Пассажир поначалу мог еще и уберечься, но на момент, когда «Бронко» врезался в дерево, он оказался не пристегнут ремнем. Человек он был крупный, и его на скорости так шарахнуло о поврежденное лобовое стекло, что ободранная голова и верхняя часть тела выпростались на капот, в то время как правая нога запуталась в том самом ремне, который мог бы его спасти.

Паркер прошел туда, где над лежащим сейчас стояли Тони и Джеки. Джеки поднял винтовку и швырнул в кусты. Теперь пострадавший тихо постанывал и держался за верх своей правой ноги. В колене она была изогнута, а стопа вывернулась из сустава под неестественным углом. От вида этой картины Детектив поморщился. Он опустил на одно колено и склонился у человека над ухом.

– Эй! – окликнул Паркер. – Ты меня слышишь?

Мужчина кивнул. Его зубы оскалились в мучении.

– Нога... – выдавил он.

– Нога твоя сломана. И поделаться с этим ничего нельзя, во всяком случае здесь.

– Больно...

– А ты думал.

Поли за это время успел развернуть грузовик и встал выше по дороге. Детектив жестом указал, чтобы он оставался там и смотрел за дорогой, на что Поли в ответ махнул – дескать, понял.

– У вас есть что-нибудь в машине, дать ему от боли? – спросил Детектив Тони.

– Есть вискарик в мелких бутылках, – прикинув, сообщил Тони. – Потом еще таблетки всякие-разные. Нам их доктора дают кипами, мы даже не успеваем глотать. Пойду гляну в бардачке.

Он убрел. Паркер переключился на пострадавшего.

– Как тебя звать?

– Фрай, – не сразу выговорил тот. – Эдди Фрай.

– Так, Эдди. Слушай внимательно. Ты сейчас рассказываешь все, что конкретно здесь происходит, а я тебе за это даю кое-что против боли. Ну а если ты не скажешь, что мне надо, то один из тех громил потопчется у тебя на этой самой ноге. Ты меня понял?

Фрай кивнул.

– Мы разыскиваем своих друзей. Их двое, черный и белый. Где они?

Туловище Эдди качнулось назад и вперед, словно он таким образом рассчитывал хоть немного сбавить боль в ноге.

– Они в лесу, – ответил он. – Последнее, что мы слышали, это что они где-то к западу от внутренней дороги. Видеть мы их не видели. Наше дело было просто обеспечивать подмогу, если у них получится пробиться.

– С собой они приводили людей. Двое из них лежат мертвые вон там за мостом. Что случилось с остальными?

Отвечать Фрай явно не хотел. Детектив обернулся к Джеки:

– Джеки, наступи-ка ему легонько на ножку.

– Нет, не надо! – взмолился Фрай. – Пожалуйста! Они мертвы. Мы здесь ни при чем, но они мертвы. У мистера Лихагена я всего лишь работник. В свое время приглядывал у него за скотом. Я не убийца.

– А наших друзей при этом пытаешься убить.

Фрай неистово тряхнул головой:

– Нам просто сказали не давать им уйти, но трогать не велели. Пожалуйста, дайте что-нибудь от ноги.

– Сейчас, через минуту. Почему вы не должны были их убивать?

Взгляд Фрая затуманился, голова стала свешиваться на сторону. Паркер влепил ему пощечину:

– Отвечай.

– Кто-то другой. – Лицо Фрая исказилось страданием, на лице смешивались пот и дождевая вода. – Убить их отводилось кому-то другому. Такая была договоренность.

– С кем? Кому это отводилось?

– Блissу. Убить их должен Блiss.

– Кто такой Блiss?

– Да не знаю я! Клянусь богом, не знаю. Сам я его в глаза не видел. Но он где-то здесь. И думает их выследить. Прошу, умоляю, моя нога...

К ним присоединился Уилли Брю. Сейчас он, бледный от волнения, стоял чуть сбоку и наблюдал за происходящим. Возвратился Тони Фульчи с двумя подсумками, набитыми фармацевтической продукцией. Подсумки он поставил на землю и стал вынимать блистеры с пилюлями и пластиковые пузырьки, изучая названия и отбрасывая те, что не годились для данной ситуации.

– Бупирон – от нервного возбуждения, – приговаривал он вслух. – Так ни разу и не подействовало. Клозамин – антипсихозное; не помню даже, чтобы я его принимал. Тразодон – антидепрессант. Зипрасидон – тоже от психоза. Локсапин – от него же. Черт, да на них подсесть можно...

– Слушай, у нас в распоряжении не весь день, – напомнил Детектив.

– Ну и чего мне теперь, давать ему не те колеса? – заупрямился Тони.

Он, похоже, в каком-то смысле гордился своим знанием фармацевтики.

– Тони, да тебя послушать, так из этого ничего не годится.

– Нам да. А ему, может, и потянет. Ага, вот: флуразепам, успокоительное, а еще эзопиклон – тоже можно. Надо их вместе замутить.

Из кармана Тони вынул бутылек «Джека Дэниелса» и протянул Детективу вместе с четырьмя таблетками.

– А не многовато будет? – осторожно поинтересовался Джеки. – А то угробим ненароком.

Уилли оглянулся на мертвеца в окровавленной кабине, затем обратно на Джеки.

– Что? – спросил Джеки.

– Ничего, – ответил Уилли.

– Это не одно и то же, – сказал Джеки.

– Что именно?

– Одно дело – застрелить, а другое – отравить.

– Может и так, – пожал плечами Уилли.

В глубине души он уже сожалел, что оказался здесь. Снова кровь, снова трупы, а на траве в мучениях стонет раненый. Брю слышал, что сказал Эдди Фрай: он не киллер, а всего лишь батрак, которого принудили силой. Да, может, он и в курсе, что пытались делать его товарищи, и за это на нем лежит определенная ответственность, но в плане киллерства он с такими, как Детектив, и рядом не стоял. Фрай и его сообщники – всего лишь овцы на заклание. Уилли не ожидал, что все будет так. Чего ждать, он и сам толком не знал, а осознав, понял, каким же был наивным. В этой ситуации места ему не больше, чем этому Фраю. Убивать кого-то Уилли не подписывался, и тем не менее вокруг сейчас гибли люди.

Детектив сунул таблетки Фраю, а затем поднес ему к губам бутылек виски, запить. Виски он оставил страждущему, а сам подошел к кабине разбитого грузовика. Через пассажирскую дверцу вынул все стволы, что там были, и нашел одну из раций. Она казалась исправной, но когда Паркер ее поднял, задняя крышка отлетела и проглянули спутанные внутренности. Детектив с отвращением отшвырнул рацию в кусты и поглядел на запад.

– Они где-то там, – сказал он. – Вопрос в том, как нам их найти.

## Глава 25

Человек, опирающийся сейчас на крышу «Форда Рейнджера», промок до нитки. Звали его Кертис Раунди. Если есть где-нибудь палка, которой замахиваются в вашу сторону, то можно дать десять к одному, что именно он, Кертис, исхитрится в итоге получить ее сраным концом по зубам – во всяком случае такого мнения о себе придерживался он сам. Какие бы усилия он ни прикладывал, чтобы не попадать в ситуации, где его личный комфорт и довольство приносятся в жертву ради чьего-то чужого представления о благе, Кертис неизменно заканчивал тем, что держал в руках вилку именно тогда, когда с неба шел суп или ощущал у себя за шиворотом вкрадчивую струйку мочи, несмотря на заверения, что на самом деле это дождик, только теплый. Но хотя бы сейчас, стоя с прижатым к глазам биноклем и чавкая стопами в набухших от воды ботинках, Кертис доподлинно уверен, что это действительно дождь, а его защитная накидка не пропускает хоть какую-то его часть.

Тем не менее утешения в этом немного. Раунди был бы куда счастливей, если б сидел в кабине, а не торчал снаружи во власти распоясавшихся стихий. Но Бентон и Куинн не из тех, кто открыт доводам рассудка или чрезмерно радеет о благе других. Не утешало и то, что Кертис был их на пятнадцать лет моложе и весил несравнимо меньше обоих, а значит, выступал в зависимости от ситуации мальчиком на побегушках или мальчиком для битья. Из всех тех, с кем его угораздило спаяться, Бентон и Куинн наихудшие – подлые, мелочные и по сути своей непредсказуемые. Ну а уж после приключений Бентона в городе и реакции сына мистера Лихагена по его возвращении он и вовсе как с цепи сорвался.

Бентон горстями глотал таблетки от боли в плече и руке, но это еще полбеды. А беда в том, что он вступил в неприятную конфронтацию с человеком по имени Блисс, которая закончилась тем, что Бентона сослали в горы, отстранив от дальнейшего участия в предстоящих делах. Кертис краем уха слышал все те разговоры и видел, как злобно Блисс косился на Бентона, когда того скандально выпроваживали из дома. Между ними все еще не кончено, далеко не кончено. Кертис хотя и держал свое мнение при себе, но шансы Бентона на благополучный исход в этом противостоянии расценивал как мизерные. Бентон с той поры всем этим так и бурлил. Можно было буквально слышать, как у него фляга свистит.

Эдгар Раунди, отец Кертиса, работал у мистера Лихагена на тальковой



шахте, и даже когда умирал от целого букета раковых опухолей, ни разу не обвинил в происшедшем своего работодателя. Благодаря мистеру Лихагену на его столе была еда, в гараже машина, а над головой крыша. Человеком Эдгар Раунди слыл неглупым. Он знал, что труд в шахте вряд ли ведет к сколь-либо долгой и счастливой жизни, неважно, что там добывается из недр – тальк, соль или уголь. А когда кто-нибудь заговаривал о том, что на кровопийцу Лихагена надобно подать в суд, он просто вставал и уходил. Так Эдгар и продолжал до тех пор, пока уже не мог ни ходить, ни вставать. А затем он умер. В ответ же на его преданность мистер Лихаген дал сыну Эдгара работу, не сопряженную с приемом асбеста внутрь. Будь Эдгар все еще жив, он бы этим жестом был тронут.

Кертису хватало ума понимать, что он фактически увернулся от пули, когда с закрытием шахты мистер Лихаген все-таки счел уместным предложить ему какую-то альтернативную форму занятости. Ведь из тех, кто некогда батрачил на Лихагена, многие пробавлялись на пенсию, недвусмысленно означающую, что теперь их основной, если не единственной, пищей стали лапша быстрого приготовления да гамбургеры из опилок. Не было четкого понимания, почему удача улыбнулась именно Кертису, а не кому-то другому, хотя временами напрашивалась догадка, что одним из косвенных мотивов являлось то, что старик Лихаген когда-то, будучи еще сравнительно здоровым, приплачивал за некие визиты увеселительного свойства миссис Раунди, пока ее муж, рискуя жизнью, вкалывал в шахте, исходя кашлем в окружении грязи и пыли. Мистер Лихаген был повелителем всего, на чем останавливал глаз, и не чурался своеобразного применения «права господина» – эдакой заповедной привилегии правящих классов, – когда случалось настроение, а в округе имелась готовая услужить прелестница. Насчет тех дневных визитов мистера Лихагена Кертис не знал (дело-то прошлое) или же просто убеждал себя, что не знает, однако злореды вроде Бентона и Куинна, желая поразвлечься, не гнушались ставить ему это на вид. В первый раз когда они это сделали, Кертис в ответ на их подначки набросился на Бентона с кулаками, но был за свою дерзость избит до полусмерти. Как ни странно, но по итогам того выплеска Бентон стал уважать Кертиса немножко больше и говорил ему об этом, даже когда отвечивал очередной тумак или оплеуху.

Сейчас Бентон с Куинном занимались в кабине возлияниями. Мистер Лихаген и его сын проявили бы недовольство, прознав о том, что эти двое пьют на работе. Майкл Лихаген подчеркнул, как важно, чтобы тех двоих нарушителей поймали. А для этого, говорил он, всем необходимо проявить бдительность и четко выполнять указания. По выполнении задачи всех

заслуживших ждут бонусы. Упустить свой бонус Кертис не хотел. Для него имел значение каждый цент. Он мечтал отсюда уехать. Убраться от Лихагенов, от всех этих бентонов и куиннов; от памяти об отце, увядшем от рака, но так и не прислушавшемся к людям, критиковавшим его за то, что он решил отвергнуть реальность доканивающей его болезни.

У Кертиса во Флориде есть друзья, делающие неплохие деньги на кровельных работах (очень кстати им была помощь от ураганов: каждый такой сезон приносил свежие заказы на услуги). Друзья соглашались взять его в дело, но только если он внесет определенный пай. На сегодня Кертис скопил уже почти четыре тысячи долларов, и еще тысяча причиталась ему от мистера Лихагена, не считая бонуса, который мог перепасть за сегодняшнюю работу. Себе Кертис поставил порог в семь тысяч. Шесть идет на долю в бизнесе, а тысяча на покрытие расходов по обживанию во Флориде. Сейчас заветный момент был близко, реально близко.

От немолчного шума дождя по крыше и капюшону начинала побаливать голова. Раунди опустил бинокль, чтобы дать глазам хоть немножко отдохнуть, и сменил позу в тщетной попытке придать себе более удобное положение, после чего возобновил слежение.

Южнее, на краю леса, глаз уловил движение: двое, идут. Кертис постучал по крыше, привлекая внимание Куинна и Бентона. Со стороны пассажира опустилось стекло, и пахнуло запахом спиртного и сигарет.

– Чё?

Бентон, явно под хмельком.

– Я их вижу.

– Где?

– Недалеко от места, где живет Брукер. Идут на запад.

– Я его ненавижу, этого старого гондона. И сына его, и суку женку, – пробурчал Бентон. – Мистеру Лихагену давно бы их взять да выпнуть со своей земли.

– Старик Брукер помогать бы этим двоим не стал, – рассудил Кертис. – Он знает, что можно, а что нельзя.

Хотя всякое случается. Мистер Брукер – натура желчная. Держится со своей семейкой особняком от людей, что работают на мистера Лихагена. А действительно: чего бы старикану не продать свою хибару и не съехать отсюда? Наверное, сидит из той же желчности.

– Ну да, – согласился Бентон. – Старик Брукер хоть и заноза в жопе, но не дурак.

Из окошка появилась рука с бутылкой и махнула Кертису. Бормотуха собственного бентонского розлива. Куинн, специалист в этих делах, как-то

сказал о примитивном зерновом спирте: он нисколько не хуже того, чем торгуют в этих краях. Сказал наобум, но с чувством. Хотя действительно: от него не слепнут, не мочатся кровью. Нет и других побочных эффектов, которыми иной раз грешит самопальное пойло. Так что Куинн, не скупясь, ставил бормотухе высший балл.

Кертис принял бутылку и поднес ко рту. От запаха закружилась голова, а боль в голове отчего-то усилилась, но он все равно хлебнул. Холод, сырость, так что спиртыга не помешает. К сожалению, вышло наоборот. Горло словно продрали горячие осколки битого стекла, передержанные до этого в старой бензиновой канистре. Почти все выпитое Кертис выкашлял на металл себе под ноги, где дождевая вода взялась из брезгливости эту жижку смывать.

– Ладно, ерунда, – под звук ожившего мотора сказал Бентон. – Слазь сюда, Кертис.

Кертис прыгнул и открыл пассажирскую дверцу. Куинн таращился вперед, изо рта свисала сигарета. Роста в нем под метр девяносто – на десяток сантиметров выше Кертиса, – а короткие волосы смоляные и жесткие, как проволока. С Бентоном они корешились еще со школы. Разговорчивостью Куинн не отличался, а изъяснялся в основном бранными словами. Весь свой словарный запас он, похоже, черпал со стен сортиров. Слова, стоило Куинну раскрыть рот, вылетали гнусной скороговоркой, без пауз и знаков препинания. В то время как Бентон отбывал в Огденбургском исправительном, Куинн чалился в Огденбургской психушке – в этом между ними состояла принципиальная разница. Бентон был сволочным, а Куинн – двинутым. И вызывал у Кертиса тошноту.

– Ну чё, двинься, – сказал Кертис, залезая в кабину, в расчете, что Куинн подвинется.

Но не тут-то было.

– Тыблчэбл? – по-птичьи резко выдал Куинн, так быстро, что у Кертиса пара секунд ушла на то, чтобы понять сказанное.

– Ничё, в машину думаю сесть.

– Пшлахвсредиущаспжопепну.

– Да хорош тебе, – примирительно сказал Бентон. – Пропусти пацана.

Куинн чуть сместил колени влево, позволяя Кертису с грехом пополам протиснуться.

– Намчилблвсегощасблкакдамбл.

– Извини, – сказал Кертис.

– Извинипинкапожопебл.

«Самого тебя по жопе, кретин», – подумал Кертис.

На мгновение он представил, как оттягивается над поджарым задом Куинна, но тут же осекся, когда, повернувшись, увидел на себе немигающий взгляд этого двинутого: светло-карие глаза с мутноватыми черными крапинками (рак сетчатки, что ли?). Сложно представить, чтобы Куинн был телепатом, но лучше этого не испытывать.

– Что делать будем? – спросил Кертис.

– То же, что и после того, как гакнули их машину, – сказал Бентон. – Завалим их, да и дело с концом.

Кертис передернул плечами, как от озноба. Ему вспомнилась та убитая женщина и неживая тяжесть ее тела у него на руках, когда они с Куинном укладывали ее в багажник. Бентон с Куинном тогда похихикивали от пикантного разнообразия, внесенного ими в работу. Уиллис с Хардингом убили мужчину с женщиной ночью, оставив Бентона захоронить тела (еще одно наказание за допущенные на неделе просчеты). Ну а тот решил просто упихать их в багажный отсек. Кертис до сих пор словно не мог избавиться от запаха одежды и парфюма убитой, даже под дождем.

– Нам же сказали их не трогать, – напомнил Кертис. – Был приказ, прямо от сына мистера Лихагена.

– Приказ приказом, но этим-то двум козлам приказа никто не давал. А если Брукер им помог или дал позвонить со своего телефона? Может, к ним сейчас сюда подмога подтягивается? Может, они вообще старика со всей его семейкой уже замочили – это ж форменная трагедия. Кто они такие? Киллеры. Им только дай людей поубивать. А мы тут сидим и ждем, когда какой-то там ком с горы прикатит и выполнит работу, которую нам самим сделать проще простого, даже бесплатно. А они сейчас спокойно разгуливают, да еще и уйти могут. Думаю, если мы прикончим их здесь, на его территории, Лихаген возражать не будет.

В здравости этой затеи Кертис сомневался. Он имел обыкновение слушаться мистера Лихагена, хотя распоряжения теперь обычно исходили из уст его сына, поскольку сам мистер Лихаген уже не так подвижен. Но им четко объяснили, чтобы в отношении этих двоих, которых ждали, проявляли сдержанность. Столкновений, во всяком случае смертельных, следовало избегать. Надо было просто прижаться и ждать. Ступив на земли Лихагена, эти люди должны здесь просто удерживаться, только и всего. На это подряжены все пятнадцать человек: обеспечить, чтобы, попав в ловушку, эти двое не ускользнули. А теперь вот Бентон думал изменить правила. Понятное дело, в недавних событиях пострадала его гордыня. И сейчас он хотел подправить решение Лихагенов, а заодно восстановить свое поруганное самолюбие.

Конечно, Бентон принял на грудь, но в большинстве случаев правота на его стороне, неважно, по пьяни или по трезвяни. И чем больше Кертис над этим раздумывал, тем больше проникался мнением Бентона о том, дожидаться ли Бласса для расправы с этими двоими. Сказать по правде, Кертис всегда прогибался под голос, который в данный момент звучит громче и ближе. Если б хребет у человека обладал свойством хамелеона менять окраску в зависимости от ситуации, то Кертису он бы подходил как нельзя более кстати. Такой уж он человек. Его мнение можно сменить одним достаточно громким чихом.

Так Бентон, Куинн и Кертис, сойдя с дороги, отправились искать двоих киллеров, которым убивать осталось уже недолго. По дороге они сделали одну остановку, решив зайти к старику Брукеру проведать, что ему известно. Было видно, что старый Брукер мнения о Бентоне примерно такого же, что и Бентон о нем. Но отношение к нему Брукера казалось возвышенным в сравнении с тем, как к Бентону относилась Брукерова жена. Приветливости, хотя бы мнимой, в ней не было ни на дюйм. Даже вид стволов в руках гостей ее, казалось, несколько не смущал. Вот уж и вправду сучара старая, а не баба.

Их сын Люк стоял, прислонившись к стенке. Стоял и не моргал. Неизвестно, видел ли он своим бельмастым глазом. Может, и да, и тогда мир для него был, наверное, словно проложен белесой простыней, а улицы населены призраками. Кертис ни разу не слышал, чтобы сын Брукера разговаривал. В школу он никогда не ходил, во всяком случае в нормальную, а единственный раз вне дома Кертис видел его, когда тот со своим папашей отправился в город. Помнится, старик их обоих попотчевал тогда мороженым в кондитерской у Таскера. Что до малявки, то Кертис понятия не имел, как, когда и откуда она здесь взялась. Может, Люку с кем-нибудь один раз свезло, хотя маловероятно: лечь под Люка Брукера – это, пожалуй, все равно что лечь под зомби.

Старик Брукер показал гостям стволы, которые отнял у тех двоих, и глаза Бентона зажглись радостью от перспективы столь легкой добычи. На радостях он хлопнул Брукера по плечу и пообещал, что расскажет мистеру Лихагену о его храбром поступке.

Когда эта троица ушла, Брукер тихо сел за кухонный стол и так сидел, в то время как жена у него за спиной раскатывала тесто. Он пытался игнорировать волны неодобрения, бьющиеся о его спину, как волны о пирс.

Урчание двигателя Ангел с Луисом слышали раньше, чем увидели саму машину. Они сейчас находились в ложбине между двумя склонами широкой просеки, именуемой пастбищем, и секунду-другую стояли, определяя, с какой стороны доносится звук. Луис взобрался на небольшой пологий склон и посмотрел на восток, откуда в их сторону ехал «Форд Рейнджер» – по той самой грунтовке, что вела от старикова дома. Из-за расстояния разглядеть, кто именно сидит в кабине, было невозможно, но ясно и без подсказки: едут не с добрыми намерениями. И Блисса среди них явно нет: это не его стиль. Похоже, правила игры изменились. Просто удержанием здесь уже не пахнет. Быть может, Томас сделал звонок, боясь, как бы нарушители чего не сотворили, даже без стволов. Может, новость о том, что они теперь без оружия, склонила чашу весов не в их сторону.

Луис взвесил варианты. Укрытия леса теперь нет. Но к юго-востоку остается вон тот то ли амбар, то ли сарай, рядом с которым облезлое строение с куполом, похожее на элеватор. А за ним снова лес. Можно сказать, неизвестная величина.

Рядом на склон взобрался Ангел.

– Видишь, – указал Луис, – за нами едут.

– Куда двигаем?

Луис указал на строение:

– Туда. И поживее.

\* \* \*

Бентон въехал на макушку небольшого холма. Почти прямо напротив них, даже на той же высоте, бежала их добыча. Один из двоих, высокий темнокожий, на бегу мимолетно обернулся. Бентон дал по тормозам и выскочил из кабины, прихватив со стойки позади сиденья свой охотничий «марлин». На земле он тотчас встал на одно колено и выстрелил в фигуру, но та уже исчезала за кромкой возвышенности, и пуля ушла в молоко. Куинн с Кертисом теперь стояли рядом, хотя оружие из них поднять никто не удосужился. Куинн потому, что из дробовика далеко не стрельнешь, а Кертис даром что прихватил старый отцов пистолет, как его проинструктировал сын мистера Лихагена, но стрелять ни в кого не подписывался.

– Эт-ть черт, – сказал Бентон, а сам ослабил. – Зуб даю: никто из его семейки не тикал быстрее с той самой поры, как им на старом добром Юге перед носом помахали петлей.

– Откуда ты знаешь, что он с Юга? – задал вроде как резонный вопрос Кертис.

– Нутром чую, – ответил Бентон. – Нигер не лезет в такое ремесло, если только не чувствует против кого-то стояк еще со стародавних пор. А этот, похоже, хочет с белым человеком за что-то поквитаться.

Кертису все это показалось чушью собачей, но вслух он ничего не сказал. Может статься, Бентон прав, а если и нет, то из соображений благоразумия имело смысл просто кивать. Вредность сочилась из Бентона, как жир из мраморного мяса. Такой вполне может оставить его, Кертиса, одного под дождем, да еще (снова) с поломанным носом или погнутыми ребрами, просто в назидание, чтобы в следующий раз держал рот закрытым.

– Айда, – скомандовал Бентон, первым трусцой направляясь обратно к грузовику.

– Крутовато, – с опаской заметил Кертис, когда под острым углом начал спуск со склона.

– Четыре литра, шестицилиндровка, – спесиво фыркнул Бентон. – А тут ребенок на самокате спустится.

Кертис промолчал. «Рейнджеру» было двенадцать лет, покрышки на шестьдесят процентов изношены, а четыре литра грузовичок вездеходом все равно не делают. Кертис уперся руками в приборную доску.

По сухой земле «Рейнджер» с подъемами, может, и справился бы, но Бентон недоучел дождь, превративший скос грунтовки в слякоть, особенно снизу. А потому, когда грузовик съехал, колеса потеряли сцепку уже в самом начале подъема по противоположному откосу. Бентон утопил педаль до отказа, и на секунду машина рванулась вперед, но затем застряла, впустую работая колесами в размякшем грунте.

Что-то сказал Куинн, из чего Кертис уловил лишь два словосочетания: «жрать срань» и «глина говно». Бентон снова завел мотор, но машина, не преодолев и метра, юзом соскользнула обратно и утонула задними колесами в слякоти.

Бентон с досады хватил по приборной доске кулаком и открыл дверцу, оценить положение. Машина увязла намертво, по брюхо.

– Ять, – рыкнул он. – Теперь за ними только пешкодралом.

– Думаешь, это хорошая идея? – неуверенно спросил Кертис.

– Они не вооружены, – сказал Бентон. – Или ты уже безоружных боишься?

– Нет, – покачал головой Кертис, но ощущение было такое, будто солгал самому себе.

– Ну так идем. А то они ж сами себя не убьют.

Бентон заржал над собственной шуткой. К нему присоединился Куинн, хихиканьем гиены вперемешку с сальными словечками. Затем они побрели вверх по уклону, утопая ногами в слякоти.

При полном отсутствии иных вариантов Кертис поплелся за ними.

\* \* \*

Зернохранилище вздымалось на фоне свинцового неба. Слева от него стояла силосная башня высотой с десяток метров, не такая современная, как нория возле коровников, расположенных в районе дома Лихагена. Наверняка без дыхательных баллонов и облицовки из стекломассы для более гладкого скольжения зерна и защиты от кислот в забродившей растительной массе, без нагнетательной вентиляции. Просто гигантский закром, ничего более.

Оба надрывно дышали. Ангел двигался уже с видимым напряжением. Оба продрогли и промокли, и понятно, что силы, как и варианты, были уже на исходе. Луис ухватил Ангела за руку и тянул вперед, поглядывая при этом через плечо. «Форд Рейнджер» через кромку откоса еще не перевалил. И подъем, и спуск вроде как крутоваты, на грузовике в такую погоду их, скорее всего, не одолеть. Что ж, получается фора, хотя и небольшая. Преследователи могут продолжить погоню пешком. В отличие от преследуемых они вооружены. Настигнув беглецов в открытом поле, стрелки уложат их в два счета, при теперешнем-то их состоянии. Даже если Луис с Ангелом залезут в этот амбар, проблему это не решит. Они окажутся заперты внутри, а преследователи вызовут остальных, и все будет кончено.

Хотя остальных они вряд ли позовут. Если старик на ферме сказал правду, то на этих двоих идет Блисс, а Блисс работает один. Те, что сейчас за ними гонятся, наверняка действуют по собственной инициативе. Если бы они считали, что Луис с Ангелом по-прежнему вооружены, то это бы несколько сдерживало преследователей и их осторожность перед взятием рубежа дала бы некоторую паузу. Но они, видимо, перед тем как начать охоту, переговаривали со стариком. И теперь знают, что имеют дело с безоружными.

Однако одним из первых уроков, усвоенных Луисом в его долгом ученичестве приносителя смерти, был незыблемый постулат: в каждой комнате имеется оружие, даже если это оружие – только ты сам. Вопрос



лишь в том, чтобы его выявить и пустить в ход. В зернохранилище Луис бывал невесть когда, но ум уже примерно прикидывал, что здесь может находиться: инструменты, мешки, оборудование для пожаротушения...

Оборудование для пожаротушения.

Огонь.

Зерно.

Итак, первое оружие есть.

\* \* \*

Куинн перевалил через подъем раньше остальных и вроде как успел заметить, что один из беглецов исчез за хранилищем. На территории Лихагена зернохранилищ имелось два. Основное стояло возле коровников, рядом с новой норией, а это было пережитком тех дней, когда стадо еще подрастало, а здесь изначально держали силос. Теперь тут хранился резерв зерна на случай, если что-то случится с основным запасом или обильные снега разделят меж собой скот. Кстати, в задачу Бентону вменялось, когда он не охотился за людишками и не запугивал тех, кто мельче его, присматривать за вторым зернохранилищем – проверять на сырость, грызунов и прочие напасти. Никто сюда особо не совался, и хранилище стало удобным местом различных увлечений Бентона, в том числе жаханья молодых иноземок (неважно, с согласия или против воли), которых иной раз протаскивали через ферму из Канады.

К Куинну присоединились Бентон с Кертисом.

– Ты видел, куда они ушли? – спросил Бентон.

Куинн стволом дробовика указал на амбар.

– Ага, – принял к сведению Бентон. – Там дальше голые поля. Ни деревца, ни кустика на триста-четыре метра. Если они попытаются бежать, им каюк. А в принципе, если останутся, то тоже.

В свое время Бентон посоветовал Лихагену снести и загром, и силосную башню, но забой стада (по сути, глупая прихоть богатея) как-то застопорил все эти дела. Со временем башня стала кособокой из-за того, что здесь шла разгрузка самотеком, отчего одна стена ввалилась внутрь. Добавочный отвод из строения, сделанный вопреки совету Бентона, вдавался в хранилище напрямую, в виде аварийной меры на случай, если вдруг возникнет необходимость держать и кормить здесь стадо зимой. По счастью, использовать постройку под хлев так ни разу и не пришлось. Старик Лихаген в этом весь: экономит не на чем надо. Теперь же

хранилище, похоже, могло напоследок сослужить добрую службу: стать западней для людей, на которых идет охота.

Бентон душевно вдарил Кертису по спине:

– Ну давай же, парняга! Устроим тебе боевое крещение, с кровушкой.

И, вскинув винтовку повыше, первым двинулся в сторону зернохранилища.

\* \* \*

Амбар оказался не заперт. Очевидно, гневить Лихагена воровством зерна никто не отваживался, а крыс, умных настолько, чтобы открывать двери за ручку, в природе все же не водилось. Луис ступил внутрь. Вдоль стен здесь тянулись импровизированные стойла для скота. Свет сочился от трех фонарей на потолке, плюс из нескольких вентиляционных люков в верхней части.

– Смотри вокруг, – сказал Луис Ангелу. – Может, где-то есть масло, олифа, еще что-нибудь горячее.

Шансов было негусто. Пока Ангел занимался поиском, Луис изучал отвод, подающий зерно в хранилище: не более чем металлическая труба, сообщающая силосную башню со стеной амбара, с клапаном на конце для выхода зерна. Отвод находился метрах в трех от земли – переносной металлический желоб сбоку и пластиковый контейнер снизу. Луиз влез на контейнер и пошевелил клапан. Он был тронут ржавчиной, и его пришлось в буквальном смысле расшевеливать. Но вот клапан наконец приоткрылся, и на пол амбара посыпалось зерно. Луис зачерпнул пригоршню, потер между пальцами – сухое, как порох. Он пошерудил клапан дополнительно, усиливая приток. Воздух уже наполнялся пылью, от которой першило в носу, шелухой и зерновым сором.

Через минуту-другую рядом возник Ангел.

– Ничего нет, – тревожно сообщил он.

– Ладно, уже не надо. Сходи глянь, далеко ли они.

Ангел, прикрывая нос и рот рукавом, побежал через хранилище к раздвижной двери впереди. По бокам от нее находились пыльные окна. Осторожно поглядев в стекло, Ангел увидел три силуэта, подступающие под дождем. Сейчас они находились примерно в шестидесяти метрах и уже растягивались поперек. Один, разумеется, обогнет строение сзади, а двое зайдут спереди. Чтобы надежно обыскать амбар, надо отрезать добыче путь к бегству через заднюю дверь.

– Уже близко, – громко подал голос Ангел. – Несколько минут, и все.

Он закашлялся: едущая пыль попала в легкие. Тут ее было уже столько, что Луис у дальней стены едва проглядывал. В воздухе стоял густой соломенный дух.

– Дай им себя увидеть, – сказал Луис.

– Чего?

– Увидеть себя дай. Открой дверь, а затем снова закрой.

– Может, мне еще и яблоко положить на голову или вырядиться в костюм утки?

– Делай-делай.

Ангел откинул на двери засов и отодвинул ее метра на полтора. Послышались выстрелы. Ангел тут же закрыл дверь и бегом вернулся к Луису.

– Ну что, ты доволен? – спросил он.

– Не то слово. А теперь сматываем удочки.

У Луиса в руке были пара старых мешков из-под зерна, а также запасная обойма к «глоку». Один мешок он обвязал вокруг обоймы, держа между зубами свою зажигалку.

– У тебя твоя ф фобой? – спросил он сквозь медь.

Ангел вынул из кармана обойму и подал. Луис повторил процедуру, сделав связку более увесистой.

– Ну все, – сказал он и указал на заднюю дверь.

Она открывалась влево. Как раз когда Ангел выбирался наружу, справа из-за угла появился какой-то молодой человек, невысокого роста и с пистолетом. Испуганно вылупившись, он нетвердо поднял оружие.

– Не двигаться, – неуверенным голосом произнес парень, но Ангел уже был в движении.

Руками он схватил, крутнул и дернул пистолет влево, а макушкой что есть силы заехал молодому по лицу. Тот упал ничком, оставив пистолет в руке у Ангела. Как раз когда горе-ловец падал, послышалось, как передние двери амбара отворяются. За спиной у Эджела что-то полыхнуло. Повернувшись, он увидел, что это Луис поджег мешок.

– Беги, – бросил Луис.

Ангел рванул. Через несколько секунд рядом уже был напарник, толкая Ангела в больную спину: ложись, ложись! Ангел упал, невнятно молясь.

Зайдя в амбар, Бентон с Куинном слышали треск выстрелов. В одном конце там тяжело клубилась пыль, так что даже не различалась дальняя стена. Куин уже схватил Бентона за плечо, вынуждая отступить назад, как тут в раздвижные двери, прямо в клубы пыли, залетел горящий мешок.

– О черт, – растерянно произнес Бентон. – Это...

И тут чертовщина стала реальностью: все вокруг обратилось в геенну огненную.

\* \* \*

Вся эта мокрота Джеки Гарнера начинала уже доставать.

– Нельзя же так просто торчать под дождем, – сказал он. – Надо что-то делать, куда-то идти.

– Можно разделиться, – предложил Поли. – Каждому выбрать себе дорогу и посмотреть, что из этого выйдет.

«В таком случае из нас не уцелеть никому», – невесело подумал Уилли.

Братья Фульчи и их кореш, безусловно, чокнутые, но, по крайней мере, чокнутые с оружием в руках. У пятерых вместе шансов выжить больше, чем у двоих или троих.

– Тут знаешь сколько топать? – воспротивился Джеки. – А они могут быть где угодно.

В эту секунду один из южных холмов преобразился. В темно-серое небо рвануло гневное пламя с плюмажем дыма, грязи и древесных обломков, а в ушах зазвенело от грянувшего взрыва.

– Знаете, – с немного шалой улыбкой произнес Джеки, – это, конечно, просто догадка...

\* \* \*

Луис с Ангелом нетвердо поднялись на ноги. Их окружали обломки и обрывки: дерево, мешковина, горящее зерно. На Луисе тлело пальто. Он его стряхнул и откинул, но теперь сам слегка дымился. У Ангела были опалены волосы, левую щеку метила багровая подпалина. Каким-то образом напарники уцелели. Доброй половины амбара больше не существовало, как и запасов зерна. Посреди разрушения можно было

различить тело молодого человека, который недолго угрожал им оружием.

– По крайней мере, у нас есть один пистолет, – произнес Ангел.

– Ошибаешься, – кладя на пистолет руку, поправил Луис. – Пистолет есть у меня. Что бы ты предпочел: себя с пистолетом или меня с пистолетом возле тебя?

– Себя с пистолетом.

– Не дождешься.

Ангел задумчиво оглядел останки амбара.

– Вот сейчас они все сойдутся.

– Видимо, да.

– Глядишь, оружие какое поднесут.

– Вот тогда я тебе ствол и добуду.

– Правда?

– Правда.

– Ну спасибо.

– Пока не за что.

– Блисс ведь тоже придет.

– Придет.

– Ну так что, мы идем к Лихагену или нет?

– Идем.

– Хорошо.

– Лучше некуда.

Напарники пошли.

– Знаешь, у меня вся обувь промокла, – посетовал Ангел.

– Зато ты теперь, наверное, согрелся.

## Глава 26

Блисс слышал взрыв и понял, что Луис уже близок. Мысль о том, что его цели больше нет в живых, он не допускал, потому как отнять у Луиса жизнь имел право только он. После всего, что Блисс перенес, расчет был за ним.

Он недооценивал этого протеже Гэбриела, хотя Гэбриел всегда искал себе Жнеца совершенного, без изъяна; такого, что будет выполнять его волю без вопросов и сомнений. Многие из них на глазах у Блисса приходили и уходили, а их смерть печалила Гэбриела лишь потому, что их неудача – это неудача и его. То, чего он не осознавал, а Блисс, наоборот, видел, – это что мужчина или женщина, подогнанные под волю Гэбриела, в конце концов утратят свою полезность. Что делало Блисса особенным (и хочешь не хочешь, но приходилось признавать – и Луиса тоже), так это характерная жилка индивидуальности – может статься, даже некая извращенность духа. Это означало, что человек, обладающий ею, в конечном итоге вырвется на свободу, презрев и порвав все путы, которые налагает на него Гэбриел, и в свою очередь для достижения целей использует его самого.

Вот почему Блисс с Луисом оставались живы, когда многие другие сложили головы. Однако Блиссу хватало прозорливости понять, что такое положение не будет длиться вечно. Рано или поздно возьмет свое усталость; мысли и реакции замедлятся. Он сделает ошибку и роковым образом за нее поплатится. Или это, или же он попытается тихо и незаметно соскользнуть в анонимность, забрав с собой свои секреты. Но найдутся такие, и среди них, возможно, Гэбриел, кто предпочтет, чтобы секреты Блисса ушли в могилу вместе с ним похоронены, и чем скорее, тем лучше. Поэтому Блисс пошел на сознательный риск: он назвал цену, и ее приняли. Допущена только одна ошибка: остался в живых Луис. И вот теперь настало время эту ошибку исправить.

Взрыв облегчил следующий этап его задачи. Блисс теперь знал местонахождение Луиса, хотя оно оказалось несколько дальше к юго-востоку, чем он ожидал. Странно, что Луис со своим любовником движутся в глубь ловушки, вместо того чтобы сделать еще одну попытку вырваться. От сына Лихагена Блисс знал, что беглецы уже пробовали пробиться через кордон, но их оттеснили обратно в лес. При должном упорстве они бы могли через него прорваться хотя бы со второй попытки. А при везении так

и вовсе добраться до одного из мостов через речку. Им это в принципе по силам, хотя дальше уже не уйти, поскольку их шаги заранее предопределены. Судьба Луиса и его спутника всецело в руках Блисса, и эта рука уже подмахнула им смертный приговор.

Они идут внутрь, а не наружу. Мелькнула мысль как-то предостеречь Лихагена; мелькнула и ушла. Нечего. Пусть старый мухомор сам во все вникает, а если не сумеет, значит, жизни не заслуживает. Несмотря на все препятствия у себя на пути, Луис по-прежнему шел к Лихагену. Упорство, достойное похвалы. Луиса Блисс всегда считал запятнанным (чистоты, сравнимой со своей, он не видел ни в ком), но что-то в цепкости, стойкости этого младшего по возрасту коллеги вызывало в душе благодатный отзыв. Черт возьми, все-таки они с ним чем-то схожи.

Быстрым размашистым шагом Блисс двинулся к месту взрыва.

\* \* \*

В канаве рядом с руинами амбара что-то зашевелилось. Сдвинулась паллета, за ней с шорохом – лист гофрированного железа. Под ним лежал Бентон. Левая часть лица была черной и обугленной; в некоторых местах сквозь спекшуюся кожу полосками проступала красная сочащаяся плоть, будто магма через вулканическую корку. Видеть левым глазом Бентону больше не светило. Боль была невероятная. Вот это рвануло так рвануло.

Мужчина кое-как сел, опираясь на ладони. Тоже интересно: снаружи руки обожжены и в трещинах, а внутри даже не покоцаны. Бентон мутно оглядел себя. Рубашка частично погорела, кожа под ней шла пузырями и нахватала в себя всяких мелких деревянных осколков. Рядом лежало то, что осталось от Куинна. Когда амбар полыхнул, Куинн принял на себя основную силу взрыва. Его тело приподнялось над землей, шибануло Бентона и невзначай загородило его от худшего, что затем последовало: хаотичного града обломков.

Бентон ощупью поднялся на ноги и стряхнул со штанов красновато-черную массу – вероятно, часть Куинна. Мысль о смерти товарища вызвала прилив бессильного негодования. Бентон приложил руку к голове; череп просто раскалывало. В волосах появилась какая-то проплешина. Ладонь, когда Бентон ее отнял, оказалась в крови.

Но хуже всего донимала острая ломота в глазу. Бентон к такому вообще не привык. Восприятие объема пропало, но он чувствовал: что-то торчит из глазницы, где раньше был левый глаз. Бентон осторожно поднял

руку и поднес ближе. Ладонь случайно задела щепку, и Бентон завопил от боли. Из правого глаза потекли слезы, все затуманилось. Он как мог пытался смирить панику, заставляя себя дышать не мелко и часто, а длинными, глубокими вдохами и выдохами.

У него в глазу заноза. Оставлять ее там нельзя. Кто ж ходит с занозой в глазу. Это как-то... неправильно.

Бентон вытянул перед собой руки и развел их в стороны, ладонями друг к другу. Затем стал их плавно сводить к голове, с обеих сторон от поврежденного глаза. Наконец медленно свел воедино указательные пальцы, пока те не коснулись щепки. Боль по-прежнему была зверская, но на этот раз он ее хотя бы ожидал. Кончики пальцев Бентон прижал к деревяшке и потянул. Деревяшка сидела глубоко, так что поддавалась неохотно, но он не останавливался. В голове стоял шум вроде сирен – таких высоких, с завыванием. И лишь когда щепка вышла окончательно и на щеку брызнуло что-то теплое, до Бентона дошло, что вой этот исходил от него самого.

Держа занозу возле правого глаза, Бентон внимательно ее осмотрел. В длину примерно пять сантиметров, при этом почти половина в крови и глазной жидкости. Сучьи потрохи воткнули ему в глаз занозу. Лишили зрения. Ну все, не жить им, падлам.

Бентон враскоряку нагнулся и нашел свою винтовку, наполовину скрытую под останками Куинна. Мозг работал как-то нечетко, посылая конечностям не вполне те сигналы, так что на ходу Бентон то и дело спотыкался и отклонялся от курса. Однако руины амбара он все же оставил позади, на колени шлепнувшись всего раз. Об ожогах и погибшем Куинне Бентон как-то уже и не вспоминал, ну а о судьбе Раунди в его сотрясенное сознание не стукнуло даже мыслишки. В голове сидело одно: эти гады ослепили его на один глаз. Какие, спрашивается, люди способны ослепить человека? Не люди, а выродки, не заслуживающие жизни, – вот они кто.

Впереди в отдалении Бентон заметил два идущих силуэта – один высокий, другой пониже. И потянулся следом.

\* \* \*

Детектив проехал в направлении места взрыва всего километра полтора, когда появился первый автомобиль – красная «Тойота Камри», на скорости уезжающая от них. Рука Уилли сжала «браунинг», в то время как Детектив сбавил обороты, таким образом увеличивая отрыв. Сзади



скинула скорость и та безумная тройца, Джеки Гарнер с Фульчами.

– У тебя есть какой-нибудь план, когда мы туда доедем? – спросил Уилли.

– Тот же, что и раньше: оставаться живыми.

Через дорогу сейчас плыли густые космы дыма. Это затрудняло езду, но одновременно и укрывало от тех, кто едет впереди. Как водится, «Мустанг» в них чуть не врезался на подъезде к месту взрыва. Красная машина материализовалась как из ниоткуда – передняя дверца с одного боку открыта, двое еще сидят на сиденьях. Едва завидев «Тойоту», Детектив дал по тормозам и крутнул руль вправо, а сзади Тони Фульчи (гляди-ка, а на вид увалень) кинул свой грузовик влево и, славировав из-за «Мустанга», сбоку припер красную тачку вместе с ездоками.

Лишенный возможности открыть дверь из-за чужого борта водитель, недолго думая, решил открыть стрельбу, но из-за габаритов фульчиевского монстра был вынужден опускать окно и высовывать руку, чтобы хоть во что-нибудь попасть; а это все драгоценное время. Пока он со всем этим управлялся, Тони дал четыре выстрела сквозь крышу машины, и водитель обвис, завалившись набок. Пистолет выпал, а рука так и осталась свисать наружу из полуоткрытого окна.

Пассажир, явно раненный, но еще способный держать оружие, выкатился через свою дверцу, надрывно кашляя и отирая глаза от дыма. Детектив дал по газам. «Мустанг» рванулся вперед, ударив пассажира снизу и срезав у «Тойоты» дверцу. Подсеченный ударом пассажир взлетел на капот «Мустанга», а затем съехал наземь, когда Паркер колыхнул машину вправо. Остановившись, он выскочил наружу под дым и дождь, а следом за ним выбрался Уилли.

Встречно со стороны огня к ним устремились двое, в желтых дождевиках и джинсах. В руках у обоих были, похоже, дробовики. Дождевики проглядывали даже сквозь дым. Так получилось, что Уилли увидел их первым. Он хотел предупредить, но вместе с воздухом глотнул дыма и поперхнулся. Джеки и один из братьев сейчас все еще вылезали из грузовика, а Паркер на корточках сидел над сбитым пассажиром.

Уилли поднял «браунинг».

«Я не хочу этого делать. Думал, что смогу, но ошибался. Думал, что все как-нибудь обойдется, пронесет; что найдем Ангела с Луисом и увезем их отсюда. Я же не знал, что все здесь так развернется – со стрельбой, трупами, смертоубийством. Я не убийца, не киллер. Мне здесь не место. Я не они, не все эти люди. И никогда не смогу таким быть».

Несомый слабым ветром дым плыл косыми облаками, и фигуры

в желтом на секунду куда-то подевались.

«Уходите. Просто поверните, и все. Затеряйтесь, растворитесь в дыму. Пусть это будет концом всему, что здесь происходит».

Но дождевики возникли снова, уже ближе. Послышались выстрелы, и в дыму дрогнули сполохи огня. Уилли дважды выстрелил в того, что слева. Человек упал и больше не шевелился. Тут грянула целая канонада со стороны фульчиевского грузовика, и к первому упавшему присоединился второй. Было видно, как к ним движутся Джеки с Тони Фульчи; Тони прикрывает Джеки, а тот собирает стволы и наспех проверяет, живы ли их владельцы. Детектив сейчас осматривал водителя «Тойоты». К Паркеру примкнул Поли Фульчи, и слышно было, как Детектив сказал ему, что шофер не дышит и его напарнику осталось недолго. Затем они вчетвером зашагали к порушенному амбару, но Уилли к ним не присоединился. Он подошел туда, где на земле, раскинув руки, лежал убитый им человек. Одна пуля прошла мимо, а другая угодила в грудь. Человек был на пятом десятке – с пролысью, тучноватый, в дешевых джинсах и поношенных рабочих башмаках.

Уилли согнулся и упер руки в колени, стараясь не проблеваться. В глазах мельтешили искры. Его душу бередили гнев, горе, стыд. Механик вышел из пелены дыма и вразвалку подошел к одинокому дереву. Дождь шел на убыль, да и дерево толком от него не укрывало, просто Уилли сейчас не вполне полагался на свою способность стоять; ноги сделались ватными. Он прислонился спиной к коре, бросил на землю «браунинг» и прикрыл глаза.

Так Брю стоял, пока не послышалось шуршание шагов. Приближался Детектив. Лицо его было перепачкано сажей и дымом (видимо, как и у самого Уилли).

– Надо уходить, – сказал Паркер. – Их могут хватиться другие.

– Оно стоит того? – горестно спросил Уилли. – Это все, оно того стоит?

– Не знаю, – ответил Детектив. – Знаю только, что здесь у меня друзья и они в опасности.

Он протянул руку, и Брю за нее взялся.

– Твое оружие еще понадобится, – сказал Паркер.

Уилли поглядел на лежащий возле ног «браунинг».

– Подбери его, Уилли, – сказал Детектив, и в эту минуту Уилли его ненавидел.

Но он повиновался – поднял оружие и присоединился к остальным.

Позади себя Бентон слышал стрельбу, но не обернулся. Иначе идти вперед будет уже нельзя. Он боялся, что если повернется, даже на секунду, то потеряет всякое чувство направления, а если остановится, то сдастся и дальше уже не пойдет: не окажется сил. Так что оставалось лишь ставить одну ногу перед другой, сжимая правой рукой винтовку. Только так можно в конце концов дойти вон до тех, за кем он охотится. Взаимосвязи в мозгу Бентона постепенно отмирали, вылетая одна за одной, как перегоревшие пробки. Он уже едва помнил свое имя, а имена тех, кто сгинул в том аду, забыл напрочь. Единственное, что он помнил: те, кто за это (за что, черт его знает) в ответе, идут, вон они, впереди, и их надо убить. А как их не станет, так можно будет перестать двигаться, и вместе с этим пройдет боль – вообще все пройдет, схлынет. Не останется ни боли, ни удовольствия, ни воспоминаний. А будет только чернота, как будто тонешь ночью в теплом море.

## Глава 27

Первым Бентона заметил Ангел. Тот все еще находился в отдалении, когда его голова стала видна над бровкой холма. Ангел бдитительно похлопал Луиса по руке, и они вместе обернулись навстречу угрозе.

Было ясно, что этот человек серьезно ранен. Он не шел, а скорее ковылял. При этом его то и дело заносило слегка влево, и он не сразу это замечал, а заметив, не сразу реагировал. Голова полуопущена, в правой руке зажата винтовка. При приближении стали видны повреждения, нанесенные телу и лицу пожаром, и стало ясно, откуда именно человек сейчас держит путь.

– Кто-то уцелел при взрыве, – определил Ангел. – Но раны тяжелые.

– У него оружие, – заметил Луис.

– Похоже, ему от этого не легче.

Луис, прицельно поднимая ствол пистолета, тронулся навстречу раненому.

– Да, – сказал он. – Похоже, не легче.

\* \* \*

До Бентона мало-помалу начало доходить, что те двое, которых он преследовал, остановились. Время пришло. Бентон в свою очередь тоже остановился, понимая, что дальше уже не сдвинется ни на шаг, во всяком случае здесь и в этой жизни. Рельеф колыхался, и те двое в отдалении тоже – расплывчатые, нечеткие. Бентон хотел поднять винтовку, но руки не повиновались. Попытался заговорить, но слова не вышли из спекшегося рта. Надо всем довлела боль; боль и желание отомстить тем, кто ее вызвал. Мучения низвели его до уровня животного. В мозгу проплавливались разрозненные воспоминания о бессвязных вещах и исчезали прежде, чем Бентон мог как-то их увязать и осмыслить. Женщина, что могла быть его матерью... Еще кто-то, кто, возможно, был ее любовником. Умиравший под дождем человек, и кровь стекает, как краски на акварели...

Винтовка все еще в руке – это Бентон пока понимал. Он изо всех сил попытался сосредоточиться, сфокусироваться на ней. Палец правой руки удалось уложить на спусковой крючок; левая по-прежнему сжимала цевье. Бентон что было сил нажал на крючок, бессмысленно бабахнув в землю.

Из глаза вытекла слеза. Приближалась одна из тех фигур. Их следовало убить, но зачем, не припоминалось. Не помнилось ничего вообще. Все ушло.

Осознавая неминуемость окончательного забвения, мозг Бентона воспламенился для последней попытки. Прощальный просверк озарил сознание, очищая голову от боли, гнева и утраты, давая сфокусироваться лишь на человеке, что сейчас приближался. Бентон поднял левую руку, и она оказалась тверда. Прояснилось зрение, и он прицелился в высокий черный силуэт. Палец снова прочно лег на крючок. Готовясь к выдоху, Бентон заранее знал, что все получится как надо.

Что такое 16-граммовая пуля «мэтчинг», Бентону было невдомек, даже если б это не она сейчас прорвала ему сбоку голову и, войдя непосредственно под уцелевшим глазом, чуточку сзади, вышла через правое ухо, снеся большую часть черепа.

\* \* \*

Лежа на своей позиции, Блисс пронаблюдал, как цель во весь рост рухнула на сырую траву. Он слегка сменил положение, отводя глаз от окуляра прицела, поглядеть, что происходит с остальными. Они уже сбегали по небольшому подъему, направляясь к рожице на востоке. Даже из «XL» достать их скоро будет сложно. Луиса Блисс рассчитывал прикончить лицом к лицу, чтобы тот знал, кто именно лишает его жизни, а вот со вторым, его партнеришкой, можно не цацкаться. Блисс нацелился чуть впереди бегущего, прикидывая, где угол его движения сойдется с траекторией пули, и с плавным выдохом нажал на спусковой крючок.

– Блин! – рявкнул Ангел, попав ступней в ложбинку, отчего его на бегу шатнуло вперед и влево.

Луис бежал рядом и на долю секунды приостановился, но Ангел не упал. Чуть позади и правее того места, где Ангел находился сейчас, земля взорвалась фонтаном земли и грязи. Между тем Ангел восстановил равновесие, и партнеры понеслись дальше, неотрывно глядя на прибежище, которое сулил им лес. Ангел расслышал еще один выстрел, но уклон все круче шел книзу. И вот уже вокруг замелькали спасительные деревья, а он бросился на грунт и укрылся за ближайшим древесным стволом. Припал к нему, подтянув колени к груди, и с минуту шумно дышал.

Затем Ангел оглянулся налево, но Луиса там не оказалось.

– Луис! – выкрикнул он. – Ты в порядке?

Ответа не последовало.

– Эй! – окликнул Ангел снова, теперь уже тихо и испуганно. – Луис?

В ответ тишина. Ангел лежал, не шевелясь. Ему необходимо выяснить, где находится Луис, но это означает, что нужно выглянуть из-за дерева. А стрелок, если только знает, где находится цель, и держит ее под прицелом, запросто вышибет ему мозги. Но все равно необходимо знать, что же случилось с его партнером. И Ангел, максимально припав к земле и одновременно не выставляя на вид ноги, мысленно начал отсчет до трех, но уже на двух решил: «К черту», и быстро выглянул из-за основания дерева.

Произошло две вещи. Во-первых, он увидел, что Луис лежит на боку как раз под склоном невысокого косогора, спускающегося к лесу. Во-вторых, в ствол шарахнула пуля, обдав щеку Ангела щепками и вынудив юркнуть назад прежде, чем следующая пуля вышибла бы из него все заботы о Луисе, щепках и обо всем на свете.

Ангел был не вооружен. Человек, значивший для него больше всего на свете, лежал раненый, а то и мертвый. До него нельзя дотянуться, а кто-то там еще держит его на мушке. Понимание, кто это может быть, довольно определенное: Блосс. Впервые за многие годы Ангела пробирало что-то похожее на отчаяние.

\* \* \*

Выстрел получился удачный. Когда предоставлялись такие шансы, Блосс их не чурался. Естественное движение оружия в сочетании с темпом самого бегущего позволило поймать Луиса в перекрестье прицела и выстрелить. Блосс отметил, как высокая темная фигура, сбившись с шага, запинаясь и падает, но затем она из-за уклона рельефа потерялась из виду. Не было четкой уверенности, куда именно попала пуля. Похоже, в верхнюю часть спины справа, в стороне от сердца. Луис ранен, может статься, что и смертельно, но пока еще не умер. Не должен.

Надо бы удостовериться. Блосс дал Лихагену два обещания. Первое – что Луис умрет на территории старика, а его кровь впитается в эту землю. Второе – что палач принесет заказчику в качестве трофея Луисову голову. Это обещание Блосс давал уже неохотно. Все-таки, согласитесь, пахнет чрезмерностью. Любопытно, что Хойл попросил Блосса то же самое проделать с Кандичем – человеком, посланным убить Хойла и чья последующая казнь стала для Блосса фактически первой работой после

выхода из тени. То обезглавливание Блисса особо не смутило, хотя и оказалось на поверку делом более хлопотным и неприятным, так что желания возводить это дело в привычку не было. Осознавал бывший Жнец и то, что во все эти убийства, помимо прочего, вкрадывается некий элемент личного. Блисс теперь был как бы зеркальным отображением себя прежнего и уже не столь дистанцировался от тех, кого сам же устранял. В некотором смысле это приносило в его дела искорку, ну а в другом, противоположном, делало его более уязвимым. Самые лучшие киллеры всегда бесстрастны, как когда-то был он сам. Все иное уже слабость.

Блисс также отдавал себе отчет в том, что занимается собственным мифотворчеством. Кандич, Детка Билли, теперь вот Луис – все это есть и пребудет его наследием. Он Блисс – киллер киллеров, убийца убийц, самый грозный и смертоносный в своем роде. Когда он уйдет, его еще долго будут помнить. Такого, как он, нет и не будет никогда.

Впрочем, пора сосредоточиться на текущей задаче. Луис вооружен; в руке у него Блисс подметил пистолет. Насчет второго, Ангела, точно неизвестно, но оружия при нем вроде как не было. Значит, этот человечек будет перемещаться с неохотой из страха хватануть пулю. Если действовать быстро, можно значительно сократить между ними расстояние и сместиться так, чтобы надежнее выстрелить в Ангела, а затем окончательно посчитаться с Луисом.

Блисс поднял оружие и потихоньку тронулся вперед.

\* \* \*

– Так куда же они пошли? – недоумевал Уилли.

Он и Детектив стояли в стороне от дыма. У них за спиной братья Фульчи отгоняли «Тойоту», чтобы, если доведется продолжить езду по этой дороге, путь был свободен. Гарнер восхищенно озирает картину разрушения. Взрывы он обожал.

– По логике, им бы надо убираться отсюда как можно дальше, – сказал Детектив. – Но мы же говорим об Ангеле с Луисом, а логика – это не совсем то, чему они подчас следуют. Сюда они пришли убить Лихагена. И возможно, ничего из происшедшего здесь не повлияло на их намерение. Зная их, могу предугадать, что это лишь придало им решимости. Чтобы их не рассекретили, от дорог они будут держаться в стороне. В общем, наугад скажу: парни держат путь в сторону главного особняка.

В эту секунду послышался первый выстрел.

– Вон там! – победно прокричал Джеки, указывая Уилли поверх плеча. «Запад», – подумал Уилли. Точно. Как он и говорил.

Один за другим прозвучали еще два тугих хлопка. Детектив уже бежал.

– Джеки, ты – вместе с братьями в грузовик! – скомандовал он. – Езжайте по дороге. Постарайтесь добраться туда быстро. Мы с Уилли идем пешком, на случай если вы ударите.

Паркер оглянулся на механика:

– Ты как, не возражаешь?

Уилли кивнул, сам не зная, что его прельщает меньше: то, что сейчас предстоит пеший кросс, или вероятность по его окончании снова пустить в ход оружие.

\* \* \*

Заставить Ангела шевелиться в конце концов вынудила сырость. Казалось бы, такая мелочь в свете всего, что выпало на их долю сегодня, и тем не менее. От сырости Ангел весь чесался и изводился. Сейчас он поерзал в попытке ослабить на штанах ремень: не получилось.

– Луис? – снова позвал Ангел, но ответом опять стала тишина.

В глазах защипало, горло перехватил ком. Он уже, можно сказать, горевал, но если дать горю одолеть себя, то все пропало. Нет, надо держаться. Луис, может статься, всего лишь ранен. Надежда еще есть.

Ангел взвесил шансы. Вариантов два. Первый – это что Блисс решил оставаться на месте, рассчитывая попасть наверняка, в него или Луиса. Однако Луиса, его первейшей, чего уж тут скромничать, цели, киллеру сейчас не видно. Ангел для Блисса так, постольку-поскольку, лишь бы не мешал его попыткам разделаться с заклятым врагом. Со своего изначального огневого рубежа убийца, видимо, Луиса после падения не наблюдал, иначе выстрелил бы в него еще раз. А так у него нет четкой уверенности, что выстрел оказался смертельным.

Из чего следовал вариант второй, причем более вероятный. Блисс сейчас где-то на подходе. Приближается к ним, дабы удостовериться, что дело сделано и можно быть довольным. Если оно так, то тогда можно покинуть укрытие без риска попасть под пулю. Легко сказать – без риска. Это все рискованная азартная игра, рулетка. И, как бы усердно Ангел ни работал над расширением круга своих пороков, азартные игры туда, увы, совсем не входили. Видно, не судьба. Даже спустив однажды



пятьдесят баксов в Сарасота-Спрингс, он потом неделю ходил в депрессии. Опять же: потеряй Ангел жизнь сейчас, вряд ли у него будет куча времени, чтобы пожалеть о своем последнем ходе. Ну а если остаться на месте, то тогда и он, и Луис погибнут наверняка (если Луис уже не погиб – вероятность, которую Ангел пока упорно отказывался принимать).

Эх, сейчас бы сюда Луисов пистолет. Если б его заполучить, то у них бы, глядишь, против Блисса появился шанс.

– Ч-черт, – прошипел Ангел. – Блин, блин, блин!

Его распирало от злости на эгоизм партнера.

– Вот сегодня, именно, блин, сегодня, тебя прямо-таки надо было пристрелить. Хрен знает где, в каких гребнях, оставив меня без ствола и без тебя. – Чувствовалось, как само собой напрягается тело, как разгоняется адреналин. – Я ж говорил: «Дай сюда пушку», так нет же, себе заграбастал. Господин верховный снайпер: «Мне-е, оружие мне-е». И где мы сейчас, с этим самым оружием? Вот-вот, именно там. Глубоко-глубоко.

И в кульминации самим собой накликанной злости Ангел побежал.

\* \* \*

Приближение Блиссу облегчала неровность местности: подъемы и спуски не давали партнеру Луиса нормально отслеживать его перемещения. На ровном месте передвигаться оказалось бы не так просто. Минус, пожалуй, в том, что в минуты спуска Блисс не мог видеть нижнюю часть леса, где прятался Ангел. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Луис мог оправиться от своей раны настолько, чтобы попытаться скрыться. Хотя за время наблюдения никаких подозрительных шевелений между пятачком, где упал Луис, и лесом, где укрылся его любовник, не происходило. Блисс рассчитывал, что страх быть застреленным будет удерживать Ангела в лесу, но на случай, если он этот страх преодолет, Блисс не терял времени и где впрыскал, где ползком, но в целом довольно быстро сокращал дистанцию между исходным рубежом и мишенями. Сейчас было уже рукой подать до косогора с видом на лес. Луис должен лежать как раз под ним, в пределах пяти метров по правую руку.

Свою «XL» Блисс на время отставил: пускай стоит, можно будет забрать по завершении работы. Вместо нее он вынул из подплечной кобуры компактную «беретту» «Томкэт» – прекрасное оружие ближнего боя, из которого делать контрольный выстрел самое милое дело. Сравнительно

недорогое, но надежное, тридцать второго калибра, после использования не жалко выбросить, если надо. Медленно и бесшумно Блисс шел по кособоку. Вот уже пять метров. Четыре. Три...

Он затаил дыхание. Во рту скопилась слюна, но Блисс ее не сглатывал. Поблизости слышались лишь щебет одинокой птицы да нежный шум ветвей.

Отточенным грациозным движением Блисс поднял ствол и изготовился стрелять.

\* \* \*

Ангел находился на полпути между лесом и телом Луиса, когда показался Блисс. Вот тебе и попал: на открытом месте, безоружный. На мгновение Ангел замер, но продолжил бежать и не остановился даже тогда, когда Блисс изменил направление ствола, наводя его на пока еще живую мишень, в центр ее корпуса.

И тут раздались два голоса – оба знакомые Ангелу, и с одним и тем же возгласом:

– Эй!

Первый голос прозвучал из-за спины Блисса. Тот крутнулся, чтобы видеть неожиданную для себя угрозу, и увидел полусидящего на траве человека, уставившего в него пистолет. А чуть сзади, на некотором расстоянии, на кособоку одышливо взбирался еще один – лет за шестьдесят, с лишними килограммами, и тоже со стволом.

Второй голос донесся снизу. Ангел глянул и увидел Луиса: лежа на спине, тот целил Блиссу в грудь.

Блисс чуть было не улыбнулся. Надо же, какое терпение, какое коварство. Умный, умный мальчик. Ну ничего, мы тебя...

Тут Блисса шатнуло от силы и несносного жара впившихся в тело пуль. Киллер провернулся на месте и кубарем скатился вниз по склону. Дождь на время прекратился, и, умирая, Блисс еще успел увидеть над собой клочок стильной небесной синевы.

## Глава 28

Ангелу понадобился момент, чтобы вобрать в себя происходящее. Когда он наконец сориентировался, его злость, до этого направленная на себя, нашла подходящий выход на Луиса.

– Козлина ты! – выкрикнул он, когда стало ясно, что его партнер, возлюбленный, а теперь объект гнева вполне себе жив-здоров. – Дерьма кусок! – Он в сердцах пнул Луиса по бедру.

– Ой. Так меня же подстрелили! Вот! – Луис оправдательно выставил правую руку, на которой действительно был сырой след от пулевой царапины, а затем указал на дырку в пальто.

– Подумаешь, царапина. Пустяк.

Ангел занес было ногу для еще одного пинка, но Луис торопливо вскочил.

– Чего ты молчал, не отзывался? Я тебя звал-звал!

– Потому что я не знал, где Блисс. Если б он меня услышал или увидел, как ты реагируешь на какие-то мои слова, выстрелил бы с дальней дистанции. А мне надо было, чтобы он подошел близко.

– Мог хотя бы пошептать. Что вообще с тобой такое? Я думал, ты уже мертвый.

– Как видишь, живой.

– А было б неплохо.

– Ты бы хоть порадоваться, что я тут живой стою. Меня ведь подстрели-ли-ли!

– Да ну тебя к черту.

Поглядев Луису через плечо, Ангел взглядом ухватил Паркера и Уилли Брю, которые, стоя на кособоре, смотрели на них. Ангел нахмурил брови.

– О. Глянь-ка.

Луис обернулся и отреагировал точно так же.

– Вы тут что, в отпуске? – спросил Ангел.

– Вас приехали искать.

– Зачем?

– Уилли решил, что вы в беде.

– С какого перепугу?

– Ну как. А амбары эти со взрывами? И все такое прочее?

– А меня, между прочим, подстрелили, – снова демонстрируя руку, сказал Луис.

– Я уже слышал.

– А вам что-то и дела нет.

– Ты сам должен следить за своим здоровьем.

– Если вдуматься, то да. Вы тут вдвоем?

Детектив неловко переступил с ноги на ногу.

– Да не совсем, – признался он после паузы.

– О нет, – начиная проникаться догадкой, закатил глаза Ангел. – Только не говори, что ты подтянул их.

– Ну а кого еще было. У меня их там что, целый полк?

– Бог ты мой. Где они?

– Где-то там, – неопределенно указал Паркер. – Поехали по дороге. А мы сюда пешком.

– Может, они заблудятся, – с ноткой мечтательности произнес Ангел. – Безвыездно.

– Сюда они приехали из-за вас двоих. Они вас боготворят.

– Одно слово: психи.

– Можно подумать, это так уж плохо. – Детектив указал на неподвижного Блисса: – А это кто был?

– Это Блисс, – нахмурился Луис. – Киллер был выдающийся.

– Нанятый убить тебя?

– Похоже на то. Хотя подозреваю, на это он мог подрядиться и не за деньги. Для души.

– Что-то у него нынче несработка вышла.

– А ведь в свое время был лучший. Все думали, он уже отошел от дел.

– Ему, наверное, следовало оставаться во Флориде.

– Ну да, наверное.

С востока донеслось взреывание мотора. Вскоре на один из окрестных холмов въехал монстровский грузовик Фульчей и повернул в их направлении. Между тем гнев у Ангела начал вроде как иссякать, и он соблаговолил осмотреть рану Луиса.

– Жить будешь, – вынес он вердикт.

– Мог бы и порадовней.

– Козлина, – как напоминание повторил Ангел.

Грузовик, вспахивая колесами грязь и траву, остановился поблизости. Из него выбрались братья, а сразу за ними Джеки Гарнер.

– Это кто? – поглядев первым делом на Блисса, спросил Поли.

– Киллер, – ответил Детектив.

– Вот как? Вау.

Поли робко перевел взгляд на Луиса, но первым с ним заговорил Тони.

– Вы в порядке, сэр? – спросил он.

Стоявшему с краю Уилли было заметно, как Детектив прячет улыбку. Слово «сэр» братья Фульчи наверняка применяли далеко не ко всем. А в устах Тони оно звучало трогательно, как у первоклашки.

– Ну а как же. Вишь, только что подстрелили.

– Вау, – выдохнул Тони, в точности как его братик.

Оба Фульчи испытывали робкое благоговение.

– Ну так какие планы? – осведомился Паркер.

– Заканчиваем то, за чем пришли, – ответил Луис. – Вам, если только руки не чешутся, идти с нами необязательно, – добавил он.

– Что я, зря в такую даль ехал? – хмыкнул Детектив. – А теперь еще уезжать, не дождавшись кульминации. В общем, я с вами.

– А... а мы? – растерянно спросил Тони.

Поли рядом с ним кивнул, тоже растерянно.

– В километре от лихагенского дома, – сказал им Луис, – сходятся две дороги. Стойте с Джеки там и удерживайте их, если вдруг нагрянет компания.

Детектив подошел туда, где в неуверенной позе стоял Уилли.

– Уилл, – сказал он, – ты можешь остаться с ними или двинуть с нами.

В глазах Паркера проглядывало что-то похожее на сочувствие, и это Уилли отчего-то сердило. Он поглядел на братьев и Джеки Гарнера. Джеки сейчас вынул из рюкзака какие-то короткие цилиндры и разъяснял Фульчи разницу между ними.

– Вот эти вот дымовые, – говорил он, держа трубку, обмотанную с обоих концов зеленой изолентой. – Видишь, зеленые. А вот это, – Гарнер поднял другую трубку, перемотанную красной лентой, – взрывчатые. Видишь, красная.

Тони Фульчи попеременно поглядел на обе трубки.

– Это зеленая, – указал он на дымовуху. – А это, получается, красная? – указал он еще на одну, точно такую же, что лежала рядом.

– Нет, – сказал Джеки. – Ты попутал.

– Я? Да ну. Та красная, та зеленая. Скажи ему, Поли.

Поли присоединился к диспуту:

– Не, Джеки прав. Зеленая и красная.

– Какая она красная, когда зеленая! – вспылил Джеки. – Тони, бог ты мой, да ты ж дальтоник. Тебе никто об этом не говорил?

– Я просто, чтоб не спутать, подумал: красное – это типа говядина, – сказал Тони, пожимая плечищами. – Или там помидоры. Продукты красного цвета – народ же в основном на них припадает?

– Это ненормально, – сказал Джеки, – хотя и объясняет, почему ты постоянно прешь на красный свет. Все время, как я себя помню.

– Да ладно, какая сейчас разница. Короче, зеленая – это на самом деле красная, а красная – зеленая. Так?

– Ну так, – вконец запутался Джеки.

– Тогда еще раз: которые тут взрывчатые? – спросил Поли.

Уилли нехотя обернулся к Детективу:

– Не, я уж лучше с тобой.

## Глава 29

К особняку Лихагена подбирались тем же путем, которым шли в начале дня – с проходом через коровники. Все так же стоял в амбаре «Лексус» и лежали на полу тела Эндаллов. Коровники давали прикрытие более надежное, чем подступ вдоль дороги, хотя, как подметил Ангел, прятаться здесь сподручнее не только им одним. Тем не менее получилось вполне успешно добраться до холма, выходящего на главную усадьбу. Снова внизу перед глазами лежал дом Лихагена. Он словно источал собой нелегкое ожидание, затаившись в предвкушении неистового возмездия на головы тех, кто находится в его стенах. Нигде ни единого признака жизни – хоть бы кто шевельнул шторой, – одна лишь безмолвно-враждебная, чуткая настороженность.

Ангел лежал на траве рядом с Луисом, который дотошно оглядывал каждый дюйм усадьбы.

– Ничего, – подытожил он.

Рана на руке, пускай и неглубокая, все-таки саднила. Фульчи предлагали Луису какое-нибудь мягкое успокоительное из своей походной аптечки, но боль была все же не настолько дурной, чтобы из-за нее притуплять органы чувств, во всяком случае, пока не выполнена задача.

– Открытой площади многовато, – вздохнул Ангел. – Пойдем – они нас засекут.

– Ну и пусть, – сказал Луис.

– Тебе легко говорить. Ты-то свое на сегодня уже отхватил.

– А тебе и завидно. Каждому бы так: опытный призовой стрелок, по бегущей мишени, на открытом пространстве, и все равно не в десятку. Думаешь, из тех, кто внутри, кто-нибудь на такое сподобится? Это тебе не вестерн. Если не вблизи, то в человека попасть не так-то просто.

У них за спиной сидел Детектив, а дальше пригнулся на коленях Уилли Брю. После того убийства в разрушенном амбаре он был неразговорчив, а его взгляд – словно направлен куда-то внутрь, на что-то, различимое ему одному, а не на окружающий мир, по которому он продвигался. Уилли явно переживал шок. В отличие от Луиса Паркер понимал, что у него сейчас на душе. Людские смерти оставались с Детективом; он знал, что, забирая чью-то жизнь, берет на себя бремя боли и горя своей жертвы. Такова цена, которую приходится платить, но Уилли Брю этого никто не объяснял. И теперь он будет платить до самой своей

смерти.

Луис поглядел на небо. Оно опять начинало хмуриться. После небольшого прояснения снова готовился пойти дождь. Паркер перехватил взгляд Луиса и кивнул:

– Ждем.

Он обернулся к Уилли, в последний раз предлагая ему шанс удержаться, не идти вместе со всеми:

– Давай ты останешься? Мы там сами управимся.

Уилли тряхнул головой.

– Я с вами, – сказал он упрямо.

Чувствовалось, что из его тела медленно, капля за каплей исходит жизнь, как будто подстрелен был он, а не тот человек, которого он оставил на земле мертвым. Руки Уилли не переставали дрожать. Держать твердо «браунинг» он вряд ли уже сможет, даже если от этого будет зависеть сама его жизнь. Оружие лежало в кармане комбеза, и механик его оттуда не доставал. Он вряд ли вообще пустит его в ход – ни сейчас, ни когда-либо.

Так они без слов сидели на месте, пока не пошел дождь.

Тогда все быстро пришли в движение. Бежали парами. Дождь возвратился внезапно, хорошо отдохнувший, и полил с новой силой – хлестко, чуть под углом, что облегчало задачу: дробь капель по окнам маскировала приближение убийц. Подбежав к забору по периметру двора, четверка воспользовалась прикрытием надворных кустов и деревьев, позволяющих подступить к самому особняку. Дом со всех четырех сторон опоясывало подобие крытой анфилады. Портьеры на окнах нижнего этажа были задернуты, а сами окна закрыты. К передней двери параллельно ступеням вел еще пандус для инвалидной коляски. Дверь сплошная, без стекол, и заперта на замок. По ходу миновали квартиру сиделки – одну комнату с кроватью и небольшой жилой зоной. Внутри там никого не было: сиделку наверняка отослали. Лихагену не нужна свидетельница того, что здесь затевается.

Гости пробрались к задней двери, в которой было восемь стеклянных панелок с кружевной драпировкой. Через драпировку проглядывала просторная современная кухня, а за ней – обеденная зона с выходом направо в прихожую. Проем был сквозной, без двери, вероятно, для более удобного доступа Лихагену на его каталке.

Задняя дверь оказалась заперта. Ангел рукояткой Блиссовой «беретты» разбил одну из панелок и быстрым сноровистым движением запустил руку внутрь в поисках задвижки. Понятно, что в эти секунды он изо всех был



самым уязвимым. Задвижка поддавалась, и Ангел, выдернув ладонь обратно, повернул дверную ручку. Открывая дверь, он мгновенно распластался по стене дома, ожидая выстрелов. Но их не последовало.

Луис зашел первым и, пригнувшись, взял влево, выводя себя из поля зрения любого, кто соблазнится открыть огонь из прихожей. За ним последовал Детектив, и тут изнутри дома грохнул дробовик, разбив вдребезги стекло над его головой. Паркер бросился направо и пополз по полу. Слышно было, как со звоном выскочила гильза и последовал второй выстрел, на этот раз продырявивший буфет как раз в том месте, откуда Детектив только что успел убрать ногу. Ангел произвел ответный выстрел, давая Паркеру промелькнуть в столовую и вместе с тем прижимая стрелка, который устремился к двери на том конце комнаты. Свой ход он сделал в тот момент, когда Ангел перезаряжал оружие. Послышались крики и глухая возня. Ангел с Уилли метнулись в кухню, в то время как Луис с пистолетом в руке наступал через прихожую.

На паркетном полу лежал молодой человек. Макушка была окровавлена, а глаза закатились так, что виднелись только белки. Вместо того чтобы стрелять, Детектив во время кратковременной схватки пару раз двинул его рукояткой пистолета. Понятно почему: юноша выглядел от силы лет на семнадцать-восемнадцать. Светлые волосы, загар – еще один подневольный парнишка-работник.

– Он ведь совсем мальчишка, – вздохнул Уилли.

– Мальчишка с дробовиком, – уточнил Ангел.

– Да, но тем не менее.

– Они не ждали, что вы подберетесь вот так, совсем вплотную, – сказал Паркер.

Луис заглянул в столовую, где к окну особняком от стола был развернут стул. На столе по-прежнему стояла винтовка «Чендлер» – на штативе, как в музее, а на ковре покоился кофр «Хардигг Сторм». Луис подошел и задумчиво провел пальцами по стволу, а затем положил руку на спинку стула. К нему приблизился Детектив.

– Вот тут он и ожидал, – определил Луис.

– Тут, видимо, речь шла о личном? – спросил Паркер.

– Да. Теперь я вижу: об очень личном.

Когда они вернулись в прихожую, выяснилось, что Уилли заботливо подложил раненому под голову подушку.

– Оставайся-ка ты, наверное, с ним, – рассудил Детектив. – Нам здесь внизу все равно кто-нибудь нужен, на всякий пожарный.

Уилли понимал, что от него хотят отделаться, но так, пожалуй, даже

лучше. Хорошо, что будет возможность поухаживать за пареньком. Принести из кухни воды, прочистить на макушке рану, убедиться, что она не засорена и что у паренька не начнутся судороги. Идти с этими людьми наверх механик не хотел, во всяком случае без необходимости. Даже если б сейчас сюда вдруг сунулся кто-нибудь из людей Лихагена и уставил ему в лицо ствол, Уилли и тогда ничего бы особо не предпринял. Просто закрыл бы глаза и принял свою участь.

Детектив двинулся вверх по лестнице первым. Луис с Ангелом ждали внизу, пока не получили от него сигнал «все чисто». На втором этаже находились пять дверей – все закрыты, а одна, как выяснилось, еще и заперта. В них они входили попеременно: Луис открывал и брал на себя правую сторону, Ангел левую, Паркер страховал их с тылу и держал под надзором все остальные двери. На поверку три оказались спальнями – одна с женской одеждой, вторая явно с юношеской, а в мужской одежда смешивалась, а на тумбочке стояла коробка с презервативами «Троян». Четвертой была большая общая ванная, переделанная под нужды Лихагена. Вместо душевой кабины здесь имелась открытая мойка с пластиковым стулом под головкой душа; в ванне лежала резиновая подушка, которую по надобности можно надувать и сдувать. Полки сплошь уставлены медикаментами: жидкости, таблетки, одноразовые шприцы. А над всем этим доминировал недужный, неприятный запах: дух умирания, затхлости, гниения изнутри.

Закрытая дверь соединяла ванную, очевидно, со спальней Лихагена. Луис с Ангелом разместились от нее по обе стороны, в то время как Детектив вышел и приготовился войти через коридорную дверь.

Луис посмотрел на Ангела и кивнул. Отступив на шаг, он шарахнул ногой по двери непосредственно под замком. Замок удержался, и в этот момент в главную спальню из коридора ворвался Детектив. Грянул выстрел, и Луис пнул дверь снова. Замок разлетелся, и она распахнулась, явив взору раздобревшего мужчину лет за сорок, с полуавтоматическим пистолетом в руке. Судя по всему, сын Лихагена Майкл. Лоретта Хойл сгорбилась на кровати, прикрывая голову руками. А между ними и местом, где находились Луис и Ангел, стояла большая больничная кровать, на которой лежал иссохший, как мумия, старик с кислородной маской, скрывающей нос и рот.

На какую-то секунду Майкл Лихаген отвлекся: он не мог прикрывать обе двери разом и в смятении замер.

И Луис его убил. Пуля впиалась в грудь, Майкл съехал по стене вниз. Перед белой сорочки расцвел маковым цветом, а сам Лихаген-младший,

тяжело оседая на пол, с глуповатым изумлением моргал. Лоретта Хойл выглянула из своего кокона и потянулась к мужу.

– Майкл! – завывала она, обнимая его голову обеими руками.

Лихаген-младший, глядя на жену пустеющими глазами, хотел сосредоточиться, но не мог. Вот тело его крупно дернулось, веки закрылись, и Майкл заснул вечным сном. Лоретта издала вопль, после чего уткнулась головой мужу в шею и зарыдала. Ангел между тем с озабоченным видом подальше отпнул выпавший пистолет.

На подушке зашевелилась голова Лихагена-отца. Он мутными, слезящимися глазами оглядывал своего сына. Бледная полупрозрачная рука потянулась к маске, сняла ее со рта. Сделав сиплый вдох, старик закашлялся, а затем заговорил:

– Мальчик, мальчик мой, – выговорил он дребезжащим голосом, и его запавшие глаза наполнились слезами, которые, скапливаясь, беззвучно стекали на подушку.

Луис подошел к кровати и встал, возвышаясь над стариком.

– Ты сам это все накликал, – сказал он.

Лихаген с немигающей стариковской пристальностью смотрел на Луиса. Он почти облысел, лишь несколько тонких седых прядок паутиной лепились к черепу. Кожа была сухая и бескровная, даже с виду холодная на ощупь, однако тем ярче светились глаза в изможденном морщинистом обрамлении. Тело хозяина, возможно, и предало, но ум не утратил остроту и сгорал от отчаяния, чувствуя, что заперт в телесной оболочке, которая скоро, совсем уже скоро перестанет его поддерживать.

– Ты... Вот он ты, – со стиснутым дыханием произнес Лихаген. – Ты убил моего сына, моего Джона.

Каждое слово давалось ему с мучительным усилием, после каждого требовался вдох.

– Да, это был я.

– Ты хоть спросил, за что?

Луис покачал головой.

– Для меня это не имело значения. А теперь ты потерял своего последнего сына. Как я уже сказал, ты сам все это на себя навлек.

Рука Лихагена потянулась к маске. Он прижал ее к лицу, вдыхая драгоценный кислород. Так он пробыл какое-то время, пока дыхание более-менее не восстановилось, и тогда он снова отвел маску.

– Ты оставил меня ни с чем, – просипел он.

– У тебя есть твоя жизнь.

Лихаген, видимо, хотел рассмеяться, но наружу вырвался лишь

сдавленный кашель.

– Жизнь? – прокашлял он. – Какая ж это жизнь? Медленное угасание.

Луис пытливо смотрел на Артура сверху.

– Почему здесь? – спросил он. – Зачем было заманивать нас сюда в такую даль, чтобы убить?

– Я хотел, чтобы ты истек кровью на моей земле. Чтобы кровь твоя впиталась в то место, где похоронен Джон. А он чтобы знал про то, что отмщен.

– А Хойл?

– Хороший мой друг, – сухо переглотнув, сказал Лихаген. – Хороший, верный друг. – Упоминание имени Хойла пускай и ненадолго, но как будто придало старику сил. – Ничего, мы найдем других. Это не закончится никогда. Никогда.

– У тебя никого не осталось, – безжалостно сказал Луис. – А скоро не станет и Хойла. Так что все кончено.

В глазах Лихагена будто что-то потухло: до него дошла вся правда сказанного. Он взирал на своего мертвого сына и вспоминал того, что ушел до него. Отчаянным последним усилием Артур приподнял голову, а левой рукой немощно ухватил Луиса за рукав.

– Тогда убей и меня, – с мукой и мольбой произнес он. – Прощу тебя. Будь... милосерден.

Его голова упала обратно на подушку, но глаза по-прежнему неотрывно глядели на Луиса, полные ненависти, горя, но более всего нужды.

– Пожалуйста, – повторил Лихаген шепотом.

Луис аккуратно высвободил свой рукав. Нежным, почти ласковым движением он положил руку старику на лицо, плотно закрыв ноздри большим и указательным пальцами, а низ ладони притиснув к сухому сморщенному рту. Утопая головой в подушке, старик кивнул, словно в молчаливом согласии с тем, что сейчас должно произойти. Через несколько секунд он попытался сделать вдох, но воздух не шел. Лихаген конвульсивно, всем телом дернулся и задрожал мелкой напряженной дрожью. Пальцы рук вытянулись, исступленно вытаращились глаза, и все было кончено. Тело сдулось, в смерти, кажется, став еще мельче, чем при жизни.

У двери спальни послышалось движение. В финальные секунды жизни Лихагена в комнату зашел Уилли, обеспокоенный тишиной, воцарившейся после короткой перестрелки. Когда он приблизился к кровати, на лице его была безутешность. Убивать вооруженных – это

одно. И это, как бы ужасно ни звучало, оправданное зло. Но лишить жизни беззащитного старика, зажав ему вот так рот двумя пальцами, как гасят свечку, – это вне понимания Уилли. Он уже решил: его отношениям с этими людьми настал конец. Он более не может терпеть их присутствия в своей жизни, так же как и смиряться с тем, что сам отнял чью-то жизнь.

Луис отвел руку от лица Лихагена, приостановившись лишь затем, чтобы закрыть ему глаза. Он повернулся к Детективу и хотел что-то ему сказать, но тут пришла в движение Лоретта Хойл, поднявшая голову от плеча своего мужа. Ее лицо выражало свирепую дикость животного, окончательно поддавшегося своему бешенству. В вынырнувшей из-за спины покойника руке был зажат пистолет.

Женщина вскинула его и выстрелила.

Момент того движения заметил Уилли, и именно он на него отреагировал. В этом не было ничего театрального, ничего рассчитанного на сценический эффект. Уилли просто взял и ступил перед Луисом, словно втискиваясь перед ним в очередь, – и принял в себя пулю. Она ударила его чуть ниже шейной впадины. При попадании Уилли дернулся, а затем опрокинулся на Луиса, который инстинктивно протянул руки Уилли под мышками, чтобы не дать ему упасть. Последовали еще два быстрых выстрела, но их сделал уже Ангел, оборвав жизнь Лоретты.

Луис уложил Уилли на ковер. Он хотел разорвать на ране рубашку, но механик, помотав головой, оттолкнул его руки. Было слишком много крови. Она хлестала из раны, топя Уилли своим приливом; пузырилась изо рта, в то время как Уилли изгибался на полу, а его с боков придерживали Ангел и Детектив. Зная, что он умирает, они взяли ладони механика в свои – Ангел правую, а Детектив левую. Уилли Брю крепко их сжал. Он попеременно смотрел на того и на другого, пытаясь им что-то сказать. Детектив склонился, поднеся ухо так близко к губам раненого, что лицо ему окропили кровавые брызги. А механик все пытался, но никак не мог выговорить своих последних слов.

– Ничего-ничего, Уилли, – успокаивал его Паркер. – Все нормально.

Уилли хотел сделать вдох, но ему это не удавалось. Лицо потемнело от усилия, черты мучительно исказились.

– Пускай-пускай, Уилли, пускай выходит, – шепотом подбадривал его Детектив. – Уже вот-вот.

Постепенно тело Уилли в руках Луиса обмякло, и жизнь его наконец покинула.

## Глава 30

Тело Уилли Брю завернули в простыню и поместили на платформу грузовика, припаркованного позади дома. Ангел сел за руль, Детектив с ним рядом, а Луис нес вахту возле Уилли. Они поехали туда, где их на дороге ждали братья Фульчи и Гарнер. Те увидели тело, завернутое в окровавленную простыню, но не проронили ни слова.

– Никто не приезжал, – доложился Джеки. – Мы ждали, но так никого и не дождались.

И тут в отдалении появились машины – три черных фургона и пара черных «Эксплореров». Они на скорости ехали сюда. Братья Фульчи напряглись и выжидательно подняли стволы.

– А ну-ка, стоп, – властно сказал Луис.

Кортеж замедлил ход и остановился неподалеку. Пассажирская дверца переднего «Эксплорера» открылась, и наружу ступил человек в длинном черном плаще. Широкополая фетровая шляпа защищала от дождя. Луис слез с платформы грузовика и тронулся навстречу прибывшему.

– Я вижу, утро у вас выдалось что надо, – сказал Милтон.

Луис смотрел на него без всякого выражения. Их разделял какой-нибудь метр, но в нем зияла бездна.

– Зачем вы здесь? – спросил Луис.

– Будут неизбежные вопросы. Нельзя вот так объявить войну человеку уровня Артура Лихагена и ожидать, что этого никто не заметит. Он мертв?

– Мертв. А также его сын и дочь Николаса Хойла.

– От вас я меньшего не ожидал, – заметил Милтон.

– А с ними еще Блисс.

Милтон моргнул, но в целом его мимика никак не изменилась.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказал Луис. – Зачем вы здесь?

– Возможно, больная совесть.

– У тебя ее нет.

Милтон чуть наклонил голову, признавая правдивость такого утверждения.

– Тогда называй это как хочешь: профессиональный этикет, подчистка мелочей. Не суть важно.

– Это ты заказывал убийство Джона Лихагена? – спросил Луис.

– Я.

– А Баллантайн работал на тебя?

– В том конкретном случае да. Он был так, подстраховкой при дезавуировании. Буфером между нами и тобой.

– Гэбриел об этом знал?

– Я уверен, что он подозревал, но открыто спросить об этом не мог. Это было бы неумно.

Милтон поглядел Луису через плечо в направлении дома Лихагена, и его глаза на какое-то время сделались туманно-далекими.

– У меня для тебя плохие новости, – словно возвращаясь, сказал он наконец. – Сегодня ночью умер Гэбриел. Такие вот дела. Жалко.

Оба безмолвно буравили друг друга взглядами. Ни один не уступал.

– Так что теперь? – спросил Луис.

– Уходишь, и все.

– А легенда?

– Бандитская разборка. Лихаген схлестнулся с теми, кто ему не по зубам. Он ведь занимался нелегальщиной: наркотики, торговля людьми. Свалим на русских. Скажем, это они. Мы слышали, ты с этой темой хорошо знаком. Так что звучать будет очень правдоподобно.

– Но ведь есть те, кто уцелел.

– Они будут тише воды. Мы умеем прижимать людям языки.

Милтон повернулся и махнул бригадам своих чистильщиков. Два фургона направились к дому Лихагена.

– У меня еще один вопрос, – сказал Луис.

– Думаю, я уже ответил на достаточное их количество. И уж точно на все, отвечать на которые собирался.

Милтон зашагал обратно к «Эксплореру». Луис его слова проигнорировал.

– Ты хотел, чтобы Артур Лихаген умер? – спросил он вслед.

Милтон приостановился. А когда обернулся, на его губах играла улыбка.

– Если б этого не сделал ты, мы бы сами были вынуждены этим заняться. Торговля людьми – рискованный бизнес. Террористы не дремлют, готовы использовать любую лазейку. А Лихагены были не очень разборчивы, с кем имеют дело. Совершали ошибки, а нам приходилось за ними подтирать. Думаешь, приятно? А теперь вот мы вместо них подчищаем за тобой. Поэтому ты спокойно уходишь, вместе со своими друзьями. Похоже, под конец ты нам все-таки услужил своей работенкой.

Милтон повернулся и помахал последнему из оставшихся черных фургонов. Боковые дверцы отъехали, и наружу появились двое. Гляди-ка, Харики. Те двое япончиков, Хара с Харадой.

– Их повязали местные копы, – пояснил Милтон. – Не исключено, что по распоряжению Лихагена. Это лучшее, что могло с ними случиться, с учетом того как все сложилось. Так что забирай их отсюда, Луис, живыми или мертвыми. Ну все, давай.

На этом Милтон залез в «Эксплорер» и следом за чистильщиками поехал к лихагенскому особняку. Луис стоял, воздев лицо к небу, навстречу косым серым веревкам дождя, словно вода своими струями могла смыть его от содеянного.



## Эпилог

*Я  
Найден.  
О пусть только Он  
В ранах мира своего  
Опалит и утопит меня.*

*Дилан Томас.*

*Видение и Молитва [\[26\]](#)*

Если Николас Хойл после всего происшедшего и опасался за свою безопасность, то внешне это никак не выражалось. Его дочь была похоронена на кладбище Нью-Джерси, но сам Николас на похоронах не присутствовал, равно как и кто-нибудь из тех, кого Луис с Ангелом видели в пентхаусе, включая того загадочного Симеона. Выяснилось, что у Симеона где-то в хойловском здании есть свое жилье: покидая временами пентхаус, он все время возвращался до темноты, а в своем обиталище никогда не находился один. В принципе, все это Ангела с Луисом несколько не задевало – они были настроены наблюдать и ждать. На протяжении шести последующих недель партнеры наряду с другими из съемной квартиры напротив высотки Хойла вели наблюдение, отслеживая режимы служб доставки, уборки и иных видов внешнего обслуживания, стараниями которых здание функционировало. Все это время сам Хойл из-за дверей своих апартаментов не показывался. Недостигаемый, он был отрезан от мира в своей крепости.

На следующий день, после того как в Нью-Джерси похоронили Лоретту Хойл, в Куинсе упокоился Уилли Брю. На последнем прощании присутствовали и Детектив, и Луис с Ангелом, и бывшая жена Уилли, и все его друзья. Церемония была людной. Добряк-механик мог бы гордиться.

После похорон небольшая группа отбыла в «Нейт» на поминки. Ангел с Луисом сидели в уголке одни, их никто не донимал, пока по прошествии часа под двери бара не прибыл Арно. На похоронах его отсутствие было замечено, но никто не знал, где он и чем занимается. Арно прошел через толпу, игнорируя протянутые к нему руки, слова соболезнования,

предложения вместе выпить. Он лишь ненадолго остановился перед Детективом и произнес:

– Ты должен был его оберегать.

Паркер кивнул, но ничего не сказал.

Вслед за тем Арно прошел туда, где сидели Ангел с Луисом. Из кармана своего единственного по жизни костюма он достал белый конверт, который протянул Луису:

– Вот.

– Что это? – недоуменно спросил Луис, принимая конверт.

– Открой – увидишь.

Луис открыл, посмотрел. Там лежала банковская бумага об оплате.

Видя непонимающий взгляд, Арно пояснил:

– Это на двадцать две тысячи триста восемьдесят пять долларов. Все те деньги, которые Уилли оставался должен по твоему займу.

Луис поместил бумагу обратно в конверт и попытался вручить обратно.

Бар вокруг притих.

– Мне этого не надо, – сказал Луис.

– А мне нет дела, – покачал головой Арно. – Забирай. Это деньги, что он был тебе должен. Теперь долг выплачен. Полностью. Я не хочу, чтобы Уилли лежал в земле и чувствовал себя должником. Он теперь в расчете. Мы в расчете. Я же в ответ буду очень признателен, если в будущем наше место бизнеса вы станете обходить стороной.

*Наше* место бизнеса. Уилли и его. Так было всегда, и так должно остаться впредь. Имя Уилли на дверях сохранится, а он, Арно, будет по-прежнему обслуживать машины, с небольшой, может быть, наценкой.

С этими словами Арно повернулся ко всем спиной и вышел из бара. Знакомой дорогой по улице он прошел в автомастерскую и вошел через боковую дверь. Включил свет, постоял и лишь после глубокого вдоха вошел в офисную каморку. Здесь механик достал из шкафчика бутылку того бурбона и, вылив остатки в кружку Уилли, вышел в их с Уилли маленький цех. Опять постоял, выдвинул из угла любимый стул своего босса, опустился на него.

И тут, теперь на самом деле один, горько заплакал.

\* \* \*

Уборщики бассейна прибыли в высотку, как всегда, в семь вечера,

сразу после вечернего заплыва Хойла. Эксплуатационные работы здесь, как заведено, проводились во второй половине дня, во время подготовки Хойла к ужину, чтобы не нарушать его распорядка. Уборщиков в вестибюле встречали Симеон и еще один охранник по имени Аристид. Прибывших рутинно проверили металлодетектором, обыскали. В этот вечер уборщики явились не те, что обычно. Симеон их всех знал по виду и по именам, а этих видел впервые. Пара азиатов – япошки, что ли. Он перезвонил домой хозяйке фирмы, и та подтвердила: да, это от нее. Двое обычных работников нынче на больничном, а остальные раскиданы по объектам. Так уж получилось. А япончики эти очень даже ничего себе, прилежные. Совестливые. Во всяком случае, ей кажется, что они японцы. Честно сказать, досконально она тоже не уверена. Но кажется. Симеон повесил трубку, на всякий случай обхлопал уборщиков еще раз, проверил их чемоданы с причиндалами на химикаты и оружие, после чего впустил во внутренние покои Хойла. Так сказать, в святая святых.

Бассейн у Николаса Хойла был по последнему слову техники – самый навороченный из тех, что можно купить за деньги. Одним нажатием кнопки здесь создавался «эффект реки» с имитацией движения против встречного потока, регулируемого в зависимости от желаемой физической нагрузки. Также в наличии имелись система УФ-стерилизации с автоматическим дозатором хлорирования, чтобы в воде поддерживался оптимальный уровень хлора, а также фильтр обратного потока и автоматический рН-сканер. Чистящее устройство «Долфин-3001» обеспечивало дежурную чистку дна в режиме вакуумного пылесоса, а вся система в совокупности контролировалась пультом из укромной вентилируемой кабинки рядом с приватной сауной Хойла. Все это удовольствие, прямо скажем, обходилось в копейчку, но на здоровье и безопасности, как известно, не экономят. Хотя имела место и определенная экономия: свет в помещении автоматически зажигался и гас с приходом и уходом хозяина. А когда Хойл находился в бассейне, то внутренний замок, реагирующий на отпечаток ладони, делал помещение фактически неприступным.

Но, как и со всеми продвинутыми системами, здесь требовались уход и эксплуатационное обслуживание. рН-электроды необходимо было подчищать и калибровать, а хлорин и растворы регулирования рН нуждались в пополнении – как раз все эти необходимые жидкости и оборудование те двое азиатов принесли с собой. Симеон проследил за тем, как они, оживленно переговариваясь, выполняют необходимые процедуры. Когда азиаты закончили, он принял у них работу, а те откланялись (в буквальном смысле, угодливо изогнувшись на входе

в лифт).

– Маленькие вежливые человечки, не правда ли? – смешливо спросил Аристид, работающий у Хойла уже почти столько же, что и Симеон.

– Пожалуй, – согласился Симеон.

– Мой старик им не доверял, особенно после Перл-Харбора. А эти мне даже понравились. Они б, наверное, и ему приглянулись.

Симеон оставил это без комментариев. Свои чувства и отношение к посторонним, вне зависимости от их расы и веры, он предпочитал держать при себе.

\* \* \*

Владелицу фирмы по обслуживанию бассейнов звали Ева Филдер. Делами фирмы она занялась после смерти отца и вывела ее в разряд престижных, с достойной репутацией учреждений, поставляющих аксессуаров и ингредиентов для саун VIP-клиентам и частным фитнес-клубам. В данную минуту Ева, замерев, смотрела на трубку, которую только что положила на телефон, и размышляла, сколько еще будет значиться в своей фирме живой учредительницей. Шансы были, но пока под вопросом.

– Ну что, вы довольны? – с усталой обреченностью спросила женщина человека, сидящего напротив.

Человек был в балаклаве, невысокий и наверняка белый. Его напарник – высокий и, судя по проглядывающим из-под маски участкам, темнокожий – молча сидел за кухонным столом. Спутниковое радио хозяйки он настроил на какой-то богомерзкий канал кантри-вестерна, что косвенно указывало на наличие в этих налетчиках некоей доли садизма. Одна, совсем одна. Впервые за долгие годы о том, что она разведена, Ева Филдер подумала с сожалением.

– Умиротворен, – оценил свое состояние невысокий тип. – Надежда – это лучшее чувство, которое человек лелеет в жизни.

– Что нам делать теперь?

Невысокий поглядел на часы:

– Ждать.

– Но как долго?

– До утра. Тогда мы отбудем.

– А мистер Хойл?

– У него будет очень чистый бассейн.  
Ева Филдер выдавила вздох.  
– У меня ощущение, что на моем бизнесе это скажется скверно.  
– Возможно. А что делать.  
Хозяйка вздохнула еще раз.  
– Нельзя хотя бы выключить эту провинциальную музыку?  
– Скорее всего нет, но песня скоро кончится.  
– Это полный отстой.  
– Сказать по правде, я с вами согласен, – с неожиданной истовостью согласился невысокий гость. – Чтобы вас как-то утешить, скажу: через час музыкальный канал начну выбирать я. А то этот трек мне уже вот где.

\* \* \*

Утром, до начала десятого, Хойл работал у себя в приватном кабинете. Вставал он рано, а утро любил разнообразить перерывом на физическую разминку. В этот раз он с час провел у себя в персональном спортзале на степпере, после чего разделся до плавок и вошел в бассейн. Шевеля над самой водой пальцами, постоял у бортика, затем надел очки для ныряния, сделал глубокий вдох и красиво нырнул с глубокого конца, войдя в воду с легким шелковистым шелестом. Расставив руки, Николас пустил ноздрями мелкие пузырьки и, поднявшись над дном, гладко поплыл. Под водой он оставался с полдлины бассейна, после чего толчком всплыл на поверхность отдышаться.

В ходе вчерашних работ система дозирования была изменена, и вода прибавила в кислотности, а к хлорину еще и оказался добавлен цианид натрия. С запиранием дверного замка и включением внутреннего освещения растворение цианида в окисленной воде резко усилилось, что привело к выходу синильной кислоты.

Таким образом бассейн Хойла только что превратился в газовую камеру.

К концу второго круга у пловца уже кружилась голова. Сбились и пространственные ориентиры: круг Николас закончил не в торце бассейна, а стукнувшись головой о боковой бортик. Трудно было дышать. Сердце, несмотря на физические усилия, работало все медленней. Глаза чесались и горели. Во рту ощущался едкий привкус. Хойла стошнило прямо в воду. Жгло и губы, боль расходилась по всему телу. Хойл забарахтался в попытке подплыть к лесенке, но мог лишь едва шевелить

ступнями. Крик о помощи оказался беззвучным: в рот залилась вода, и теперь вдобавок жгло язык и горло.

Хойла пробила паника. Тело онемело, и он уже не мог держаться на плаву. Николас погрузился под поверхность и вроде как слышал какие-то крики, но ничего не мог видеть, потому что к этому моменту уже ослеп. Рот по-рыбьи открылся, и Хойл пошел ко дну, ощущая, как вода словно опалает внутренности.

Через несколько минут он был мертв.

\* \* \*

К тому моменту как о происходящем догадался Симеон, спасти его работодателя было уже поздно. Симеону удалось отменить команду закрытия замков, но, едва почуяв, чем сейчас пахнет воздух в бассейной, он был вынужден активировать ее снова. В качестве дополнительной меры предосторожности личный помощник до проветривания помещения покинул пентхаус, и лишь затем, после всех манипуляций, один зашел внутрь. Здесь он неподвижно стоял, уставившись на подвешенное словно в невесомости тело Хойла.

На поясе у Симеона запиликал сотовый. Дисплей указывал, что звонят с частного номера.

– Симеон, – слышался в трубке низкий густой голос.

– Кто это?

– Я думаю, ты догадываешься.

Да. Можно было догадаться: звонит тот темнокожий, Луис.

– Это твоих рук дело?

– Моих. Я что-то не вижу, чтобы ты кидался его спасать.

Симеон инстинктивно огляделся, озирая громады зданий, окружающие бассейн. Их окна смотрели встречно, бесстрастные и немигающие.

– Он являлся моим работодателем. Я был нанят его защищать.

– Но не погибать за него. Ты делал все, от тебя зависящее. Нельзя защитить человека от него самого.

– Я мог бы пуститься по твоему следу. На кону моя репутация.

– Ты охранник, а не весталка. Думаю, твоя репутация восстановится. Еслипустишься за мной, это может пагубно отразиться на твоём здоровье. Поэтому советую воздержаться. Вряд ли ты был полностью в курсе того, что происходило между Хойлом и Лихагеном. Ты не кажешься мне человеком, готовым с легкой душой подставить другого. А может, я

ошибаюсь. Может, ты бы хотел со мной столкнуться.

Симеон какое-то время молчал.

– Ладно, – произнес он. – Я устраниюсь.

– Хорошо. В городе не оставайся. Не оставайся даже в стране. Я уверен, человек с твоими способностями без труда пристроится где-нибудь еще, вдалеке отсюда. Хороший солдат всегда найдет себе подходящую войнушку.

– А если я этого не сделаю?

– Тогда наши пути могут снова пересечься. Мне кто-то однажды сказал: «Избегай оставлять свидетелей». Как бы мне в этом качестве не начать усматривать тебя. Я бы этого не хотел.

Разговор на этом закончился. Свой мобильник и пропуск секьюрити Симеон оставил у бассейна. Покинув пентхаус Хойла, он прошел через вестибюль, спустился в лифте и быстро, хотя и непринужденно, вышел из здания. Со своих высот на него величаво взирали небоскребы – горной грядой, отражая своими окнами позднее осеннее солнце и небо, словно подернутое молочно-золотистой тканью. Симеон ни минуты не сомневался в своей везучести: ему дарована жизнь. И лишь легкий оттенок стыда тлел от ощущения, что он сейчас убегает, скрывается. Одного этого Симеону хватило на то, чтобы, приостановившись, расправить плечи в попытке восстановить свое достоинство. Он оглядел окружающие здания, переходя глазами от карниза к карнизу, от окна к окну. И спустя какое-то время кивнул и себе, и человеку, который – он знал – наблюдает за его перемещением.

Луис – киллер, горящий человек.

Луис, последний из Жнецов.

## От автора

При написании этого романа ряд книг оказался мне особенно полезен. Я их перечислю: «Города заката: Тайное измерение американского расизма» Джеймса Лёвена (Touchstone, 2005); «Адирондак: История первой пустыни Америки» Поля Шнайдера (Owl Books, 1997), а также «Постигая убийство: Психологическая цена науки убивать на войне и в обществе» Дэйва Гроссмана (Back Bay Books, 1996).

Я благодарен за ту добрую помощь, которую мне оказали Джо Лонг и Кит Лонг в части книги, посвященной Куинсу; благодарен Джеффу Ридьярду, из которого в другой жизни мог бы вполне получиться достойный убийца. Спасибо также моему британскому редактору Сью Флетчер и всем в «Hodder & Stoughton»; моему американскому редактору Эмили Бестлер и всем в «Atria Books» и «Pocket Books»; моему агенту Дарли Андерсону и его прекрасному персоналу. Наконец, спасибо Дженни, Кэмерону и Алистеру за их всегдашнее терпение. Всем вам моя любовь и благодарность.

Джон Коннолли

---

notes



## Примечания

Андирондакские горы, Адирондак – горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк, на границе с Канадой.

Питер Джозеф Эндрю Хэммилл (род. в 1948 г. в Лондоне) – певец, композитор и основатель прогрессив-рок-группы Van der Graaf Generator. Наиболее известен своими вокальными данными, его основные инструменты – гитара и фортепиано.

Шутер – крепкий коктейль объемом 40–60 мл, подается в стопке и пьется в один глоток.

«Hooters» – американская сеть спорт-баров, рассчитанная на посетителей-мужчин. Форма официанток представляет собой обтягивающие белые майки и короткие шорты оранжевого цвета.

Hushmail – популярный сервис безопасной электронной почты с шифрованием.

Мик (*пренебр.*) – прозвище ирландца-католика.

Уилфрид Хайд-Уайт (1903–1991) – британско-американский актер, сыгравший полковника Хью Пикеринга в фильме «Моя прекрасная леди» (1964 г.) режиссера Джорджа Кьюкора.



Линия Мэйсона-Диксона – южная граница Пенсильвании, до начала Гражданской войны в США символизировала границу между свободными и рабовладельческими штатами.

Джо Маккарти – сенатор-республиканец, известный своими крайне реакционными антикоммунистическими взглядами.

«Три дня Кондора» – шпионский триллер режиссера Сидни Поллака, вышедший на экраны в 1975 году. В одной из главных ролей снялся актер Роберт Редфорд.

«Потерянный рай» – эпическая поэма Джона Милтона, впервые изданная в 1667 г. в десяти книгах.

Bliss (*англ.*) – блаженство, счастье.

Пуля Минье – пуля для первых дульнозарядных винтовок, с конической выемкой в задней части для расширения при выстреле, что обеспечивает надежное зацепление пули с нарезкой ствола.

Сражение у горы Кеннесо – произошло 27 июня 1864 г. во время Битвы за Атланту, в годы Гражданской войны в США.

Эл Джолсон (1886–1950) – популярный американский артист и певец, выступавший в черном гриме, имитировавшем негра.



Крюгерранд – южноафриканская золотая монета; содержит 1 тройскую унцию (31,1 грамма) золота.

Трайбека – жилой район южного Манхэттена, известный своими лофтами (квартирами, переделанными из фабричных строений).

Ольдермен (от *англ.* alderman) – «старейшина», «человек благородного происхождения».

Джек Уэйд – киноперсонаж в сериале о Джеймсе Бонде.

Перевод О. Сороки.

Фресно – город в США, Калифорния. Административный центр одноименного округа.

Экзорцист – человек, изгоняющий бесов.

«Триумф воли» (1934 г.) – пропагандистский фильм немецкого кинорежиссера Лени Рифеншталь о съезде НСДАП в Нюрнберге.



Чарльз Бронсон – голливудский актер (наст. имя Каролис Бучинскис, выходец из Литвы).

«Грязный Гарри» – популярный полицейский фильм с Клинтом Иствудом в главной роли.

Перевод В. П. Бетаки.